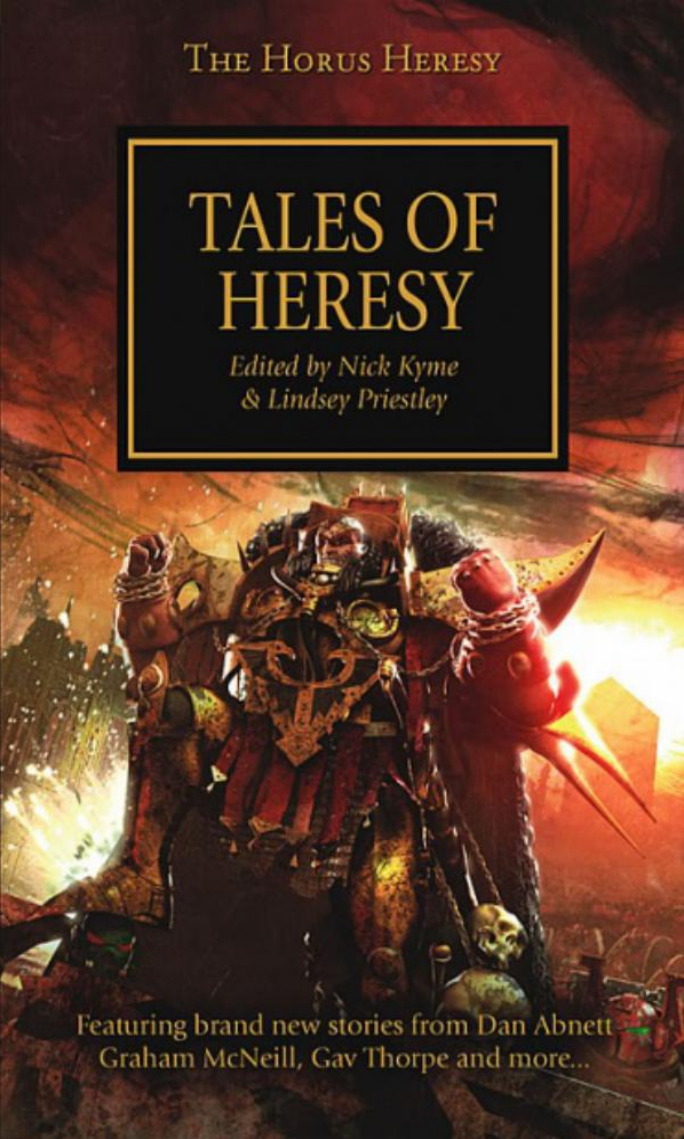
THE HORUS HERESY

TALES OF HERESY

Edited by Nick Kyme & Lindsey Priestley



Featuring brand new stories from Dan Abnett, Graham McNeill, Gav Thorpe and more...

Annotation

Новая антология знаменитой серии «Ересь Хоруса» впервые на русском языке!

В сборник вошли рассказы таких звезд, как Дэн Абнетт, Грэм Макнилл, Джеймс Сваллоу и других не менее талантливых авторов.

В тридцать первом тысячелетии Человечество ведет Великий Крестовый Поход за воссоединение разрозненных миров под крылом Империума. И настал день, когда Император возложил бремя командования этой грандиозной кампанией на плечи примарха Хоруса. А когда тот повернул оружие своих Легионов против Империума, развязав братоубийственную войну, наступило время испытаний. Эта смута, получившая название Ересь Хоруса, полна историй как величайшего предательства, так и беспримерного героизма, страданий и сомнений, трагедий и доблести, побед и поражений.

- ЛЕГЕНДЫ
  - Дэн Абнетт
  - Майк Ли
  - Энтони Рейнольдс
  - Джеймс Сваллоу
  - Гэв Торп
  - Грэм Макнилл
  - Мэтью Фаррер
  - Грэм Макнилл
  - Дэн Абнетт
  - Грэм Макнилл
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

ЛЕГЕНДЫ ЕРЕСИ

Под редакцией Ника Кита и Линдси Пристли

Это было время легенд.

Герои сражались за власть над Галактикой.

Неисчислимые армии Императора Терры

сражались в Великом Крестовом Походе,

мириады чуждых рас были сокрушены элитными воинами

Императора, а память о них стерта.

Начинался рассвет новой эры, эры правления человека.

Огромные, сверкающие золотом цитадели были символом

бесчисленных побед Императора.

Миллионы миров встречали триумфальные колонны

его смертоносных воинов.

Богоподобные примархи вели Легионы Адептус Астартес,

космических десантников Императора, от победы к победе.

Несокрушимые и величественные,

венец генетических экспериментов Императора,

космические десантники были

сильнейшими воинами человечества,

и каждый в бою стоил сотни простых солдат.

Неостановимые десятитысячные Легионы,

ведомые своими примархами,

завоевывали Галактику
для Империума Человека.

Величайшим из примархов
был Хорус,

прозванный Великолепным,
Воссиявшей Звездой.

Любимый сын Императора,
он был Воителем,

величайшим командиром,
направлявшим армии своего
отца

на завоевание Галактики.

Он был воином, не
знающим себе равных,

как в сражениях, так и в
переговорах.

И когда пламя войны
станет пожирать Империум,

все лучшие воины
человечества сойдутся

в последней битве.

Дэн Абнетт
КРОВАВЫЕ ИГРЫ

Quis custodiet ipsos custodes?[1]

Вот уже десять месяцев прошло с тех пор, как он отправился в путь. Десять месяцев, за которые он сменил восемнадцать имен, и при этом подложные документы были изготовлены настолько тщательно, что ему удавалось водить за нос даже систему единой биометрической идентификации. Он петлял, заставляя преследователей пойти по трем тупиковым маршрутам. Один из них вел к Словацким вотчинам, другой уходил к Каспии, а оттуда — к северным рубежам, последний — через Тироль к Доломитовым Храмам над Венецианским Котлованом. На самом же деле путник перезимовал в улье Бухарест и в первую неделю, как тронулся лед, пересек Черное

море на грузовом спиннере. Оказавшись в Билгороде, он был вынужден залечь на дно, чтобы сбить со следа тех, кто предположительно шел за ним. Потом в течение трех недель укрывался в здании заброшенного завода в Месопотамии и просчитывал свой следующий ход.

Десять месяцев. Кровавая Игра несколько затянулась, но он все равно действовал предельно осторожно, синхронизируя каждый свой шаг с событиями, происходящими в мире, и уделяя особенное внимание оживленным торговым маршрутам, местным дорожным потокам и графикам миграций сезонных рабочих. Он был на сто процентов уверен, что его не только не вычислили при помощи орбитальных систем, но даже и предположить не могли, где он примерно находится. Последняя ищейка потеряла его след еще в Билгороде.

Затем он отправился вглубь страны, минуя Балучистан, — порой пешком, а порой и на попутном транспорте — и вскоре пересек границу Имперских Территорий. С начала похода прошло

триста и еще три дня.

За последние десять месяцев окружающий пейзаж разительно изменился. Целый скальный пик исчез с ослепительно-яркого горизонта, и путника при виде этого охватило странное ощущение пустоты, как от недавно выдранного зуба. Высокогорный ветер приносил запахи машинной смазки, раскаленного металла и каменоломен. Воины-строители примарха Дорна возводили оборонительные сооружения, превращая в крепость самый высокий и неприступный горный массив Земли.

Все эти запахи, повисшие в прозрачном воздухе над старой Гималазией, служили предвестниками приближающейся войны.

Пейзаж, представший его глазам, был настолько ослепительно-белым, что путник порадовался тому, что предусмотрительно взял с собой солнцезащитные очки. Холодный воздух был кристально прозрачен, а в голубом

небе, подобное термоядерному факелу, пылало солнце. Перина идеально чистого снега укутывала вершины и горные склоны. Жгучая белизна — и ничего больше.

Поразмыслив, путник решил, что лучше всего будет отправиться к югу, в направлении Кэт Мандау и высоких шпилей Центрального Округа, но, подойдя к ним ближе, понял, насколько все изменилось. Стража, и прежде отличавшаяся неподкупностью и неумолимостью, теперь и вовсе вела себя так, словно была набрана исключительно из фанатично преданных своему делу праведников. Приближение войны в два раза увеличило количество охранников в воротах, в четыре — число пушек и автоматических орудий, а биометрических сенсоров стало в сотню раз больше.

Вокруг Дворца суетились многочисленные строительные бригады, собранные из наемных рабочих, подчиняющихся Масонским Гильдиям, — их палатки, оборудование, да и сами люди покрывали поверхность высокогорных

снегов зелеными, черными и красными пятнами, словно склоны вдруг поросли причудливым мхом.

«Охрана усилилась, но теперь им приходится следить за миллионами новых лиц».

Следующие шесть дней он провел, наблюдая за лагерями рабочих, после чего решил отказаться от прежних своих планов и направился на север по горным пастбищам и тропам, стараясь постоянно держать в зоне видимости гигантскую строительную площадку. Внизу, со стороны Куньлунь, по заснеженным ущельям текли непрерывные потоки свежей рабочей силы и грузовиков, везущих к Дворцу припасы и строительные материалы из шахт Шидзанга. С высоты они напоминали медлительные реки темной талой воды с плывущими по ним черными айсбергами. Там, где потоки трудовых армий встречались, под сенью высоких стен Дворца возникали временные города, состоящие из бараков и распределительных центров, где принимали мигрантов, забирали на

сохранение вьючных животных и сервиторов, раздавали воду, продовольствие и медикаменты. Уже разгруженные материалы: строительный лес, чугун, сталь, руда и щебень — громоздились вокруг этих поселений подобно мусорным кучам. При помощи подъемных кранов и сложных систем блоков грузы постепенно поднимались на стены. Отовсюду неслись звуки сигнальных горнов, прокатываясь эхом по ущельям.

Порой путник останавливался, садился и просто смотрел на Дворец, казавшийся ему самым прекрасным творением во Вселенной. Конечно, наверняка это было не так. Без сомнения, в далеких забытых мирах можно найти древние, созданные еще до человека строения, способные затмить эту красоту, или хотя бы столь же поразительно гигантские и внушающие тот же благоговейный восторг. Важна была не архитектура. Идея, положенная в основу, — вот что делало Дворец прекрасным. Именно внутренняя концепция придавала этому строительству подлинную

ценность.

Дворец представлял собой самый огромный и красивый из скальных массивов Терры, превращенный в столицу и резиденцию правителя, а теперь, хоть и запоздало, он становился еще и крепостью.

Исчезнувший гималазийский пик был разобран на стройматериалы. Осознав это, путник улыбнулся. Люди совсем забыли о скромности.

Переодевшись в обноски и нацепив грязные поножи, он в течение трех дней трудился вместе с генетически модифицированными орлами Ней Монголия. Известные также под прозвищем мигу, они неуклюже шагали вверх и вниз по тропам, волоча на спинах пластины цурлита, огромные корзины с нефритом и египетской яшмой. Они насыпали заграждения и оборонительные валы, орудуя массивными лопатами, сделанными из лопаточных костей гигантских гроксов, и в неослабевающем ритме забивали в камень железные

столбы, к которым потом крепилась намотанная кольцами колючая проволока.

По вечерам, возвращаясь в свои бараки, огромные создания вкалывали себе каш — клейкую субстанцию, получаемую из яда нематоды, обитающей в пустыне Гоби. От этого вены мигу вспухали, а глаза закатывались, после чего великаны начинали что-то нечленораздельно бормотать.

Наблюдая за ними, путник подсчитывал дозировку и продолжительность воздействия.

Огры не были против того, чтобы он работал вместе с ними, но в целом относились к нему с большим подозрением. Он делал все возможное, чтобы сойти за одного «из этих прямоспинных белолицых», стремящегося заработать себе регулярное пособие и премию от Масонской Гильдии. И документы у него были в порядке. Но едва он попытался купить у мигу немного каша, как огры стали держаться настороженно, опасаясь, что он — один из геноводов, подсылаемых, чтобы следить за порядком среди рабочих.

И тогда они решили его убить.

Воспользовавшись предлогом, что подобные сделки следует проводить втайне, трое мигу выманили его из лагеря и завели в каменистую ложбину, где громоздились глыбы кремня и кахолонга, заготовленные строителями. Перед ним разостлали тряпицу, на которую выложили нарезанный на порционные кусочки наркотик. А затем один из великанов неожиданно выхватил тычковый нож и попытался вогнать его в печень покупателя.

Тот только вздохнул — ему хотелось обойтись без таких осложнений.

Он перехватил запястье мигу, выкрутил ему руку и заломил ее в локте. Сустав согнулся в обратном направлении, конечность безвольно повисла, а путешественник без труда выдернул нож из ослабших пальцев. Генетически измененный рабочий не выказал ни малейших признаков боли, только удивленно заторгал.

Каждый из этой троицы являл собой титанических размеров жилистое

существо с чудовищно и неестественно развитой мускулатурой. Ит и в голову не могло прийти, что какой-то европеец, будь он даже очень крупным и крепко сложенным, способен доставить им неприятности.

Еще один размахнулся, нанося мощнейший, но крайне неумелый удар, словно признавая, что они и в самом деле столкнулись с проблемой. Мигу планировал разобраться с ней одним махом, раздробив европейцу челюсть и опрокинув того на землю с переломленным у основания черепа позвоночником.

Но удар не сумел поразить чужака. Вместо этого кулак гиганта наткнулся на неожиданно взметнувший ему навстречу тычковый нож. Лезвие вспороло запястье, отделяя кожу и мышцы от кости. На сей раз мигу ощутил боль. Взревев, он попытался подхватить куски плоти, отрезанные от его изувеченной руки. Европеец заставил его умолкнуть, вогнав клинок в массивный лоб. Удар проломил кость так, словно был нанесен не ножом, а шахтерской киркой.

Мигу повалился назад с торчащей между глазами, подобно какой-то удивительной диадеме, рукояткой тычкового ножа.

Третий великан набросился на европейца сзади, сжав того в медвежьих объятиях. Мигу со сломанной рукой попытался нанести противнику удар в лицо, но путешественник уже устал от этой игры. Передернув плечами, он вырвался из захвата, провернулся на пятках и ударил рабочего в солнечное сплетение кулаком. Грудина раздалась в стороны. Когда европеец отдернул руку, его ладонь была словно затянута в алую перчатку. В ней он сжимал то, что осталось от исходящего паром сердца мигу.

Гигант со сломанной рукой — единственный из троих, кто еще оставался в живых, — что-то испуганно забормотал и бросился бежать к выходу из ложбины.

Путешественник не испытывал к раненому противнику неприязни, но и отпустить его не мог. Он наклонился,

подобрал окровавленными пальцами небольшой кусочек кремня, взвесил в ладони и запустил вслед убегающему мигу.

Импровизированный снаряд промчался по воздуху, точно пуля, и с отчетливым хрустом вошел в затылок огра. Рабочий грузно повалился на землю и головой вниз скатился по куче щебня.

Сбросив все три трупа в бездонную пропасть, убийца вымыл руки снегом и забрал тряпицу с кашем.

Орды рабочих, поселившиеся у подножия Дворца, как и любое скопление людей во все времена, манили к себе паразитов, крыс и хищников. Мутировавшие под воздействием радиации волки повсюду преследовали бригады строителей и сверкали глазами в ночи, окружая кольцо костров. Тысячи боевых псов патрулировали периметр лагерей и охраняли склоны, ведущие к Дворцу. Ночную тишину регулярно нарушали взрывы лая и воя, рычание и звуки борьбы, когда верным волкодавам в очередной раз приходилось вступать в

схватку с обнаглевшими хищниками.

В темноте трудно было отличить собак от их врагов.

В течение всей жизни он был вынужден регулярно проходить врачебные проверки, досконально запоминая их результаты, чтобы с точностью знать пределы своих возможностей.

Он порезал каш на крошечные порции и взвесил каждую из них на превосходных весах, позаимствованных у ювелира.

Работы по укреплению Врат Аннапурны были уже наполовину закончены. Каждый день в их гигантский зев вливались тысячи строителей, а огромные краны начинали поднимать на циклопическую арку керамитовые плиты, металлические балки и блоки армированного рокрита. Охранники просто не могли себе позволить проверять каждого рабочего в отдельности — это только вызвало бы гнев бригадиров и привело к задержкам. Поэтому ворота были накрыты полем биометрического сканирования, образованным с помощью

медленно вращающихся антенн на карнизе основной арки.

На рассвете путник укрылся под брезентом, накинутым на грузы, которые один из кранов должен был поднять наверх. Он забился между пластинами листовой стали и столбами из железного дерева.

Затаившись, он достал четыре грамма каша — передозировка по стандартам мигу. Наркотик был настолько сильным, что путник должен был потерять сознание менее чем через минуту после употребления.

Ему пришлось ждать два часа, прежде чем крановщики начали пристегивать цепи подъемника. Затем он ощутил сильный толчок — платформа с грузом оторвалась от земли.

Тогда путник проглотил каш.

В результате наблюдений он выяснил, что кран тратит сорок три секунды на то, чтобы поднять платформу на нужную высоту, и еще шестьдесят шесть — чтобы пронести ее над воротами. В течение двадцати четырех секунд этого срока грузы находятся в зоне

биометрического контроля.

Каш сделал свою работу. Путник потерял сознание и умер еще за двенадцать секунд до того, как оказался под воздействием поля. Приборы засекли только обычные строительные материалы.

Он очнулся. К этому моменту платформа прибыла на место и с некоторых ящиков уже сдернули брезент. Грузчики и строители начали перетаскивать стальные листы.

Все тело горело огнем. Мышцы сводило судорогой. Постаравшись сосредоточиться, он заставил себя пройти комплекс психологических упражнений, чтобы избавиться от соматических последствий каша. То, что убило бы простого человека, его поставило только на порог смерти; кратковременное погружение в это мертвенное забытье позволило путнику проскочить мимо биометрических сканеров Дворца.

Все еще чувствуя себя разбитым, пошатываясь, он выбрался из-за ящиков.

Перед ним предстали невероятных размеров орудийные башни и боевые платформы, расположенные наверху стен и укрепленные толстыми слоями дюрапласта и адамантия. На строительных лесах и подвесных мостках суетились рабочие, кое-кто из этих людей даже свисал с высоченной арки на альпинистских веревках. Отовсюду доносились грохот молотков и рев перфораторов. Завывали силовые установки и шипели плазменные резаки, разбрасывая снопы голубоватых искр.

Призрачный свет резаков порождал фантомные образы перед его глазами. Во рту стоял привкус крови. Прихватив ящик с заклепками и пневматический молоток, путник слился с толпой рабочих.

Ему удалось пробраться во внешние пределы Дворца. Впрочем, на это у него ушло еще целых три дня. Вначале ему пришлось перестать выдавать себя за каменщика и стать тенью, затем он нацепил личину слуги, начищающего бронзовые украшения, потом стал

фонарщиком и бродил по коридорам с электрическим шестом-зажигалкой в руке, после сменил роль на швейцара, нацепив ливрею, «позаимствованную» в местной прачечной. Только благодаря незаметному генератору маскирующего поля ему удавалось скрыть свой рост и могучие плечи.

Он блуждал по переходам, отделанным агатом и диаспором, спускался по лестницам, чьи ступени были вырезаны из цельных кусков оникса, видел свое отражение в отполированных до блеска мраморных полах, а его тень бежала по стенам, облицованным кварцем и сардониксом. Он прятался в полумраке за арками из слоновой кости, выжидая, пока мимо не промаршируют военные патрули, стоял в дверях, пропуская бесконечные караваны сервиторов, несущих к высочайшему столу подносы с мясом и выращенными на гидропонных фермах овощами.

Затем он снова притворялся уборщиком, потом — выбивальщиком ковров, сторожем и даже посыльным, носясь

с кейсом, наполненным листами чистой бумаги, и постоянно горбясь, чтобы никто не обратил внимания на его телосложение. Время от времени он делал остановки, чтобы забрать свою экипировку. Дворец занимал большую площадь, чем иные города. Ушла бы целая жизнь на то, чтобы осмотреть все его этажи и залы. Перегнувшись через перила балконов, путник мог видеть искусственную пропасть, уходившую на пятьсот этажей вглубь, сверкающую огнями и кишащую людьми. Некоторые помещения, особенно Гегемон, были столь огромны, что в них возникала даже собственная миниатюрная климатическая система. Под сводчатыми потолками парили небольшие облачка. А дождь, время от времени проливавшийся в Гегемоне, почитался за добрый знак.

Насколько было известно путнику, дождя здесь не было уже около трех лет.

Гвардейцы Кустодес, величественные в своих золоченых доспехах, как всегда, стояли на страже, приглядывая за порядком во Внутренних Покоях. Их алые

плюмажи казались фонтанами артериальной крови, застывшими на морозе. На броне воинов пылал символ, использовавшийся еще до Единения, — стрела молнии. Они таились в каждом темном углу и проходе, всегда держа наготове Копья Стражей и проявляя устрашающую бдительность.

Они были хладнокровны, молчаливы и строго блюли охраняемые ими секреты, но в их присутствии любая истина всегда выходила наружу.

Ему удалось установить их расположение. Двое Кустодес приглядывали за Южным Контуром, изгибавшимся, подобно серебристому локону, вокруг Гегемона. Еще двое стояли у входа в Нефритовый Зал, и трое патрулировали украшенные кованым и малахитовым узорами просторы Конгресса. Одинокий страж, почти невидимка, дежурил под густой, изумрудного цвета листвой в Оазисе Куоканга, наблюдая за тем, как воды кристально чистого озера сверкающими каскадами обрушиваются на лопасти

турбин. Четверо других следили за происходящим на верхних платформах Таксономических Башен.

Но, как ни странно, ни одного из них не было ни в Северном округе, ни на западном краю озера, ни возле Инвестиария. Это о многом говорило. Кустодес казались лунами на орбите незримой планеты, яркими небесными телами, притянутыми тяготением невидимой звезды. Исходя из того, где и как были выставлены посты, не составляло труда вычислить и жертву.

Скорее всего, та скрывалась в Зале Лэн.

Расположение суровых стражей заставляло предположить, что жертва скрывается где-то в западной полусфере Внутренних Покоев, а точнее — либо в Зале Лэн, либо в Доме Оружия, либо в Большой Обсерватории или же в личных апартаментах, примыкающих к последним двум. Но путник знал излюбленное место отдыха его цели — Зал Лэн. Если только он не занимался своими тайными делами в глубинах дворцовых

катакомб, этот человек обычно пребывал именно там, разговаривая с ангелами пространства и времени.

Поговаривали, что в этом месте прочно перемешались прошлое и будущее и что случилось это еще в незапамятные времена, задолго до того, как возникло название Лэн, до того, как родилась цель, до того, как над этими скалами были возведены крепостные стены, и даже до того, как их впервые увидел человек. Зал Лэн, просторный и темный, являл собой не что иное, как аномалию, поврежденную нить в ткани мироздания, шрам на теле Вселенной.

Путник никогда не питал теплых чувств к этому помещению. Зал переполняла прямо-таки осязаемая тьма, которая, казалось, колыхалась под легким дыханием дремлющего бога. Но тем не менее сейчас именно это и могло сыграть на руку убийце.

Он подобрался к Залу с юго-западного направления, пройдя по аузилитовой дорожке, проложенной через рощу платанов

и белых берез. Он более не таился в тени и не надевал на себя личину фонарщика или уборщика. Теперь он не включал и маскировочное поле, прежде позволявшее ему скрывать подлинные пропорции могучего тела. Вместо этого он извлек из крошечной серебряной коробочки тонкую, как паутинка, накидку. Она опустилась на его плечи, торс и голову, подобно легкому и прохладному первому снегу. Ткань закрыла его со всех сторон, плотно облегая тело, лишая его формы, цвета и тени.

Бесплотный, словно дуновение ветерка, он прошел по тропинке между деревьями и оказался на лужайке позади Зала Лэн. В воздухе ощущался аромат благовоний, слышались тихие поскрипывания и постанывания стен, сотрясаемых сверхъестественными пульсациями.

Путник приготовил оружие: нейтонгольский тычковый нож, отточенный до безупречной остроты, не доступной ни одному из оружейников этого племени. Клинок был смазан смертоносным ядом, изготовленным из каша.

Была ли отрава достаточно сильна, чтобы прикончить полубога? Скорее всего. В любом случае ее должно было хватить, чтобы завершить Кровавую Игру.

Замков на дверях не было. Он заранее запомнил расположение квантовых датчиков, а лазерные сенсоры просто не могли обнаружить его под накидкой. Он покрепче стиснул в левой ладони тычковый нож.

За внешней аркой клубился полутрак, словно в воздухе повис коричневатый дым. Путник зашагал по черному плиточному полу, в котором ноги бесчисленных посетителей за несколько веков оставили заметную дорожку. В каменный бассейн за внутренними дверями постоянно текла чистейшая талая вода. Над ними красовался барельеф с изображением мытарств первых пилигримов, посетивших Лэн.

Массивные внутренние двери Зала были значительно старше остального дворца, и их полуметровой толщины каркас, вырезанный из горного дуба, уже

давно не сходился под прямыми углами. Путник откинул в сторону чугунную задвижку и отворил одну из дверей. Сквозняк обдал его прохладой. Из помещения потянуло запахом холодного камня.

Необъятный Зал был погружен в космическую темноту и полуночную тишь. Впрочем, время от времени во мгле раздавался едва различимый шорох, напоминающий о порывах гималайского ветра или о волнах, накатывающих на берег, но, конечно же, природа этого звука была совсем иной. Под высоким сводом плясали крошечные оранжевые искры, подобные рою светлячков или болотным огонькам.

Он наблюдал за ними, привыкая к темноте. Вскоре его глаза начали различать серебристые очертания предметов: колонн, древних скульптур, а также консервационных колб и реставрационных машин, установленных антикварами в предшествующие эпохи, да так и оставшихся тут. Устройства эти казались некими гигантскими

насекомыми, притаившимися во мраке. Их металлические закрылки были покрыты таинственными, странными символами настроек и показаний, которые постепенно погребала под собой пыль.

Он тихо проскользнул между этими машинами. Где-то там, впереди, он ощущал чужое присутствие. Человека, чей разум был сейчас занят размышлениями. Тот не замечал опасности. Даже не чувствовал, что в его покои проник посторонний.

Обойдя колонну и прижавшись к ее холодной поверхности спиной, невидимый охотник устремил взор на свою жертву.

В самом центре просторного, открытого помещения на коленях стоял человек, всецело поглощенный изучением огромной книги в кожаном переплете. Она лежала на каменном полу, подобная дивной птице, распростершей крылья, и в длину была не менее полутора метров. Восхитительно красивые пальцы неспешно переворачивали страницы. Это были руки скульптора, творца...

Сейчас человек сидел, повернувшись

спиной к своему преследователю. На жертве был белый балахон с капюшоном. Цвет слишком контрастировал с кровью.

Иной убийца попытался бы подкрасться и незаметно нанести удар, но эта цель представляла серьезную опасность и знала, что противопоставить столь примитивной технике. Приблизившись на расстояние прыжка, охотник понял, что теперь у него нет иного выхода, кроме как броситься и нанести удар. Десять месяцев он провел в ожидании этого единственного шанса.

Он метнулся вперед, занося руку.

Охотник пробежал уже половину пути, и его клинок вот-вот уже должен был вонзиться в широкую спину жертвы, когда навстречу ему прыгнула тень.

Текучая тьма отразила клинок. Тычковый нож скользнул мимо, и удар потерял свою силу. Охотник развернулся.

Он едва мог различить неприятеля. Тот скрывался под точно такой же накидкой, искажающей свет. Они бросились друг на друга — тень на тень. Охотник успел заметить в руках врага длинный

прямой клинок спаты.

Охотник отразил удар меча, обрушившегося на него сверху, а затем — снизу, отчаянно работая ножом. Оружие раз за разом сталкивалось с громким лязгом. Летели искры. Он пятился, уступая черную поверхность пола своему призрачному противнику.

Их клинки встретились вновь. Тычковый нож не позволял дотянуться до врага. Преимущество всецело оказалось на стороне мечника. Лязг металла казался чужеродным вздыхающей тишине зала.

Как бы искусно ни владел охотник ножом, но тот вскоре вылетел из его рук. Вылетел и вонзился, дрожа, в ближайшую каменную колонну. Охотник оказался вынужден драться голыми руками. Тыльной стороной ладони он отбил в сторону вражеский клинок и сжал пальцы на запястье противника, затем провел подсечку, пытаясь уронить недруга, но тот высоко подпрыгнул и попытался высвободить руку.

Однако охотник нанес удар слева, угодив невидимому врагу в висок. От удара

противник отшатнулся и налетел на одну из древних машин, заставив ту со скрежетом проехать по каменному полу и погнув одну из ее похожих на паучьи лапы опор.

Мечник восстановил равновесие... и обнаружил, что перестал быть мечником. Рукоять спаты исчезла из его ладони.

Охотник взвесил в руке захваченное оружие, а затем раскрутил его, ударив соперника набалдашником в солнечное сплетение.

Отворачиваясь от повалившегося на землю тела и низко пригибаясь в защитной стойке, он заметил, как из теней возникли еще двое охранников, скрывающихся под накидками невидимости.

Одним движением он отразил оба нанесенных ему удара и ответил серией стремительных, сбивающих с толку выпадов и замахов. Во мраке раздался лязг скрещивающихся мечей, вновь посыпались искры, яркие и жгучие, словно клинки были выточены из кремня.

Подловив одного из противников на

обманном выпаде, охотник отвесил удар рукоятью и заставил того рухнуть на колени. Второй мечник тут же перешел в стремительную атаку, но убийца легко ушел в сторону, пропустив вражеский клинок под рукой, и изо всех сил врезал неприятелю с левой руки, повалив того на пол.

Не дожидаясь, пока эти двое поднимутся, охотник бросился наутек. Игра закончилась. Единственным приемлемым выходом оставался побег. Он добрался до дверей, распахнул их и, вынырнув из густого сумрака, устремился к лужайке за стенами Зала.

Его уже поджидали. Пятеро Кустодес, в полном боевом облачении, с лицами скрытыми под золотыми изогнутыми, как клюв ястреба, забралами шлемов, стояли, расположившись полукругом, на самом выходе из-под арки. Копья Стражей — внушающий ужас гибрид алебарды и огнестрельного оружия — целили в грудь беглеца.

— Сдавайся! — приказал один из стражей.

Убийца в последний раз занес над головой добытый в схватке меч.

Для этой камеры он был далеко не первым арестантом и явно не последним. Каменные стены, пол и потолок покрывала голубовато-белая глянцевая краска, делая их похожими на поверхность айсберга. Узники, побывавшие здесь в минувшие годы, при помощи ногтей и других более острых предметов украсили стены изображениями людей и орлов, закованных в броню гигантов и молний, картинами давних побед и трагедий. Эти примитивные узоры напомнили новому заключенному о том, как первобытные люди покрывали стены пещер образами охотников и бизонов.

Он добавил и свой рисунок.

Когда минула ночь и следовавший за ней день, дверь камеры со скрипом отворилась. Внутрь вошел Константин. Магистр Кустодес был облачен в простую монашескую рясу из темно-коричневой шерсти, надетую поверх черного облегающего комбинезона. Он прислонился

спиной к тюремной стене и сложил на широкой груди могучие руки, оглядывая сидящего на койке пленника.

— Я верил в тебя, Амон, — произнес он. — Верил, что ты сумеешь подобраться ближе, чем кто-либо другой.

«Амон» было только первым из его имен и самым старым из них. Следом за ним следовало «Тавромахиан», и обычно этих двух слов вполне хватало, когда кому-то требовалось обратиться к нему. Да, он был Амоном Тавромахианом, Кустодес Первого круга.

Невзирая на все сопутствовавшие их обязанностям опасности и невзгоды, Кустодес жили значительно дольше, чем простые смертные, и успевали обзавестись очень длинными именами. За «Тавромахианом», означавшим вовсе не фамилию, но род занятий[2] тех, кто передал ему свои гены, следовало имя «Шигатса»[3] — место его рождения, затем «Лепрон» — название дома, где он был воспитан. «Каирн Хедросса» — место, где

его начали обучать владению оружием. Семнадцатое слово — «Пироп» — напоминало о первой для него битве, развернувшейся на одноименной орбитальной станции. Каждая частичка имени рассказывала о сражениях или важных событиях в его жизни. Все они присваивались ему в ходе официальных церемоний волей магистров Первого круга. И теперь «Лэн» могло дополнить длинный перечень, став последней и важнейшей его составляющей, указывавшей на победу Атона в Кровавой Игре.

Свои имена Кустодес выбивали на внутренней поверхности нагрудных пластин золотой брони. У каждого из них оно начиналось на правой стороне защитного воротника, а затем тонкой, скрытой от чужих глаз змейкой убегало под броню. У старейших из ветеранов Кустодес, таких как Константин, имена уже не помещались на нагруднике и переходили на пластины, прикрывающие живот, струясь лентами между украшениями. Имя Константина Вальдора состояло из тысячи девятисот тридцати

двух элементов.

Пока Амон отсутствовал, его доспехи и снаряжение хранились в Доме Оружия. И сейчас, шагая рядом с Константином по Южному спуску, чтобы забрать свое имущество, он расспрашивал о других участниках Кровавых Игр:

— Зерин?

— Попался раньше, чем успел проникнуть на Имперскую Территорию. Попался геноснифферу в Иркутске.

— Гаэдо?

— Обнаружен в Пустыне Папуа четыре месяца назад. Ему удалось зафрахтовать пылевую яхту до Себу-сити, но на месте его уже поджидала группа захвата.

Амон кивнул:

— Брокур?

Константин улыбнулся:

— Ему удалось пробраться в Гегемон, прикинувшись делегатом Панпацифика. Впечатляющее достижение, мы уже и не думали, что кто-то сумеет его превзойти.

Амон пожал плечами. Кровавые Игры служили важнейшим залогом безопасности

Дворца и входили в обязанности Кустодес. Для них было делом чести, участвуя в этом состязании, проявлять все свои способности. Пуская в ход изобретательность и обширные познания о внутренней структуре Дворца и самой Терры, Кустодес устраивали проверку всей имперской системе безопасности, стараясь отыскать в ней малейшую слабину или лазейку. Они превращались в волков, чтобы испытать сторожевых псов. Какой день ни возьми, хотя бы полдюжины Кустодес отсутствовали на службе, действуя втайне и пытаясь продумать и выполнить новый план проникновения в величественный Дворец.

Стратегия и приемы, использованные Атоном, еще долго будут скрупулезно разбирать на заседаниях и допросах. Каждая частица информации, каждый мельчайший его успех в этой игре должен быть вычленен и тщательно проанализирован. Он пробрался во Дворец. Зашел дальше, чем кто-либо. Подкрался на расстояние удара.

— Надеюсь, мой поступок не будет

сочтен оскорблением? — спросил Атон у Константина — Ведь я поднял на него руку.

Константин пототал головой. Он был настоящим гигантом, превосходил ростом даже Атона, и казалось, будто с постамента сошла одна из огромных статуй Инвестиария.

— Он прощает тебя. Кроме того, ты же не причинил ему вреда.

— Мой удар был отражен.

— А если бы и нет, он сам сумел бы остановить тебя.

— Он знал, что я был там.

Константин почесал подбородок:

— Он не стал мне рассказывать, что знал о твоем появлении. Ему хотелось увидеть, как много у нас уйдет времени на то, чтобы обнаружить тебя.

Атон помедлил, перед тем как сказать:

— Прежде он не видел особого смысла в Кровавых Играх. Считал их пустой забавой.

— Это было раньше, — возразил Константин. — Многое изменилось с тех

пор, как ты покинул нас, Атон.

Войдя в Дом Оружия, они с Константином облачились в броню. Атон был рад снова ощутить привычную тяжесть доспехов ручной работы, прикоснуться к их застежкам, зажимам и магнитным швам. Вес брони успокаивал.

В арсеналах на нижних уровнях Дома Оружия слуги и сервиторы проводили церемониал облачения отряда надменных Астартес из Легиона Имперских Кулаков, освящая каждую часть доспехов маслами и шепча благословения, — воины готовились к длительному патрулированию южных оборонительных валов.

Этот обычай стал нормой для многих Астартес: церемониал, облачение, благословения. Они были созданы специально для войны и обладали специфическим мышлением. Ритуал помогал им сосредоточиться на задаче, укреплял их дух.

Они совсем не были похожи на Кустодес. Разве что как двоюродные братья или дальние родственники.

Кустодес являлись результатом более древнего длительного процесса подготовки воинов, и процесс этот, как поговаривали, пришлось серьезно упростить и доработать, чтобы массово выпускать Астартес. В целом гвардейцы Кустодес не были выше или сильнее Астартес, но обладали иными особенностями. И не было глупцов, которые решились бы предложить пари на исход состязания между Астартес и Кустодес.

Главные различия лежали в складе ума. Хотя Кустодес в пределах своего круга и были связаны родственными узами, но это не шло ни в какое сравнение с тем чувством братства, которое служило надежным цементом для Легионов Астартес. Кустодес были более независимы — наблюдатели и стражи, привычные к тому, чтобы в вечном одиночестве стоять на посту.

Гвардия Кустодес не окружала себя рабами и сервиторами, помощниками и прислугой. Кустодес даже броню надевали самостоятельно и без лишних церемоний.

— Дорн готовит Дворец к войне, —

произнес Амон, скорее констатируя факт, нежели задавая вопрос.

Только Кустодес Первого круга мог настолько свободно обсуждать действия примарха.

— Так мы ее и ожидаем.

— Сейчас — да, — сказал Амон. — Было время, когда мы и не подозревали, что она нам угрожает и что начнут ее наши же люди.

Константин промолчал.

— Что случилось? — спросил Амон.

— Не знаю, что и сказать, — ответил магистр Кустодес. — Я хорошо знал Хоруса и не могу поверить, что гордыня и личные амбиции направили его на этот позорный и возмутительный путь. Полагаю...

— Что? — спросил Амон, туго затягивая крепление нагрудника.

— Мне сдается, что Хорус Луперкаль болен, — сказал Константин. — Его постиг душевный недуг. Что-то затуманило его рассудок и сбило с истинного пути все его окружение.

— Ты считаешь, что Хорус

Луперкаль сошел с ума? — поинтересовался Амон.

— Возможно. Сошел с ума, или серьезно заболел, или то и другое сразу. С ним случилось что-то такое, чего нельзя объяснить с позиции наших познаний о Вселенной. — Константин посмотрел в сторону высоких окон Дома Оружия и обвел взглядом линию западного крепостного вала, недавно усиленного дополнительными металлическими щитами и оружейными платформами. — Мы должны быть готовы к немыслимому. Война идет к нам, война изнутри. Стороны определились — выбор сделан.

— Звучит как простая констатация факта, — заметил Амон.

— Так и есть, — подтвердил Константин. — Императору угрожают. Мы обязаны его защитить. Мы должны противостоять угрозе. И не наше дело обсуждать происходящее, даже если речь заходит о безумии, охватившем тех, кого ты прежде любил.

Амон кивнул:

— Дворец превращается в крепость.

Должен признать, Дорн проделал потрясающую работу.

— Это он всегда умел, как и его Астартес. Укрепления и оборона. В этом с Имперскими Кулаками никто не сравнится.

— Но последние рубежи все равно держим мы, — сказал Амон.

— Это правда.

— В этот раз нам потребуется нечто большее, чем крепкие стены и орудия.

Зажав под мышками свои украшенные плюмажами шлемы, они шли через внутренние покои Дворца от Дома Оружия к башне Гегемона, где находился командный центр Кустодес.

У входа их уже ожидали остальные братья, собравшиеся, чтобы встретить Амона. Склонив головы, они ударили древками Копий Стражей о каменные плиты и разразились громом приветствий и похвал.

Вперед шагнул Гаэдо, чье лицо

скрывала тень забрала.

— Амон Тавромахиан, я рад твоему возвращению, — произнес он, пожимая Амону руку.

— Тебе удалось сделать больше, чем любому из нас, — сказал Эманкон.

Вместе они вошли в башню и зашагали через помещения с высокими сводчатыми потолками, чьи стены украшали фрески, настолько старые и потускневшие, что стали практически неразличимы и походили на карандашные наброски, какие делает художник, готовясь к настоящей работе. В проводах, сеть которых пронизала полы под ногами стражей, пульсировали информационные потоки, текущие из необъятных баз данных, хранившихся на нижних уровнях Дворца. Под высокими потолками висели кибердроны, сновавшие из стороны в сторону, подобно косякам рыб в водных глубинах.

Зал Стражи купался в фиолетовом свете огромных гололитических эмиттеров. Всевозможная информация выводилась и плясала в воздухе в куполе

призрачного света. Программы сравнения и обработки, запущенные на центральном когитаторе, выпускали в фиолетовый полумрак золотые и красные лучи, связывавшие различные данные в единое целое. Всемирный океан информации и базы Объединенной системы биометрической верификации питали данными ряды кодиферов, собиравших разрозненные сведения, связывавших их, находивших следы. Ячейку сепаратистов в Бактрии выдала простая попытка получить помеченный грифом секретности трактат, находящийся в библиотеке Дельты Нила. Террористы из пропанпацификистов были уничтожены в Архангелусе, после того как их выследили во время покупки оружия в одной из нищих деревушек Нордафрики. Каждый день миллиарды зацепок, ведущих к миллионам тайн, анализировались и изучались Кустодес. Данные тщательно и кропотливо просеивались через переменчивые, текучие слои информационной сферы планеты.

— Доложите основную проблему на

данный час, — потребовал Константин.

Дежурные Кустодес ежечасно выбирали десяток самых значительных находок, требовавших пристального внимания.

— Лорд Сихар, — ответил дежурный.

Десять месяцев прошло с тех пор, как он в последний раз держал в руках Копье Стража. Амон направился к тренировочным залам, расположенным на подземных уровнях под башней, и вызвал на поединок дюжину сервиторов, чьи руки заменяли клинки. Копье плясало и рисовало восьмерки в воздухе, тело вспоминало былые навыки и знания. И когда первая тренировка завершилась и все сервиторы были изрублены и поломаны, он потребовал новых соперников для следующего раунда.

«Как же мы все-таки много времени тратим на подготовку! — задумался Амон. — Кровавые Игры, тренировки — все это только пантомима, которую мы разыгрываем в ожидании подлинной войны».

Амону и самому не нравилось то легкое возбуждение, которое он сейчас

испытывал. Приближалось время серьезной работы. Сколь бы ни были омерзительны и чудовищны грядущие события, но Кустодес наконец предстояло оставить все эти игры и взяться за то дело, ради которого их создавали.

Но было бы недостойно радоваться неизбежности войны. Покончив со второй группой сервиторов, он заставил себя сосредоточиться на деле Сихара.

— Этот вопрос уже расследуется, — сказал вначале Константин.

— Меня не было десять месяцев, — возразил Амон. — Я чуть не заржавел и к тому же устал от праздности, и теперь мне просто необходимо поработать над достойной задачей, чтобы прийти в себя. Прошу вас оказать мне эту любезность.

Константин кивнул. Дело лорда Сихара было передано Амону Тавромахиану.

Кустодес давно пристатривались к персоне лорда Ферома Сихара. Наследственный властитель Ги-Бразилии, наиболее могущественного из всех Зюд-

Мериканских кантонов, Сихар часто подвергал критике имперскую политику. Его династия благодаря и родословной, и браку была связана с Навис Нобилитэ, что позволило ему создать довольно крупную торговую империю за пределами Терры. Сихар считался одним из пятидесяти наиболее могущественных колониальных феодалов. И только по причине осторожной политической игры Малькадора Сигиллита лорд Сихар не сумел пролезть в Совет Терры. Серьезное беспокойство вызывал тот факт, что Сихар являлся прямым потомком Даллмота Кина, одного из последних тиранов, противившихся воле Императора даже в самом конце Объединительных войн. Все понимали, что Император терпит правление лорда Сихара в Ги-Бразилии — а заодно все эти выпады и язвительные замечания в свой адрес — только из-за того, что сейчас требовалось залечить раны, оставленные Объединительными войнами, и приободрить коренное население. Сихар был не только влиятельным человеком, но

и красноречивым, умелым политиком. Даже Амон не мог не признать, что лорд часто оказывался прав в своих суждениях и властвовал справедливо и разумно.

В своем сопротивлении имперским порядкам он не заходил настолько далеко, чтобы из-за этого его поместили под домашний арест, как леди Кэлгун Ланаркскую, или же полностью отстранили от правления и обвинили в государственной измене, как Ганса Гаргеттона, канцлера Атлантических Платформ, но все равно к Сихару всегда относились с подозрением.

Закончив тренировки, Амон переоделся в простую рубаху и комбинезон, а затем направился в один из залов собраний, расположенных на этаже над Залом Стражи. Проход туда охраняла всевидящая Сестра Безмолвия, распространявшая вокруг себя ауру предельной бдительности. Он вывел все ключевые данные, касавшиеся дела, на экраны стохастического процессора и приступил к работе, используя понятийные

и ретрокогнитивные методы обработки, которым обучали Кустодес.

Сихар, и прежде находившийся под постоянным наблюдением Стражи, стал проблемой номер один после проверки его последней переписки.

Он обладал значительными внеземными владениями. Важнейшим из них был мир Кайетан в Истмус-61, богатая ресурсами колониальная планета, также открывавшая Сихару доступ к приносящим колоссальную прибыль приискам Альбедо Круцис. Его доходы от торговли были столь велики, что многие молодые Дома и младшие дети зюд-мериканской аристократии стремились заключить с ним союз, обеспечивая лорда своей поддержкой. И если бы в Совете Терры вновь освободилось место, то вряд ли кто-то сумел бы помешать Сихару стать консулом.

Хотя все зацепки и были незначительными, но они позволяли составить более-менее цельную картину. Сихар регулярно связывался через астропатов напрямую с губернатором

Кайетана, а также с наместниками Круциса II и Сепциона Магникса. Его переписка с ними, в отличие от общения со всеми прочими корреспондентами, была защищена особым шифром, который Кустодес еще не успели взломать. На первый взгляд эта кодировка напоминала трипаттерн Анспрака — так и не разгаданную систему шифрования, использовавшуюся противниками Единения.

Далее ниточки, насколько удавалось проследить посредством тайных дипломатических каналов, тянулись к отдельным кораблям 1102-го и 45-го Имперских Экспедиционных Флотов, а через них — к малозначительным колониям и двум флотилиям снабжения, базирующимся в туманности Чирог. Служба разведки выдвинула гипотезу, что эти корабли, помимо прочих обязанностей, оказывали помощь войскам Бутанской группировки Имперской Армии.

И вот тут возникал вопрос. Если верить слухам, то пятью месяцами ранее несколько подразделений Имперской

Армии, входивших в состав Бутанской группировки, поддержали Воителя. Следовательно, существовала некоторая вероятность того, что при помощи столь длинной и специально усложненной цепочки передачи сообщений Сихар списывался с еретиками.

Лорд Сихар Ги-Бразильский, судя по всему, поставлял информацию о происходящем на Терре непосредственно Хорусу Луперкалю.

Судно повернуло, и его серебристый фюзеляж заиграл в лучах солнца, на краткий миг засияв, подобно звезде, в розовеющих верхних слоях атмосферы. Оно являло собой гражданскую модель «Ястребиного крыла», было приписано к фансиль эт Кие и вылетело с орбитальной станции Зеон-Инд. Просто еще один транспорт, идущий на позывные центрального транспортного маяка Планальто.

У летательного аппарата, способного выходить на орбиту, металлическая обшивка была отполирована до блеска, а

широкие, но изящные очертания делали его похожим на гигантского ската с треугольными крыльями и тонкой стрелкой хвоста. Когда корабль заскользил к четырем высоким башням центрального посадочного шпиля Планальто, его тормозные двигатели запылали зеленовато-желтым огнем в навевающем дрему вечернем свете, и прерыватели потока на крыльях поднялись, подобно встопорщившемуся птичьему оперению. На мачтах огромных башен, кажущихся грязно-бурыми на фоне небес цвета индиго, замигали мощные белые прожектора. Двумя километрами ниже пролегла триллионами огней во мраке застроенная городами Ги-Бразилия.

Когда «Ястребиное крыло» выровнялось, готовясь зайти на посадку, его радиомаяки передали идентификационные пакеты данных, отвечая на запросы Администратума Планальто.

Эти данные сообщали о том, что на борту судна находится Элод Гальт, важный чиновник фансиль эт Кие,

прибывший в Ги-Бразилию ради проведения предварительных переговоров с представителями нескольких шахтерских артелей Альбедо.

Согласно проверке Объединенной системой биометрической верификации идентификаторы Элода Гальта были в полном порядке.

На сей раз им предстояла вовсе не Кровавая Игра. Все было взаправду.

Он предпочел бы действовать в одиночку, во всяком случае на первых порах, но следовало придерживаться роли. И чтобы ей соответствовать, Амон нуждался в сервиторах, астропате, а также в пилоте и личном телохранителе. Гаэдо, переодевшийся в простой комбинезон и маску раба, выступал в качестве двух последних. Биометрическое сканирование опознало его как Зухбу — существо без фамилии, всего лишь мигу, приобретенное на Гангетийском рынке тел.

Выдавая себя за Элода Гальта, Амон был вынужден облачиться в роскошный шелковый халат, переливавшийся влажным

блеском, подобно нефти на воде, а также в плащ из волчьей шкуры, бесформенную шляпу со слишком широкими полями и нацепить на пояс внушительную, богато украшенную саблю, совершенно бутафорскую и бесполезную в реальном бою. Но более всего его раздражала необходимость снова использовать генератор искажающего поля, чтобы казаться меньше и скрывать свои подлинные размеры.

Шесть сопровождавших его сервиторов — один для вокс-связи, другой для оказания медицинской помощи и проверки пищи, третий для анализа параметров окружающей среды, четвертый для перевода, пятый для ведения записей и шестой для мелких поручений — как один были заключены в изящные корпуса из полированной вороненой стали. Такую свиту и ожидаешь увидеть за спиной видного промышленного негоцианта.

Похожая на раковину посадочная платформа помчала «Ястребиное крыло» вглубь шпиля по огромному туннелю,

освещаемому красными и синими проблесковыми огнями. Мимо скользили и другие платформы, опускавшие корабли к ангарам или же поднимавшие их наверх. Прибыв на назначенный уровень, платформа дернулась, затерла и поплыла в сторону, оставляя постепенно остывающее «Ястребиное крыло» в ласковых объятиях стыковочной люльки. Та сомкнула зажимы вокруг судна, точно хищное растение, пойманную муху, и подняла его в затянутую клубами пара нишу, где корабль уже ожидали грязные сервиторы, грузчики и инженерная группа, вооруженная тросами, лебедками и топливными шлангами.

Как только лампы, освещавшие кабину, сменили цвет с холодного белого на приглушенный желтый, сообщавший, что системы переведены в режим ожидания, Гаэдо поднял взгляд на Амона и спросил:

— Приступим?

Амон кивнул и посмотрел на сервитора:

— Нет ли сообщений от руководства?

Сервитор опустил голову и издал извиняющийся писк.

— Сообщишь мне, если они выйдут на связь, — сказал Амон и надел шляпу.

Гаэдо закрепил на лице рабскую маску, в силу каких-то традиций и протоколов выполненную в форме головы кричащего петуха, и пристегнул кобуру. Раздался лязг замков — люк их судна соединился с воздушным шлюзом. Двери открылись.

В ходе запланированных встреч с агентами рудодобывающих предприятий перед его внутренним взором почему-то постоянно вставал образ разлагающегося тела и личинок, вгрызающихся в раздувшийся труп. Кстати, его собственные «личинки» уже вовсю трудились. При посадке за форсажными камерами «Ястребиного крыла» отошли в сторону фальшивые обтекатели и из стерильных отсеков были выброшены мешочки с червеобразными зондами. Всего числом шестнадцать тысяч, они представляли собой подвижные

хромированные ниточки толщиной не более зубочистки. С каждой минутой они все глубже проникали в плоть Ги-Бразилии, распространяясь вширь, вгрызаясь в информационные каналы и системные блоки, прокладывая себе путь к хранилищам памяти, банкам данных, дата-стекам. Одни сумеют найти, другие уничтожат автоматические системы безопасности, третьи пойдут по ложному пути и будут продолжать поиски, пока не иссякнут энергетические батареи, но некоторым из них удастся найти добычу и поделиться ею со своим хозяином.

Сейчас Атон сидел в приемном зале, стены которого были обшиты резными киргизскими панелями, и делал вид, будто ему интересны вопросы объемов добычи руды и образцы силикатных пород, принесенные представителями шахтеров. На самом деле он размышлял о рисках. Заручившись разрешением Константина, они тайно проникли в Ги-Бразилию, но до сих пор ожидали получения полномочий в открытую выступить против лорда Сихара. Если бы их раскрыли, они смогли

бы придумать какую-нибудь подходящую причину своему визиту, но вот «черви» явно выходили за пределы их юридических полномочий. Если бы власти Ги-Бразилии обнаружили, что Кустодес прибыли к ним без ордера, да еще и запустили в их информационные системы целое полчище червей-зондов, это вызвало бы бурю возмущения. Ведь это было вопиющим нарушением суверенитета Ги-Бразилии. Союз был по-прежнему хрупок, словно ледяная скульптура — прекрасная, изящная, пока еще целая, но слишком уж ломкая. Сейчас, когда на мир опустилась тень грандиозной и все сильнее распространяющейся измены Хоруса Луперкаля, последнее, в чем нуждался Дворец, так это в восстании континентальных властей на Терре.

— Мы сильно рискуем, — заметил Гаэдо, когда они еще только покидали орбитальную станцию.

— Верно, — согласился Амон, — но, если ферот Сихар и в самом деле тот, кто мы думаем, ожидание — еще больший риск.

Сервиторы принесли напитки. Судя по всему, в Ги-Бразилии царила мода на модели, выполненные из лакированного черного дерева и с суставами из латуни. Сервиторы походили на раздетых детских кукол — фарфоровые, похожие на настоящие лица и кисти, грубо сработанные из древесины тела без малейшего намека на реализм. Сервиторы стремительно перемещались по комнате, предлагая желающим мятную настойку и зеленый чай.

Из окон зала, расположенного на верхних уровнях башни округа Сао Пауло, открывался вид на бескрайние сверкающие Зимние Поля. Источником энергии Ги-Бразилии служил подземный комплекс гигантских реакторов, заключенных в самом сердце города. Чтобы обеспечить безопасную работу всего этого комплекса, потребовалось создать колоссальнейшие системы охлаждения, и, как следствие, вся территория над реакторами круглый год была покрыта ледяным настом. Огромный зимний парк, куда стекалось на отдых все население улья, занимал площадь

тридцать квадратных километров в центре Планальто. Со своего места Амон мог видеть крошечные фигурки конькобежцев на замерзшем озере, детей, барахтающихся в снегу и запускающих воздушных змеев, и странные механические игрушки, скользящие по льду. Вдалеке, в желтоватой дымке, повисшей над гладью полей, бесшумно рассекали просторы ледовые яхты под яркими парусами и соревновались друг с другом моторные сани, проносясь мимо светящихся мачт скоростных треков и разбрасывая во все стороны ледяное крошево.

Вновь начались переговоры. Амон сверился с цифровым планшетом, тайно отслеживавшим все данные, поступавшие к вокс-сервитору. Из Дворца до сих пор не поступало разрешения на активные действия.

Следующая встреча проходила в башне-монолите на противоположной стороне Зимних Полей. Чтобы развлечь своего гостя, переговорщики, искренне

гордившиеся этой местной достопримечательностью, решили попутно прокатить Элода Гальта на ледовой яхте. Амон изо всех сил старался делать вид, что очень впечатлен.

Хозяин — высокий, одетый в меха мужчина — ожидал их на причале у башни.

— Я — Сихар, — представился он, кланяясь Гальту.

Птолем Сихар был четвертым братом властителя Ги-Бразилии, но использовал родовое имя, чтобы производить впечатление на гостей. Лорд Сихар назначил Птолема на должность исполнительного директора «Кайетан Импорт» — торгового консорциума и компании-перевозчика, основанных специально для управления несметными запасами полезных ископаемых этого государства.

Глаза Птолема Сихара имели темно-зеленый оттенок, что выдавало в нем заядлого курильщика сабена. Хоть он и был крупным мужчиной, с гордостью носившим на щеке дуэлянтский шрам, но опасности не представлял. Его тело было

рыхлым, непривычным к регулярным физическим нагрузкам. Интеллектом он тоже не блистал. Всего нескольких минут хватило Амону, чтобы удостовериться, что Птолем Сихар — непрошибаемый болван.

Совсем другое мнение сложилось у Кустодес о свите высокопоставленного чиновника. Помимо привычных уже сервиторов, его сопровождали четверо охранников, облаченных в пластинчатые зеленые доспехи. Воины армейского крыла Ги-Бразилии, известного как Драки и состоявшего исключительно из бывалых, умелых солдат. Амон нисколько не сомневался в том, что Драки, защищавшие брата правителя, входили в специальные ветеранские подразделения.

Также за Птолемом повсюду следовал еще один человек, облаченный в угольного цвета бархатный френч, накинутый поверх блестящего черного бронежилета. Сихар представил своего спутника как Ибн Норна, одного из легендарных и уже почти исчезнувших Черных Люциферов. Могущество и богатство лорда Сихара

позволили ему нанять для каждого члена семьи телохранителя из этой древней элитной Искьянской бригады.

Сопровождаемый Гаэдо в петушиной маске и вереницей металлических сервиторов, Амон присоединился к Птолему Сихару на пристани и направился к башне. По пути они беседовали о зимних видах спорта, о приближающейся войне и о том, как она скажется на торговле. Кустодес чувствовал, что Черный Люцифер внимательно наблюдает за гостями своего нанимателя.

Еще только поднимаясь на гравитационную платформу, которая должна была доставить их к верхним ярусам башни, Амон был уже абсолютно уверен в том, что Ибн Норн знает об искажающем поле, хотя и понятия не имел, что именно его выдало. Черные Люциферы славились своей проницательностью и острым умом не меньше, чем умением убивать. И теперь Ибн Норн знал, что Элод Гальт как минимум что-то недоговаривает или, что

еще хуже, таит в себе какую-то опасную ложь.

Но отступать было поздно. Все еще надеясь дождаться разрешения от начальства, Амон начал деловую беседу с Птолемом Сихаром. Переговорщики расположились за столом красного дерева, установленным на радиальной платформе на одном из надоблачных этажей башни. Сихар легко отвлекался на посторонние темы, чем и пользовался тянувший время Амон, переводя разговор на такие совершенно не имеющие отношения к делу вопросы, как орбитальное виноградарство, прорывы в области геронтологии, прогнозы астрологов и полезность изучения отмерших религий для разработки современной системы этических ценностей.

В течение всего этого времени Амон думал о зондах, прогрызавших, подобно трупным червям, себе путь в темные уголки и кибернетические каналы Планальто. Он размышлял об увиденном по пути к Ги-Бразилии: города-ульи,

укрывшиеся за противометеоритными щитами; отряды рабочих, восстанавливающих оставшиеся после последних войн бастионы и автоматические системы обороны; океанические платформы, способные переключаться в подводный режим, чтобы медленно погрузиться в спасительные глубины. Его родной мир готовился к появлению предателей и, вероятно, величайшему холокосту из всех, какие доводилось пережить человечеству. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы даже помыслить об отступлении.

Воспользовавшись запланированным перерывом, Амон проверил входящие сообщения при помощи коммуникационного сервитора. Из центра так ничего и не поступало. И на информационном планшете не было никаких полезных сведений от зондов. В частности, ему так и не удалось продвинуться в расшифровке той версии трипаттерна Анспрака, что использовалась в подозрительных сообщениях.

Раздался звонок, и Амон решил, что это сигнал возвращаться за стол переговоров. Но атмосфера вокруг неожиданно переменилась. Птолем Сихар, сопровождаемый помрачневшей, перешептывающейся свитой, попятился к выходу. Несколько информационных дисплеев, расположенных на платформе, потемнели.

«Будь наготове», — знаками приказал Амон стоящему рядом Гаэдо.

— Лорд Гальт, — произнес один из Драков, подходя ближе, чтобы привлечь его внимание, — боюсь, возникли неожиданные осложнения. Мы вынуждены приостановить переговоры, пока все не будет улажено. Мой господин просит простить его за доставленные неудобства.

— А какого рода эти осложнения? — спросил Амон.

— Нарушение режима секретности, — неопределенно ответил Драк.

— Поконкретнее сказать не можете?

— Произошло просто возмутительное нарушение наших прав. Акт, оскорбляющий сам факт нашей... — Драк заставил себя

остановиться. — Прошу прощения, но я не вправе обсуждать это. Скажу только, что дело касается вопроса нашей независимости.

— И в самом деле звучит серьезно, — с неподдельной тревогой в голосе произнес Элод Гальт. — Полагаю, мне следует вернуться на орбитальную станцию?

— Нет, сэр. — (Все обернулись. Как оказалось, к ним присоединился Ибн Норн, Черный Люцифер.) — Системы безопасности Планальто проходят сейчас доскональную проверку. Ваш отлет привел бы нас только к ненужным осложнениям, да и вы вряд ли получили бы большое удовольствие от постоянных задержек и обысков. Мы уже распорядились выделить вам покои в этой башне, где вы сможете с комфортом отдохнуть, пока не будет улажено это недоразумение.

«И где вы сможете проследить за нами», — подумал Амон. Элод Гальт же благодарно поклонился.

Покои лежали на шестидесятом этаже. Как только их эскорт отправился

восвояси, Гаэдо поспешил проверить выделенные им комнаты на наличие устройств слежения, используя для этого сканеры, встроенные в тело сервитора-дегустатора.

— Боюсь, я буду вынужден просить вас проявить уважение к вопросам нашей территориальной целостности и временно воздержаться от пользования вокс-сервитором, — весьма выразительным тоном произнес Ибн Норн, прежде чем скрыться за дверью.

Впрочем, дисплей сервитора в любом случае показывал, что все вокс-каналы заблокированы.

Гаэдо снял крышку со спины сервитора-секретаря и включил спрятанный под ребрами компактный когитационный анализатор. Задействовав программы внедрения, написанные столь мастерски, что ни одна из систем Ги-Бразилии не могла их обнаружить, он подсоединился к дата-сфере Планальто.

— Наши зонды вычислили, когда они проникли в информационные хранилища Администратума, — сообщил Гаэдо. —

Должен заметить... — Он торопливо просматривал полученные сведения. — Должен заметить, это вызвало серьезный резонанс. По всему Планальто вводится режим безопасности «янтарь-шесть». Местный парламент созван на срочное заседание, чтобы обсудить этот инцидент. Все разведывательные ведомства отчаянно спорят о том, является ли вторжение в базы данных результатом деятельности иностранных агентур или простым промышленным шпионажем.

— Если Сихар и в самом деле виновен, — произнес Амон, — он может и догадаться как о подлинной причине происходящего, так и о том, кто подкинул ему эти зонды. Как думаешь, сколько у них уйдет времени, чтобы отследить червей?

— До самого запуска зонды были полностью стерильны и прежде не использовались, — ответил Гаэдо. — Но за время работы, без сомнения, нацепляли на себя весьма определенные микрочастицы. Толковый эксперт сумеет отследить их до нашего корабля всего за несколько часов.

— И нас уже подозревают, — заметил Амон.

— Уже?

— Тот Черный Люцифер сразу понял, что мы не те, кем пытаемся казаться. Полагаю, сейчас они ждут только получения явных свидетельств, чтобы нас схватить.

— А мы так и не получили ордер, — сказал Гаэдо.

Амон медленно кивнул.

— Но им-то об этом неизвестно, — произнес он.

Гаэдо промолчал, пристально вглядываясь в дисплей когитационного анализатора.

— Что еще? — спросил Амон.

— Парламент распорядился инициировать зачистку всех информационных систем, чтобы вычислить и уничтожить зонды, — ответил Гаэдо. — Приказ подписан лично феромом Сихаром, председательствующим в правительстве. Но это еще не все... Мне удалось достучаться до зондов. Семь из них сумели

проникнуть в архив связи Планальто, и один в итоге наткнулся на подшивку переписки лорда Сихара за последние семь месяцев.

— Расшифровали?

Гаэдо покачал головой:

— Нет, этот код так и остается неприступной стеной. Зато индексы отправителя и получателя ни на одном из посланий зашифрованы не были. Их хранят в простом бинарном виде. Сейчас проверю весь этот список на совпадения с нашей базой. Сейчас... сейчас...

По крошечному экрану миниатюрного устройства побежали плотные строчки данных.

— Подтверждено четыре совпадения, — прошептал Гаэдо. — Четыре, понимаешь? И всякий раз это, без всяких сомнений, оперативный код «Духа мщения».

Флагман Луперкаля.

Амон кивнул:

— Вот и все. Ничего больше и не требовалось. Начинаем.

Ударные отряды могли бы добраться в Планальто из Дворца менее чем за

двадцать пять минут после вызова, но Амон понимал, что ничего хорошего из этого не вышло бы. Неприкрытые боевые действия привели бы только к ухудшению обстановки. Ему и Гаэдо надо было самим взять лорда Сихара под стражу, а затем уже, проведя тщательное расследование, отловить и всех его сообщников.

Он извлек из кармана халата пульт активации, нажал на кнопку и приказал:

— Доставить экипировку.

Один за другим раздались два громких хлопка, когда телепорт переправил два металлических ящика с борта «Ястребиного крыла». Окутанные облаками пара, они упали прямо на ковер. Резким перепадом давления выбило два окна. В коридорах завыла тревожная сирена, приведенная в действие неожиданным появлением контейнеров и излучаемыми ими энергетическими спектрами.

Гаэдо и Амон поспешили откинуть крышки ящиков. Внутри лежали бережно упакованные золотые доспехи Кустодес и разобранные на составные части Копья

Стражей.

Группа захвата, состоящая из бойцов Драков и возглавляемая Ибн Норном, ворвалась в комнату менее чем четыре минуты спустя. Но покои уже пустовали. В выбитое бронированное окно задували порывы ураганного ветра.

Ибн Норн обвел взглядом открытые пустые ящики и валяющуюся на полу одежду. Кроме того, он увидел петушиную маску, бутафорскую саблю и провода скинутого в спешке генератора, искажающего поля.

Затем Черный Люцифер подошел к окну и высунулся в него, подставляясь потокам свирепствующего ветра. Далеко внизу он увидел крыши башен и улицы Планальто. Вдали, над бескрайними сверкающими просторами Зимних Полей, вздымался Парламент.

Ибн Норн активировал антигравитационный модуль и выпрыгнул из окна.

Здание Парламента представляло

собой роскошное строение из посеребренной стали, с колоннами белесого камня, напоминавшего полированную слоновую кость. Вокруг разносился перезвон колоколов, призывая делегатов, чиновников и вельмож укрыться в убежище или же спрятаться за спины телохранителей. Все подступы к зданию были перекрыты несколькими тысячами солдат Драков, и старательнее всего охранялась широкая главная лестница, поднимающаяся прямо от причалов Зимних Полей.

Гаэдо и Амон приземлились на крыше самого большого из прибрежных строений, и их ноги потревожили снежную крупу, тут же подхваченную ветром. Выключив прыжковые ранцы, они присмотрелись к происходящему впереди.

— Такое чувство, что мы серьезно разворошили этот муравейник, — прошептал Гаэдо.

Амон дотронулся до его руки и кивнул.

Возникшая в ледяном небе черная фигура с удивительным проворством обогнула шпиль сторожевой башни и

приземлилась на главной лестнице в самой гуще столпившихся солдат.

— Задействовать сканеры! — прогремел приказ Ибн Норна. — Они уже здесь! Обыщите все, найдите их!

Гаэдо и Амон дружно спрыгнули с крыши и плечом к плечу направились к лестнице.

Вокруг суетились Драки, сверяясь с портативными сканерами или же пытаясь извлечь из ящиков более серьезное оборудование. Раздавались взбудораженные голоса. Орудийные расчеты растянулись вдоль всего берега, устанавливая пушки на треножники и внимательно наблюдая за ледяным полем. Почти над головами людей проносились корабли огневой поддержки.

Кустодес тем временем неторопливо поднимались по ступеням, обходя взволнованных солдат, и прошли в каких-то трех метрах от Черного Люцифера. Норн выкрикивал приказы, пытаясь организовать оборону здания.

В Парламент они вошли, не встретив сопротивления. В гулком

главном зале полным ходом шла эвакуация — местные вельможи один за другим поднимались со своих мест и под бдительным присмотром вооруженных драков вереницами текли к выходам.

Лорд Сихар так и восседал под балдахином на троне из черного дерева, возвышавшемся над скамьями и младших, и старших домов. Он оказался человеком весьма благородной наружности, облаченным в одеяния зеленого и красного цветов, и был несколько моложе, чем представлял себе Амон. Рядом нетерпеливо переминался с ноги на ногу охранявший его Черный Люцифер, стремясь увести хозяина в безопасное место, но Сихар продолжал работать над документами, предоставленными ему делегатами и писцами, и оживленно переговаривался с советником по вопросам парламентского протокола.

— Постарайся не причинить ему вреда, — проинструктировал Амон товарища. — Для допроса он понадобится нам живым.

— Но его Люцифера нам, скорее всего,

придется убить, — откликнулся Гаэдо.

— Не возражаю, но только в том случае, если попытается сопротивляться. И одним выстрелом. Пальба мне тут не нужна.

Не дойдя тридцати метров до трона, они скинули плащи невидимости.

— Сихар Ги-Бразильский, — провозгласил Амон, — именем Адептус Кустодес объявляю вас врагом Терры. Не пытайтесь сопротивляться.

Сихар, его советник, делегаты и писцы обернулись, в испуганном удивлении воззрившись на незваных гостей. Один из клерков не выдержал и в паническом ужасе бросился к дверям. От двух золотых гигантов в увенчанных плюмажами шлемах не приходилось ждать ничего хорошего.

Черный Люцифер украдкой потянулся к оружию.

— Первое предупреждение! — прорычал Гаэдо, нацеливая на него копье.

Сихар поднялся с трона, явно сохраняя куда большее самообладание, чем его окружение. Со своего помоста он пронзил

взглядом двух Кустодес в сверкающих доспехах.

— Это недопустимо, — заговорил он. Несмотря на проявленную отвагу, лорд не сумел скрыть предательскую дрожь в голосе. Не было на свете такого человека, который не испытал бы страха, столкнувшись лицом к лицу с Адептус Кустодес. — Это совершенно недопустимо. Вы осмелились попрать суверенитет Ги-Бразилии. Я потребую, чтобы ваш господин принес извинения за этот...

— Он не только наш, но и ваш господин, — отрезал Амон.

Сихар моргнул:

— Я... не понимаю.

— Вообще-то, как предполагается, он и ваш господин тоже, — повторил Амон. — И сейчас вы пройдете вместе с нами и ответите на ряд вопросов, позволяющих заподозрить в вас предателя. Спускайтесь сюда.

Внезапно зал осветила яркая вспышка, за которой тут же последовали и другие. Долю секунды Амон думал, что кто-то бросил в него гранаты, но тут же

отверг эту мысль. Вспышки представляли собой не что иное, как телепортационные огни.

Между Кустодес и их целью возникли семь фигур. Шесть из них были облачены в полную броню Адептус Астартес, и Амон тут же узнал хускерлов Имперских Кулаков. Как только телепортационные ауры рассеялись, Астартес одновременно шагнули вперед и, залязгав предохранителями, нацелили болтеры на Кустодес.

Седьмой из новоприбывших был самым высоким из них и кутался в плащ красного бархата, богато украшенный золотой вышивкой. Его белоснежные волосы были коротко подстрижены, а благородное лицо казалось обветренным и усталым.

— Милорд... — произнес Амон, склоняя голову перед примархом.

— Вы должны остановиться, — сказал Рогал Дорн.

Дорн прошел мимо своих Астартес.

— Уберите оружие, — мягко приказал он.

Имперские Кулаки покорно подняли болтеры стволами вверх.

— Я имел в виду и вас, — добавил Дорн, глядя на Кустодес.

Амон и Гаэдо продолжали держать трон под прицелом своих копий.

— Милорд, Фером Сихар — предатель и шпион, — напряженно произнес Амон. — Посредством сетей, раскинутых его торговой империей, он общается с Воителем и прочими взбунтовавшимися безумцами. У нас есть все основания и доказательства, чтобы арестовать и допросить этого человека. Он пойдет с нами.

— Или что? — поинтересовался Дорн, тягко, чуть удивленно улыбаясь.

— Он должен отправиться с нами, милорд, — не отступал Амон.

Дорн кивнул.

— Подлинный пример отваги и верности, верно, Архам? — произнес примарх.

— Бесспорно, милорд, — откликнулся командир хускерлов.

— Они готовы вступить в бой с

шестью Астартес и самим примархом, чтобы выполнить свой долг, — сказал Дорн.

— Милорд, — произнес Амон, — прошу вас, отойдите в сторону.

— Знаете, вы почти убедили меня позволить вам попробовать пройти, — заметил Дорн. — Но, сами понимаете, я был бы вынужден причинить вам боль.

— Вы можете попытаться, — ответил Гаэдо и добавил: — Милорд.

— Довольно, — отрезал Дорн. — Архам?

Командир свиты шагнул вперед.

— Лорд Сихар Ги-Бразильский и в самом деле шпион, — совершенно спокойным голосом признал Архам. — Он регулярно переписывается с Хорусом Луперкалем и снабжает предателей разведывательными данными.

— Значит, вы признаете это? — спросил Амон.

— Он наш шпион, — произнес Дорн. Примарх подошел к Амону вплотную. Два гиганта возвышались над всеми остальными в этом зале. — Я делаю все возможное, чтобы усилить оборону Терры в

преддверии грядущей войны. И одних только стен и орудийных платформ тут совершенно недостаточно. Нужна информация. Надежные, точные данные. Полезные сведения. Лорд Сихар не менее верен Императору, чем ты или я, но благодаря репутации критика имперской политики стал отличной кандидатурой для проникновения во вражеский стан. Теперь Хорус полагает, что у него есть друзья на Терре — союзники, готовые восстать и присоединиться к нему.

— Ясно, — сказал Амон.

— К прискорбию, — продолжил Дорн, — вся эта шумиха наверняка скомпрометировала Сихара. Боюсь, придется использовать других шпионов.

— Милорд, — произнес Амон, — мы — Кустодес. Мы, как и вы, защищаем Терру и Императора. Разве вам не показалось разумным поделиться с нами информацией о подлинной роли Сихара?

Дорн вздохнул, но промолчал.

— Скажите, милорд, вам знакомо понятие Кровавых Игр? — спросил Гаэдо.

— Разумеется, — ответил Дорн. —

Верные псы надевают личины волков и испытывают системы защиты на мельчайшие недостатки и уязвимости. Мне неоднократно доводилось читать ваши доклады, чтобы приспособить сделанные выводы для улучшения укреплений.

— Тогда, полагаю, — предложил Амон, — мы можем расценивать сложившуюся ситуацию как еще одну Кровавую Игру? Нам удалось найти слабину и понять, что все, кто служит Императору и защищает его, объединены общей целью и должны обмениваться информацией.

Вздымая за собой облако ледяных брызг, сани устремились прочь от причала. Это была мощная двухместная машина кобальтово-синего цвета, с приподнятым носом и массивными полозьями. На корме располагались закрылки стабилизаторов, на которых зеленым огнем пылали ионные двигатели. Сани мчались по Зимним Полям, скрипя, точно нож, скребущий по стеклу.

Чет, или как там его звали на самом деле, не потрудился даже отвязать стыковочный трос. Он на бегу расстрелял двух рабочих причала, вышедших из здания, чтобы разобраться в причинах странной шумихи, и прыгнул за штурвал саней, сразу же захлопнув над собой защитную крышку.

Амон приземлился на причал как раз в тот миг, когда сани готовились сорваться с места. От падения огромного, закованного в броню воина каменные плиты пошли трещинами. Натянувшиеся тросы лопнули с оглушительным треском. Амон едва успел ухватиться за один из них, когда машина пришла в движение. Увлекаемый тросом, он слетел с пристани и рухнул животом на лед, заскользив, подобно седоку, отчаянно цепляющемуся за поводья сбросившего его скакуна. Ледяное крошево летело в глаза и слепило. Казалось, еще чуть-чуть, и даже Амону не хватит сил удержаться. Сани продолжали набирать скорость, и Кустодес почувствовал, что его броня начинает стираться. Он крутился и подскакивал,

отчаянно цепляясь за трос, но хватка его стремительно ослабевала.

Амон отцепился и прочертил широкую дугу, вбивая тяжелые сапоги в лед, чтобы остановиться. Как только ему это удалось, Кустодес вскочил на ноги.

Сани продолжали катиться прочь. Лыжники и ледовые яхты панически брызнули в стороны. Машина уже сшибала флажки на трассе для конькобежцев.

Позади раздался очередной взрыв. Над Парламентом вновь вскинулся фонтан пламени и дыма.

— Амон! Амон! — закричал вокс голосом Гаэдо.

— Слушаю.

— Ты где?

— Продолжаю преследование. Убийца уходит по ледяному озеру. Что с примархом?

— Только что получил подтверждение от Имперских Кулаков, — доложил Гаэдо. — Примарх успел покинуть Парламент, прежде чем детонировала первая бомба.

— А лорд Сихар?

— Погиб, как и еще восемь представителей правительства. Держись, Атон. Я уже вызвал вертушку. Буду у тебя через...

— Ждать некогда, — ответил Атон, включая прыжковый ранец.

Реактивный двигатель вознес Кустодес к небесам. С высоты он увидел, что убийца повернул сани на запад, прорываясь сквозь строй яхт.

Лорда Сихара прикончил его же собственный Черный Люцифер, личный телохранитель по имени Гэн Чет. Во всяком случае, именно так представил его Атону Ибн Норн. Но, скорее всего, уже на тот момент под черной рясой таился совсем другой человек. Или, что еще хуже, Гэн Чет с самого начала был не тем, за кого себя выдавал.

Как выяснилось, Луперкаль тоже успел обзавестись двойными агентами. Раз уж псы стали волками, то и волкам имело смысл поиграть в собак. Примарх Дорн был вынужден выдать подлинную суть лорда Сихара, чтобы успокоить Атона. Но Черный Люцифер все это время

был рядом. Шпион Хоруса. Тайна Сихара оказалась раскрыта. Лорд внезапно оказался слабым звеном, от которого следовало избавиться, и врагом, которого следовало покарать.

Взрыв бомбы решил для Луперкаля эту проблему. Центральный зал Парламента был уничтожен, крыша здания обвалилась. Ударная волна отшвырнула Гаэдо и Амона, и те, пролетев деревянные перекрытия, упали в помещение для голосования консулов. Амон первым сумел подняться на ноги.

Убийца бросился наутек. Оставив за собой по крайней мере еще одну бомбу, он стремился удрать. Как раз это и вызывало массу вопросов у Амона. Подобные наемные убийцы думали только о задании. И задание зачастую заканчивалось для них либо казнью, либо самоубийством. Неужели этот рассчитывал уйти?

Крайне сомнительно. Но чего же он тогда пытался достичь?

Амон настиг удирающие сани. Выставив перед собой руки, он врезался в машину, подобно молнии, вдребезги разнеся

рубку. Ураганный ветер подхватил осколки стекла и унес их прочь. Амон изо всех сил старался удержаться. Люцифер одновременно пытался совладать с санями и нашарить оружие. Машина дернулась в сторону, и Амон соскользнул, едва успев ухватиться за вздернутый нос саней.

Вонзая пальцы в металлическую обшивку, Амон пополз к противнику. Тем временем убийца успел найти оружие. Он выстрелил в Кустодес, неуклонно приближающегося к кабине, и болт просвистел возле самого уха стража. Сани разогнались практически до предельной скорости. Амон подтянулся и начал вползать в кабину. Убийца выстрелил вновь, и на сей раз заряд угодил в гигантского Кустодес, разбрызгивая его кровь по ветру.

Амон нанес удар с правой руки, сминая черный металлический шлем и превращая в багровую кашу череп.

Труп убийцы откинулся назад, и сани бешено закружились. Стараясь не упасть, Амон вполз внутрь, чтобы остановить двигатели.

И вот тогда он увидел то, что лежало на заднем сиденье.

Еще одна бомба — куда больше и мощнее, чем две другие. Теперь все стало понятно. Убийца и в самом деле планировал самоубийство. Собирался завершить свою миссию, доставив сани в самый центр Зимних Полей и активировав заряд. Взрыв должен был уничтожить реакторы Ги-Бразилии, погребенные под слоем льда. А те, в свою очередь, испепелили бы весь Планальто. Терра познала бы гнев Хоруса Луперкаля.

Едва удерживаясь на безумно содрогающихся санях, Амон пытался различить показания таймера, но чрезмерно яркий свет не позволял ему сделать это.

Поддавшись отчаянию, Кустодес выдрал из своих доспехов телепортатор. На точную корректировку и перекалибровку времени не оставалось, некогда было даже ввести полный набор координат. Амон изменил лишь высоту, добавив к ней пару километров, нажал на кнопку активации и швырнул устройство в

кабину.

А затем — прыгнул. Большая часть саней исчезла даже прежде, чем он упал на лед. Раздался отчетливый хруст костей, и Атон кубарем прокатился еще тридцать метров. Мимо пронеслись отрезанные телепортационным лучом закрылки и хвостовая часть саней, разбрасывая пылающие искры и роняя обломки.

Почти потерявший сознание, Атон наконец остановился и устремил взгляд в лиловое зюд-мериканское небо.

На высоте пары километров неожиданно возникла яркая вспышка, развернувшаяся в слепяще-белый цветок света. Затем Кустодес прижали к земле звуковая и ударная волны.

Под стенами Дворца, во мраке гималазийского вечера, верный сторожевой пес поднялся со льда и отряхнулся. Он был ранен, но почти вся кровь на его шерсти принадлежала волку, только что рухнувшему с разорванным горлом.

Прихрамывая, пес побрел к воротам,

роняя в снег капли крови. Его дыхание поднималось паром в холодном вечернем воздухе.

Позади него из тьмы выходили новые и новые волки, подступая все ближе к стенам Дворца.

Майк Ли
ВОЛК У ВОРОТ

До рассвета оставалось еще около двух часов, когда колонна бронетехники покинула охваченный пожарами город и с грохотом помчалась по широкой мощеной дороге, уходящей на запад. Некогда этот путь служил для переправки тиранам Кернунноса богатств, награбленных в десятках других миров. Колонна растянулась более чем на километр и с высоты напоминала извивающегося дракона, закованного в стальную чешую. Во главе строя ползли тяжелые танки Имперской Армии, потрепанные и покрытые толстым слоем копоти в ходе ожесточенных боев за столицу планеты; следом шли низкобортные «Химеры», перевозящие элитные подразделения Арктурианских Драгун. Именно эти воины и стали острием атаки на твердыню тиранов, именно они первыми ворвались в полуразрушенный дворец. Кровью и отвагой

заслужили они право присоединиться к общему строю и принять участие в предстоящей церемонии.

Машины медленно, но целеустремленно шли сквозь объятую пожарами ночь; дорога змеилась мимо необъятных космодромов, усеянных обгоревшими обломками величественных кораблей-сокровищниц. От одной из взлетных площадок остался лишь глубокий кратер, чьи стенки, словно залитые стеклом, все еще продолжали светиться, — там, пытаясь избежать участи, уготованной всему Кернунносу, погибло судно, настигнутое первыми же залпами орбитальных орудий. Пламя, вырвавшееся из разрушившихся реакторов, охватило множество напуганных беженцев, а взрывная волна, словно игрушки, разбросала стоявшие рядом яхты. Их обгорелые остовы устилали землю на многие километры вокруг.

За космодромами простирались безбрежные поля, над которыми возвышались здания перерабатывающих заводов, — когда-то они служили основным

источником продовольствия для обитателей города. Но теперь там, где некогда выращивали пшеницу, кукурузу и культивированную иву, были лишь воронки от взрывов да сгоревшие танки. Посреди пепелища пировали стаи падальщиков, привлеченные запахом горелого мяса. Тот там, то тут можно было увидеть остовы двуногих боевых машин, подчинявшихся тиранам. Их конечности были изрешечены огнем лазерных орудий, а корпуса зияли пробоинами, обрамленными лепестками разорванного металла. Проезжая мимо полей, экипажи танков тщательно изучали местность при помощи аусписков и расстреливали из тяжелых стабберов мелкие группки беженцев — мужчин, женщин и детей.

Примерно в тридцати километрах от города дорога скрывалась за затянутыми дымом холмами, позади которых виднелась цепь невысоких гор, называемых аборигенами Елисейскими. С древнейших времен эти предгорья служили излюбленным местом отдыха тиранов и их верных сенаторов, но орбитальной и

наземной артиллерии хватило всего лишь шести часов, чтобы живописные пейзажи превратились в изуродованную, изрытую оспинами воронок пустыню. От роскошных особняков некогда могучих властителей остались лишь груды пепла, впрочем, как и от соседствовавших с ними поселений и леса.

Тираны попытались укрыться в этих горах после того, как их хваленый флот был полностью уничтожен в сражении за самую большую из лун Кернунноса. В глубинах Елисейских гор было обустроено убежище, высеченное в скальной породе еще во времена Эпохи Раздора, прежде чем Древняя Ночь разрушила первую межзвездную цивилизацию Человечества. Этот бункер был создан для того, чтобы защитить местную элиту от ужасных порождений варпа, разгуливавших по планете, и за минувшие столетия неуязвимость крепости вошла в легенды. Это был последний форпост надежды, способный устоять даже в огне Армагеддона.

Бронетехника грохотала, взбираясь

по горной дороге, минуя поваленные деревья и сожженные машины, преграждавшие путь. Ориентируясь по сделанным с орбиты фотографиям, победители проезжали разоренные деревни и сгоревшие поместья, приближаясь к крепости по изрытой колдобинами грунтовой дороге. Скальный массив был безнадежно изуродован лучевым оружием и орбитальной бомбардировкой, всю растительность на его склонах уничтожили страшные взрывы. В глубоких воронках лежали оплавленные остатки лазерных батарей орбитальной обороны, пытавшихся сдержать натиск кораблей Империума.

Когда две трети пути уже было пройдено, дорога неожиданно вышла на широкое искусственное плато, образующее полку на склоне горы и выстланное феррокритом. Повсюду валялись обломки армейских орнитоптеров, вокруг которых лежали обгоревшие тела их экипажей. На западном краю плато виднелись скрытые под каменным козырьком гладкие стальные ворота.

Бронетехника рассредоточилась, занимая строго оговоренные позиции. Остановившись, «Химеры» опустили рампы, изрыгая батальоны закаленных в боях драгунов. Зазвучали отрывистые приказы и забористая ругань сержантов — гвардейцы приступили к расчистке территории, оттаскивая тела погибших в стороны, пока танки сдвигали уничтоженные орнитоптеры к краям плато. Спустя каких-то полчаса площадка была полностью приведена в порядок, и войско, разбившись на роты, выстроилось в две длинные колонны вдоль краев искусственного уступа. Далеко на востоке ночное небо освещалось янтарным заревом пожарищ, охвативших величественный город.

Примерно за пятнадцать минут до рассвета из-за горизонта донесся металлический гул, и вскоре уже затянутое свинцовыми тучами небо задрожало от все усиливающегося рева. Тяжелые облака над плато пришли в движение, озаряемые холодным синим светом, становившимся ярче с каждой

секундой. Наконец их непроницаемая завеса словно взорвалась — и в небе возникли хищные профили трех «Грозовых птиц»; завывая посадочными двигателями, летающие машины выпустили шасси, и вскоре опытные пилоты уже остановили каждую из них точно на заранее подготовленной треугольной площадке.

Едва успев коснуться земли, «Грозовые птицы» опустили пандусы. В багровом свете бортовых ламп вырисовались силуэты могучих, закованных в броню великанов.

Над выстроившимся воинством разнеслись крики сержантов, и драгуны, залихватски притопнув каблуками подкованных сапог, вытянулись по стойке «смирно». На опаленную землю Кернунноса сходили Волки Императора.

Стальные сходни загремели в такт шагам сбегавших по ним облаченных в серые доспехи воинов, сжимающих в руках тяжелые болтеры. Космические Волки, VI Легион Императора, генетически усовершенствованные люди, являющие собой воплощение боевой мощи Империума.

В их облике удивительным образом соединялись новейшие технологии и память о былых веках. Сервоприводы гудели под пластинами силовой брони второго поколения «Крестоносцев»; воины внимательно осматривались, оптическая аугметика их шлемов проверяла зону высадки на всех визуальных диапазонах, начиная с инфракрасного и заканчивая ультрафиолетовым. И в то же самое время широкие плечи воинов покрывали волчьи и медвежьи шкуры, а к помятым в частых сражениях нагрудникам крепились обереги, выполненные из железа, дерева и костей. Каждый десантник имел при себе меч либо топор, а некоторые с гордостью носили на закрепленных на поясах крючьях жутковатые боевые трофеи — покрытые позолотой черепа или экзотическое оружие. Когда Волки Императора шествовали мимо, даже самые бывалые ветераны Арктурианских Драгун отводили глаза.

Десантники рассредоточились и выстроились перед «Грозовой птицей», разбившись на отряды. Еще раз осмотрев

плато, воины вскинули болтеры на караул, и головному кораблю было отправлено беззвучное сообщение. В точно установленный момент, когда небо на востоке окрасилось первыми лучами зари, по рампе передней из «Птиц» спустился Вулвайф, Волчий Лорд Тринадцатой роты Космических Волков и командующий Девятьсот пятьдесят четвертым Экспедиционным Флотом. За ним следовали его старейшие лейтенанты и герои Волчьей Гвардии.

Они потрясали воображение своим великолепием: силовая броня была начищена до зеркального блеска и украшена сияющими наградами за отвагу, проявленную на многочисленных полях сражений. На серых наплечниках сверкали отлитые из золота волчьи головы, удерживающие потрепанные пергаментные листки, на которых были начертаны боевые клятвы и молитвы, обращенные к Всеотцу. Серебряные медали и украшенные рунами железные медальоны, свисавшие с их шей, повествовали о доблести, проявленной в борьбе с

бесчисленными врагами Человечества. С плеч элитных Астартес ниспадали качественно выделанные шкуры, некогда принадлежавшие самым могучим полярным медведям и волкам, а к поясам были приторочены ценнейшие из трофеев – золоченые клыки, разрубленные черепа и фаланги пальцев лучших из вражеских воинов, поверженных десантниками в личной схватке. Но броня Булвайфа была особенно роскошна: выкованная мастерами-оружейниками далекого Марса и украшенная золотым орнаментом, изображающим сцены сражений. Кирасу и бронированный пояс, набранный из адамантиевых пластин, усеивали трофеи, собранные Лордом в десятках тяжелых кампаний, а на голове его сверкал обруч из кованого золота. Рукой в латной перчатке командующий сжимал тяжелый боевой топор, посаженный на стальную рукоять, обвитую полосками дубленой тюленьей кожи, а встроенный блок генератора силового поля был украшен рунами победы и смерти.

С мрачным лицом Булвайф

прошествовал мимо отделений почетного караула и подошел к входу в крепость. За ним следовали два воина, не сводившие внимательного взгляда с массивных дверей.

— Они задерживаются, — проворчал Хальвдан Гибельный Глаз.

Даже в самые мирные времена первый лейтенант Вулвайфа был угрюмым и задумчивым и на поле боя чувствовал себя гораздо уютнее, чем в бражном зале. Его жесткие медно-рыжие волосы, подернутые сединой, были заплетены в две тяжелые косы, спадавшие на нагрудник, а всю нижнюю часть лица скрывала колючая борода. Нос его очертаниями более всего походил на лезвие топора, острые скулы исчертила сетка старых шрамов.

Под густыми бровями лишь один глаз светился темным огнем, вторая глазница, некогда разрубленная ударом меча, пустовала. Воин оправился от страшной раны и пренебрежительно отказался прикрывать опустевшую глазницу повязкой, во времена разбойничьих набегов на Фенрисе пугая ужасным шрамом как

врагов, так и товарищей. Теперь же место утраченного глаза заняла аугметическая линза — ее фокусирующий элемент тихо щелкал, пока воин осматривал вход, прикрытый разбитым козырьком. Из глотки Хальвдана донесся низкий рык:

— Проклятые глупцы, должно быть, передумали. Может, уже затевают новое предательство.

На это воин, стоявший рядом с Хальвданом, ответил пренебрежительным смехом.

— Или просто не могут открыть эти огромные двери, что вероятнее, — заметил Юрген. Он был худощавым и жилистым, кожа туго обтягивала кости лица, над кромкой нагрудника видны были канаты мышц, обвивающих шею. Черные с проседью волосы были коротко пострижены, к тому же в последнее время он перенял традицию терран брить подбородок, получая немало насмешек от товарищей по стае. — Удивительно, что после шести часов бомбардировки они все не похоронены заживо. — Он бросил на своего лорда взгляд, в котором плескалось

трачное веселье. — Кто-нибудь догадался взять с собой лопаты?

Булвайф бросил на Юргена взгляд братского недовольства. Все они были стариками по стандартам Астартес, начав еще разбойниками и братьями по мечу с Леманом, королем русов, за много лет до пришествия Всеотца на Фенрис. Когда правда о наследии Лемана наконец раскрылась, каждый воин в бражном зале короля обнажил свой железный клинок и шумно выразил желание отправиться воевать с Леманом, как должно братьям по мечу. Но все они были слишком стары, как сказал им Всеотец: среди них не было никого моложе двадцати. Испытания, которые им предстояло претерпеть, весьма вероятно, убили бы их, независимо от того, насколько они мужественны и сильны волей. Однако люди в бражном зале Лемана были могучими воинами, каждый из которых заслужил право считаться героем, и их останавливали мысли о страданиях и смерти. Король Леман был тронут их преданностью и не смог найти в своем сердце сил для отказа. Итак, его

верные таны вступили в Испытания Волка, и, как и предупреждал Всеотец, подавляющее большинство из них погибло.

Из нескольких сотен выжило едва четыре десятка — число, поразившее даже самого Всеотца. В честь их мужества Леман — больше не король, но примарх VI Легиона — сформировал новую роту из выживших. С тех пор другие воины Легиона прозвали тех, кто попал в Тринадцатую, Седобородыми; сами воины роты, однако, называли себя Волчьими Братьями.

— Если они не выйдут, мы используем «Грозовых птиц» и танки, чтобы вскрыть эти двери, и отправимся за ними, — мрачно сказал Булвайф. — Так или иначе, но кампания завершится здесь.

Юрген улыбнулся и уже собрался ответить, но выражение лица Волчьего Лорда заставило его передумать. Квадратная челюсть и острый нос Булвайфа выдавали упрямство и неуступчивость даже в лучшие времена. Одного возраста с Юргеном и Хальвданом, он был лыс, и не было ни намека на седину в

его коротко стриженной русой бороде. Голубые глаза были остры и смертоносны, как глетчерный лед. Булвайф поклялся примарху привести весь субсектор Лаптас к согласию, и его помощники знали: если Волчий Лорд дает слово, он становится бескомпромиссным и непримиримым, как зимний шторм.

Хальвдан ухмыльнулся над неловкостью Юргена. Безбородый лейтенант кинул в сторону собрата жесткий взгляд, но не успел ответить — глубокий грохот раздался из испещренной шрамами горы, и со скрежетом металла по камню огромные двери крепости начали раздвигаться.

По рядам драгун прокатилось волнение. Выкрики сержантов пресекли бормотание, которое слышалось тут и там. Облака пыли хлынули через растущую щель между створками, и горстка людей в рваных мундирах, шатаясь, выбралась на прохладный горный воздух. Их куртки были пропитаны потом и грязью, а ножны парадных сабель — помяты и исцарапаны. Несколько человек

упали на колени, задыхаясь в изнеможении, другие просто потрясенно смотрели на Космических Волков и солдат, выстроившихся за ними.

Спустя пару мгновений появился офицер в парадной форме, не менее грязный, но еще не сломленный, несмотря на суровые испытания, которые им пришлось перенести. Он пролаял несколько приказов, и его солдаты отреагировали как могли, поправляя куртки и становясь неровным строем рядом со своим командиром. Люди продолжали выбираться наружу, присоединяясь к остальным, пока почти полный взвод потрепанных солдат не встал навытяжку перед Волками. По их форме Булвайф мог сказать, что они были солдатами из рядов Компаньонов, элитных телохранителей тиранов. В начале кампании численность Компаньонов составляла шесть тысяч человек — по тысяче фанатичных защитников на каждого из владык Империи.

Командир телохранителей окинул взглядом своих людей в последний раз,

потом коротко кивнул. С прямыми спинами, чеканя шаг, солдаты прошли короткий отрезок до ждущих Космических Волков и начали один за другим отстегивать сабли и складывать их к ногам гигантов. Когда последний солдат сдал оружие, их командир подошел к Волчьему Лорду и с отсутствующим взглядом добавил свое оружие к общей куче. Булвайф бесстрастно разглядывал человека, отметив петлицы на форме.

— Где ваш командир, младший офицер? — спросил Волчий Лорд.

Тот выпрямился, руки по швам.

— Со своими предками, — ответил молодой человек, из последних сил стараясь говорить с достоинством. — Он застрелился сегодня утром, вскоре после принятия условий капитуляции.

Булвайф обдумал это и мрачно кивнул. Младший офицер отвел глаза, повернулся кругом и присоединился к своим людям. Он глубоко вздохнул, отрывисто рявкнул приказ, и выжившие Компаньоны опустились на колени, прижав лбы к феррокриту: началась церемония сдачи.

Рабы шли первыми — в рваных окровавленных рубищах, шатаясь под тяжестью тяжелых металлических сундуков. Их лица были безжизненны и перепачканы, изнуренные двумя бичами — усталостью и голодом. Один за другим они подходили к страшным, одетым в броню гигантам, ставили сундуки к их ногам и откидывали крышки, открывая богатства, лежавшие внутри; не-ограненные камни и драгоценные металлы тускло блестели в рассеянном утреннем свете — выкуп шести тиранов, грабивших свою жалкую империю вдоль и поперек. Трофеи нагромождались вокруг Космических Волков, как сокровищница дракона, вызывая алчный шепот у солдат Имперской Армии. Когда их задача была выполнена, рабы с пустым и безразличным выражением на лицах преклонили колени рядом с несметными сокровищами.

Затем вышли дочери и жены тиранов — плачущая процессия, облаченная в белые траурные одежды, — с распущенными волосами и бледными лицами, измазанными пеплом. Самые молодые

отшатнулись и завопили в страхе, увидев страшных гигантов и ухмыляющихся драгун; несомненно, они провели бессонную ночь, воображая страшные унижения, ожидавшие их. Женщины упали на колени перед Волками — в нескольких ярдах от них, некоторые плакали безутешно, в то время как другие сохраняли на лицах безучастность, видимо смирившись со своей судьбой.

Последними вышли сами тираны. Они появлялись из крепости по одному, семеня под тяжестью тяжелых раззолоченных одеяний и драгоценных цепей, указывавших на их статус. Самопровозглашенные хозяева субсектора Латтас были маленькими бледнокожими людьми с пятнистыми лицами, обвисшими от постоянного разврата и излишеств. Двоим из них требовалась помощь группы рабов. Их глаза казались стеклянными и пустыми; либо они решили встретить судьбу в наркотической дымке, либо их дух был просто сломлен тяжестью поражения. Когда тираны подошли к Космическим Волкам, поднялся новый хор женских

стенаний. Дрожащие руки хватались за края их одежд, когда бывшие правители проходили мимо своих близких, чтобы предстать перед врагами. Медленно, неловко они преклонили колени перед завоевателями, по традиции своего народа обнажили шеи и приготовились к смерти.

Хальвдан и Юрген быстро переглянулись с гримасами отвращения на лицах. Булвайф изучал тиранов несколько долгих минут, затем шагнул вперед, свободно опустив топор в правой руке. Он возвышался над коленопреклоненными людьми, как мстительный бог, по очереди холодно вглядываясь в каждого.

— И вот мы встретились вновь, — сказал Волчий Лорд, — как я вам и говорил семь лет назад. Тогда я стоял в вашем дворце из хрусталя и стали, неся благую весть от нашего Всеотца, Императора Человечества. Я принес приветствие и обещания мира и порядка. Я предложил вам это, — Булвайф протянул открытую левую ладонь, — и вы плюнули в мою руку. Вы презрели дары моего господина и выставили меня на улицу, как попрошайку,

угрожая убить, если мы снова встретимся. — Волчий Лорд сердито посмотрел на тиранов и показал им топор. — Перед тем как уйти, я поклялся вам, что этот день настанет. Теперь ваши флоты разбиты, а армии рассеяны. — Булвайф указал на восток. — Вашего дворца из стали и хрусталя теперь нет. Ваши сыновья мертвы, а города лежат в руинах. — Его голос понизился до горлового рычания и губы раздвинулись в оскале, обнажая длинные волчьи клыки. — Вы больше не тираны. Вы низвергнуты, и я прослежу, чтобы ни вы, ни кто-либо из вашего рода никогда не поднялись вновь.

Булвайф жестом позвал помощников. Хальвдан и Юрген шагнули вперед с мрачными лицами. Падшие тираны издали стон, и их жены горестно закричали. Но вместо того чтобы обнажить клинки, два Космических Волка сняли цепи статуса с дрожащих людей и бросили в кучу драгоценностей, а затем сорвали и богатые одеяния.

— Если бы дело оставили на мое усмотрение, вы никогда не вышли бы из

этих туннелей! — прорычал Булвайф. — Я превратил бы эту гору в вашу могилу. Но Всеотец в своей мудрости решил иначе. — Волчий Лорд указал на кучи сокровищ. — Это богатство принадлежит множеству миров, которые вы разорили, — планетам, которые превратились в поля сражений по вине вашей надменности и жадности. Вы используете это достояние, чтобы начать восстанавливать все, что было утрачено, и гарантируете, что миры этого субсектора станут процветающими и стабильными членами Империума. Каждая планета скоро получит имперского губернатора для наблюдения за восстановлением, и они будут присылать мне регулярные отчеты о прикладываемых вами усилиях. — Он посмотрел вниз, на голых дрожащих людей. — Не дайте мне повода вернуться сюда вновь.

Медленно и демонстративно Булвайф опустил топор. Бывшие тираны и их семьи молчали, не в силах осознать, что им оставили жизнь и даже достоинство. Волчий Лорд развернулся и зашагал обратно к ожидавшей «Грозовой

птице». Проходя между горами сокровищ, он строго посмотрел на коленопреклоненных рабов и приказал:

— Вставайте. Вы больше не рабы. С этого дня вы — граждане Империума, и до тех пор, пока жив Всеотец, вы никогда не преклоните колена перед другим господином.

Впервые на изможденных лицах бывших слуг появился проблеск жизни, и медленно, осторожно они начали подниматься на ноги. Среди знати одна молодая женщина испустила истерический крик облегчения и где ползком, где на коленях пробралась к своему отцу, который пытался прикрыть наготу дрожащими руками и смотрел с ненавистью на одинаковые спины Космических Волков.

Три воина прошли через кордон, установленный ожидавшими их боевыми братьями, к рампе «Грозовой птицы». Хальвдан украдкой глянул на низверженных тиранов позади и глухо прорычал:

— Нужно было убить их всех до

единого. Они ничему не научатся, можете быть уверены. В следующие десять — двадцать лет нам придется вернуться и закончить начатое.

Но Юрген покачал головой.

— Субсектор Ламмас все еще будет тенью былого и через сотню лет, не говоря уж о двадцати, — ответил он. — Мы очень тщательно проделали свою работу, брат. Каждый город, каждый промышленный центр, каждый космопорт придется восстанавливать.

— Бессмысленные потери, — пробормотал Волчий Лорд, чем удивил обоих. — Столько разрушений. Столько жизней выброшено впустую, и все ради шести надменных глупцов.

Хальвдан пожал плечами:

— Такова цена сопротивления. Всегда было так, мой лорд, даже в старые времена на Фенрисе. Сколько жалких царьков мы повергли по велению короля Леманa? Сколько деревень сожгли, сколько драккаров разбили в щепки? Таков порядок вещей. Империи строятся на переломанных костях и реках крови.

— Да, это так, — согласился Булвайф. — Я этого не отрицаю. И дело Всеотца справедливо: Человечество должно стать снова единым, если мы хотим вернуть то, что по праву наше. Эта Галактика принадлежит нам, и наш долг — отвоевать ее, не постояв за ценой. В противном случае все страдания, через которые Человечеству пришлось пройти, окажутся напрасными.

— И мы были бы не лучше, чем вся ксено-скверна, которая была до нас, — добавил Юрген и хлопнул Булвайфа по плечу. — Это была долгая и упорная кампания, мой лорд. Ты сломил тиранов и отвоевал весь субсектор Лаптас. Гордись, зная, что исполнил свои клятвы Всеотцу, и будь доволен.

В этот момент жилистый пожилой человек, одетый в темно-серый мундир виллана Легиона, спустился с рампы десантного корабля и поспешил встретиться с приближающимся Волчьим Лордом. Это был Йоханн, один из личных хускерлов Булвайфа, и Волчий Лорд нахмурился, видя, какое напряженное у него

лицо.

— Что случилось? — спросил он тихо, когда Йоханн подошел ближе.

— Два корабля прибыли в систему несколько часов назад, — с серьезным видом ответил хускерл. — Один — курьерский, со срочным сообщением от самого Лемана Русса. Нам приказано незамедлительно завершить все операции и встретиться с примархом в системе Телкары через пять месяцев.

Волчий Лорд распахнул глаза:

— Всей ротой?

Йоханн помотал головой:

— Нет, господин. Всему Легиону. Приказы получены примархом от самого Всеотца. Мы направляемся на Просперо.

— Просперо? — встрял Хальвдан. — Это безумие! Где ты услышал такое?

— Так сказано в сообщении, — ответил хускерл. — Хотя причины не объясняются. Без сомнения, мы узнаем больше, когда достигнем системы Телкары.

— Пять месяцев, — повторил Юрген и покачал головой. — Наши воины и корабли

разбросаны по всему субсектору, выслеживая последних из сторонников тиранов. Несколько месяцев может уйти, просто чтобы собрать всех и подготовить к путешествию.

Булвайф кивнул. Телкара находилась далеко на галактическом севере, более чем в двух секторах отсюда. Вывести роту из боевых действий и подготовить ее к такому маршруту — задача не из легких.

— Отправь курьеров с приказами для роты немедленно выступить к Кернунносу, — сказал он Йоханну. Раз большая часть Имперского флота стояла на орбите бывшего тронного мира тиранов, было бы логичным пополнить корабельные запасы Великой Роты здесь, прежде чем они отправятся к Телкаре. Волчий Лорд сделал паузу. — Секунду. Ты сказал, что два корабля прибыли в систему. Что за другой корабль?

— Один из кораблей дальней разведки, господин, — ответил Йоханн. — Вы поручили адмиралу Яндину продолжать исследования пространства вдоль восточной границы субсектора.

— Я знаю, что поручил адмиралу Яндину, — отрезал Булвайф. — Нашли они что-нибудь?

— Да, господин, — ответил хускерл. — Разведчики сообщают, что варп-штормы утихают по всему региону, открывая все больше и больше пространства для безопасной навигации. — Он хотел сказать что-то еще, но не решался.

Глаза Волчьего Лорда сузились.

— Продолжай.

— Одному из кораблей удалось добраться до звездной системы в области, ранее отрезанной штормом, — сказал он. — Система числится на наших старых картах, хотя нет никаких признаков того, что там когда-либо была основана колония.

— Но?

Йоханн сделал глубокий вдох и выпалил:

— Но корабль-разведчик обнаружил вокс-передачу на стандартных частотах, исходящую с четвертой планеты в системе.

Булвайф потрачнел. Хальвдан

покосился на Юргена и покачал головой.

— Брось, — сказал он Волчьему Лорду. — Это всего один мир. Пусть армия займется. У нас есть новые приказы, не так ли?

— Хальвдан прав, мой лорд, — добавил Юрген. — Мы отвоевали все населенные миры в этом субсекторе. Что еще мы можем сделать?

Булвайф помолчал.

— Что еще? Исполнить наш долг перед Человечеством, конечно, — сказал он, затем сосредоточил внимание на хускерле. — Расскажи мне об этом мире, — повелел Волчий Лорд.

Боевая баржа «Железный волк» висела, словно занесенный для удара клинок, над зелено-охряной поверхностью разоренного мира. Свет далекого желтого солнца холодно блестел на готическом кафедральном соборе надстройки корабля и подсвечивал грубые боевые шрамы на бронированной шкуре. «Железный волк» повидал множество жестких сражений за последние семь лет Великого Крестового

Похода, и огромная боевая баржа носила свои раны с гордостью. Она была флагманом 954-го Экспедиционного флота, и ее почетные списки несли свидетельства о пройденных сражениях и отступившихся мирах, возвращенных во имя Императора Человечества.

Булвайф почувствовал, как свинцовый вес ускорения вдавливает его защищенное броней тело в противоперегрузочный ложемент, когда «Грозовая птица» полыхнула двигателями и стартовала из одного из похожих на пещеру пусковых отсеков «Железного волка». Гром массивных двигателей штурмового корабля внезапно стих, когда «Птица» пронеслась сквозь сверкающий изгиб стратосферы и начала постепенное снижение к поверхности. Гололит, установленный в переборке перед ложементом Волчьего Лорда, показывал траекторию «Грозовой птицы» наряду с иконками, отображающими все — от скорости и угла атаки до состояния вооружения, расхода топлива и давления в турбинах. Взаимодействуя с бортовыми

системами «Птицы» через вокс-устройство своих доспехов, Вулвайф запросил снимки, полученные высотной разведкой с планеты за последние двадцать четыре часа, и начал изучать пикты стальным взглядом голубых глаз.

У планеты не было имени, судя по звездным картам «Железного волка»; учитывая ее положение далеко на галактическом юге, она, вероятно, была одной из последних человеческих колоний, основанных где-то при Восьмом расселении перед Эпохой Раздора. Колонисты были очень везучими, или очень смелыми, или одновременно теми и другими, решил Вулвайф. Мало таких колоний пережило последующую многовековую изоляцию; тот же субсектор Латтас был усеян скелетами руин, оставшихся от поселений, которые оказались недостаточно сильными, чтобы выдержать варп-штормы и порожденные ими ужасы.

И этот мир тоже сильно пострадал, заметил Волчий Лорд. Значительная часть суши была бесплодной и безжизненной. Тысячи километров

пустыни простирались до полярных шапок, оставив около двух десятков зеленых и живых районов, вытянувшихся, как цепочка изумрудов, вдоль экватора. Он видел очертания больших озер и внутренних морей, превратившихся в потрескавшиеся и изрытые равнины, и широкие горные склоны, ободранные до голого, неподатливого камня. Согласно показаниям комплексов аусник-датчиков на борту «Железного волка», значительная часть безжизненной местности была опасно радиоактивной.

Булвайф остановил пикт-поток на одном изображении.

— Десятикратное увеличение, — пробормотал он в вокс-бусину.

Пикт расплылся по мере увеличения; когитаторы в основании гололита застрекотали, пока улучшающие алгоритмы превращали мазки коричневого, охряного и темно-серого в низкие округлые холмы, окружающие пологий бассейн около восьмидесяти километров в поперечнике. Серая линия сухого русла извивалась, как след змеи,

через центр бассейна, местами его границы смазывались плотными наносами пыли. Широкий выступ разбитого камня и спутанных черных балок рос из пыли вдоль одной широкой излучины реки. Когда-то, сотни лет назад, там процветал небольшой город.

Громкий скрип металла и пластика раздался за спиной Волчьего Лорда.

— Должно быть, отменная была война, — восхищенно сказал Хальвдан, щурясь на пикт через плечо Булвайфа.

Булвайф протянул руку и повернул рукоять запора своего ложемента, чтобы повернуться к переднему десантному отделению транспорта. Двенадцать космодесантников его Волчьей Гвардии занимали тесное пространство, зафиксированные в своих ложементах вдоль внешней переборки отсека. Их снаряжение было очищено от песка и крови боев на Кернунносе, доспехи отполированы до зеркального блеска. Небольшой почетный караул для столь важной миссии, но Волчий Лорд не хотел снимать лишних воинов с жизненно важного боевого

дежурства на бывшем тронном мире тиранов. Времени было мало, и Вулвайф был полон решимости выполнить задание с имеющимися бойцами. Всеотец именно этого ждал от своих Легионов.

Волчий Лорд посмотрел на гололит еще секунду, потом в сомнении покачал головой.

— Это была чертовски странная война, — откликнулся он, указывая на безжизненные равнины вокруг разрушенного города. — Ни кратеров. Ни разбитых машин. Никаких признаков заброшенных укреплений или других полевых позиций. А разрушения простираются на тысячи километров в северные и южные широты, которые и в нормальных условиях враждебны человеческой жизни, а в этих обстоятельствах — тем более.

Хальвдан потрачнел.

— Тогда псайкеры, — проворчал он, прикоснувшись к железному амулету, свисавшему на кожаном шнуре с толстой шеи.

Псайкеры — чаще называемые первобытным народом Фенриса колдунами

— начали спонтанно появляться на бесчисленных человеческих мирах незадолго до Эпохи Раздора. Их сверхъестественные силы повсеместно сеяли хаос и разрушение; могучий псайкер мог искривлять саму ткань реальности. Не раз в ходе Крестового Похода экспедиционные флоты натыкались на колонии, которые попали под власть подобных кошмарных существ. Всеотец приказал сжечь эти планеты дотла, а координаты систем вычеркнуть из звездных карт.

— Возможно, — допустил Булвайф, — но если это так, люди здесь, должно быть, нашли способ остановить их.

Юрген, чей ложемент располагался на другой стороне десантного отделения, подвинулся, чтобы лучше видеть гололит.

— Я еще не видел псайкера, пережившего атомный взрыв, — проворчал он. — Это объяснило бы всю эту радиацию и масштаб разрушений. Они разбомбили ядерными зарядами три четверти собственной планеты, чтобы уничтожить их.

— Но мы не видели никаких признаков военных, а тем более ядерного оружия, — указал Булвайф. — А тут еще это.

Волчий Лорд повернулся обратно к гололиту и передал команду. Пикт разрушенного города растворился в полихроматическом тумане. Когитаторы жужжали и щелкали. Спустя несколько мгновений из тумана образовалась другая картина.

На переднем плане показался город, построенный из сплошных плит искрящегося белого камня и искусно встроенный в склоны лесистых холмов у подножия высокого, царапающего облака горного хребта. Улицы из камня или какого-то местного композита соединяли террасные здания и кишели сотнями людей и маленьких куполообразных автомобилей, спешащих по своим повседневным делам. Детализация была небольшой, но кое-что в сцене предполагало отчаянную — почти затравленную — суету.

Аугметический глаз Хальвдана тихо щелкал, фокусируясь на изображении.

— Выглядит достаточно приятно.

— Не город, — сказал Булвайф. Он налег на привязные ремни и ткнул пальцем в едва заметный темный объект на заднем плане. — Я говорю об этом.

Волчий Лорд указал на тонкую темную линию, прямую, как лезвие ножа, возвышающуюся над холмами на большом удалении от города. Хальвдан нахмурился, пристально глядя на изображение.

— Ну, оно большое, что бы это ни было, — сказал он.

— Большое? — откликнулся Юрген. — Судя по масштабу, оно должно быть огромным.

Булвайф кивнул. Изображение исчезло, сменившись другим, показывающим объект с меньшего расстояния. Это был шпиль, сужающийся к концам и немного выпуклый в середине, словно веретено, едва балансирующее на ладони человека. Поверхность была матово-черной, такой темной, что, казалось, поглощала свет вокруг. Только смутные шероховатости в силуэте шпиля намекали, что он был не совсем гладким и

содержал сотни небольших уступов и узких ниш.

— Он больше пяти тысяч метров в высоту, — провозгласил Волчий Лорд. — Никто на «Железном волке» не может сказать мне, сколько лет этому шпилю или из чего он сделан. Только в одном железные жрецы пришли к согласию: скорее всего, эту конструкцию создал не человек. И еще по одной такой же в каждой из двадцати обитаемых зон, оставшихся на планете.

Юрген насупился, глядя на странные изображения:

— А ты уверен, что там, внизу, нет никаких псайкеров?

— Любой псайкер, достаточно тщеславный, чтобы построить что-то подобное, не станет прятаться, — парировал Булвайф. — Разведывательные полеты в течение последних нескольких дней позволили перехватить большое количество гражданских вокс-передач — новостей и тому подобного. В них нет ни намека на псайкерскую активность в какой-либо точке планеты.

— И все же, — сказал Хальвдан, поглаживая амулет на шее, — шпили находятся только в непосредственной близости от людей. Это не может быть совпадением.

— И я об этом подумал, — согласился Булвайф. — Нечего и говорить, что у меня будет ряд вопросов к Планетарному Сенату, как только мы закончим с важными пунктами повестки дня.

— Мне это совсем не нравится, — ворчал Юрген. — Как будто у нас нет более важных дел, мой лорд. Примарх призвал нас, так почему мы здесь прохлаждаемся? — Он махнул рукой в латной перчатке в сторону гололита. — Это мелкий мирок на самом краю человеческого пространства. Насколько мы можем судить, там около ста двадцати миллионов человек на всей планете; на Кернунносе даже городишки крупнее, чем этот! И это ничто по сравнению с тем, что нас ждет на Просперо.

Хальвдан выдвинул бородатую челюсть, но тоже кивнул.

— На этот раз, в виде исключения, я

согласен с Юргеном, — сказал он. — Наша судьба лежит далеко на галактическом севере. Что можно получить именно здесь?

Брови Волчьего Лорда вопросительно поднялись.

— Как это — что можно получить? Сто двадцать миллионов заблудших душ для начала, — ответил он. — Не говоря уже о чести нашей роты! Примарх послал нас сюда, чтобы привести миры субсектора — все миры — к Согласию, и именно это я собираюсь сделать. Потребуется по крайней мере еще восемь недель, чтобы собрать остальную часть роты на Кернунносе; за это время мы должны разобраться с этой задачей.

Юрген ответил не сразу — он изучал Булвайфа несколько долгих мгновений.

— Мой лорд, ты и я дрались вместе почти триста лет, — сказал он. — Я знаю тебя лучше, чем большинство людей знают своих братьев, и я не могу не задаться вопросом: нет ли чего-то большего в этой маленькой экспедиции, чем просто исполнение долга?

Булвайф удостоил лейтенанта

суровым взглядом, который Юрген выдержал без комментариев. Наконец Волчий Лорд вздохнул и повернулся к гололиту.

— С каких это пор наш долг стал так прост? — проворчал он себе под нос.

* * *

«Грозовая птица» вошла в атмосферу планеты словно на хвосте кометы и снизилась по длинной дуге над экватором. Через час челнок низко пронесся над обвитыми облачностью горами и зелеными, поросшими лесом холмами, на которых раскинулся город Онейрос. Низкие белые строения скучились на холмах, как колонии поганок, окружая плотно застроенный центр, более похожий на современный имперский город. Булвайф отметил, что высотные здания и величественные амфитеатры были

построены для общественного пользования, учитывая, что Онейрос был также резиденцией планетарного правительства. Волчий Лорд также увидел террасы виноградников, окаймляющие некоторые небольшие холмы, и другие земли, отведенные под сельскохозяйственные культуры и выпас скота. Булвайф заметил, что большинство стад были небольшими и относительно молодыми, а поля кишели батраками, поспешно убиравшими урожай.

Им пришлось дважды облететь город, чтобы найти следы бывшего космопорта. Огромные посадочные площадки, которые когда-то обслуживали тяжелые грузовые челноки или малые транповые суда, теперь заросли травой; их четкие искусственные края до сих пор были видны с воздуха. Белая отара животных, коз или овец, удрала к стоящим неподалеку деревьям, когда огромный корабль прошел над ними и зашел на вертикальную посадку. Жар от двигателей транспорта поджег широкие клинья зеленовато-голубой травы, едва корабль коснулся поля.

Ко времени, когда штурмовая рампа челнока опустилась на тлеющую землю, к «Грозовой птице» от края посадочной площадки уже приближалось около двадцати местных куполообразных автомобилей. Они благоразумно остановились поодаль, и мужчины и женщины выбрались из машин, в то время как первые воины Волчьей Гвардии выскочили на солнечный свет и оценили корабль.

Булвайф как раз дошел до низа рампы, чтобы застать реакцию местных жителей на великанов-Астартес. Страх и удивление ясно читались на юных лицах; парни таращились на космодесантников, поражаясь их росту и мощи, а девушки с тревогой смотрели на массивные болтганы в руках воинов.

Волчий Лорд неторопливо оглядел широкое поле, несколько удивленный отсутствием наблюдателей. Даже на Кернунносе — мире, что считал себя выше древней Терры и был враждебен слугам Империума, — космопорт и дороги, ведущие к дворцу, были забиты людьми,

желающими увидеть «варваров» со звезд. Неужели их визит в Онейрос держался в секрете от населения?

— Отставить, братья, — произнес Волчий Лорд в вокс-бусину, и телохранители сразу опустили оружие.

В сопровождении Юргена и Хальвдана он подошел к встречающей группе и быстро оценил их. «Никого старше двадцати одного года», — подумал он. Все они были одеты дорого: на кожаных дублетах — золотые украшения, на широких брюках — вышивка драгоценным бисером. Ни у кого не было оружия, но они держались с уверенностью и мягким изяществом, свидетельствующим о хорошей физической подготовке и упорных тренировках.

Сам того не осознавая, Булвайф стерил их взглядом хищника, выявляя, кто ведет стаю, а кто следует за лидером. Как и у всех Космических Волков, чувства Булвайфа были нечеловечески остры. Он воспринимал как запах страха, исходящий от каждого в группе, так и едкий запах вызова. Волчий Лорд обратился к

молодому человеку впереди группы и вежливо кивнул:

— Я Булвайф, лорд Тринадцатой Великой роты и брат по мечу Лемана Русса, примарха Шестого Легиона.

Юноша был поражен такой прямотой. Для обычного человека он был высок и гибок; его волосы были темными, а бородатое лицо хмурым.

— Я Андрас Сантанно. Мой отец Яврен — спикер Планетарного Сената. — Кожаный дублет Сантанно скрипнул, когда тот отвесил глубокий поклон. — Добро пожаловать на Антимон, господин.

Булвайф внимательно посмотрел на молодого человека.

— Ваш голос мне знаком, — сказал он. — Не с вами ли я говорил, когда мы пытались связаться с вашим Сенатом?

На этот раз Андрас попытался скрыть удивление.

— Я... да, это так, — пробормотал он. — Мой отец, то есть спикер Сената, был проинформирован о вашем прибытии. К счастью, они сейчас заседают, обсуждая... — он остановился, внезапно

заосторожничав, — важное дело. Однако они согласились принять вас, — быстро добавил юноша. — Я передал все, что вы сказали мне, и они хотели бы услышать больше. Я прибыл, чтобы доставить вас в зал Сената.

Булвайф кивнул, как будто не ждал меньшего, хотя его ум яростно работал, просчитывая возможные последствия того, что сказал Андрас.

— Тогда пойдемте, — сказал он. — Мне многое нужно обсудить с вашим отцом и его коллегами, и я боюсь, что времени мало.

Услышав ответ Булвайфа, Андрас слегка нахмурился, но быстро взял себя в руки. Он повернулся, приглашая к ожидавшим машинам:

— Следуйте за мной.

Булвайф сомневался, что хрупкие на вид антимонские автомобили могут вместить Астартес в боевой броне, а тем более везти его с достаточно приличной скоростью, однако салоны наземных автомобилей оказались способными трансформироваться под любые условия и

изготавливались из более прочного материала, чем казалось. Вскоре Волчьего Лорда и его людей уже везли по затысловатому переплетению узких изогнутых дорог, что вились между высокими холмами города. Они миновали десятки приземистых округлых каменных зданий; вблизи Булвайф отметил толщину стен и прочность конструкций; во многом строения были больше похожи на бункеры, чем на дома. Бесперебойной вереницей люди заходили и выходили из каждого дома, занося припасы в мешках и уходя уже с пустыми руками. Антимонцы почти не обращали внимания на наземные автомобили, пока те бесшумно проносились мимо, а если и бросали взгляд в их сторону, то украдкой и почти недружелюбно.

Андрас сидел впереди, рядом с водителем; Булвайф ожидал потока вопросов от антимонцев, но те молчали почти всю поездку. Если они и говорили, то только друг с другом, на диалекте высокого готика и с акцентом, из-за которого Волчьему Лорду было трудно

уследить за смыслом их слов.

Однако Вулвайф ясно слышал напряжение в голосах и видел озабоченно сгорбленные плечи. Пока они ехали вглубь города, Волчий Лорд держался бесстрастно и внешне спокойно, но чувство тревоги неуклонно росло.

Антимонцы готовились к чему-то страшному. Это было ясно. Было ли тому причиной прибытие «Железного волка» на орбиту? Пока он не собрал больше информации, Вулвайф решил оставить свои наблюдения при себе. Он знал, что его люди, несомненно, составляют собственные впечатления о городе и его жителях. Позднее, когда появится возможность, он отведет помощников в сторону и посмотрит, соответствуют ли их мысли его собственным. Впервые он начал сомневаться в мудрости принятого решения. Юрген был прав: он слишком поспешил, помчавшись к неизвестному миру в надежде на радостные приветствия и триумфальный конец годам суровой, беспощадной войны. Он слишком сильно хотел очистить душу от жестокости,

которой сопровождалась кампания в Латтасе.

Длинной колонне автомобилей потребовалось больше часа, чтобы добраться до центра, и переход от низких строений в холмах к башням собственно города был ошеломляющим. Хотя все из того же белого камня, высокие здания были совсем в другом стиле, построенные больше для эстетики и функциональности, чем для безопасности. У Булвайфа почти не осталось сомнений, что башни были возведены в первые дни колонизации.

Здание Сената отличала любопытная архитектура: у него было широкое коническое основание и большие террасы, соединенные спиральными переходами, которые поднимались снаружи здания. Вокруг наблюдалось мало людей, и все они, казалось, были заняты своими служебными обязанностями; Булвайф отметил, что у некоторых бюрократов были гололитические планшеты и портативные вокс-устройства, на вид меньше и сложнее имеющихся в

Империуме. Подобные устройства, он знал, заинтересуют железных жрецов на борту «Железного волка». Оказалось, что на Антимоне удалось сохранить по крайней мере кое-что из технологического потенциала, который существовал до Эпохи Раздора. Как Андрас и его товарищи, чиновники были поражены габаритами и манерами Астартес; один пожилой человек взглянул на Хальвдана и побледнел, как лист бумаги, перед тем как быстро развернуться и поспешно скрыться в здании, откуда вышел. Бородатый лейтенант, казалось, ничего не заметил, но Волчий Лорд знал, что это не так. По скрытному обмену взглядами между бойцами Волчьей Гвардии было ясно, что странности в приеме, оказанном антимонцами, и в их настроениях в целом не остались незамеченными.

Андрас один повел Волчьего Лорда и его людей в здание Сената; они прошли через широкие открытые ворота в гулкое фойе, выложенное благородным зеленым травертином. Ниши, окружающие круглый

зал, вмещали скульптуры ручной работы отменного качества: Булвайф понял, что это первые образцы искусства и культуры, которые он увидел в городе. Скульптуры были древними, возможно, времен Эпохи Раздора или даже более ранних. Статуи были облачены в одежды, похожие на те, что носили Андрас и его товарищи, и, видимо, изображали антитонцев из многих сфер жизни: художников, естествоиспытателей, ученых, государственных деятелей и артистов. Две фигуры у входа были особенно примечательными: одна была явно космонавтом, одетым в скафандр, другая привлекла внимание Волчьего Лорда кольчугой с длинными рукавами и длинным тонким мечом на боку. Два длинных изящных пистолета были заткнуты за широкий пояс воина, а лицо скрывалось под похожим на вуаль покровом, изготовленным из мелкой кольчужной сетки.

Юрген сделал несколько шагов к статуе мечника и изучал его в течение долгих минут.

— Оказывается, вы, антимонцы, когда-то имели представление о войне, — сказал он иронично. — Какое счастье, что вы смогли оставить такие варварские увлечения в прошлом.

Напряженность в тоне Космического Волка превратила шутливое замечание в обвинение. Андрас, который уже собирался провести делегацию в богато украшенные двери в противоположном конце фойе, внезапно остановился. Спустя мгновение он холодно ответил:

— Армигерами были молодые сыны и дочери благородных Домов Антимона, и эта почетная традиция хранила нашу планету в течение тысячелетий. Если бы не воля Сената, эти обычаи были бы в ходу и сегодня.

— А, понятно, — сказал лейтенант небрежно, как и раньше. — Простите меня, если я выразился неучтиво. Я не сообразил, что вы принадлежите к знати Антимона.

Андрас оглянулся через плечо на Юргена и сухо кивнул.

— Извинений не требуется, — ответил он. — Закон... — Вдруг молодой

человек умолк, прикусив язык. — Пожалуйста, идемте со мной, — сказал он тихо и продолжил путь через комнату.

Когда юный антимонец повернулся спиной, Булвайф посмотрел на Юргена и поймал испытующий взгляд темных глаз.

Молодой дворянин остановился на мгновение перед входом, чтобы успокоиться, затем положил руки на богато украшенные деревянные двери и распахнул створки. Сразу же поток хриплого крика захлестнул Булвайфа и его людей. Судя по звуку, весь Сенат сцепился в яростном споре.

Хальвдан подошел ближе к лорду.

— Не приказать ли людям изготовить оружие к бою? — тихо спросил он, наполовину шутливо, наполовину в предвкушении, но Булвайф покачал головой, расправил плечи и последовал за Андрасом в зал.

Интерьер здания Сената был захватывающим — огромное открытое пространство, поднимавшееся на высоту двенадцати этажей на изящных сводчатых арках из сверхпрочной стали.

Светящиеся колонны солнечного света проникали в величественный зал через спиральные террасы, что снаружи обвивали здание, позволяя всем на первом этаже видеть ряд фресок на исторические сюжеты, вырезанных лазером на сводчатом потолке. Огромное пространство в своем соборном великолепии смиряло даже Астартес. Эффект портили только крики и ругань, эхо которых раздавалось у них над головами.

Члены Сената расположились на полукруглых балконах, поднятых на половину этажного пролета над полом зала; к ним вела центральная лестница, начинавшаяся у высокого деревянного кресла спикера. У каждого сенатора было свое похожее на трон кресло, вырезанное из древесины насыщенного медового цвета, но в данный момент мужчины и женщины вскочили на ноги, потрясая кулаками и вопя друг на друга в попытке переспорить оппонентов. Их высокий готик отличался еще более сильным акцентом и обилием специальной лексики, чем тот, что

Булвайф слышал ранее; он уловил слова «лотерея» и «квоты», но мало что еще, а затем спикер заметил прибытие делегации и закричал, призывая к тишине. Как только сенаторы увидели воинов в доспехах, зал сразу замолк. Многие из старших государственных деятелей опустились в кресла с потрясенным выражением на лицах и тихими возгласами удивления. Другие глядели на Астартес с равной смесью шока, недоверия и явной враждебности.

Булвайф видел подобное выражение лиц и раньше — на Кернунносе. Внутри зашевелилось нехорошее предчувствие.

Гневный взгляд Яврена Сантанно, спикера Сената, был адресован больше его коллегам, нежели настороженным Астартес. Спикер был высоким пожилым человеком с сутулыми плечами, клювообразным носом и складками обвисшей кожи на тощей шее. Как и другие сенаторы, он носил зеленую бархатную мантию поверх богато украшенного дублета, а широкая цепь с золотыми звеньями утопала в плотной ткани на

груди. Мягкая фетровая шляпа неуклюже держалась на лысой голове, подчеркивая большие, поросшие волосами уши. Бросив в сторону коллег последний предупреждающий сердитый взгляд, спикер посмотрел вниз, на Булвайфа и его воинов.

— Позвольте мне начать этот фарс, заявив для протокола, что мой сын Андрас — дурак, — сказал Яврен раздраженным голосом. — Ему едва исполнилось двадцать пять, и, хотя он уже видел зверей, подобных вам, он все еще упорствует в своем невежестве относительно того, как устроена Вселенная. — Спикер навел корявый палец на Андраса. — Он не имел полномочий для ответа на вашу передачу и тем более не имел права приглашать вас на встречу с нами в этом зале.

Яврен холодно рассматривал собравшихся космодесантников, кривя губы в отвращении от вида меховых плащей и позолоченных черепов, свисавших с их поясов.

— Я согласился на эту встречу по единственной причине: чтобы объяснить абсолютно четко, что, хотя это дитя

доверчиво, мы, безусловно, нет. — Затем спикер обратился непосредственно к Булвайфу: — Судя по весу погремушек у вас на груди, я предполагаю, что вы вожак этой волчьей стаи. И каково ваше имя?

Презрение в голосе Яврена лишило Булвайфа дара речи. Волчьему Лорду только и оставалось, что пытаться сохранить самообладание. На Фенрисе подобные оскорбления привели бы по меньшей мере к пролитому вину и обнаженным клинкам. Кланы поколениями кровно враждовали и за меньшие обиды. Булвайф чувствовал напряжение, нараставшее среди его воинов в затянувшейся тишине, и знал, что если сейчас не заговорит, то Юрген или Хальвдан возьмет дело в свои руки.

Заставляя себя расслабиться, Булвайф уважительно склонил голову.

— Я Булвайф, лорд Тринадцатой Великой роты Шестого Легиона Империума...

Яврен прервал Волчьего Лорда взмахом руки.

— Не нужно перечислять нам ваши

ничего не значащие звания, — сказал он. — Излагайте просьбы, Булвайф, а затем убирайтесь.

— А теперь слушайте! — Хальвдан зарычал, делая шаг в направлении спикера.

Рука воина медленно приближалась к мечу на бедре.

— Если тут имеет место непонимание, то я считаю, что оно с вашей стороны, уважаемый спикер, а не с нашей, — быстро сказал Булвайф.

В его голосе слышались железные интонации приказа, остановившие Хальвдана. Бородатый лейтенант оглянулся на своего Лорда, и выражение лица Булвайфа вернуло его на место рядом с командиром.

— Мы здесь не для того, чтобы просить что-то у вас или у вашего народа, — спокойно сказал Булвайф. — Мы также не звери, за которых вы нас принимаете. Мы Астартес, служители Всеотца, Повелителя Терры и Императора Человечества. — Упомянув Всеотца, Булвайф почувствовал, как его решимость крепнет; он поднял голову и

обратился ко всему Сенату: — Мы путешествовали среди звезд, чтобы принести вам радостные вести: штормы, что разделяли нас, наконец-то утихли и Терра протягивает руку еще раз, чтобы обнять всех своих потерянных чад. То, что было разрушено, в скором времени будет выковано вновь, и новая цивилизация восстанет, чтобы возвратить себе законное место хозяина Галактики.

Булвайф не был скальдом, но его голос был ясным и сильным, а слова — так же давно знакомыми ему, как и его оружие. На лицах сенаторов испуг боролся с недоверием, в то время как лицо Андраса светилось от радости. Как будто находясь посреди боя, Булвайф почувствовал, что настрой против него начинает меняться; не прерываясь, он усилил нажим.

— Без сомнения, ваши древнейшие легенды говорят о днях, когда наш народ пересек Галактику и основал новые дома среди далеких звезд, — продолжал Волчий Лорд. — С тех пор многое изменилось, и пусть я плохой рассказчик, позвольте поделиться новостями о том, что

произошло за время, пока Антимон был потерян для нас.

Итак, он начал рассказывать о наступлении Древней Ночи и крахе галактической цивилизации, о крушении и гибели миров. Он рассказал историю как умел, прося прощения у аудитории, когда сказание становилось запутанным и непонятным, — так много времени прошло, так много знаний утеряно или искажено, что ни один человек никогда не узнает всю правду о том, что происходило в течение последних тысячелетий.

Ни один из слушателей не решился прервать Булвайфа, а тем более оспорить его слова. Сказание было длинным: Волчий Лорд говорил почти не переставая, пока день переходил в вечер, и одна за другой колонны света, искрящиеся над залом Сената, менялись от желтого до мягко-золотого, от золотого до темно-оранжевого, а затем померкли совсем. Бледные осветительные сферы зажглись на металлических канделябрах, которые окружали балконы сенаторов, погружая

государственных мужей в тень.

Наконец Булвайф рассказал историю о завоевании Всеотцом Терры и о создании первого Астартес для пополнения рядов его армии. Далее он поведал о начале Великого Крестового Похода и воссоединении Всеотца со своими детьми, примархами. Завершил Булвайф свой эпос первой встречей Лемана Русса и Всеотца на Фенрисе — сказанием, которое знал очень хорошо.

— И с тех пор мы верно служили ему, возвращая потерянные миры во имя Всеотца, — сказал Булвайф. — Что сегодня и привело нас сюда, уважаемый спикер. Изоляция вашего народа подходит к концу.

Волчий Лорд шагнул вперед и миновал часть пути по лестнице к трону спикера. Сенаторы зачарованно наблюдали, как Булвайф протянул левую ладонь.

— Я приветствую вас от имени Всеотца, — сказал он. — Пожмите мою руку и заключим мир. Империум приветствует вас.

Как и остальные государственные

деятели, спикер Сената сел обратно на трон во время рассказа Булвайфа, но все эти долгие часы его слезящийся взгляд сохранял твердость. Поначалу он не ответил Волчьему Лорду, и большая часть его лица оставалась скрыта тенью. Затем старик медленно, неловко поднялся со своего места и вступил на лестницу, шаг за шагом спустился к Булвайфу, пройдя две трети пути, затем наклонился вперед, глядя на ладонь Волчьего Лорда.

— Ложь! — прошипел он. — Каждое слово — проклятая ложь!

Булвайф отшатнулся, словно от удара. Хальвдан издал гневный крик, который подхватил и Юрген. Сенаторы вскочили на ноги, потрясая кулаками и вопя, хотя было неясно, на кого именно они кричат.

Черная ярость охватила Волчьего Лорда. Ни один человек, не важно, насколько высокопоставленный, не мог назвать Космического Волка лжецом и остаться в живых. Булвайф всеми силами старался сохранить самообладание: лучше стерпеть клевету глупца и надеяться,

что разум возьмет верх, чем обнажить сталь и принести разрушение еще одному человеческому миру. Он открыл рот, чтобы призвать к тишине, как вдруг бедлам заглушил резкий раскат грома.

Нет, не грома. После двухсот лет военных кампаний Булвайф знал этот звук слишком хорошо.

Сенаторы тоже слышали его. Они застыли разинув рты, а затем из города донесся низкий скорбный вопль сирен. Один из сенаторов, пожилая женщина закрыла лицо руками и заплакала.

— Они здесь! — кричала она. — Блаженная Иштар, они пришли рано! Мы не готовы!

— Кто пришел? — рявкнул Юрген. Он знал, как и Булвайф, что звук, который они услышали, не был громом; это был высокомощный боеприпас, примененный в верхних слоях атмосферы. — Что происходит?

Зарычав, Булвайф включил вокс-бусину:

— «Железный волк», это «Фенрис». Слышите меня?

Раздался статический скрежет, и Волчий Лорд подумал, что слышит слабый голос, пытающийся ответить, но звук был слишком искажен, чтобы разобрать.

Сенаторы наперегонки спешили к лестницам, одежды хлопали, как крылья паникующих птиц. Лицо Яврена превратилось в гневную маску, и он стремительно сбежал по лестнице к Булвайфу.

— Теперь я вижу, в чем ваш план! — завопил он. — Вы замышляли отвлечь нас — возможно, выманить на открытое пространство, — в то время как ваши бездушные дружки обрушатся на нас! Я знал, что вам нельзя доверять! Я так и знал! Отправляйтесь на ваш проклятый корабль и никогда больше не возвращайтесь, варвары! Мы и слышать не хотим о вашем Империуме и так называемом Всеотце!

Булвайфу хотелось схватить спикера и вытрясти из него всю наглость, но уже не было времени. Пока государственные мужи бежали из здания,

он обратился к своим людям.

— Положение «Сигма», — бросил он коротко, и оружие оказалось в руках Волчьей Гвардии. — Нам нужно забраться на высоту и попытаться восстановить контакт с «Железным волком», — сказал он Хальвдану и Юргену. — Свяжитесь с челноком и передайте пилоту, чтобы подготовился к запуску. Если придется, мы будем держаться здесь, пока они не смогут забрать нас.

Оба лейтенанта коротко кивнули, и Юрген начал говорить в свою вокс-бусину. Толпа антимонцев ворвалась в зал; Волчья Гвардия нацелила на них болтганы, но Булвайф узнал в толпе друзей Андраса. При виде наведенного на них оружия молодежь остановилась, побледнев от страха. Волчий Лорд быстро осмотрел помещение и увидел Андраса рядом, все там же, где он и был, когда они впервые вошли в зал.

— Что происходит? — потребовал ответа от молодого дворянина Булвайф.

Лицо Андраса выражало потрясение и шок понимания, которые Волчий Лорд

видел слишком часто на полях сражений Фенриса. Словно в кошмаром сне, дворянин повернулся к Булвайфу.

— Это Истязатели, — сказал он испуганно. — Они возвращаются.

Сражение на орбите осветило ночное небо прерывистыми вспышками и негромким, почти металлическим треском грома. Рубиновые и сапфировые линии света крест-накрест рассекали темноту, оставляя бритвенно-острые остаточные следы, пляшущие в глазах Булвайфа. Невозможно было точно сказать, кто стреляет и в кого, но для Астартес было ясно, что в битву вовлечено большое количество кораблей и «Железный волк» оказался в самом пекле.

Космические Волки бегом поднялись по спиральным переходам, кольцами окружавшим здание Сената, взбираясь как можно выше, чтобы добиться более сильного вокс-сигнала среди окрестных холмов. Юрген, бегущий рядом с Булвайфом, исторг злобное проклятие.

— Я не могу вызвать «Грозовую

птицу», — сообщил он. — Может быть, из-за атмосферной ионизации от битвы наверху или какого-то широкополосного глушения.

Булвайф кивнул и включил свою вокс-бусину еще раз, надеясь, что более мощные системы связи боевой баржи смогут пробиться сквозь помехи.

— «Железный волк», это «Фенрис», прием! Какова обстановка?

Вой статических помех когтями впился в уши Булвайфа, а затем голос, слабый, но слышный, ответил:

— «Фенрис», это «Железный волк». Мы под массированной атакой кораблей ксеносов! По меньшей мере двадцать, возможно, тридцать кораблей класса крейсера и десятки кораблей сопровождения! Они застали нас врасплох — какое-то маскирующее поле, скрывающее от обнаружения аусписами дальнего радиуса действия... — Передача растворилась в очередном статическом вое, затем появилась снова: —...сообщить о повреждении двигателей и абордажных командах противника на ангарной палубе!

Волчий Лорд оскалил зубы, нарисовав себе тактическую ситуацию, разворачивающуюся в вышине над планетой. При столь неравных силах есть только один возможный способ действия.

— «Железный волк», это «Фенрис». Уходите с орбиты и немедленно выходите из боя! Повторяю, уходите с орбиты и выходите...

Его прервал очередной диссонирующий вой статических помех. Голос — возможно, офицера боевой баржи, но слишком слабый, чтобы определить точно, — что-то кричал, затем частота распалась на рваные всплески атонального шума.

— Черные зубы Моркаи! — выругался Булвайф. — Теперь нас определенно глушат.

Он резко остановился на гладком пандусе, и Волчья Гвардия собралась вокруг.

— Насколько все скверно? — спросил Хальвдан.

Спокойный, деловитый тон противоречил ожесточенному выражению лица воина.

Булвайф мрачно посмотрел вверх, на сражение, бушующее над головой.

— В сложившейся ситуации у «Железного волка» нет шансов, — сказал он. — Если они смогут покинуть орбиту и получить некоторое пространство для маневра, возможно, смогут оторваться от противника и выйти...

На краткое мгновение красная вспышка озарила ночное небо, бросая длинные тени на стены здания Сената. Вид ее потряс притихших космических десантников; где-то в городе Булвайф услышал полный ужаса крик женщины. Через несколько секунд донесся грохот взрыва, тяжелый низкий рокот, от которого задрожал камень под ногами Волчьего Лорда.

Воины смотрели на затихающие вспышки. Ливень из длинных светящихся следов протравливал свой путь по небу, словно падающие звезды, — обломки сгорали в верхних слоях атмосферы Антимона.

— Перегрузка плазменного двигателя, — с каменным выражением

лица сказал Юрген.

— Может, один из вражеских, — предположил Хальвдан, вглядываясь в темноту. — «Железный волк» крепкий. Он может сам справиться с оравой грязных пришельцев.

Булвайф хотел было согласиться, но после взрыва следы боя начали быстро гаснуть. Сражение закончилось. Он проверил вокс-бусину еще раз, на всякий случай, но каждая частота, которую он пробовал, была заглушена.

Волчий Лорд глубоко вздохнул, затем повернулся к своим воинам.

— На данный момент мы должны считать, что «Железный волк» уничтожен, — сказал он сухо.

В арьергарде своего отряда он увидел Андраса, прислонившегося к стене и тяжело дышавшего после быстрого подъема. До этого Булвайф даже не замечал, что молодой дворянин сопровождал их.

— Андрас! — окликнул его Булвайф, проталкиваясь через окружение Волков к молодому человеку. — Кто эти

Истязатели? Чего они хотят?

Выражение лица антимонца было унылым.

— Мы не знаем, кто они. Каждые семь лет их корабли заполняют небо, и они... — Он глубоко и нервно вздохнул. — Они охотятся на нас, как на животных. Мужчины, женщины, дети — особенно дети. Им... им, похоже, больше нравятся детские крики. Они забирают людей сотнями, чтобы... чтобы пытать их. Я слышал от отца о временах до квоты, когда Истязатели налетали на города и забирали всех, кого могли найти.

— Когда мы прибыли, сенаторы спорили о квоте, — сказал Булвайф, — и что-то о лотерее.

Андрас кивнул, не в силах посмотреть в глаза Волчьему Лорду.

— Во времена моего прадеда Сенат решил, что Истязателей можно задобрить подношениями и они пощадят основную часть населения. Мы выдали им преступников и изгоев, заперев их в загонах, словно агнцев на заклание, в то время как остальные люди укрылись в

укрепленных убежищах, построенных в горах. — Он пожал плечами. — Это сработало. Истязатели никогда не оставались дольше года, и за этот период люди, которых мы им выдавали, полностью утоляли их аппетит, после чего у них не было ни времени, ни сил, чтобы охотиться на других.

Вулвайф едва сдержался, чтобы не отвернуться с отвращением от молодого человека. Идея приносить человеческие жертвы подобным монстрам вызывала у него отвращение и ужас.

— Почему, во имя Всеотца, вы не сопротивлялись? — спросил он сквозь стиснутые зубы.

— Мы воевали с ними! — воскликнул Андрас. — Сначала им давали отпор армигеры, используя все имевшиеся средства. Однажды произошел большой бой — армигеры устроили засаду на большой отряд налетчиков и убили пару десятков, в том числе и главаря. В ответ Истязатели вернулись на свои космические корабли и обрушивали ливень смерти на Антимон семь дней и семь

ночей. Большая часть мира была уничтожена, и сотни миллионов людей погибли. После этого Сенат распустил армигеров и запретил любому поднимать руку на налетчиков.

Булвайф сжал кулаки.

— Тогда Сенат вас предал, всех и каждого! — прорычал он. — Если жизнь не стоит того, чтобы за нее сражаться, то это не жизнь. — С усилием он поборол желание отчитать Андраса — тот не мог отвечать за решения предков. — Как долго ваш мир страдает от Истязателей?

Андрас поднял руку и отер с глаз слезы гнева.

— Двести лет или около того, так говорят истории. Никто не знает, откуда они взялись и почему они улетают. Никого из забранных Истязателями никогда более не видели живым.

Булвайф задумчиво кивнул. Кусочки головоломки складывались вместе. Истязатели нашли Антимон вскоре после того, как обширные галактические варп-шторма начали спадать. Очевидно, эта часть пространства оставалась несколько

турбулентной — Империум встретил ряд областей по всей Галактике, которые все еще испытывали циклы активности варп-штормов, сопровождавшихся краткими периодами затишья. Пришельцы мучили этот мир так долго, сколько могли, а затем улетали, вероятно к другой планете, чтобы терроризировать уже ее, прежде чем штормы начнутся и запрут их в системе.

— Полагаю, дьяволы построили черные шпили после бомбардировки, — сказал Булвайф, думая вслух.

Андрас кивнул.

— Их технология граничит с колдовством, — сказал он с оттенком благоговения в голосе. — Они сажают свои небесные корабли на террасы, встроенные в стороны большого шпиля, и выходят на охоту по всей зоне, когда им того хочется.

Булвайф задумчиво кивнул. Анализируя действия пришельцев и делая из этого возможные выводы, он постепенно выстраивал в голове характеристику этих ксеносов. Высоко над головой более длинные и яркие полосы огня в ночном небе

начали дугами падать на поверхность Антимона, словно пучок горящих стрел.

— Что произойдет дальше? — спросил Волчий Лорд.

Андрас глубоко вдохнул.

— Истязатели спустятся на поверхность и укроются в шпилях, — сказал он. — Они будут ждать, наверное, день, а на следующую ночь вышлют отряды, чтобы собрать наше подношение. — Молодой дворянин горько покачал головой. — Но мы не готовы. На этот раз они прибыли раньше срока. Мы еще не закончили наполнять припасами убежища, и у нас недостаточно людей, чтобы заполнить квоту.

Булвайф вспомнил, что он слышал раньше.

— Это как-то связано с лотереей, которую обсуждали сенаторы?

Андрас виновато посмотрел на Волчьего Лорда и кивнул.

— Каждые семь лет уровень преступности резко падает, — сказал он с трачной иронией. — В наших тюрьмах не хватит преступников, чтобы

удовлетворить пришельцев, так что требуется лотерея, чтобы определить, кто еще станет частью дани. — Его взгляд упал на каменную поверхность пандуса. — Отец рассказывал, что так случалось и раньше. Именитые семьи уже пытаются предложить щедрые взятки, чтобы добиться для своих детей исключения из лотереи. — Он покачал головой. — Я не знаю, что произойдет теперь. Сенат, конечно, опустошит тюрьмы, но это, видимо, будет все, что они соберут на этот раз. Я сомневаюсь, что найдется семья с запасом еды больше чем на несколько месяцев. Когда они выйдут из убежищ в поисках пищи, Истязатели будут ждать их.

Волчий Лорд смотрел на небо и наблюдал за спуском налетчиков.

— Я думаю, они умышленно прилетели раньше, — сказал он. — Им надоели ваши подношения, Андрас, поэтому они устроили так, чтобы появился повод поразвлечься.

Это было не так уж неожиданно; во времена его собственного разбойничьего

прошлого на Фенрисе он слышал о кровожадных грабителях, которые поступали точно так же.

Булвайф попытался представить себе, что в жертву гнусным аппетитам отряда безжалостных мародеров-ксеносов приносятся простые жители Фенриса, и желудок скрутило от этой мысли. Он посмотрел на Андраса и преодолел всплеск смертоносной ярости. «Мальчик ни в чем не виноват, — сказал он себе. — Если кто-то и виноват, так это старейшины». Теперь Волчий Лорд пожалел, что не взял Яврена за глотку, когда был шанс.

— Есть ли определенное место, куда вы приводите дань чужакам? — спросил Булвайф у юноши.

Андрас вытер еще мокрые от слез щеки и кивнул.

— Есть один павильон, — ответил он, — около десяти километров к востоку от Онейроса. — Он взглянул на Астартес, и его потрясло выражение лица Булвайфа. — Что вы собираетесь делать?

Волчий Лорд посмотрел в глаза молодому человеку.

— Эти ксеносы считают, что могут охотиться на людей, как на овец, — сказал он спокойно. — Я собираюсь показать им, как они ошибаются.

На следующий день, сразу после обеда, процессия округлых антимонских грузовиков выехала на дорогу, ведущую на запад от Онейроса, и отправилась вдоль широкого луга к месту подношений. Сам павильон был квадратным и почти ничем не примечательным — просто мощенный каменными плитами участок пятьдесят ярдов на пятьдесят у подножия расположенных полукругом высоких лесистых холмов. Только тяжелые железные кольца, вделанные в плиты через равные интервалы, намекали на жуткое предназначение этого места. К западу от павильона высокий, похожий на нож зловещий шпиль ксеносов уходил в облака, а его основание утопало в клочьях клубящегося тумана.

Булвайф и его лейтенанты, остановившись на склоне в тени лесной чащи, смотрели, как грузовики съехали с

вымощенной белым камнем дороги и загромыхали по плитам павильона. Антимонцы не теряли времени даром, передвигаясь по каменному участку в соответствии с хорошо заученным планом. Когда последняя машина заняла свое место, пассажирские дверцы открылись, и оттуда выскочили крупные мужчины в стеганых комбинезонах. Каждый нес что-то вроде энергетического посоха или шоковой дубинки, которой принимался размахивать, едва задние борта грузовиков с лязгом открылись и скованные заключенные начали, спотыкаясь, выбираться наружу. Мужчины и женщины, одетые в бесформенные выцветшие коричневые рубахи и штаны, сбоку на шее у каждого выжжены темные тюремные татуировки. Каждую группу испуганных, еле шагающих осужденных гнали к линии железных колец. Как только их приковывали, заключенные опускались на камни и ждали. Некоторые смотрели в синее небо над головой, другие, казалось, уходили в себя и глядели в пустоту.

Хальвдан безнадежно покачал

головой.

— Как они могут просто сидеть, словно овцы перед закланием? — сказал он шепотом, хотя до павильона было около километра. — Будь я на их месте, охранникам пришлось бы забить меня до потери сознания, прежде чем прицепить к одному из этих колец.

Юрген указал на дальний конец павильона.

— Похоже, вон те агнцы согласны с тобой, брат, — сказал он угрюмо.

Охранники последней партии грузовиков боролись с небольшой группой закованных жертв, которые вырывались, пинались и кусали надзирателей. Эти мужчины и женщины в одеждах различных стилей были, очевидно, свезены с улиц и домов по всему Онейросу. Они боролись против своей судьбы с энергией, порожденной абсолютным ужасом, но удары шоковых дубинок надзирателей не давали делу выйти из-под контроля. Через двадцать минут последние из плачущих и умоляющих жертв были прикованы к камням павильона, и надзиратели

вернулись к машинам, даже не оглянувшись.

Булвайф оторвал глаз от прицела болтгана и передал оружие обратно Юргену. С ним было восемь воинов, включая двух лейтенантов. Боевые трофеи и почетные знаки, что они носили накануне, исчезли: воины сняли все украшения с доспехов и вымазали блестящие поверхности грязью и сажей, чтобы минимизировать предательский блеск, который мог выдать их позицию. Прошлой ночью им пришлось отбросить все старания выглядеть соответственно приличиям и приготовиться к войне.

Как только Истязатели во множестве начали садиться на Антимон, Булвайф, оставив Андраса и город, в темноте поспешил размашистым шагом на посадочное поле, где ждала «Грозовая птица». Пилот был наготове, двигатели корабля работали на холостом ходу, пока Космические Волки вооружались из больших оружейных ящиков. Волчий Лорд приказал челноку двигаться на запад, летя на уровне верхушек деревьев, чтобы скрыть

движение от чужих аспик-систем, и найти удобную стоянку на расстоянии десяти-двенадцати километров от места подношений. Пилот обнаружил почти свободную от леса лощину, достаточно большую, чтобы посадить корабль, а воины провели остаток ночи, камуфлируя транспорт сеткой и сломанными при посадке ветками. К рассвету Волчий Лорд повел свой маленький отряд в холмы вокруг павильона и приступил к планированию засады. С таким малым количеством бойцов и снаряжения возможные варианты действий были несколько ограничены.

Волчий Лорд указал на западный конец поля за пределами павильона.

— Там, между местом для дани и лесом у подножия холмов, достаточно пространства, чтобы посадить целую эскадрилью «Грозовых птиц». Они, скорее всего, приведут свои корабли туда, — сказал он. — Это будет наш огневой мешок.

Юрген скрестил руки на груди и неохотно кивнул. Воин покосился на Хальвдана, затем обратился к Булвайфу:

— Что будет нашей целью, мой лорд?

Вулвайф нахмурился.

— Я думал, это очевидно, — ответил он. — Мы нанесем врагу возможно больший урон и заставим вести себя осмотрительнее. Нам нужно научить их, каждый раз выходя из шпиля, остерегаться засады.

— Я не об этом, мой лорд, — сказал Юрген. — Ты видел все эти десантные корабли прошлой ночью, их, должно быть, больше сотни в одном этом шпиле. Это не маленький отряд налетчиков — это какое-то кочевое племя или клан.

Волчий Лорд бросил на Юргена твердый взгляд:

— Ты хочешь сказать, что мы не справимся с такой задачей?

— Я говорю, что это не наш бой, — ответил лейтенант. — Этот народ — не имперские граждане, более того, их лидер назвал тебя лжецом и заявил, что не хочет иметь с нами дела. Если бы вчера не появились эти ксеносы, мы были бы сейчас на «Железном волке», планируя кампанию по завоеванию планеты и

приведению ее к Согласию.

Глаза Булвайфа сердито сузились в ответ на откровенное заявление лейтенанта, но в конце концов он кивнул и признал:

— Ты все правильно сказал, брат. Но это ничего не меняет. Мы — воины Императора и защитники Человечества. Всего Человечества. Если мы не соответствуем этому идеалу, то вся кровь, пролитая нами во время Великого Крестового Похода, была напрасной, и будь я проклят, если допущу это. — Прежде чем Юрген смог ответить, Булвайф отвернулся от лейтенанта и махнул собравшимся воинам. — Осталось всего несколько часов до наступления темноты. Давайте начнем подготовку своих позиций.

Астартес вышли из лощины и быстро прошли густой лес у подножия холма. Они неспешно разметили огневой мешок, черпая знания не только из многолетних напряженных тренировок и гипноинструктажа, предоставленных Всеотцом, но также из многих лет

вылазок и засад на диких просторах родного мира. Когда позиции были готовы, четырех оставшихся воинов вызвали из временного лагеря в холмах, чтобы принести тяжелое вооружение, взятое из «Грозовой птицы». Пока завершались последние приготовления к засаде, пилот «Грозовой птицы» занял высокую замаскированную позицию на одном из близлежащих холмов, чтобы предупредить о приближении чужаков.

Долго ждать им не пришлось. Через час после заката, когда потемневшее небо замерцало звездами, а поляна перед павильоном погрузилась в глубокую тень, вокс Булвайфа ожил.

— «Асы» — «Фенрису», — передал дозорный. — Множественные контакты с западного направления на малой высоте. Много тепловых следов — около десятка крупных летательных аппаратов, с два десятка мелких.

Стоя на опушке леса, Булвайф прислушался, стараясь уловить шум приближавшихся с запада кораблей. И

точно: судя по еще еле слышному, но постепенно становившемуся все громче звуку, гравидвигатели. Было что-то странное в этом звуке, словно к шуму двигателей примешивался хор плачущих душ. Но страха Булвайф не чувствовал; наоборот, кровь быстрее бежала по венам в предвкушении битвы. Он прижал воксбусину:

— Вас понял. Переходите на точку «Альфа» и приготовьтесь к эвакуации.

— Вас понял, — подтвердил дозорный.

Теперь, когда его задание было выполнено, пилот мог спуститься к подножию холма и вернуться к «Грозовой птице», чтобы прогреть двигатели и приготовиться к быстрому отступлению.

Булвайф напоследок еще раз проверил оружие и повернулся к лейтенантам. Под кронами деревьев сгустилась практически непроницаемая тьма, но благодаря усиленным чувствам, которыми были наделены все Космические Волки, он без труда разглядел боевых братьев.

— За Русса и Всеотца, Волчьи Братья! — тихо сказал он и первым вышел

из-под сени леса на поляну.

Хальвдан и Юрген последовали за ним через широкое поле к месту приношения дани. Дикие травы и полевые цветы с шелестом сгибались под их бронированной поступью. Помимо болтганов, оба лейтенанта уже обнажили клинки; оружие Булвайфа еще пребывало в ножнах, и он не сводил внимательного взгляда с западной стороны горизонта.

Не стараясь скрыть своего присутствия, они пересекли огневой мешок и подошли к месту жертвоприношений. Вскоре закованные в цепи пленники заметили идущих к ним гигантов и запричитали от страха, подозревая, что пробил их час. Космические Волки не обратили никакого внимания на панику, охватившую невольников. Когда до западной стороны павильона оставалось десять ярдов, они остановились и развернулись спиной к месту приношения дани.

Хальвдан поудобнее перехватил оружие. Его лучащийся злобой глаз светился в темноте, подобно тлеющему

углю.

— Не понимаю, почему мы должны быть приманкой, — проворчал он.

— Наверное, Булвайф хотел, чтобы сердце врага наполнилось страхом при виде его самых грозных воинов, — улыбка Юргена была жестокой, — или самых уродливых — в твоем случае.

Но до перепалки дело не дошло — к западу от них над холмами появилась группа бледно-зеленых огней, которые быстро приближались. Хор плачущих голосов, до этого еле слышимый, с каждым мигом становился громче, вплетаясь в порывы ночного ветра. Истязатели прибыли.

На глазах у Волков с десяток тускло светящихся огней ринулись к земле, словно снаряды, поражающие цель. Благодаря острому ночному зрению Астартес еще издали разглядели приближавшиеся летательные аппараты во всех деталях: острые обводы небольших грациозных машин; изогнутые стабилизаторы, напоминающие лезвия; ряды острых шипов, выступающие из обшивки днища. Каждый

аппарат нес лишь одного седока, и обликом своим стройные, гибкие пилоты походили на человека, хотя сочлененные доспехи их выглядели необычно. Гравициклы чужаков с воем пронеслись по обе стороны от Волков, словно стая пронзительно кричащих птиц, и спикировали к павильону за ними. Булвайф успел разглядеть лицо одного из пилотов — бледное, с резкими чертами, с татуировками и металлическими имплантатами. Глаза чужака были черны и бездонны, как пустота космоса.

Вслед за стаей гравициклов появились одиннадцать более крупных аппаратов; со смертоносным изяществом они скользнули над холмами и снизились у западного края поля. По своей конструкции они были старшими братьями странных гравициклов: те же скошенные носы, те же шипы на днищах, те же острые, как лезвие клинка, стабилизаторы. Палубы восьми транспортов кишели бледнокожими, облаченными в доспехи фигурами, которые, явно услышав о трех воинах, поджидающих на поле, сгрудились на носу кораблей.

Преимущество в численности сделало ксеносов бесстрашными и надменными, и большие транспорты спокойно приземлились на поле, после чего с них с высокомерной грацией спустились экипажи. Булвайф, которого отделяла от чужаков сотня ярдов, видел, что ксеносы постепенно разделились на несколько крупных групп; у большинства налетчиков лица были скрыты под высокими черными шлемами конусообразной формы, и в руках, затянутых в перчатки, они несли длинноствольные винтовки. Вожаки выделялись благодаря шлемам с плюмажами, похожими на конские хвосты; поверх боевых костюмов сверкала тонкая, как паутина, сетка, на которой были закреплены трофеи — выбеленные кости.

Выстроившись в неровный полукруг и держа ружья поперек груди, пришельцы двинулись к Космическим Волкам, перешептываясь между собой на шипящем языке, напоминавшем шорох высохшей змеиной кожи. Налетчики держались настороже и рассматривали огромных Астартес с тревожной пристальностью,

но из того, как неторопливо они приближались, было понятно, что они не считают трех Волков серьезной угрозой.

В центре наступающей банды двигалась сгорбленная фигура с бледной кожей, облаченная в причудливый, искусно отделанный доспех; ее окружение составляла группа существ, словно сшитых из разных частей, которые кружили вокруг хозяина, как свора гончих. Длинные белые волосы горбуна, который, насколько мог судить Вулвайф, был вожаком банды, были выбриты с одной стороны головы, и на тонкой коже виднелись переплетающиеся шрамы татуировок. Край не прикрытого волосами уха, длинного и острого, как у собаки, был иссечен и проколот так, что напоминал отвратительное кружево, обрамляющее череп. Шрамы украшали и высокие скулы чужака, и горло; в тонкую ткань рубцов были вставлены блестящие кусочки металла, и казалось, что сплетение шрамов образует некий сложный символ или пиктограмму, протянувшуюся от виска до ключицы. Большие глаза ксеноса

сидели глубоко в глазницах, за рассеченными губами виднелись белые, неровно заточенные зубы. Вместо пальцев на левой руке торчали острые лезвия, доходившие почти до колен существа; при каждом шаге чудовища они скрежетали и звякали друг о друга. Булвайф учуял резкий запах существа, даже когда до него оставалось не менее тридцати ярдов, и чувствовалась в этом запахе примесь странных эликсиров и биомодификаций. От него покалывало кожу и тошнота подступала к горлу.

Булвайф смотрел на этих монстров и не чувствовал страха — наоборот, его переполняло неудержимое желание, голод, требовавший обнажить клинок и вонзить во врага, рубить и кромсать, забыв обо всем. Внутри звучал голос волка — неистовый дар самого Лемана Русса, казалось обретший в тот момент собственную жизнь.

«Не сейчас, — сказал он зверю внутри. — Еще рано».

Чужаки приближались, продолжая перешептываться на своем змеином языке.

Новые запахи донеслись до Булвайфа и его воинов — запахи, от которых нервы задрожали, как натянутые струны. От налетчиков исходили миазмы феромонов, запах адреналина и опьяняющий аромат тускуса; усовершенствованный организм Булвайфа работал на пределе своих возможностей, стараясь отфильтровать этот яд, прежде чем тот сведет его с ума. И все равно голова кружилась, а колени дрожали. Он услышал, как Хальвдан тихо выругался, и понял, что его воинам тоже приходится нелегко.

Отвернувшись от ксеносов, Булвайф посмотрел назад, на жавшихся друг к другу пленников, цепями прикованных к камням павильона. Многие плакали, другие склонили голову в молитве. Некоторые смотрели на него, и в их широко раскрытых глазах читалась мольба.

Свободно опустив руки, Волчий Лорд обернулся к приближавшимся налетчикам и присмотрелся к уродливому существу, шедшему в середине.

— Слушай меня, чужак, — обратился он к монстру, голос его звучал твердо и

отчетливо. — Ты мучил и грабил этих людей веками, так что, подозреваю, твой народ научился нашему языку. Я Булвайф, воин из русов и названый брат Лемана, примарха Шестого Легиона. Жители этого мира под моей защитой, чудовище. Ты пришел сюда на свою погибель.

Булвайф заметил, как темные глаза вожака чужаков расширились от веселого изумления. Все его гибкое тело задрожало от безумного веселья, а затем губы раздвинулись, обнажая неровные зубы, и монстр захихикал в лихорадочном возбуждении. Гротескные телохранители, вторя хозяину, затараторили и завыли, царапая когтями покрытую шрамами кожу на скулах и шершавые губы.

Усмешка ксеноса, адресованная Булвайфу, была полна острых, как иглы, зубов и напоминала оскал барракуды, а голос его, исторгнутый пропитанными феромонами легкими, клокотал и булькал.

— Ты станешь отличным подарком моему повелителю, — произнес ксенос на вполне сносном низком готике, сжав пальцы-лезвия. — О, как он будет смеяться

над твоими дерзкими словами, отделяя плоть твою от костей. — Изуродованное тело чудовища вздрогнуло от удовольствия. — Твои страдания будут утонченными.

Холодные как лед глаза Булвайфа прищурились.

— Так, значит, не ты предводитель этой гнусной орды?

Ксенос равнодушно рассмеялся:

— Я лишь ничтожный слуга Даррага Шаккара, архонта кабала Кричащего Сердца. Именно он держит в своих когтях этот варварский мир.

Волчий Лорд медленно кивнул. Когда он заговорил снова, его тон был холоден и вежлив, как отшлифованное железо:

— Тогда нам больше нечего обсуждать.

Быстрее молнии правая рука Булвайфа метнулась к плазменному пистолету у бедра, и выстрел попал чужаку между глазами. Не успело обезглавленное тело ксеноса рухнуть на землю, как остальные Волки, скрывавшиеся в лесу, обрушили шквал

болтерного огня на толпу налетчиков. Те стояли так близко друг к другу, что каждый выстрел находил свою цель, и разрывные болты, с легкостью пробивая легкую броню пришельцев, взрывались внутри тел, разнося их на куски. С потрескивающим шипением из-за кромки леса вылетели две крак-ракеты и подбили пару крупных транспортов — те взорвались смертоносным фонтаном огня и раскаленных обломков. Разразившись гневными криками, ксеносы развернулись и открыли огонь из винтовок, наугад паля в темноту. При стрельбе их оружие издавало пронзительное жужжание, и на деревья обрушился поток гиперзвуковых осколков.

Юрген и Хальвдан, стоявшие позади Булвайфа, подняли болтганы и присоединились к истреблению застигнутых врасплох налетчиков. Один за другим ксеносы падали, корчась и истекая едкой кровью.

Телохранители погибшего вожака чужаков прорвались сквозь шквальный огонь. Ненависть, подпитанная

наркотиками, превратила их уродливые лица в ожесточенные маски, и твари напали на Волчьего Лорда. Эта бешеная атака послужила примером остальным налетчикам, и десятки воинов-ксеносов ринулись к новой цели.

Атакующие набросились на Вулвайфа; с шипением пронеслись потоки осколков, часть из них прошла мимо, часть срикошетила от благословленного Механикум доспеха. Над его головой пронеслась группа гравициклов ксеносов, и северная опушка леса оказалась под обстрелом. В ответ в небо устремилась, оставляя за собой огненный след, осколочная ракета, которая взорвалась в самой гуще нападавших, и машины рухнули на землю, изрешеченные осколками.

Не отступая ни на шаг, Волчий Лорд схватился за силовой топор, висевший на поясе. Активировав энергетическое поле оружия, он с древним боевым кличем бросился навстречу атаке чужаков. Свита вожака окружила его со всех сторон, они пытались достать его когтями или вцепиться клыками, но каждый раз

Булвайф останавливал их грозными взмахами топора. Он отрубал конечности, рассекал тела, вспарывал животы и отсекал головы, пока вокруг него не выросла груда мертвецов. Волк внутри него бесновался, стараясь вырваться на волю, но Булвайф, сконцентрировавшись на своих движениях и на оружии, сдерживал зверя.

Мгновение спустя в схватку вступили Юрген и Хальвдан, широкими взмахами силовых мечей врубаясь в орду врагов. Ракеты и сосредоточенный болтерный огонь остальной Волчьей Гвардии уничтожили еще несколько транспортов в тылу чужаков. Уцелевшие гравициклы не оставляли попыток достать врага, притаившегося под сенью леса, но темнота и густорастущие деревья обеспечивали Астартес достаточное прикрытие от огня.

По нагруднику Булвайфа скользнуло зазубренное лезвие штыка; другой штык задел правую ногу, оставив след на поножах, третий удар пришел слева и сзади и попал в переплетение кабелей

доспеха под мышкой Волчьего Лорда. Он наотмашь ударил топором, снес с плеч голову одному налетчику и вогнал лезвие в грудь тому, кто нанес ему удар сзади. Атакующих справа он остановил двумя выстрелами в упор из плазменного пистолета. Разряд ионизированного газа заставлял тела чужаков или разлетаться на части, или вспыхивать в результате вторичного термального воздействия.

И вдруг ксеносы отхлынули от Волчьего Лорда, подобно обратившемуся вспять приливу. Несколько осколков задели его грудь и руки, но это были случайные выстрелы наугад. Уцелевшие налетчики бежали с поля боя, под прикрытием гравициклов поспешно отступая к оставшимся транспортам.

Воздев окровавленные клинки, Булвайф и его лейтенанты с боевым кличем, исполненным смертельной жажды мести, бросились вперед. Волчий Лорд почувствовал, как осколок пробил доспех чуть выше колена, но внезапная боль лишь на мгновение замедлила атаку. Взвыв гравитационными турбинами, в воздух

поднялись два транспорта — и незамедлительно стали целью для двух крак-ракет. Первая ракета взорвала борт одного из них, и по десантной палубе прокатилась волна пламени. Летательный аппарат накренился, и с правого борта, переваливаясь через ограждение, посыпались охваченные огнем тела. Но и накренившись, транспорт все равно ринулся вперед и, ревя двигателями, лег на курс, уводивший по плавной дуге на запад. Мощный взрыв разнес второй транспорт на части, и на поле рухнули горящие обломки. Некоторые попали в другие летательные аппараты, только отрывавшиеся от земли; их десантные палубы тоже пострадали, но недостаточно, чтобы вывести транспорты из строя. Остроносые корабли развернулись и вскоре исчезли из виду, устремившись к далекому шпилю, который сулил им защиту. Через несколько мгновений Булвайф и его люди остались одни на поле, усыпанном горящими кусками транспортов и мертвыми телами.

Волчий Лорд отозвал воинов из засады.

— Юрген, проверь людей и доложи мне, — приказал он лейтенанту, а сам направился к павильону.

При виде приближающегося гиганта в доспехах, выглядевших черными на фоне пламени за его спиной, и с силовым топором в руке пленники у павильона сжались от страха. И преступники, и невинные жертвы смотрели на Булвайфа с благоговением, к которому примешивался неконтролируемый животный ужас. Окинув взглядом жавшихся друг к другу людей, Булвайф заговорил, и голос его звучал громко и повелительно:

— Слушайте меня, жители Антимона. С этой ночи вы более не будете жить в страхе. Возвращайтесь в город и расскажите всем о том, что здесь случилось. Скажите, что Всеотец послал своих воинов, чтобы защитить вас, и что ты не успокоится, пока последний чужак не будет изгнан навсегда из вашего мира.

Взмахнув силовым топором, он разбил цепи, удерживавшие первую группу

пленников. Раздались вскрики, люди отшатнулись, а затем со смесью удивления и восхищения воззрились на разрубленные звенья. Когда Волчий Лорд добрался до второй группы, бывшие заключенные из первой уже со всех ног мчались на восток, к городу.

Вскоре к Булвайфу присоединился Хальвдан, и его силовой меч, потрескивая, с легкостью рассекал железные звенья. Наконец последние пленники были освобождены и направились обратно к Онейросу, после чего лейтенант искоса взглянул на Булвайфа; аугметический глаз его смотрел бесстрастно, скрывая мысли владельца.

— Неплохо для начала, — сказал Хальвдан. — Но нам повезло. Проклятые ксеносы слишком долго заправляли этой планетой и потеряли бдительность. Полагаю, вскоре они захотят свести счеты и вернутся. Чем займемся сейчас?

Волчий Лорд выпрямился и посмотрел на запад:

— Вызовем «Грозовую птицу» и отправимся на юг. Мы уведем охотников

за собой, и у жителей Онейроса будет шанс добраться до города. А затем найдем в пустошах подходящее место для базы и посмотрим, насколько сильно этот народ хочет вернуть себе свою планету.

Над развалинами зарождалась гроза. Булвайф чувствовал, как в воздухе накапливается статическое электричество, прикасаясь, подобно мягкой ласке, к открытым участкам кожи на лице и руках. Порыв сухого горячего ветра пронесся над разбитыми камнями, оставшимися от зданий павшего города; за ним последовал гулкий раскат грома где-то далеко на востоке, и Волчий Лорд вынырнул из глубин восстановительного транса. Благодаря серии самогипнотических упражнений, которые он проделал машинально, мозг быстро пробуждался участок за участком. Всего через несколько мгновений Булвайф открыл глаза и сделал глубокий вдох, чтобы полностью активировать дыхательные органы. Системы жизнеобеспечения, встроенные в доспех,

закончили очистительные процедуры, в ходе которых были убраны, а затем выведены на поверхность кожи измененными потовыми железами токсины; после этого в кровь Волчьего Лорда были впрыснуты стабилизаторы метаболизма.

По оценке Булвайфа, он отдыхал менее часа. Слишком мало, учитывая, какому облучению он подвергся, но пока придется обойтись и этим. Нужно было осмотреть временный лагерь и убедиться, что все укрыто и надежно закреплено, до того как разразится буря.

Место их последней стоянки было расположено в ста километрах к югу от обитаемой зоны Онейроса — в развалинах небольшого городка, и, хотя со времен холокоста, устроенного ксеносами, прошло двести лет, уровень остаточной радиации тут был все еще высок. За прошедшие три месяца отряд Булвайфа десятки раз менял позицию. Они никогда не оставались на одном месте дольше чем на неделю и старались не выходить за пределы радиоактивных областей, надеясь, что

здесь их не обнаружат поисково-ударные патрули врага.

Волкам удавалось наносить Истязателям внезапные удары и затем скрываться от жестокой погони только благодаря двум факторам: огромному опыту Булвайфа, приобретенному за годы набегов, и мобильности, которую обеспечивала десантная «Грозовая птица». Разделившись на группы по три человека, они нападали на любые объекты практически во всех обитаемых зонах планеты. Навыки, полученные за время охоты в лесах родного Фенриса, и боевое мастерство, пришедшее за сотни лет войны, позволяли Волкам молниеносно атаковать из засады отдельные рейдерские группы ксеносов или подбивать из ракетных установок низко летящие транспорты, которые курсировали между шпилями чужаков и городами антимонцев. Каждый раз схема атаки была одинакова: напасть, нанести как можно больший урон, а затем быстро отступить в незаселенную местность и избегать обнаружения до тех пор, пока не появится

возможность ударить снова. Булвайф хотел отвлечь на себя как можно больше Истязателей и тем самым положить конец регулярным налетам на поселения антимонцев. Судя по интенсивности ответных действий ксеносов, пока этот план работал. Чужаки установили постоянное патрулирование пустошей, причем отдельные группы заходили далеко на север и юг, вплоть до полюсов. В последние же несколько недель они стали использовать орбитальную бомбардировку, обстреливая наиболее крупные из разрушенных городов в надежде выкурить добычу из укрытия.

Успех Астартес объяснялся только одним: они были не только готовы, но и физически способны переносить большие тяготы и лишения, нежели их противник. Скромного аварийного пайка, который несла «Грозовая птица», благодаря строгому нормированию хватило на месяц, но улучшенный метаболизм воинов позволял извлекать питательные вещества из растений, животных и даже неорганических материалов, которые

были бы смертельны для обычного человека. Они вставали лагерем в диких, пустынных местах, где не было никакого укрытия от самой жестокой непогоды; они получили такую дозу облучения из-за остаточной радиации, которая убила бы простого смертного за несколько часов. Не раз поисковые группы врага выходили на след Волков, но в конце концов им приходилось прекращать преследование, потому что местность становилась для них непроходимой.

Однако за этот успех Волкам пришлось дорого заплатить. Радиоактивное излучение ослабляло регенерационные способности организма, к тому же чужаки часто наносили яд на свое оружие, и в результате многие члены отряда страдали от плохо заживающих ран. Из двенадцати Астартес под командованием Волчьего Лорда трое были ранены так тяжело, что впали в Красный Сон — глубокую кому, во время которой тело пыталось справиться с самыми серьезными повреждениями. На данный момент у Вулвайфа было три группы по

три воина: две из них выполняли боевые задачи в разных точках планеты, третья же охраняла раненых братьев, давая им время восстановить силы.

Волкам пришлось нелегко, но уже появились обнадеживающие признаки того, что благодаря их действиям баланс сил на Антимоне начал постепенно меняться. Истязатели по-прежнему нападали на города, иногда проявляя почти звериную жестокость, но атаки эти были несогласованными и редко давали значимый результат. Однако гораздо важнее было другое: судя по всему, послание Булвайфа каким-то образом разнеслось по всем антимонским поселениям. После той ночи, изменившей все, жертвенные поля использовались все реже, а если и использовались, то совсем не для той цели, для которой они были предназначены. Когда Волкам случалось проходить мимо павильонов, они находили там различные подношения: еду или лекарства, завернутые в водонепроницаемую ткань, или просто цветы, растущие в той местности, или несколько бутылок вина.

Иногда к такому свертку прилагалась записка, написанная на местном наречии, и тогда воины часами пытались разгадать странные письмена и понять смысл послания. Булвайфу же смысл этот был абсолютно ясен: жители истерзанного мира знали, что отряд делает ради них, и были благодарны за это.

Волчий Лорд заметил, что у подножия пологого холма, на котором он сидел, что-то движется. Вскоре из развалин небольшого строения показался Хальвдан и начал подниматься по склону, прихрамывая и то и дело останавливаясь. В схватке с беловолосой женщиной из армии ксеносов могучий воин был ранен в бедро отравленным кинжалом, и пока что рана не собиралась заживать. Булвайф не мог даже предположить, как Хальвдан, несмотря на страшную боль, умудряется ходить, не говоря уж о том, чтобы сражаться.

— «Птица» возвращается, — хрипло доложил лейтенант, добравшись до вершины холма.

Булвайф жестом разрешил воину

сесть, и Хальвдан, благодарно кивнув, опустился на землю. Он отцепил с пояса фляжку и сделал большой глоток; на бледной коже под глазами проступили морщины усталости.

Булвайф кивнул:

— Обе группы целы?

— Да, благодарение Всеотцу, — ответил Хальвдан. — Хотя Юрген сообщает, что у него есть раненые. — Бородатый воин взглянул на восток, где размытое коричневое пятно на горизонте указывало на приближающуюся бурю, и еще раз глотнул из фляжки. — Я проверил припасы, как ты приказывал.

— Быстро ты управился, — удивленно поднял бровь Волчий Лорд.

Хальвдан хмыкнул.

— Проверять особо нечего, — сказал он. — На каждого по сорок зарядов для болтганов, всего восемь гранат, двенадцать мелта-зарядов и две крак-ракеты. Приплюсуй сюда то, с чем сумеют вернуться оба патруля. Не осталось ни одной нетронутой аптечки, а повреждения доспехов у каждого воина составляют от

десяти до восемнадцати процентов. Короче говоря, почти ничего не осталось. У нас хватит ресурсов еще на одну серию патрулей или же на одно серьезное сражение. И все. — Он вздохнул, вперив в Волчьего Лорда тяжелый взгляд красного искусственного глаза. — Мы должны были явиться на Кернуннос четыре недели назад. Они обязательно пришлют кого-нибудь на поиски. Тактическая группа может прибыть со дня на день.

— К чему ты клонишь? — Волчий Лорд внимательно посмотрел на своего боевого брата.

Хальвдан опять глотнул из фляги. Судя по запаху, внутри было антимонское вино.

— Мне не больше твоего нравятся эти проклятые чужаки, но, лорд, мне кажется, мы уже сделали все, что было в наших силах. — Воин пожал массивными плечами. — Сам Леман не стал бы требовать большего от наших братьев, и ты это знаешь. Как только вернется «Грозовая птица», почему бы нам не отправиться в более уютные края и

затаиться до тех пор, пока не прибудет подкрепление?

Это предложение захватило Булвайфа врасплох.

— Мы не можем останавливаться. Не сейчас, когда перевес наконец склоняется на нашу сторону. Если мы сейчас сбавим напор, то инициатива перейдет к противнику, и я ручаюсь, что они сделают все возможное, чтобы этим воспользоваться.

— Да, но... — Хальвдан умолк, пытаясь найти подходящие слова для тревоживших его мыслей. Через мгновение он сдался и высказал все напрямую: — Мой лорд, мы ничем не обязаны этим людям. Они не задумываясь отвергли твое предложение. Ты знаешь, что это значит.

Волчий Лорд зло прищурился.

— Прекрасно знаю! — прорычал он. — И я исполню свой долг, если до этого дойдет, как и положено слуге Всеотца. Посмотри, как я расправился с этим субсектором, — разве можешь ты думать иначе?

Хальвдан поднял руку в примирительном жесте:

— Я же не говорю, что ты размяк...

— Я прекрасно понял, о чем ты говоришь, брат, — прервал его Булвайф. — Ты не можешь понять, почему я изо всех сил защищаю народ, который нам позже все равно предстоит завоевать.

Волчий Лорд поднялся на ноги. Из сочленений доспеха посыпалась пыль, которую тут же развеял ветер.

— Мы крестоносцы, Хальвдан. По воле Всеотца мы должны спасти потерянные миры и вернуть их Человечеству. Если есть хоть малейший шанс на то, что нам удастся убедить местных жителей в нашей правоте и тем самым избежать повторения событий на Кернунносе, то ради этого я сделаю все, что в моих силах. Буду сражаться до последнего вздоха, если понадобится.

Хальвдан недоверчиво посмотрел на Булвайфа снизу вверх, затем покачал головой и вздохнул. С трудом встав, он хлопнул Волчьего Лорда по плечу.

— «Птица» вот-вот вернется, — сказал он. — Лучше пойдем встретим ее, заодно посмотрим, не привез ли нам

Юрген какой-нибудь подарок.

Оба Астартес спустились с холма и вышли на пыльную равнину, что простиралась к западу от разрушенного города. Вскоре на горизонте возник черный силуэт, летящий низко над землей, чтобы укрыться от орбитальных детекторов. Оба Волка сразу же заметили, что с кораблем не все в порядке: из одного двигателя валил дым и челнок не мог держать курс. На столь опасной высоте пилоту явно лишь с большим трудом удавалось удерживать «Птицу» от крена.

Через несколько минут корабль завис над посадочной площадкой и тяжело опустился на пыльную землю. По рампе сбежали четверо Волков, включая и пилота, с огнетушителями в руках. Бросившись к корме «Грозовой птицы», они затушили дымящийся двигатель. Тем временем Юрген подошел к Булвайфу и Хальвдану, которые все еще стояли в нескольких ярдах от корабля.

— Вы такую прогулку пропустили! — сказал он, встав перед командиром. — Когда мы пролетали через обитаемую

зону Онейроса, за нами увязалась пара истребителей ксеносов. Погоня была еще та, но потом мы их сбили.

— Насколько все плохо? — спросил Булвайф.

Юрген потрачнел:

— Насчет корабля нужно спросить пилота. Еще двое наших братьев впали в Красный Сон. Один из них, скорее всего, лишится ног — если вообще выживет.

Волчий Лорд отреагировал на новости коротким кивком:

— А как прошло патрулирование? Удачно?

— Да, — ответил Юрген не задумываясь. — Даже лучше, чем мы рассчитывали.

— Неужели? Как так получилось?

Лейтенант скрестил руки на груди:

— Мы летели обратно, и тут пилот заметил оживление в воздушном пространстве Онейроса. Оказалось, что Истязатели как раз проводят несколько масштабных налетов на город, и я решил рискнуть и подобраться поближе. Мы скрытно проникли в зону и сели рядом с

жертвенным полем. Там-то наш патруль и обнаружил кое-что любопытное.

— Еще одну посылку? — Булвайф нахмурился.

— Нет, — ответил Юрген. — Послание. — Он сунул руку в поясную сумку и достал клочок бумаги. — Записка была обернута вокруг рукояти кинжала, а тот был воткнут между камнями, которыми вымощен пол павильона.

Волчий Лорд внимательно осмотрел записку. К его удивлению, текст был написан на архаичном низком готике, отличавшемся от местного диалекта и более похожем на тот праязык, который был понятен людям большинства обитаемых миров. В записке были указаны частота вокса, время и имя. Андрас.

— Как думаешь, что это значит? — Юрген не сводил глаз с Булвайфа, наблюдая за его реакцией на послание.

Булвайф сверился с внутренним хронометром доспехов. До времени, назначенного в записке, оставалось лишь несколько часов.

— Это значит, что антимонцы

готовы сделать следующий шаг.

Они прибыли на место за четыре часа до назначенного срока. Прежде чем занять наблюдательную позицию у жертвенного поля, им пришлось пролететь над пустошами и проскользнуть над поросшими лесом холмами. Булвайф не сомневался, что по воксу с ним говорил именно Андрас, но это еще не давало повода не опасаться засады.

Волки затаились в ожидании; над ними через регулярные интервалы пролетали корабли ксеносов, в основном направлявшиеся к Онейросу. Как и говорил Юрген, Истязатели, судя по всему, направили значительную часть своего контингента на разграбление города, не думая о возможных потерях. Булвайф следил за пролетающими аппаратами и добавлял полученные данные к зарождавшемуся в голове плану.

В точно условленное время из-под сени леса, окаймлявшего дорогу к востоку от павильона, вышли три завернутые в плащи фигуры и направились к жертвенному полю. Волки были поражены

никто не заметил антимонцев, пока те не вышли из укрытия. Булвайф наблюдал, как фигуры приблизились к павильону и припали к земле у места встречи, и принял окончательное решение.

— Я иду к ним, — сообщил он лейтенантам. — Оставайтесь на позиции до дальнейших приказов.

Затем он вышел из тени и пошел к площадке, на которой двенадцать недель назад они устроили Истязателям первую засаду.

Антимонцы заметили его приближение издалека. Их глаза, скрытые низко надвинутыми капюшонами, неотрывно следили за ним, но троица не шевелилась до тех пор, пока между ними и Булвайфом не осталось лишь несколько ярдов. Затем одна из фигур плавно поднялась и шагнула навстречу. По тому, как двигался человек, Булвайф определил, что это Андрас.

— Рад встрече, — тихо сказал Волчий Лорд, протягивая руку.

Андрас ответил на рукопожатие, обхватив его запястье в воинском

приветствии.

— Мы ждали две недели, надеялись, что вы найдете наше послание, — сказал молодой аристократ. — Мы рады, что вы пришли. Как ваши дела?

— Неплохо, — осторожно ответил Булвайф. — Спасибо за дары, которые твой народ оставляет для нас. Сенат изменил свое мнение?

— Сената больше нет, — сообщил Андрас. — Рейдеры убили их всех в прошлом месяце.

— Как это случилось? — Новость удивила Булвайфа.

— Наши запасы еды быстро подходят к концу, — пояснил Андрас. — То же и во всех городах Антимона. Прежде чем ситуация стала совсем отчаянной, мой отец и другие сенаторы решили вступить в переговоры с предводителем Истязателей и попробовать заключить какое-нибудь соглашение. — Все тело дворянина напряглось. — Предводитель чужаков согласился на встречу в здании Сената, но пришел он вовсе не для переговоров. Вместо этого его воины

захватили сенаторов и пытали целую неделю. С тех пор Онейрос не знает покоя, налетчики заполонили улицы и используют любые средства и оружие, чтобы пробиться в укрытия под холмами.

— А что вожак ксеносов? — спросил Булвайф.

— Он лично участвовал в пытках сенаторов, но потом вернулся в шпиль.

Волчий Лорд задумчиво кивнул:

— И чего же ты хочешь от нас, Андрас, сын Яврена?

Андрас откинул капюшон. Лицо его покрывали синяки, на левой щеке алел свежий шрам.

— Мы хотим к вам присоединиться, — ответил он. — Среди аристократов всегда были те, кто втайне придерживался старых традиций армигеров. Ваш бой с налетчиками в ту ночь дал нам мужество действовать самим. Уже некоторое время мы нападаем на чужаков в пределах города и даже добились некоторого успеха, но он был бы в сто раз больше, если бы рядом с нами сражался ваш отряд.

К откровенному удивлению Андраса, Булвайф покачал головой:

— На этом этапе стычки с ксеносами внутри Онейроса не принесут большой пользы.

— О чем ты? — прошипел Андрас. — Разве не этим вы занимались в последние три месяца?

— Отличие в том, что все мои действия имели единственную цель, — объяснил Булвайф, — и цель эта — разделить налетчиков и в конце концов стравить их между собой.

Андрас нахмурился и разочарованно качнул головой:

— Не понимаю.

— Это потому, что сам ты никогда не совершал набегов, — ответил Булвайф. — А я совершал, когда-то очень давно, и все, что я узнал об Истязателях, доказывает, что они не сильно отличаются от разбойников фенриса.

— И что из этого? — отозвался Андрас.

— Они жадные. А жадность толкает к предательству, — пояснил Булвайф. —

Сила разбойничьей шайки зависит от того, насколько силен ее вожак. Он всегда чуть-чуть сильнее, злее и умнее, чем остальные, и тем самым удерживает банду вместе. Он забирает лучшую часть добычи, но до тех пор, пока всем достается заслуженная доля, его подчиненные не возражают. Но когда добычи становится меньше, пора начинать беспокоиться. Тогда-то дело и принимает опасный оборот.

Андрас на мгновение задумался:

— И ты сделал так, что Истязателям стало труднее забирать много рабов.

— Да, и попутно постарался прикончить как можно больше ксеносов, — подтвердил Булвайф. — Каждый раз, когда рейдерская группа попадает в засаду, когда транспорт оказывается подбит, вожак Истязателей предстает в глазах своей банды слабым. Ручаюсь, некоторые его подручные уже подумывают о том, как бы забрать власть над бандой себе.

— И если нынешний вожак умрет, то остальные передерутся между собой за его

место, — сделал вывод Андрас.

— Именно, — согласился Булвайф. — Сейчас большинство Истязателей в Онейросе, и это самый подходящий момент, чтобы убить вожака и положить начало кровавой борьбе за власть.

— Но как ты собираешься это сделать? Как я уже сказал, он вернулся в шпиль.

— Мне нужен только один из транспортных кораблей Истязателей, — сказал Булвайф. — Ксеносы думают, что в парящих цитаделях им ничто не угрожает. Я собираюсь их в этом разубедить.

Андрас внимательно посмотрел на Волчьего Лорда:

— Я могу достать для тебя транспорт, но только при одном условии: ты позволишь нам помочь вам при нападении на шпиль.

Булвайф предупреждающе поднял руку:

— Я отдаю должное твоему мужеству, но нам помощь не нужна.

— Неужели? Ты умеешь управлять

этими кораблями?

— Пока нет, — признал Волчий Лорд. — А ты?

— Пока... нет, — неохотно отозвался Андрас, — но за прошедшие двести лет мой народ многое узнал о языке чужаков. — Молодой аристократ выпрямился в полный рост, но даже так доставал лишь до груди огромного Астартес. — Мы можем добыть для вас транспорт и объяснить, как читать показания приборов. Взамен просим лишь взять нас с собой, когда вы будете атаковать шпиль.

Булвайф не мог скрыть восхищения, которое вызвало в нем мужество юноши.

— Сколько вам потребуется времени?

— Если захочешь, мы можем нанести удар хоть сегодня ночью, — с уверенностью ответил Андрас. — Согласен? Отлично. Тогда расскажи, в чем твой план.

Согласовав план с Андрасом, Волчий Лорд собрал отряд, и вслед за антимонцами они пешком двинулись к Онейросу. На окраине города Булвайф увидел вблизи все те разрушения, что

учинили ксеносы. Здания, полыхавшие в центре города, окрасили небо в оранжевый цвет; на холмах вокруг Онейроса виднелись следы осадных работ, целью которых были подземные убежища. По ночному небу скользили летательные аппараты, но Андрас и его товарищи, воспользовавшись кружным путем, провели Астартес по извилистым улицам к большой площади, расположенной в нескольких километрах от здания Сената. На площади развернулась временная полевая база чужаков: четыре транспорта, рядом с ними — около сорока налетчиков.

Андрас привел Волков в бывшее муниципальное здание, от которого остался только выгоревший каркас; отряд должен был ждать там, пока он и его соотечественники выполняют первую часть плана. Довольно скоро Андрас и еще восемь человек вернулись, уже вооруженные и облаченные в замысловатую чешуйчатую броню воинской касты Антимона. Шестигранные чешуйки доспехов были отполированы до зеркального блеска и едва заметно пахли озоном, отчего в носу у

Булвайфа защипало.

— Готово, — сообщил молодой дворянин. — Мы уже некоторое время планировали такую операцию, правда для других целей. Мы хотели отвлекающим маневром увести Истязателей от убежищ, чтобы люди могли выйти на поиски еды. — Андрас помрачнел. — Надеюсь, если наш план сработает, столь отчаянные меры не понадобятся.

Булвайф кивнул:

— Сколько ждать?

— Еще около двадцати минут, — ответил Андрас, сверившись с часами.

Воины приготовились ждать, в оставшееся время проверяя оружие и наблюдая за движением на площади. Булвайф присел рядом с Андрасом.

— Ты уже задал мне много вопросов, — сказал он, — а теперь и я хочу задать тебе один.

Андрас оторвался от частично разобранного пистолета, который держал на коленях, и посмотрел на Волка.

— Хорошо, — сказал он ровным голосом. — Что ты хочешь узнать?

— Когда мы только прибыли на Антимон, на наши сигналы никто не ответил, кроме тебя. Почему ты пошел против Сената и ответил на наше обращение?

Андрас заговорил не сразу. Его губы сжались в тонкую линию, в глазах появилось затравленное выражение.

— Когда мне было лишь четыре года, Истязатели забрали мою мать и сестру, — сказал он наконец. — Они ворвались в наше убежище. Отец успел спрятать только меня, всех остальных нашли налетчики. Его жизнь пощадили, потому что он был сенатором, но остальных... остальных забрали, и он даже не пытался этому помешать. Моей сестре было всего два года. — Юноша надавил на внутренние уголки глаз, сдерживая слезы. — Когда мне было десять, я пробрался на чердак и начал тренироваться с клинками моего прадеда. Я поклялся, что заставлю Истязателей заплатить за то, что они сделали, если мне представится такой шанс. И когда ваш корабль появился на орбите, я решил, что этот шанс упал мне в руки.

Булвайф положил руку на плечо юноши:

— Так и есть, Андрас. Я клянусь тебе в этом.

Где-то в отдалении раздался слабый, но характерный звук взрыва, за которым послышались треск и хлопки выстрелов. С каждым мгновением шум битвы нарастал, пока не превратился в грохот настоящего сражения.

Андрас поднялся на ноги.

— А вот и отвлекающий маневр, — сказал он. — Теперь посмотрим, что в ответ предпримут Истязатели.

Чужаки на площади засуетились. Всего через несколько минут три транспортных корабля поднялись в воздух и на большой скорости скрылись за вершинами холмов, направляясь к источнику шума.

Андрас улыбнулся.

— Они всегда держат один корабль в резерве, — сказал он, кивнув в сторону транспорта, все еще стоявшего на площади. — Теперь нужно только разобраться с десятью оставшимися

воинами.

— Предоставь это нам, — кивнул в ответ Булвайф.

Здание, в котором они укрывались, стояло на боковой улице совсем рядом с площадью, приблизительно в ста ярдах от транспорта и его команды. Булвайф подозвал свою восьмерку воинов коротким приказом, и Астартес приготовили оружие к бою.

— Действуем быстро, братья, — сказал он Волкам. — Сейчас не время для скрытности. Убейте мерзавцев как можно скорее и отходите.

Не дожидаясь ответа, Волчий Лорд первым вышел на улицу и направился прямиком к Истязателям.

Ксеносы заметили его, когда он не преодолел и пятидесяти метров. Его обостренный слух уловил шипящий поток приказов, которыми разразился офицер противника; чужаки быстро отступили в укрытие и открыли огонь. Осколки вспороли воздух вокруг Булвайфа, некоторые со звоном отскочили от пластин доспеха. Он ответил двумя

выстрелами плазменного пистолета: первый поразил офицера ксеносов, когда тот перебегал из одного укрытия в другое, и практически разорвал жертву пополам; второй обратил в пар голову и плечи налетчика, который целился из винтовки.

Вокруг Волчьего Лорда раздались выстрелы болтеров, и в ночи резко зазвучали воинственные крики. И вновь Булвайф почувствовал, как при этих звуках просыпается зверь внутри. «Не сейчас, — подумал он, сдерживая зверя. — Не сейчас, но время скоро придет».

Стреляя на бегу, Космические Волки уничтожали одного ксеноса за другим, пока трое оставшихся в живых не обратились в бегство, скрывшись в одной из боковых улиц на дальней стороне площади. Булвайф не стал тратить на них время и бросился к транспорту с топором наготове. Он взобрался на борт как раз в тот момент, когда пилот корабля также решил спасать свою жизнь и спрыгнул на землю с противоположной стороны.

Остальные члены отряда Булвайфа и воины Андраса поднялись на борт через

несколько мгновений. Ранульф, пилот Волков, и двое антимонцев, которые, по словам Андраса, понимали язык ксеносов, сразу же обступили панель управления, пытаясь определить назначение приборов. Через минуту Ранульф нажал на несколько клавиш, и силовая установка ожила, издавая постепенно нарастающий вой. Затем пилот взялся за ручку рулевого управления, и транспорт медленно оторвался от земли. Нос его неторопливо развернулся к западу, и корабль неуклюже двинулся вперед.

— Быстрее! — поторопил Булвайф. — Ксеносы вернутся с минуты на минуту! Если мы не доберемся до шпиля прежде, чем они поднимут тревогу, нам конец!

— Так точно, лорд, — ответил Ранульф. — Всем на борту: хватайтесь за что-нибудь!

Он потянул за рычаг, и корабль ринулся вперед, набирая скорость, пока город и погруженные в сумерки окрестности не слились в сплошную полосу под днищем.

Пока транспорт, подобно стреле,

тчался к шпилю, Андрас пробрался поближе к Булвайфу.

— Ты уверен, что план сработает? — спросил он.

Булвайф тщательно обдумал ответ:

— Если нам удастся попасть в реакторный зал, я уверен: мы сможем обрушить шпиль. Что же до остального... Все в руках судьбы.

— Но откуда ты знаешь, что мы найдем их вожака? — не сдавался аристократ.

Волчий Лорд жестоко улыбнулся.

— Не волнуйся. Как только он поймет, что мы замышляем, он сам придет к нам.

Десять минут спустя они увидели шпиль ксеносов. Огромная конструкция черным силуэтом выделялась на фоне ночного неба; слабое свечение антигравитационных приводов отбрасывало на ее стены бледно-голубые отблески. По всей поверхности шпиля через равные интервалы мерцали зеленые огни, и тут и там с посадочных площадок поднимались летательные аппараты, чтобы на большой скорости скрыться в

ночи.

Внезапно из кабины управления донесся голос Ранульфа:

— Лорд, тут какое-то шипение из вокса! Кажется, это запрос опознавательного сигнала!

Булвайф присел, стараясь как можно лучше укрыться за бронированным ограждением палубы. Так же поступили и остальные Астартес, и Волчий Лорд, оглянувшись на Андраса, посоветовал:

— Я бы на твоем месте пригнулся. Сейчас начнется самое интересное.

Мгновенно все небо вспыхнуло в лучах лазеров и пунктирах огнестрельных очередей — то ожили защитные батареи шпиля. Несколько энергетических разрядов ударило в нос транспорта, пробив бронированную обшивку и обрушив на пассажиров град осколков. Булвайф повернулся к кабине управления.

— Лети к центру шпиля! — крикнул он Ранульфу. — Там должны быть посадочные площадки для ремонта и заправки!

Транспорт ринулся вперед сквозь

шквал огня. Внезапность и высокая скорость превратили его в трудную мишень для стрелков в шпиле, и всего за несколько секунд корабль преодолел оставшееся до цитадели расстояние. В центральной секции башни Ранульф заметил подходящую площадку, на полной скорости направился к ней и только в последнюю минуту перед посадкой переключил двигатели на торможение.

Жесткая посадка сопровождалась хрустом и треском рвущегося металла, от которых заныли кости. Всех пассажиров бросило вперед, в развороченную носовую часть, а транспорт продолжал скользить по поверхности площадки, днищем высекая снопы искр. Наконец сила трения взяла свое, корабль замедлил движение и остановился менее чем в десяти метрах от противоположного края.

Какое-то время ушло на то, чтобы выбраться из разрушенного носа. Юрген и Хальвдан шли впереди и первыми спрыгнули на площадку, держа оружие наготове. За ними без промедления

последовали остальные Волки и воины Андраса, чьи лица были скрыты бармицами. Добравшись до ограждения палубы, Булвайф обернулся к Ранульфу:

— Сделай так, чтобы к нашему возвращению это корыто было готово к отлету. Иначе нам предстоит долгая пешая прогулка до Онейроса!

Волчий Лорд перепрыгнул через палубное ограждение, и поверхность площадки лязгнула под его ногами. В пяти ярдах от транспорта виднелся широкий низкий люк, который вел внутрь шпиля; взмахнув рукой, Булвайф приказал своим боевым братьям двигаться туда.

К нему подошел Андрас, за спиной которого ждали остальные антимонцы.

— И что теперь? — спросил юноша.

Булвайф кивнул в сторону люка.

— Похоже, что это грузовой люк, через который в цитадель доставляют запчасти и припасы. Коридор за ним рано или поздно выведет нас к реакторному залу, — сказал он и кивком подозвал Хальвдана. — Давай сюда мелта-заряд, нам нужен проход!

Лейтенант прикрепил к люку один из шести оставшихся телта-зарядов. Через несколько секунд послышался хлопок перегретого воздуха, и в толстой обшивке двери образовалась большая дыра с оплавленными краями, в которую тут же нырнули Юрген и еще двое Волков, и в коридоре зазвучали болтерные выстрелы.

По всей разгрузочной зоне были разбросаны обломки контейнеров, уничтоженных взрывом; их содержимое высыпалось на черный пол и частично расплавилось. Тела погибших, заключенные в броню, все еще дымились — такой силы был взрыв, вызванный телта-зарядом.

Пока Волчий Лорд и остальные члены штурмовой группы пробирались через брешь, Хальвдан отцепил с пояса переносной аускик, ввел серию команд, и экран прибора тут же засветился.

— Есть сигнал от мощного источника энергии приблизительно в семистах метрах отсюда, — доложил лейтенант, указывая в сердцевину шпиля. — Должно быть, реактор.

— Веди, — приказал Бульвайф,

коротко кивнув. — Нам нужен кратчайший маршрут к реактору, и препятствия не имеют значения.

Следующие двадцать минут штурмовая группа пробиралась вглубь шпиля, руководствуясь энергетическими следами на ауспике Хальвдана. Булвайф и его Волки двигались по служебным коридорам с невероятной скоростью; танец смерти, отрепетированный во множестве боев, сметал любые препятствия, которые Истязатели пытались установить на их пути. Огромные переходы, по которым они шли, имели обтекаемые контуры, а стены состояли из множества граней, словно вся цитадель была высечена из необычного кристалла. Стены чуть слышно гудели от заключенной в них энергии, и каждую грань пропитывал лиловый свет, озарявший тонкую резьбу на кристаллической поверхности, но бессильный разогнать сумрак в коридоре.

На пути к центру шпиля ксеносы запечатали все люки и позади каждого организовали наспех укрепленные Рубежи обороны. Каждый раз Волки пробивали в

люке дыру с помощью мелта-заряда, а затем расстреливали защитников, пока те еще не пришли в себя после взрыва. Это была проверенная временем тактика, которую Астартес довели до совершенства во множестве абордажных операций, и, пока они сохраняли темп наступления, остановить их было крайне трудно.

Очередной взрыв вывел их в большой зал, вдоль стен которого стояли странные пульсирующие консоли управления, а в центре — почти пятьдесят воинов-ксеносов, и Булвайф понял, что они уже близки к цели. Пробив в люке дыру, Волки оказались под плотным огнем из осколков. В Юргена и двоих воинов, шедших первыми, попало несколько десятков смертоносных игл, но доспехи защитили от большей части выстрелов. С занесенными силовыми мечами и цепными топорами они бросились в самую гущу ксеносов и через мгновение вступили в безжалостный рукопашный бой.

Волчьего Лорда, пробравшегося сквозь брешь следующим, с трех сторон

атаковали облаченные в доспехи воины, вооруженные винтовками и зазубренными ножами. Выстрелом из плазменного пистолета Булвайф отбросил назад нападавших слева, а на тех, кто подбирался справа, обрушил сокрушительный удар силового топора. Острое лезвие с одинаковой легкостью рассекало как стволы винтовок, так и защищенные броней тела, и ксеносы в замешательстве отступили. Булвайф бросился за ними, открывая дорогу в зал Хальвдану и остальной части отряда.

Осколки со свистом проносились в воздухе, и в ответ заговорили пистолеты антимонцев. Андрас встал слева от Булвайфа, мечом отражая атаки ксеносов. Несколько выстрелов попали и в него, но иглы с искрами отлетали от аристократа, — очевидно, экипировка армигеров включала и какое-то защитное силовое поле. Остальные антимонцы, вступив в схватку со свирепой яростью, расстреливали и закалывали каждого Истязателя, оказавшегося рядом.

Ксеносы сражались до последнего;

когда их магазины опустели, они вступили в ближний бой, примкнув штыки, и бились до последнего воина. Потери понес и отряд Андраса; Волки Бульвайфа получили по несколько мелких ранений.

— Двигаемся дальше! — скомандовал Волчий Лорд, указывая на открытый арочный проход в дальнем конце зала.

Они вошли в обширное помещение, потолочные своды которого сходились в одной точке высоко над головой. Зал имел восьмиугольную форму; вдоль стен стояли консоли управления, и еще три арочных прохода вели в другие помещения. В середине зала располагался огромный веретенообразный кристалл, подвешенный на сложной конструкции из распорок и матриц, индуцирующих силовое поле. Воздух здесь был пропитан энергией, и ее пульсация отзывалась резонансом в костях Волчьего Лорда.

— Мы пришли, — сказал он. — Хальвдан, установи последние заряды. Остальные — перекройте все входы.

— Надеюсь, двух зарядов хватит, — заметил лейтенант.

Прихрамывая, он подошел к кристаллу и внимательно осмотрел его поверхность, прикидывая, где могут находиться наиболее уязвимые точки.

Остальные быстро рассредоточились по огромному реакторному залу, чтобы перекрыть три других входа и дать Хальвдану возможность работать без помех. Булвайф, отстав всего на несколько шагов, направлялся к противоположной стороне зала, когда Истязатели начали контратаку.

Они ударили с трех сторон одновременно. Из всех трех проходов в зал обрушился шквал огня, снаряды опасно рикошетили от стен помещения. Стена огня была настолько плотной, что отряду пришлось, пригнувшись, броситься в укрытие, чем и воспользовались ксеносы, немедленно перейдя в наступление. Защищенные броней воины ворвались в зал через арки справа и слева, оттеснили антимонцев и вынудили вступить врукопашную Волчью Гвардию Булвайфа.

Булвайф видел, что на другой стороне зала один из воинов Андраса,

держа по пистолету в обеих руках, открыл огонь по проходу под третьей аркой. Его силовое поле заискрило, отражая ответные выстрелы, а затем пара энергетических лучей сине-фиолетового цвета поразила его в грудь. Силовое поле разрушилось, и воина разорвало на части.

Вслед за энергетическими выстрелами в атаку бросились ксеносы в черной броне, вооруженные длинными тяжелыми глефами, вокруг которых трещали синие дуги электрических разрядов. Через несколько мгновений погиб еще один из артигеров — его разрубило надвое ударом этого смертоносного оружия, а двое Волков, охранявших вход, вынуждены были отступить, не выдержав страшного натиска.

В результате внезапной атаки пространство перед аркой освободилось, и в зал вошло высокое стройное существо, облаченное в необычный замысловатый доспех и окутанное клубящейся синей аурой энергии. В правой руке существо держало длинный изогнутый меч из черного металла, в левой — длинноствольный

пистолет. Волосы вошедшего свободно спускались ниже плеч длинными черными прядями, а лицо... От его вида кровь застыла в жилах Булвайфа.

У вожака ксеносов не было лица, точнее, у него было множество лиц. Призрачные лики сменяли друг друга, стеная в агонии, — мужские, женские, детские, — и каждое лицо было маской непередаваемой боли и страха. Через весь зал Булвайф чувствовал ужас, который излучала эта голографическая личина, — ужас, ощутимый столь же ясно, как лезвие ножа, прижатого к щеке.

Волк внутри пробудился и обнажил клыки, наполняя своего хозяина яростью и жаждой крови и как будто спрашивая: пора?

«Пора», — ответил Булвайф и отдался во власть звериной ярости. Воздев сверкающий топор над головой, Волчий Лорд издал долгий вой — древний клич, рожденный в первобытных лесах старой Терры, — и бросился на врага.

Путь ему преградили два телохранителя с глефами наперевес.

Булвайф убил их двумя выстрелами плазменного пистолета, проделав в груди каждого дымящуюся дыру. Третий телохранитель вожака прыгнул вперед и сделал быстрый выпад глефой, столь быстрый, что глаз был не в силах уследить за движением; но боевое безумие полностью завладело Булвайфом, и он действовал, практически не задумываясь. Он отбил клинок обухом топора, а затем обратным ударом перерубил врагу шею. Отбросив обезглавленный труп в сторону, Булвайф с воем ринулся на вожака.

Ксенос ждал его, все так же спокойно держа меч. Не думая об опасности, движимый безумной яростью, Волчий Лорд нанес удар, который раскроил бы обычного человека надвое, но силовое оружие натолкнулось на поле темной энергии, которое окружало чужака. Движение топора замедлилось, как если бы лезвие проходило через слой мокрого песка, и когда оно достигло цели, то оставило лишь царапину на сложном доспехе ксеноса.

Эта атака окончилась бы для Булвайфа смертью, если бы не один из его

воинов. Расправившись со своим противником у входа, Ларс, гигант из Волчьей Гвардии, бросился на предводителя Истязателей. Его топор также столкнулся с силовым полем и только вскользь задел шлем врага. В ответ ксенос взмахнул изогнутым мечом, и голова Ларса скатилась с плеч.

Взбешенный Булвайф обрушил на ксеноса серию быстрых ударов, целясь в руки и туловище, но чужак, превратившись в смертоносный вихрь, с легкостью уклонялся от ударов или молниеносно парировал. Черный клинок сверкнул вновь, и Булвайф смутно ощутил, как острие погружается в бок. Освободив меч, ксенос легко отпрыгнул назад и довольно зашипел. Волчий Лорд взревел от ярости, которая не находила выхода, и выстрелил в грациозную фигуру из плазменного пистолета, но силовое поле просто рассеяло заряд.

Прежде чем Булвайф смог вновь атаковать, справа в него врезался воин в черном доспехе. Телохранитель вожака сбил Волчьего Лорда с ног, и они оба

упали, сплетясь в клубок. Каждый пытался добраться до своего клинка быстрее соперника и первым нанести смертельный удар. Краем глаза Булвайф заметил, что вожак ксеносов придвинулся ближе, держа меч наготове, а затем услышал, как совсем рядом рявкнул пистолет кого-то из антимонцев, и пуля пробила шлем телохранителя.

Пока Булвайф сталкивал с себя труп ксеноса, Андрас пробежал мимо двоих армигеров, собираясь напасть на предводителя врагов. Антимонцы продолжали стрелять, но пули, казалось, просто исчезали в клубящейся пустоте, которая окружала Истязателя. Его клинок сверкнул в очередной раз, но силовые поля армигеров защитили их. Мечи рубили и кололи ксеноса, но тот уклонялся от них с презрительной легкостью. Однако даже этого было достаточно, чтобы отвлечь его внимание и дать Булвайфу прийти в себя.

Волчий Лорд поднялся на ноги и обнаружил, что в ходе бешеной рукопашной ксеносы теснят его воинов к центру зала,

все уже сжимая круг. Многие из Волчьей Гвардии также отдали себя во власть вульфена и теперь устроили вокруг себя адскую бойню, но казалось, что на место каждого поверженного врага тотчас же становятся два новых. Все шло к тому, что штурмовая группа Булвайфа будет полностью разбита всего через несколько минут.

За спиной Волчьего Лорда раздался крик, ясно слышимый во всем зале. Он обернулся, увидел Хальвдана, стоявшего рядом с огромным кристаллом, и какая-то часть сознания, не охваченная боевым безумием, подсказала, что заряды на реакторе установлены.

Булвайф повернулся к вожаку ксеносов и ясно понял, что предстоит сделать. Он бросился вперед, с каждым шагом набирая скорость.

К этому времени оба воина Андраса уже погибли, и молодой дворянин сражался с предводителем один на один. Он орудовал клинком с необыкновенным мастерством, но ксенос был быстрее и опытнее, и только энергетический щит пока спасал Андраса

от неминуемой смерти. Каждый удар врага по щиту отзывался дугой энергетического разряда, пробегавшей по поверхности чешуйчатых доспехов Андраса, и не оставалось сомнений, что защита вскоре исчезнет.

Стремление убить Андраса настолько захватило ксеноса, что тот заметил атаку Булвайфа лишь в последний момент. Истязатель молниеносно сменил позицию и занес меч для удара, который отсек бы голову врагу, но Булвайф застал его врасплох, отбросив плазменный пистолет и схватив руку ксеноса, державшую меч. Энергия силового поля проникла сквозь доспех Волчьего Лорда, подобно ледяной воде, холод, как острие ножа, впился в кости, но Булвайф лишь сжал зубы и не ослабил хватку.

Ксенос этого не ожидал. Разразившись проклятиями, он попытался отступить, но Булвайф бросил топор и освободившейся правой рукой обхватил шею вожака. Издав рык, в котором не было ничего, кроме животного бешенства, он поднял стройного ксеноса, развернулся и

бросил его на энергетический кристалл, до которого было всего несколько метров. Как только силовое поле Истязателя соприкоснулось с кристаллом, вокруг энергетического сердца шпиля возникла концентрическая волна света, а ударная волна, последовавшая за ней, сбила с ног почти всех в зале. При взрыве тело предводителя ксеносов мгновенно испарилось, и лишь дымящиеся фрагменты его разбитого доспеха рикошетом ударили в стены, как осколки разорвавшейся гранаты.

Затем послышался резкий звук без какого-либо определенного тона; казалось, он дрожью отозвался в самом каркасе шпиля. Взрыв вырвал Вулвайфа из глубин боевого безумия, и он увидел, что последние оставшиеся в живых ксеносы бегут из зала со всех ног.

Андрас, еще не оправившийся после напряжения битвы, остановился рядом с Волчьим Лордом.

— Что происходит? — крикнул он.

Вулвайф подобрал свое оружие с пола.

— Похоже на сигнал тревоги. — Ему

тоже пришлось кричать. — Наверное, силовое поле повредило реактор. Надо пробираться обратно к транспорту, немедленно!

Пятеро воинов Андраса и двое из Волчьей Гвардии Булвайфа остались лежать мертвыми в окружении груды убитых ксеносов. Юрген и Хальвдан уже бросились на помощь выжившим — они забирали тела своих, чтобы вынести их из шпиля. Затем все кинулись к выходу, двигаясь тем же маршрутом, по которому пришли. Воины были готовы расправиться с любым, кто встанет на пути, но Истязатели, услышав сигнал тревоги, спешили покинуть шпиль, спасая собственную жизнь. Когда отряд добрался до посадочной площадки, в небе уже становилось тесно от кораблей ксеносов, торопливо улетавших от обреченной цитадели. На площадке перед подбитым транспортом выросла гора тел; на некоторых были доспехи, на некоторых — нет, но все убитые встретили смерть от выстрелов болтгана или под стрекочущим полотном цепного меча Ранульфа. Сам

пилот, в забрызганных кровью ксеносовдоспехах, стоял на площадке перед посадочным трапом корабля. Булвайф поднял топор, чествуя несгибаемого Ранульфа, и отдал приказ всем подняться на борт.

— Сколько осталось до детонации зарядов? — спросил он у Хальвдана.

— Еще секунд пятнадцать или около того, — ответил лейтенант.

— Зубы Моркаи! — выругался Булвайф. — Ранульф, увози нас отсюда!

Взвыли гравитационные турбины, заскрипел металл, и покалеченный транспорт, опасно кренясь влево, поднялся в воздух. На взлет это было мало похоже, скорее, корабль просто рухнул с площадки, и пассажиры пережили несколько тошнотворных моментов, пока двигатели транспорта боролись с силой притяжения.

Прошло десять секунд, и шпиль осветился изнутри серией взрывов, распространявшихся, подобно ряби на воде, от его центра. По всей башне плясали дуги молний, каждая длиной в тысячу ярдов, срезая посадочные площадки со стен одну

за другой, а на кристаллическом покрытии оставляя глубокие борозды. Затем массивный шпиль, словно подрубленное дерево, начал медленно оседать на поверхность планеты. Его верхушка рухнула на каменистую землю и разлетелась фонтаном осколков, подняв огромное облако пыли, которое накрыло несколько километров. Наконец и весь шпиль завалился набок и исчез в череде грандиозных взрывов.

От ударной волны транспорт закрутился волчком и вошел в штопор. Несколько головокружительных секунд Булвайф был уверен, что они неминуемо разобьются, но Ранульф сумел уйти с фронта волны и выровнять транспорт, когда до земли оставалась лишь какая-то сотня метров. Столб дыма и пыли, поднимавшийся все выше позади них, подсветили первые лучи зари.

— И что теперь? — спросил Андрас, прислонившись к погнутому палубному ограждению.

Лицо его было пепельно-серым.

Булвайф окинул взглядом небеса:

десятки кораблей ксеносов, врубив двигатели на полную мощность, набирали высоту, уходя на орбиту.

— Мы возвращаемся в Онейрос, — ответил он. — Там посмотрим, что выжившие будут делать дальше. Или они передерутся между собой за власть, или...

— Или?

Волчий Лорд пожал плечами:

— Или в самое ближайшее время к нам пожалуют гости.

Все утро небеса пестрели инверсионными следами, оставленными кораблями Истязателей, взбиравшимися в верхние слои атмосферы. Поначалу жители Онейроса крайне нерешительно высовывались из убежищ, ошеломленно разглядывая столб дыма и грязи, вздымавшийся на западном горизонте. Булвайф и Андрас тем временем повели своих воинов к зданию Сената, чтобы там решить дальнейшую судьбу Антимона.

Первые несколько часов ушли на перевязку раненых, распределение остатков боеприпасов и обеспечение

безопасности здания. Лишь когда солнце стало клониться к закату, а с ближайших холмов донесся шум празднества, Андрас отправил одного из своих армигеров, чтобы тот раздобыл провизии и вина.

Перед самым закатом на площади появилась торжественная процессия горожан, несущих с собой все, что оставалось от их скудных запасов: копченое мясо, маринованные овощи и приморное вино. Сейчас воинам Вулвайфа эта снедь казалась пиршеством, достойным самого примарха.

Они ели и пили до поздней ночи, наслаждаясь общением с боевыми братьями, вместе с которыми сразились со самой смертью и выстояли. Вулвайф наблюдал за ними, исполнившись гордости, — жители Антимона сумели достойно показать себя. Он был уверен, что в недалеком будущем эта планета подарит Имперской Армии множество отважных солдат, а то и достойных кандидатов в воинство самого Всеотца.

Когда на мир опустилась тьма, на террасы Сената были выставлены посты

самых зорких солдат, в задачу которых входило своевременное объявление воздушной тревоги. Но все было спокойно, да и Астартес не могли обнаружить ни единого признака враждебных кораблей на орбите. Это насторожило Булвайфа, и вместе с Андрасом он провел бессонную ночь, ежесекундно ожидая атаки.

Когда забрезжил рассвет, один из стоявших в дозоре десантников заметил среди облаков два характерных следа. Булвайф и Андрас как раз сидели на ступенях лестницы, взбегающей к трону спикера, когда ожил вокс.

— «Фенрис», говорит «Грозовой клинок». Как слышно, прием?

Услышав этот голос, Булвайф стряхнул с себя оцепенение и вскочил на ноги. Он вперил взор в потолок, словно хотел просверлить его силой мысли и увидеть зависший над ними крейсер Космических Волков.

— «Грозовой клинок», говорит «Фенрис», слышу вас хорошо! Доложите обстановку.

— Наша ударная группа вошла в

систему двадцать часов назад и, соблюдая режим молчания, направилась к планете, — отчитался офицер, дежуривший на капитанском мостике «Грозового клинка». — Когда до цели оставалось примерно восемь часов, мы были атакованы крупной флотилией ксеносов, но нанесли им серьезный урон. Уцелевшие корабли противника отступили к точкам варп-перехода на краю системы.

К этому моменту и воины Волчьего Лорда, и армигеры Андраса уже столпились вокруг Булвайфа. Им не терпелось узнать новости, и он не стал их томить ожиданием:

— Штурмовая группа, подошедшая с Кернунноса, уничтожила Истязателей! Антимон свободен!

И армигеры, и Астартес встретили это известие радостными криками. Андрас подошел к командиру десантников и радостно похлопал того по спине.

— Дружище, мы перед вами в неоплатном долгу, — обратился он к возвышавшемуся над ним воину. — Это утро навеки войдет в историю как День

Освобождения Антимона.

Волчий Лорд только покачал головой.

— Вы нам ничего не должны, брат, — произнес он. — Мы просим от вас лишь верного служения Всеотцу и своевременного взноса десятины.

Улыбка на лице молодого аристократа померкла.

— Я не понимаю, — пробормотал он.

Булвайф засмеялся и примирительно поднял руки:

— Пока что можете не беспокоиться. Пройдет еще несколько месяцев, прежде чем Империум пришлет к вам своих представителей и начнет интеграцию Антимона в общую структуру субсектора. Думаю, сейчас вам стоит озаботиться восстановлением Сената, что послужит весьма хорошим началом. Настоящая работа еще впереди.

Андрас отдернул руку, лежавшую на плече Волчьего Лорда, и отшатнулся.

— Это какое-то недоразумение, — пробормотал молодой воин. — Мы не собирались становиться частью Империума. Ведь мы только-только

обрели свою свободу!

Сердце Булвайфа налилось свинцовой тяжестью. Юрген и Хальвдан, заметив, как их командир меняется в лице, подошли ближе. То же сделали и три армигера Андраса; их лица напряженно застыли.

Волчий Лорд помолчал, в отчаянии подыскивая правильные слова — слова, способные предотвратить то, что, как он чувствовал, должно было вот-вот случиться.

— Андрас, — начал он, — послушай меня. Я прибыл на этот мир, потому что он нужен Империуму. Империуму нужно, чтобы все планеты, на которых живут люди, объединились и заново построили то, что было утеряно давным-давно. Поверь мне, жизнь в этой Галактике полна опасностей. Существуют виды ксеносов, которые не хотят ничего, кроме нашего тотального уничтожения — или чего похуже. Тебе и твоему народу это прекрасно известно.

Он сделал шаг к молодому дворянину; армигеры положили руки на эфесы мечей.

— Андрас, мы должны объединиться

ради общей цели. Должны. Так приказал Всеотец, и мой долг чести — подчиниться. Антимон станет частью Империума, брат. Так или иначе, но станет. — Булвайф протянул юноше левую ладонь. — Впереди вас ждет славное время. Тебе лишь нужно принять мою руку.

Лицо Андраса исказилось.

— Как ты можешь так говорить после всего, через что ты прошли вместе? Разве не ты говорил, что жизнь, за которую не стоит драться, на самом деле не жизнь? — Голос юноши задрожал от гнева. — Антимон свободен, и таким он и останется. Этот мир защитят его армигеры!

Булвайф грустно покачал головой:

— Империум не потерпит отказа, Андрас. А потому я спрашиваю в последний раз: ты с нами?

Лицо молодого воина обратилось в застывшую жестокую маску. Он медленно качнул головой:

— Если придется, я сражусь с тобой.

Булвайф опустил протянутую ладонь, чувствуя, как сердце его сжимает

ледяной холод.

— Как скажешь, брат, — с горечью в голосе произнес Астартес. — Да будет так.

Топор взметнулся подобно молнии, рассекая пространство, разделявшее двух воинов. Андрас даже не успел заметить удара, принесшего ему смерть. Долю секунды спустя прогремели болтерные выстрелы, и оба не успевших оправиться от изумления артигера повалились на пол.

Булвайф еще долго стоял, взирая на трупы молодых отважных людей, наблюдая за тем, как растекается по полу их кровь. Неожиданно ожил вокс:

— «Фенрис», говорит «Грозовой клинок». Ударная группа вышла на орбиту и ожидает указаний. Штурмовые подразделения находятся в полной боевой готовности, пеленгаторы вычислили цели, подходящие для предварительной обработки артиллерией. Что прикажете, прием?

Волчий Лорд отвел взгляд от мертвецов, лежавших у его ног. Когда он заговорил, голос его звучал твердо, точно

закаленная сталь:

— «Грозовой клинок», вызывает «Фенрис». Данная планета отвергла Согласие. Приказываю перейти к плану «Эпсилон» и немедленно начать боевую операцию.

С тяжким грузом на душе Волчий Лорд переступил через тело Андраса и, оставляя за собой кровавый след, взошел к трону спикера. Затем он опустился на заскрипевшее под его весом деревянное сиденье и положил боевой топор на колени.

Люди Антимона все еще продолжали праздновать День Освобождения, когда на их головы начали падать первые бомбы.

Энтони Рейнольдс
ОТПРЫСКИ БУРИ

Поначалу обитатели планеты, обозначенной на картах как мир Сорок Семь — Шестнадцать и долгие века оставшейся изолированной в стигийской тьме Древней Ночи, выказали стремление воссоединиться со своими давно потерянными братьями. В течение вот уже четырех тысяч лет они полагали, что нет никого во Вселенной, кроме них, и даже саму Терру начали полагать не более чем легендой старины — мифом, аллегорией, сказкой о великой прародине, придуманной предками. И все они с радостью распахнули свои объятия Несущим Слово, с изумлением и восторгом разглядывая огромных, закованных в серые доспехи воинов Астартес.

— Непростительно развращенные служители языческой веры, — с отвращением в голосе произнес первый капитан Кор Фаэрон, возвратившись со

встречи.

— Разве Крестовый Поход начат не для того, чтобы собрать все разрозненные ветви Человечества, сколь бы заблудшими они ни были? — возразил Сор Талгрон, капитан Тридцать четвертой роты. — Неужто Бог-Император не желает, чтобы вернейший из его Легионов привел сих заплутавших чад к истинному свету?

Официально распространяющийся по Галактике Империум Человечества черпал свои основы в атеизме и провозглашал торжество «истины» науки и логики над «лживостью» религий и спиритуализма. В то же время XVII Легион уже принял мир таким, каков он есть на самом деле, хотя порой это было и непросто. Сор Талгрон осознавал, что уже близок день, когда божественность Императора ни у кого не станет вызывать сомнений. Вере предстояло стать величайшей из опор Империума и куда более значимой, нежели неисчислимые триллиарды солдат Имперской Армии, и более влиятельной, нежели Легионы Астартес. Именно вера должна была

стать тем звеном, которое скрепит разрозненные частички Человечества.

Даже слепейшие из Легионов, сильнее прочих бранившие священное писание Лоргара, со временем придут к пониманию абсолютной истины, скрытой в словах примарха. И Сор знал, что однажды придет день, когда все те, кто смел сомневаться, будут молить о прощении. Пускай сам Император и отрицал свою божественную природу, это ни в малейшей степени не могло затушить пламя веры в XVII Легионе, ведь Лоргар собственноручно начертал: «Лишь подлинное божество способно отречься от своей божественности».

— Так, значит, Талгрон, теперь ты читаешь мысли Императора? — прорычал Кор Фаэрон. — Что ж, раз уж ты обрел просветление, то, может быть, расскажешь и нам — простым смертным?

— Я ни в коей мере не претендую на это, первый капитан, — отрезал Сор Талгрон.

Они сверлили друг друга полными ядовитой злости взглядами сквозь дым,

поднимавшийся от нескольких дюжин лампад. Круглый, разделенный на сектора зал, где собрался военный совет, был расположен в самом сердце «Фиделитас лекс»[4], флагмана Лоргара. Застывшие в полнейшем молчании капитаны остальных рот с большим интересом наблюдали из теней за тем, чем закончится это противостояние. Но в спор капитанов вмешался Эреб, тихий и мудрый первый капеллан Легиона, выйдя на самую середину утопленной в пол площадки и приняв на себя отравленные злобой взгляды.

— Мне и первому капитану необходимо посоветоваться с Уризеном, — мягко произнес Эреб, прерывая спор. — Да пребудет с вами мудрость Лоргара!

Все еще силясь унять свой гнев, Сор Талгрон поклонился первому капеллану, повернулся на пятках и быстрым шагом покинул зал собраний вместе с прочими капитанами. Взмахом руки он приказал расступиться облаченным в балахоны слугам, намереваясь отправиться к

«Штормовой птице» и возвратиться на свой крейсер «Доминатус санктус», чтобы воссоединиться с Тридцать четвертой ротой.

Минуло уже более месяца с той поры, когда Сор Талгрон в последний раз лицезрел благословенного примарха XVII Легиона, и то, что Уризена не было на военном совете, заметно сказывалось. Все спорили, в Легионе начинался разлад; они нуждались в возвращении Лоргара.

Но прошел уже стандартный терранский месяц с той поры, как святой примарх уединился в личной келье... месяц со дня его встречи с Императором Человечества. Все это время он не подпускал к себе никого, даже Эреба и Кора Фаэрона — ближайших своих советников и товарищей. Сорок седьмой экспедиционный флот застыл на месте, ожидая приказаний.

В последний раз Сор Талгрон мимолетом видел примарха, когда Уризен бежал к своим личным покоям сразу после возвращения со встречи с Императором, и был поражен выражением лица Лоргара до

глубины души.

Примарх всегда лучился любовью и уверенностью, окружая себя непробиваемым щитом веры, внушая и восхищение, и страх. Поговаривали, будто сила Волка таилась в его неукротимой ярости, Льва — в несгибаемом упорстве; Жиллиман славился как гениальный стратег, а силой Лоргара являлись непоколебимая вера, несокрушимая уверенность в своей правоте, безудержная, непоколебимая самоотверженность.

Как ни старался Эреб укрыть Уризена от Легиона, взгляд Сора Талгрона на долю мгновения встретился со взглядом примарха, прежде чем тот исчез за дверями шлюза. В глазах Лоргара он увидел такую бездну отчаяния, что пал на колени. Сор зарыдал, ему было страшно и тошно. Что же должно было произойти на борту боевой баржи Императора, чтобы Лоргар утратил свое незыблемое спокойствие?

Не успел Талгрон вылететь к «Фиделитас лекс», как его вызвал Эреб, требуя возвратиться в зал военного

совета: Уризен огласил свое решение.

Торопливо вышагивая по лабиринту коридоров «фиделитас лекс», капитан Сор Талгрон возносил молитвы, чтобы только снова увидеть примарха, но его ждало разочарование.

Впрочем, решение действительно было принято — спустя целый месяц, проведенный в бездействии, у XVII Легиона появилась цель.

— В своей великой милости, — произнес Эреб, обращаясь к заново собравшимся капитанам Несущих Слово, — Уризен изъявляет желание привести к Согласию сию давно утраченную ветвь Человечества, подчинить ее подлинным Имперским Истинам.

Капитаны начали перешептываться, но Сор Талгрон только кивнул, соглашаясь. Именно так XVII Легион и поступал с самого начала Крестового Похода. Они несли славу Имперских Истин всякому обнаруженному миру, и хотя продвигались не столь быстро, как другие Легионы, но позади них оставались лишь миры, всецело преданные Императору. Всякий, кто

отвергал Истины или же оказывался недостоин их, превращался в прах под сапогами одержимых праведным гневом Астартес Лоргара, но все, кто усвоил их уроки и принял объятия Имперских Истин, делали это искренне.

Сор Талгрон бросил победный взгляд на Кора Фаэрона, но первый капитан не выглядел разочарованным, словно это и не он минутой ранее призывал к войне.

— И все же, — вновь заговорил Эреб, — для Уризена это стало тяжелым, сложным решением. Братья, вы должны знать, что Император недоволен нашим Легионом.

Зал погрузился в глубокое молчание, каждая пара глаз пристально вглядывалась в первого капеллана. У Сора Талгрона похолодело в груди.

— Насколько мы можем судить, Императора не устраивает то, с какой скоростью мы продвигаемся вперед. Его не радуют подаренные нами миры — покорные и верные. В своей мудрости, — продолжал Эреб, и было ясно, что за спокойствием в его голосе скрывается с трудом

сдерживаемая скорбь. — Император выразил недовольство нашим благословенным примархом, самым искренним и преданным из своих сыновей, а нам приказал ускорить Крестовый Поход.

Собравшиеся капитаны снова начали угрюмо перешептываться, но Сор Талгрон не обращал на них никакого внимания, пытаясь осознать весь смысл слов капеллана.

— Сердце благословенного примарха понимает, что, будь на то время, жители Сорок Семь — Шестнадцать осознают всю ошибочность языческих верований и, направляемые нашими капелланами и боевыми братьями к свету Истин, станут образцовыми гражданами. Но Император выразился ясно, и Уризен, как вернейший из Его сыновей, не осмелится оспорить приказаний отца, сколь глубоко бы те ни ранили его душу.

— Каковы же будут распоряжения, первый капеллан? — задал вопрос капитан Седьмой роты Аргел Тал.

— Нам просто не оставили времени для того, чтобы обратить этих

невежественных язычников к Имперским Истинам, — с явной неохотой процедил Эреб. — Но их нынешние воззрения слишком темны и невежественны, чтобы с ними мог мириться Империум. Как вы понимаете, мы обязаны предать Сорок Семь — Шестнадцать огню.

От этих слов Сор Талгрон зашатался, точно от удара, ошеломленный и напуганный тем, что мир, куда еще можно было принести просвещение, оказался обречен на гибель — и из-за чего? Из-за того, что Император слишком нетерпелив? Десантник и сам устыдился собственного богохульства. Он даже мысленно принес обет искупить свой невольный грех многочасовым покаянием и самоистязанием, как только завершится война.

Едва оправившись от шока, вызванного исходящими от Лоргара приказами, все капитаны XVII Легиона всецело, с фанатичной целеустремленностью, отдали себя приготовлениям к грядущей войне. Сор Талгрон напомнил себе, что в первую

очередь является воином Лоргара; не ему было оспаривать или обсуждать приказы. Во-первых и в основных, он был лишь оружием в руках примарха и сражался там против того, где и на кого указали.

Не прошло и суток, как более чем сто девяносто миллионов человек погибли — около девяноста восьми процентов населения обреченного мира.

Крейсера и линкоры Сорок седьмого экспедиционного флота вышли на высокую орбиту планеты и более двадцати часов подвергали бомбардировке обреченный, погибающий в буре пожаров мир. Циклонические торпеды и прицельные залпы бортовых систем «адского огня» раздирали облачный покров, выжигая дотла целые континенты.

Только одному городу удалось уцелеть в этом светопреставлении. Именно он служил столицей планетарному правительству и являлся средоточием богомерзкого культа. Защищенный сияющим энергетическим куполом, языческий храм-дворец раскинулся практически на весь город. Поскольку

Легион не имел права оставлять позади ни единого уцелевшего еретика, ибо это противоречило приказам Императора, пять полных рот десантников высадились на поверхность, чтобы закончить начатое.

Сор Талгрон, капитан Тридцать четвертой, вместе со своими боевыми братьями погрузился в одну из «Штормовых птиц», которые тут же спикировали в затянутое грозовыми тучами небо планеты. И уже очень скоро он понял, что, сколь бы неистовой ни была бомбардировка, предшествовавшая их высадке, вражеские оборонительные сооружения так и не были уничтожены. С земли вскидывались грохочущие ослепительные молнии энергетических залпов, уничтоживщие несколько десантных кораблей даже раньше, чем те успели войти в атмосферу. Почти сотня драгоценных жизней боевых братьев оборвалась в мгновение ока.

Сор Талгрон отдал распоряжение, чтобы уцелевшие «Штормовые птицы», несущие бойцов его роты, сменили траекторию, а также отправил

предупреждения спускающимся следом за ними братьям-капитанам Четвертой, Седьмой, Девятой и Семнадцатой рот, посоветовав приближаться к куполу с разных направлений. Едва он успел передать последнее сообщение, как его корабль получил попадание, лишился крыла и сорвался в штопор. Отстрелив штурмовые люки, находясь все еще на высоте девятнадцать с половиной тысяч метров, Сор Талгрон выпрыгнул из гранитно-серой «Штормовой птицы», возглавив остальных космодесантников, чьи прыжковые ранцы с ревом включались у него за спиной.

Вываливших из грозовых облаков, Сор Талгрон увидел под собой развалины враждебного города; двигатели прыжковых ранцев только ускоряли падение Астартес. И хотя с этой высоты десантники еще прекрасно видели планетарный изгиб, но разрушенный мегаполис простирался настолько, насколько хватало глаз. И в самом центре всех этих руин высился сияющий купол — энергетический волдырь посреди почерневшей от ожогов плоти

вражеских территорий.

Купол достигал двадцати километров в диаметре и возвышался над землей примерно на четверть этого расстояния. Не обращая внимания на бьющие из туч и с поверхности молнии, капитан Тридцать четвертой роты спокойно установил наиболее подходящее место для высадки и передал нужные координаты своим воинам.

Приземлились они в пяти километрах от купола. Враждебный город казался единой, цельной суперструктурой, составленной из сотен этажей; величественные ущелья проспектов были испещрены пещерными ходами улиц, выходивших на балконы и террасы. Очень многое, конечно, из былой роскоши кануло в небытие, но уцелело куда больше, чем ожидал Сор Талгрон, — похожий на стекло материал, из которого в этом мире делалось буквально все, был явно прочнее, чем казался с первого взгляда. До начала бомбардировки город, должно быть, выглядел просто потрясающе, но капитан с большой подозрительностью относился к

подобному изобилию. Он нутром чувствовал, что за всей этой красотой может таиться опасность.

Никто из находившихся снаружи терцающего щита не уцелел в безжалостной бомбежке. От жителей Сорок Семь — Шестнадцать, которые оказались в это мгновение под открытым небом, остались лишь горстки пепла — их кости и плоть сгорели в ревущем пламени. Внутри же стеклянных зданий лежали миллионы обугленных тел. Десятки тысяч человек встретили свою смерть в языческих святилищах, и их тела сплавились в единые омерзительные груды обгорелого мяса, изуродованного настолько, что трудно было поверить, что оно действительно когда-то принадлежало живым людям.

Масштабы случившейся бойни потрясали.

С боевых барж, зависших на высокой орбите, посыпались десантные модули, обрушившиеся на планету, подобно смертоносному метеоритному дождю. Несколько десятков капсул были

уничтожены еще в момент прохождения через грозовые тучи, и их пассажиры погибли.

Поначалу десантники, высадившиеся на поверхность, не встретили ни малейшего сопротивления. Но вскоре из-за мерцающего купола стали появляться первые трехногие боевые роботы, с чьих похожих на мечи рук били электрические заряды, и битва началась.

Мир, окутавшийся черными тучами, бился в агонии. Изуродованное небо непрестанно озарялось яркими, слепящими всполохами молний. Основное сердце Сора Талгрона бешено стучало в груди, гоня по венам перенасыщенную кислородом кровь. Работающие на пике возможностей адреналиновые железы питали его ярость, подхлестывали нервную систему и придавали ему сил. В ноздри бил запах озона и электричества.

Десантник нырнул в укрытие и прижался к поврежденному, но все еще остающемуся гладким стеклянному шпилю, когда очередной боевой робот

выпустил по нему приручённую молнию. Электрическая дуга с треском ударила в стену буквально в полуметре от капитана, и по ее поверхности заплясали искры. Тихо выругавшись, Сор Талгрон вогнал в болт-пистолет свежую обойму. Небо содрогнулось от оглушительного раската грома, и десантник почувствовал, как вибрация прокатывается по всему его телу.

Робот выстрелил вновь и на этот раз попал точно в грудь одному из Астартес — брату Кадмону, едва успевшему высунуться из укрытия. Мощь удара была такова, что воина подбросило в воздух, закружило и с сокрушительной силой впечатало в соседний шпиль. Кадмон безвольно сполз на землю, его доспехи почернели и пошли пузырями, и Сор Талгрон понял, что тот погиб. Тело продолжало дергаться в судорогах еще несколько минут, пока по нему пробегали остаточные электрические разряды. Плоть испеклась внутри силовой брони, а кровь вскипела — энергетическое оружие роботов раскаляло объекты не хуже, чем

лазерные пушки отделений Опустошителей.

Сор Талгрон разразился проклятиями. В этот день погибло уже и без того слишком много воинов его роты, и в душе капитана нарастали гнев и жажда отмщения.

Апотекарий Урлон уже направлялся к поверженному брату, рискуя собственной жизнью, чтобы затащить труп в укрытие.

— Поторопись, апотекарий! — выкрикнул Сор Талгрон. — Нельзя здесь оставаться! Надо уничтожить эти треклятые шпили!

Уже в который раз за этот бой капитан вознес молитву, чтобы затея Кола Бадара завершилась успехом. Разрушится ли кажущийся непробиваемым купол энергетического щита, если взорвать шпили, как предлагал лучший из сержантов роты? Сор Талгрон очень надеялся, что тот прав, иначе еще до исхода этого дня погибнут почти все их братья.

На секунду его взгляд задержался на апотекарии, исполнявшем свой трачный

долг по извлечению генного семени Кадмона. Сверло со скрежетом пронзило керамитовую броню и, разбрызгивая кровь, погрузилось в плоть.

Рядом ударили еще несколько молний. Смертоносные заряды не зацепили никого из десантников, но капитан понимал, что это только вопрос времени, — скоро противник обойдет их позиции и откроет по его людям прямой огонь. Боевые машины врага оказались опасными, а вовсе не тупыми, предсказуемыми автоматами, умели приспосабливаться к условиям и вносили в свою тактику изменения, необходимые, чтобы нанести пришельцам максимальный ущерб.

Искусственный интеллект.

Святотатство.

Император личным указом наложил вето на подобные исследования, что стало одним из пунктов соглашения между Террой и Марсом. И выступать против слова Его — суть величайшая ересь. И не имело никакого значения, что обитатели Сорок Семь — Шестнадцать не знали об этом договоре.

— Эскадрон «Терций», прием? — включил Сор Талгрон вокс-передатчик.

— Слышу вас, капитан, — коротко ответил приглушенный и лишенный эмоций голос. — Какие будут приказания?

— Нам нужна ваша поддержка. Нас прижали к земле. Противник занимает позиции на укрепленном балконе. Дистанция... — Сор Талгрон оглянулся на ближайшего сержанта — брата Эршака.

— Сто сорок два метра, подъем восемьдесят два градуса, — откликнулся тот, рискнув высунуться из укрытия и взглянуть на врага.

Десантник едва успел отскочить обратно, когда в его сторону ударили сразу несколько молний, от попаданий которых содрогнулся весь шпиль.

— «Терций», ты слышал? — спросил капитан по воксу.

— Вас понял, — пришел ответ. — Выдвигаемся на позиции.

Отряд попал под вражеский огонь на одной из улиц-мостов, перекинутых над бездонными рукотворными ущельями, разделявшими разные районы города.

Бросив взгляд вниз, Сор Талгрон увидел, как многие тысячи его боевых братьев, закованных в гранитно-серые доспехи, продвигаются следом за многочисленными танками Легиона и отчаянно сражаются за каждый дюйм, отделяющий их от сияющего купола. С такой высоты выбросы огня из стволов нескольких тысяч болтеров казались пляшущими огоньками свечей; грохот выстрелов заглушался бесконечными раскатами грома. Оставляя за собой дымные спирали, ракеты одна за другой устремлялись к смертоносной, не знающей страха или жалости армии роботов. Работающие на грани перегрева орудия плевались струями ослепительно-яркой, раскаленной добела плазмы.

Хотя боевые машины врага и казались удивительно хрупкими, но продвигались под градом обрушившегося на них огня, практически не получая повреждений. Изящные, похожие на лапки насекомых ноги не знали усталости, и роботы неотвратимо приближались, проходя сквозь шквал болтерных зарядов.

Машины были защищены щитами, словно вытканными из молний, вспыхивавших и искрившихся при каждом попадании. Под ответным огнем противника Астартес несли чудовищные потери; энергетическое оружие косило десантников одного за другим и отбрасывало «Хищников» и «Лэнд Рейдеры».

Плотные залпы лазерных орудий раз за разом ударяли в щиты роботов, пока в тех не возникала перегрузка, и тогда машины разлетались на куски, но количество выстрелов, требовавшихся для нейтрализации даже одной из них, было просто немыслимым.

Стоило вопросам войны и поставленным задачам завладеть мыслями Сора Талгрона, как все моральные терзания были отброшены в сторону. Не оставалось ни малейших сомнений в ереси обитателей Сорок Семь – Шестнадцать. Чтобы приговорить их к уничтожению, хватало и того, что этот народ добровольно создавал машины, обладающие искусственным интеллектом.

Как бы то ни было, но капитан

Тридцать четвертой роты все же питал жалость к тем, кого Легион должен был уничтожить. В его душе внезапно вспыхнул огонь негодования, удививший Сора Талгрона своей силой.

Почему Император не позволил XVII Легиону хотя бы попытаться привести Сорок Семь — Шестнадцать к Истинам?

С самого момента высадки Сор Талгрон не увидел ни единого человека... Десантникам оказывали сопротивление только боевые роботы, хотя повсюду валялись изуродованные до неузнаваемости обгоревшие останки людей.

— А вот и они! — воскликнул сержант Эршак, вырывая Сора Талгрона из раздумий.

Эскадрон «Терций» стремительно поднимался с нижних уровней — три угловатых серых тела приближались с невероятной быстротой. Новейшая разработка кузниц Марса; пилотам «Лэндспидеров» приходилось поспешно уходить в сторону, закладывая крутые виражи, чтобы успеть увернуться от неожиданно возникавших под ними живых

торпед. Двигатели машин проревели над мостом, где залегли Сор Талгрон и его боевые братья, и с воем устремились к точке, указанной сержантом Эршаком, набирая высоту и накрывая территорию огнем.

Тяжелые болтеры обрушили на противника сотни сверхскоростных разрывных зарядов, мультимелты взвыли, накрывая роботов простыней раскаленной плазмы, сжигая щиты и обращая машины в груды оплавленного металла.

— Цели ликвидированы, — доложил командир эскадрона, пролетев под мостом, переброшенным через рукотворное ущелье, прежде чем описать в воздухе тугую петлю и скрыться вдали.

— Отлично поработали, «Терций», — произнес Сор Талгрон, вновь выходя на открытое пространство.

Перед его глазами возникли зеленоватые матрицы наведения. По сетчатке побежали потоки данных, позволяющих вычислить координаты для следующего прыжка. Двести семьдесят четыре метра.

Капитан торопливо передал полученную информацию братьям, отдал отрывистый приказ и, как только получил в ответ поток подтверждений, без лишних церемоний устремился к низкому ограждению моста. Ступив на перила, он оттолкнулся и бросился в пропасть.

Но в ту же секунду, как гравитация повлекла его вниз, взревел прыжковый ранец. Заработали мощные управляемые двигатели, и капитан взмыл ввысь, оставляя за собой дымный след.

Боевые братья из Тридцать четвертой прыгнули сразу за ним. Вдалеке Сор Талгрон увидел и другие отделения штурмовиков своей роты, мчащиеся по небу, подобно роям светлячков, плюясь огнем из прыжковых ранцев. Они перелетали пропасти с отвесными стенами и перекрещивающиеся каньоны между стеклянными зданиями, стараясь избегать плотного вражеского огня.

На самом краю зрения возникли стрелки указателей цели, привлекая внимание капитана, и, оглянувшись через

плечо, он увидел еще несколько боевых роботов, неторопливо выходивших на балкон, выступавший из стеклянного здания подобного утесу на теле скалы. Машины подняли руки, беря Сора Талгрона и его ветеранов в прицел, и по серебристым клинкам побежали искры.

Капитан выкрикнул предупреждение и заложил крутой вираж, уходя от противника. Спустя долю секунды прямо над его головой прошипели три ослепительные молнии. Следом ударил оглушительный, могучий раскат, но системы звукоподавления, встроенные в шлем, снизили его громкость до приемлемой величины.

Двое из ветеранского штурмового отделения Талгрона не успели увернуться и рухнули вниз, сбитые энергетическим оружием. Электрические разряды перекинулись и на тех, кто летел рядом с ними, выводя из строя жизнеобеспечение и сбивая с толку системы наведения.

— Взять их! — приказал Сор Талгрон и развернулся к врагам даже прежде, чем дымящиеся останки погибших братьев

успели исчезнуть в кипящем котле битвы за нижние уровни.

Всем его существом завладел гнев, и капитан переключил двигатели прыжкового ранца на полную тягу, чтобы приземлиться прямо среди вражеских машин.

Всего им противостояло три робота, и Сор Талгрон, падая на них с неба, вскинул болт-пистолет и открыл огонь, раз за разом посылая во врагов тяжелые, ревущие в воздухе заряды. Вспыхнули энергетические щиты, и смертоносные болты бессильно скользнули по стальной броне.

Навстречу Несущим Слово устремились электрические дуги. Воздух завибрировал и задрожал от энергии, а Сор Талгрон получил сообщение о гибели еще одного из своих воинов.

В ярости, мечтая лишь о том, чтобы обрушить гнев на железных тварей, капитан круто спикировал к стеклянному уступу. В последнюю секунду сопла прыжкового ранца развернулись к земле, и Сор Талгрон распрямил ноги. Завывая,

двигатели смягчили его падение.

Еще только скользя по гладкой поверхности и пытаясь остановиться, капитан уже выхватил силовую булаву, и в ту же секунду ее навершие окуталось призрачным энергетическим ореолом. Сор Талгрон уже знал, что электрические щиты вражеских машин могли легко отразить огонь болтеров, но куда хуже спасали от ударов, нанесенных в рукопашной, и стрельбы в упор. Было крайне важно сократить дистанцию.

При виде роботов Сор Талгрон исполнился ненависти. Кощунственные отродья!

Искусственно созданные пародии на людей. Само их существование казалось оскорбительным. Видя этих богопротивных созданий, Сор Талгрон уже не был столь уверен в том, что войны можно было избежать.

Роботы были столь же высокими, как и дредноуты, но при этом казались куда менее громоздкими, чем смертоносные боевые машины Легионов Астартес. Человекоподобные тела тварей были

выполнены из того же стекловидного материала, как и все остальное в городе, — быть может, это объяснялось тем, что это вещество не проводило электричества, — на широких плечах покоились безликие головы, напичканные электроникой. Там же, где у человека положено находиться ногам, у машин располагались суставчатые лапы — длина каждой из них составляла около трех метров. Лапы придавали роботам отвратительный облик уродливой смеси человека и паука, пускай в этих тварях не было и крупицы органики.

Руки машин выглядели вполне по-человечески, разве что ладони им заменяли серебристые острые клинки. Когда роботы сводили их вместе, между ними проскакивали электрические разряды.

Тела тварей были покрыты сетью серебряных вен, отходивших от скрытых внутри их корпусов «сердец» — энергетических батарей, хранивших всю мощь приручённой бури. По этим металлическим каналам пробегали

электрические импульсы, питая энергией все необходимые системы: двигательные, мыслительные, оружейные, а также щиты, делавшие роботов практически неуязвимыми.

Машины перемещались стремительными резкими движениями, точно какие-то длинноногие птицы, стремясь остановить атакующих Несущих Слово. В потоках дымного пламени, рвущегося из прыжковых ранцев, рядом с Сором Талгроном приземлились и остальные братья. Заговорили болт-пистолеты, и огнеметы извергли огонь, окатывая врага пылающим прометием, но большую часть угрозы приняли на себя засверкавшие электрическим светом щиты, окружавшие каждого робота.

Яростно закричав, Сор Талгрон набросился на ближайшее из отродий.

Разумная машина увернулась и с оглушительным грохотом хлопнула серебряными, извергающими молнии «ладонями». К капитану Тридцать четвертой роты устремилась сияющая дуга энергии, но тот предвидел удар и

успел уйти в сторону. Электрический разряд прошел мимо, и от его жара загорелись свитки с клятвами, прикрепленные к наплечнику.

Зная, что твари понадобится некоторое время на перезарядку, капитан поспешил приблизиться к ней. Размахнувшись булавой, он ударил в щит робота; силовые поля столкнулись с громким треском, и в воздухе разлился запах озона. Удар сумел пробить электрический щит, и тот распался, осыпав десантника искрами.

Приблизившись еще на один шаг и зарычав от натуги, Сор Талгрон со всей силой обрушил булаву на паучью лапу машины. Хотя изящная конечность и казалась хрупкой, на деле оказалась прочной, будто закаленная пласталь, и стеклянистая поверхность только покрылась сеточкой мелких трещин.

Робот издал мучительный свистящий звук, напоминающий мелодичную трель какой-то певчей птицы, и попытался отскочить назад, но поврежденная нога подломилась, едва он

попытался перенести на нее вес.

Сор Талгрон навис над тщетно пытающейся подняться машиной. Обе здоровые конечности заскребли по гладкому полу балкона, и тварь вновь засвистела, подобно раненой птице. Робот принялся размахивать руками, разбрасывая вокруг себя электрические разряды. Один из них едва не угодил в капитана. Тогда Сор Талгрон впечатал в грудь противника свой тяжелый сапог и обрушил на круглую голову машины силовую булаву. Из смявшегося черепа брызнули искры, перестало сиять силовое ядро, встроенное в корпус, а серебряные вены, бежавшие сквозь полупрозрачную плоть, потемнели.

Еще одна машина лишилась своего щита, и выстрел мелты расплавил ее корпус. Жидкое стекло потекло, подобно лаве, с шипением заливая ноги существа и пол вокруг. Развернувшись, Сор Талгрон открыл огонь из болт-пистолета по следующему роботу, но энергетический щит сумел остановить все заряды.

С ошеломляющим треском существо

свело руки, и очередной ветеран погиб, когда его подбросило в воздух и выжгло все внутренности мощным электрическим разрядом.

Сержант Эршак набросился на робота со спины и ударил огромным силовым кулаком. Раздался громкий хлопок, и щит рассеялся.

Оглушительно залаяли болт-пистолеты, и Сор Талгрон вместе с остальными ветеранами направился к лишившейся защиты машине. Она зашаталась под градом выстрелов, разразившись отчаянными птичьими криками. По голове твари поползла сеть трещин. Сержант Эршак вогнал в искусственный череп существа еще один болт — мощный заряд влетел точно в брешь и разорвался внутри головы робота, разметав ее осколками стекла.

Но и умирая, машина оставалась смертельно опасным противником. Робот уже начинал заваливаться, пьяно шатаясь и разбрасывая искры, бьющие из обрубка шеи, когда вдруг вскинул руки, направил на Сора Талгрона серебристые конусы и с

оглушительным треском бросил в него губительную молнию.

Капитан успел заметить движение противника и даже попытался уйти в сторону так, чтобы не принять грудью всю мощь удара, но разряд все равно подбросил его в воздух. Весь мир незамедлительно погрузился во тьму — расплавились от жара фотохроматические линзы шлема. Броня наполнилась едкой вонью горелой проводки и расплавившихся кабелей. Сор Талгрон с силой врезался в стену, расколов ее гладкую поверхность, а затем, отлетев от нее, соскользнул с края террасы.

Он рухнул в пропасть, отчаянно размахивая руками и ногами. Все так же ничего не видя, капитан закрутился в воздухе, стараясь найти хоть что-нибудь, за что можно было бы зацепиться. Но закованные в керамитовые перчатки пальцы беспомощно, производя громкий визг, скребли по гладкому стеклу.

Его падение внезапно прервала терраса уровнем ниже, когда он врезался в нее с сокрушительной силой. Нормальный человек наверняка погиб бы, рухнув с

высоты в тридцать пять метров, но Сор Талгрон даже сумел самостоятельно подняться на колени — он серьезно ушибся, однако кости остались целы. Пошла пузырями и дымилась краска на броне, по ее поверхности пробегали остаточные электрические разряды. Капитан сорвал с головы поврежденный шлем. Убедившись, что попадание молнии испортило его безнадежно, Сор Талгрон отбросил шлем в сторону; его лицо залила краска гнева.

В ноздри бил запах паленого мяса — его собственного мяса. Капитан заморгал, пытаясь привыкнуть к слепящим вспышкам молний.

Облик большинства боевых братьев XVII Легиона повторял благородные черты их примарха, но сам Сор Талгрон обладал лицом человека, рожденного для войны, с широкими, резко очерченными скулами и носом, который ломали столько раз, что тот превратился просто в мясистый ком. Несущий Слово мучительно скривился и выругался, заставляя себя подняться на ноги, хотя все мышцы отчаянно протестовали.

Рядом, спустившись в столбе пламени, рвущемся из прыжкового ранца, приземлился сержант Эршак, а за ним и все выжившие ветераны отделения «Геликон».

— Вы целы, капитан? — спросил сержант.

Сор Талгрон кивнул и в свою очередь спросил:

— Что с роботом?

— Уничтожен, — доложил Эршак, протягивая руку. — Мы расчистили дорогу к куполу.

Приняв предложенную руку, капитан позволил сержанту помочь ему подняться. Последние остатки электрического заряда вспыхнули искрами на их перчатках и предплечье Эршака. Распрямившись, Сор Талгрон благодарно кивнул и из-под ладони посмотрел в сторону мерцающего защитного купола.

Теперь от него их отделяли каких-то пятьсот метров, и от напряжения, гудевшего в воздухе, коротко остриженные волосы капитана вставали дыбом.

Огневая мощь, обрушенная на

необъятный силовой купол с земли, потрясала воображение. Сотни танков обрабатывали его мерцающую стену таким ливнем снарядов, что запросто уже разрушили бы до основания целый городской квартал. Дети-легион титанов — высоких, как дома, машин разрушения, созданных адептами Марса, — обратил против купола всю мощь своих орудий, но даже этим грозным машинам Империума не удавалось добиться хоть сколько-нибудь значимого эффекта.

Из-под мерцающей сферы появлялись все новые и новые богомерзкие роботы, проходившие сквозь завесу невредимыми благодаря защищавшим их энергетическим сферам. Твари неровными порядками текли по улицам, чтобы дать бой Несущим Слово, с их рук одна за другой срывались молнии. «Да сколько же их еще у противника?» — подумал Сор Талгрон.

Капитан чуть не ослеп, когда небо разорвал очередной всполох орбитального удара, нанесенного по самой верхушке купола. Но тот стоял как стоял, и казалось, что не существует на свете

такой огневой мощи, чтобы пробить его.

— Очень надеюсь, что из задумки Кола Бадара что-нибудь выйдет, — произнес сержант Эршак.

— Как и я, друг мой, — отозвался Сор Талгрон.

Его взгляд застыл на огромных серебряных шпилях, окружавших купол кольцом. В них вновь и вновь ударяли молнии, бившие из бурлящих грозовых облаков, и высокие башни гудели от текущей по ним энергии. По нескольку раз в минуту накопленный ими заряд высвобождался, и тогда по улицам прокатывался оглушительный гром, а на танки и десантников обрушивались электрические дуги, уносившие с каждым ударом десятки жизней.

Прямо на глазах Сора Талгрона и отделения «Геликон» один из таких зарядов сорвался со шпиля и ударил в могучий титан класса «Полководец», обстреливавший купол издали. Всего долю секунды спустя до капитана докатился раскат, грозивший разорвать незащищенные барабанные перепонки.

Пустотные щиты титана пали, не выдержав мощи заряда, и он дернулся, точно от боли. В ту же секунду в голову пытавшегося отступить титана ударили электрические дуги, выпущенные остальными шпилями, и сорокаметровый колосс завалился прямо на два «Лэнд Рейдера», раздавив их так, словно они были сделаны из бумаги.

Между огромными грозовыми башнями располагались шпили поменьше, и хотя в них тоже регулярно били молнии, но разряжались они не в войска Астартес, а в сам купол. Изучив происходящее с безопасного расстояния, Сор Талгрон согласился с мнением Кола Бадара, что именно это и поддерживало целостность щита. Накопленная ими энергия срывалась с серебряных игл, вливаясь в барьер и усиливая его. Теперь капитан верил, что, уничтожив их, сумеет разрушить и купол.

Шпили стояли на самом верху города-дома, и по ним было практически невозможно прицелиться с земли, а защитные башни легко уничтожили бы любой самолет, попытавшийся сбросить на

них бомбы. Поэтому эта работа выпадала на долю штурмовых отделений. К сожалению, на такую высоту смогли забраться не более четверти от его экипированных прыжковыми ранцами воинов — никто не предвидел, что враг сможет оказать столь неистовое сопротивление. Теперь людей хватало для разрушения только трех шпилей, и Сор Талгрон далеко не был уверен, что это окажет хоть какое-то воздействие на щит.

Впрочем, отступать все равно было уже поздно.

Он увидел, как вдалеке в небо взмыли оставляющие за собой дымный след закованные в серые доспехи фигуры и устремились к намеченным целям. Пришло время испытать теорию Кола Бадара на практике, и капитан поймал себя на том, что снова молится.

— Обязательно получится, — мрачно произнес себе под нос Сор Талгрон, после чего устало вздохнул и открыл канал вокс-связи со штурмовиками. — Доложите обстановку.

— Первая группа, цель взята, — прозвучал в ответ гортанный рык Кола Бадара, самого опытного ветерана и автора этой идеи.

Сор Талгрон верил, что бесстрашного и хорошо разбирающегося в тактике сержанта ждет большое будущее.

— Ожидаю указаний, — добавил Кол Бадар.

— Вторая цель взята, капитан, — раздался голос сержанта Бахари, командовавшего второй группой. — Устанавливаем мелта-заряды.

Со своего места Сор Талгрон мог видеть, как десантники из второй группы располагаются вокруг тонкого серебряного шпиля, возвышающегося менее чем в пятидесяти метрах от мерцающего купола. Первая группа удерживала точно такой же шпиль, но пятьюдесятью метрами выше.

— Сержант Пэблен? Отделение «Лементас» контролирует третью цель?

— Встретились с сопротивлением, капитан, — отозвался Пэблен.

На фоне его голоса завывали цепные

течи, кричали Астартес и раздавались раскаты грома. Последовал оглушительный взрыв, и канал связи забил треск белого шума. Спустя несколько секунд вокс заговорил снова:

— Брат Эктон на связи.

— Докладывай, брат, — приказал Сор Талгрон.

— Капитан, сержант Пэблен убит. Я временно принимаю командование третьей группой.

Эктон был наиболее опытным бойцом отделения «Лементас» — закаленным в боях ветераном, способным сохранять спокойствие перед лицом даже самых чудовищных событий. И поскольку он служил долее всех прочих в отделении, именно ему и полагалось принять командование, если что-нибудь случится с сержантом. Вскоре сквозь треск помех вновь пробился голос Эктона:

— Удерживаем позиции. Мелта-заряды размещены.

— Отличная работа, брат Эктон. Всем группам: подрыв зарядов по моей команде! — приказал капитан и

решительно кивнул, оглянувшись на Эршака.

— Вот и момент истины, — прокомментировал тот.

Сор Талгрон мрачно усмехнулся и произнес:

— Взрывайте.

Мелта-бомбы, заложенные у подножий трех серебряных шпилей, детонировали одновременно. Поначалу Сор Талгрон не заметил никакого эффекта и уже решил, что их затея провалилась. Но затем один из шпилей начал заваливаться. Мелта-заряды расплавили его основание, превратив стеклянистый материал в бурлящую лаву. Раздался металлический скрежет и треск рассеивающегося электричества, и достигающий километровой высоты шпиль рухнул набок, ударив точно в энергетический купол.

В ту же секунду зашатались и накренились еще две накопительные башни. Сначала все происходило точно в замедленном кино, но с каждой секундой их падение ускорялось.

Почему-то Сор Талгрон почувствовал уверенность, что даже если уничтожение шпилей и повредит купол, то лишь на время.

— Вперед! — закричал он, взмывая в воздух и на столбе пламени устремляясь к энергетическому барьеру.

Прыжковый ранец выбивался из сил, сражаясь с гравитацией и неся капитана к намеченной цели.

Чем ближе Сор Талгрон подлетал к куполу, тем сильнее ощущалось напряжение в воздухе; кожу начало пощипывать, а в ушах неистово загудело.

Он был не более чем в пятидесяти метрах от барьера, когда на тот обрушилась первая башня. Капитана ослепила вспышка куда более яркая, чем все предыдущие.

Еще секунда, и с энергетической полусферой столкнулись два других шпиля, разбрасывая искры. Между поваленными башнями заметались электрические разряды, проделавшие брешь в поверхности купола.

Не мешкая, Сор Талгрон помчался к

пролому, выжимая все возможное из прыжкового ранца, сжигая последние капли топлива.

Неровные всполохи молний заметались внутри пробоины, и завеса начала вновь сплетаться в непробиваемый покров. Капитан издал боевой клич и, содрогаясь всем телом, когда сквозь него проходили электрические разряды, влетел в смыкающуюся брешь, понимая, что отныне отрезан от товарищей и что обратной дороги уже нет.

Прыжковый ранец дымился и искрил, но Сор Талгрон набрал достаточную скорость, чтобы проскользнуть в пугающе сузившуюся дыру. В глазах у него помутилось, и обгоревшее, дымящееся тело капитана камнем рухнуло на балкон дворца, расположенного внутри сияющего барьера.

Мышцы распластавшегося на стеклянном полу Сора Талгрона еще несколько секунд непроизвольно сокращались, пока по ним пробегали остаточные электрические разряды. Когда он наконец сумел подняться на одно колено,

кожа на его лице все еще продолжала дымиться. Капитан отстегнул крепления, и ставший бесполезным разбитый прыжковый ранец с лязгом упал на балкон.

— Это было... не слишком приятно, — произнес Эршак, тоже поднимаясь на ноги.

Его сливочного цвета плащ превратился в опаленные, изодранные лохмотья. Кое-где одеяния еще продолжали тлеть, но сержант спокойно сорвал их с себя и отбросил в сторону.

Сквозь дыру успели пройти только бойцы отделения «Геликон». Еще три уцелевшие штурмовые группы остались снаружи. Сор Талгрон разразился бранью.

На то, чтобы создать даже столь недолговечную брешь во вражеском щите, ушли все мелта-бомбы, имевшиеся у его штурмовиков. И мало того что они не могли повторить тот же трюк, так к тому же капитан не мог и связаться с братьями, не сумевшими последовать за ним, и предложить им иной вариант действий. По всей видимости, купол поглощал вокс-связь с той же легкостью, что и бившие в него молнии.

Энергетический щит, сквозь который они с таким трудом прошли, надежно заглушал также любые сигналы извне.

Опаленное лицо Сора Талгрона неистово зудело, но он сумел отрешиться от боли и огляделся.

Участок города, охраняемый щитом, не был затронут войной и являл собой воистину потрясающее зрелище. Перед капитаном простирались хрустальные купола, стеклянные шпили и переплетения серебряных мостов, сверкавших, подобно паутине, покрытой росой.

Но мысли Сора Талгрона сейчас занимало вовсе не окружающее великолепие — его внимание было целиком сосредоточено на массивном стеклянном здании вдалеке, точнее, на возвышавшейся над ним титанической статуе.

Глаза десантника сузились, когда он внимательно рассмотрел этот монумент. Высотой более километра, колосс из серебра и стекла изображал мужчину, стоящего с воздетыми к небу руками. Каждую секунду в распростертые ладони из купола били молнии, и статуя купалась

в потоках энергии, прокатывавшихся по всему телу.

Сор Талгрон почувствовал, как в его душе вскипает ненависть.

Перед ним было вовсе не изображение почитаемого основателя города или же героя древности — это был идол, олицетворяющий божество, которому поклонялись жители Сорок Семь — Шестнадцать.

— Так, значит, это правда, — с отвращением пробормотал сержант Эршак. — Все они — чертовы идолопоклонники.

— Лоргар, придай мне сил, — прошептал Сор Талгрон.

— Капитан, — произнес сержант, сверившись с аускиком, — отмечаю множественные сигналы, приближающиеся к нашей позиции. Какие будут указания?

— Пойдем туда, — заявил Сор Талгрон, тыча пальцем в сторону огромной скульптуры, — и прикончим каждого, кого встретим. Вот такие будут мои указания.

Удивительно, но внутри щита они не встретили ровным счетом ни малейшего сопротивления.

После ожесточенной битвы, идущей снаружи, полное отсутствие врагов в сердце города-дома казалось жутковатым и тревожащим.

Десантники зашагали по изгибающемуся мосту из тонкого стекла, постепенно приближаясь к колоссальному храму, опасаясь каждого угла, прислушиваясь к каждому шороху.

Снаружи энергетического щита продолжалось ожесточенное сражение; эти роботы оказались смертельно опасными противниками и использовали вооружение, с каким, насколько было известно Сору Талгрону, не приходилось сталкиваться еще ни одной экспедиции. И в то же время здесь, внутри непробиваемого купола, царила тишина, можно даже сказать — безмятежность.

Они шли по крытым проулкам, и звуки шагов разносились отчетливым эхом.

— Точно в склепе оказались, —

проворчал Эршак.

Сор Талгрон не мог с ним не согласиться. Ему уже почти хотелось, чтобы наконец объявился враг, только бы разрушить эту напряженную тишину.

Соблюдая осторожность, Несущие Слово вышли на широкий мост, соединявший два сверкающих хрустальных шпиля, медленно и неуклонно приближаясь к храмовому зданию, возвышавшемуся перед ними подобно удивительному каменному цветку, в самой середине которого стояла колоссальная статуя, изображавшая ложного бога. Сор Талгрон не мог смотреть на омерзительного идола — повелителя бурь, без того чтобы в сердце его не вскипала ярость.

На улицах и мостах далеко внизу десантники неоднократно замечали роботов, шагающих к мерцающему куполу, чтобы присоединиться к идущей снаружи битве, но машины то ли не догадывались, то ли просто не беспокоились о штурмовиках, проникших на их территорию.

Казалось, будто весь огромный, точно

материк, город-дом вырос вокруг единственного выглядящего чужеродным храма; все улицы, мосты, переходы и летные трассы внутри купола вели к нему. Не возникало сомнений, что это здание являлось объектом величайшей значимости для местных обитателей, и Сор Талгрон был уверен, что именно там и скрываются уцелевшие жители Сорок Семь — Шестнадцать.

У десантников ушло совсем немного времени, чтобы преодолеть те десять километров, что отделяли их от сердца города, но, несмотря на стремительные темпы этого марш-броска, они могли бы идти с той же скоростью еще многие дни.

Наконец они добрались до храма. Статуя божества бури угрожающе возвышалась над ними, и по раскинутым рукам колосса струились молнии. Несущие Слово как раз вышли из-под высокой арки, сложенной из многочисленных обломков неизвестного кристалла, и уже начинали приближаться к входу в строение, когда заговорил сержант Эршак.

— Фиксирую сигналы живого

происхождения, — предупредил он, сверившись с аспиком.

Впервые с момента прибытия на Сорок Семь — Шестнадцать десантники обнаружили хоть кого-то, кроме роботов.

По приказу Сора Талгрона отделение «Геликон» выстроилось вокруг капитана в оборонительном порядке. Затем они направились дальше, с каждым шагом все ближе и ближе подходя к гигантскому цилиндрическому храму.

В стенах виднелись похожие на отверстые рты треугольники врат. Внутри здание было залито ослепительным светом, мешавшим различить, что же там происходит.

Несущие Слово осторожно подошли к ближайшим вратам, и Сору Талгрону пришлось смотреть из-под ладони, чтобы хоть как-то защитить глаза от непривычно яркого освещения. Изнутри доносилось еле слышимое неразборчивое бормотание, и капитан кивком приказал своим людям входить.

Пройдя через врата, они словно волшебным образом перенеслись в другое

измерение. Сор Талгрон почувствовал, как изменился воздух, касающийся его обгоревшего лица. Внутри храма было прохладно и повсюду разливалось слабое благоухание, в то время как снаружи было жарко и в ноздри бил едкий запах озона. Взгляд капитана тут же устремился к своду. Огромное здание представляло собой высокий полый цилиндр, чьи стены исчезали далеко вверху. Все пространство было наполнено ярким мерцающим светом, точно стекавшим вниз подобно какому-то неторопливому призрачному водопаду. Волшебство этого света только подчеркивалось удивительным, похожим на перезвон хрустальных колокольчиков звуком и гулом энергии. По краям центральной шахты ввысь уходили сотни крытых балконов и галерей, соединенных мостками. Завороженный этим поистине чарующим зрелищем, Сор Талгрон чуть не упустил тот миг, когда за их спинами бесшумно сомкнулись стеклянные стены, запечатав врата.

Посреди зала, на украшенной резьбой стеклянной колонне, возвышалась точная

копия стоявшего в половине километра над ними колосса, хотя этот идол и был «всего-то» пятидесяти метров в высоту. Голова божества была запрокинута, точно в священном восторге, а руки тянулись к небесам, скорее всего прославляя их или вознося молитву.

Статуя сверкала в потоках отывающего ее света.

Пол перед десантниками спускался вниз рядами ступенчатых ярусов, и их были сотни. Ярусы были заполнены толпами мужчин, женщин, детей, стоящих на коленях. Первые люди, которых Несущие Слово увидели с момента своей высадки на Сорок Семь — Шестнадцать, — последние обитатели этого мира.

Все они стояли, склонив головы в молитве, обращаясь к стеклянному идолу своего языческого повелителя бурь. По оценке Сора Талгрона, в этом зале, похожем на амфитеатр, расположилось порядка сорока тысяч человек, и каждый что-то тихо шептал, покачиваясь из стороны в сторону, будто в глубоком

трансе. Никто из них словно и не заметил появления Несущих Слово.

На приподнятом помосте в самом низу круглых ярусов, опираясь на посох, выполненный из стекла и серебра, стоял крошечный старичок. Он окинул Сора Талгрона и его братьев оценивающим взглядом. Этот человек не выглядел удивленным или хотя бы смущенным их появлением; более того, на изрезанном морщинами лице застыло выражение усталого ожидания.

— Держитесь рядом, — велел капитан своим людям. — Без моего приказа не стрелять.

Его взгляд встретился со взглядом того, кто вряд ли мог быть кем-то, кроме как духовным лидером этой цивилизации. Тот самый человек, с кем Кор Фаэрон вел переговоры менее чем двое суток назад. В сопровождении боевых братьев «Геликона» Сор Талгрон медленно начал спускаться по лестнице, направляясь к престарелому вождю этого общества.

Словно повинуясь некоему безмолвному приказу, все

присутствовавшие в зале поднялись на ноги, разглядывая вторгшихся в их владения космических десантников. Несущие Слово насторожились и нацелили оружие на толпу. Сор Талгрон ожидал увидеть на лицах людей гнев и ненависть, но все они смотрели на огромных Астартес с потерянным видом и даже несколько разочарованно.

— В бой не вступать, — предупредил Сор Талгрон.

Конечно, на первый взгляд эти люди не выглядели опасными, но капитан по личному опыту знал, что бывает достаточно даже одного-единственного человека, чтобы толпу захлестнула жажда крови, — и если говорить по правде, то капелланы Легиона мастерски умели разжигать в душах слушателей подобные чувства. Стоило всей этой массе людей сорваться, и в храме началось бы сущее светопреставление. Да, боевые братья успели бы прикончить очень многих, уничтожив сотни, а то и тысячи врагов, но десантников было всего полдюжины против более чем сорока тысяч

обитателей планеты. Даже Астартес не выстояли бы.

Воины XVII Легиона спустились по пологой лестнице, настороженно разглядывая расступающуюся перед ними толпу. Язычники смотрели в ответ, храня гробовое молчание, что куда сильнее смущало Сора Талгрона, чем если бы раздавались крики и призывы к отмщению; это, по крайней мере, было бы понятно.

Старик с мрачным спокойствием ожидал, пока они приблизятся.

— Позволь спросить, что ты сейчас делаешь? — прошептал сержант Эршак, используя закрытый канал вокс-связи, чтобы их не могли услышать даже остальные штурмовики.

— Я хочу знать, так ли извращены эти люди, как ты думаешь, — по той же линии отозвался Сор Талгрон.

С Эршаком они были знакомы уже много лет и воспитывались вместе при храме на Колхиде — суровом родном мире Несущих Слово, поэтому капитан не обращал внимания на подобные нарушения протокола со стороны сержанта и высоко

ценил его мнение. И хотя Эршак ничего не ответил, Сор Талгрон почувствовал, что его старый друг не согласен с его решением. Впрочем, капитан достаточно хорошо знал сержанта, чтобы понимать: тот в любом случае последует за ним.

Спустившись, десантники взбежали по ступеням, ведущим к помосту, где дожидался старик. Сор Талгрон нацелил болт-пистолет в голову престарелого священнослужителя и тихо приказал:

— «Геликон», занять периметр!

— Слушаюсь, капитан, — кивнул сержант и, раздав краткие указания бойцам, выставил десантников на позиции.

Отделение рассредоточилось и принялось изучать толпу на предмет потенциальной угрозы.

Талгрон стоял на помосте перед ветхим жрецом. Ростом старик был десантнику едва ли по пояс, но, хотя и выглядел чахлым, глаза его были яркими и сияли интеллектом. Тем не менее что-то в его взгляде порождало в душе Сора Талгрона смутное беспокойство. Не окажется ли священнослужитель

колдуном? Впрочем, капитан тут же отбросил это предположение. Старик заметно нервничал, но никакой угрозы от него не исходило. Командир штурмовиков опустил пистолет.

— Я — Сор Талгрон, капитан Тридцать четвертой роты Семнадцатого Легиона, — громко и отчетливо произнес он, прерывая затянувшееся молчание.

— Разрушители, зачем вы принесли смерть в наш мир? — вопросом на вопрос ответил ему старик на странной разновидности архаичного низкого готика.

— Приказываю тебе незамедлительно объявить полную капитуляцию своих армий и отречься от владычества над миром, числящимся под номером Сорок Семь — Шестнадцать, — продолжал капитан, пропуская слова старца мимо ушей. — Ясно?

— Зачем вы принесли смерть? — повторил старик, но Сор Талгрон и на этот раз не ответил.

— Ты прикажешь отключить энергетический купол, защищающий это здание, — не терпящим возражений тоном

добавил капитан, — и заставишь своих людей и эти адские мыслящие машины прекратить любые враждебные действия. Я понятно изъясняюсь?

Старик вздохнул и устало опустил голову, а затем вытянул руку, привлекая внимание Сора Талгрона к медленно поднимавшемуся из пола темному стеклянному кубу. Новое оружие? Пистолет снова прыгнул в руки капитана.

Внутри казавшегося цельным куба вдруг стал проявляться какой-то образ, и, не чувствуя, чтобы от этого предмета исходила какая-то прямая угроза, Сор Талгрон осторожно подошел к нему. Идеальных очертаний стеклянный куб доходил простому человеку до груди, но капитану пришлось нагнуться, чтобы разглядеть изображение.

Поначалу предмет, возникший в глубине темного стекла, был размытым и просвечивал, но потребовалось всего несколько секунд, чтобы изображение обрело отчетливость. Устройство определенно напоминало продвинутый пикт-проектор, но те выдавали картинку,

довольно условно передающую реальность. Тут же предмет казался подлинным, реальным артефактом, заключенным в стеклянный куб.

Сор Талгрон видел перед собой открытую книгу, написанную от руки чернилами и золотой краской. Края страниц покрывал невероятно сложный узор, состоящий из вензелей и линий. В общий рисунок были включены стилизованные изображения людей и мифических существ. Каждая страница была исписана плотным, уверенным и удивительно знакомым почерком.

Как и любой из боевых братьев XVII Легиона, Сор Талгрон ежедневно по нескольку часов проводил в уединении и рисовал, но ему никогда прежде не доводилось видеть такой восхитительной работы. Стиль и умение автора были столь феноменальны, что ни капитан, ни кто-либо другой из Несущих Слово не могли даже и надеяться достигнуть подобных высот. Книга была делом рук несомненного гения, и вряд ли это могли быть руки простого смертного. В самом

деле, сравниться с этим произведением искусства могли лишь труды самого Уризена, но капитану лишь пару раз удавалось мельком бросить на них взгляд...

Глаза Сора Талгрона окончательно расширились от удивления, когда он присмотрелся внимательнее. Текст был написан на диалекте высокого готика, употреблявшемся исключительно духовной элитой его собственного родного мира — Колхиды.

— Что это? — изумленно заморгав, прошептал Сор Талгрон.

Капитан перевел взгляд на стоящего рядом старика, но не смог понять того выражения, что увидел в его глазах. Тогда командир штурмовиков вновь посмотрел на книгу, заточенную в темном кубе.

— «...И да объединится вся Вселенная в вере...» — вслух прочитал он строчку, открывавшую страницу. Его голос задрожал. Ему были знакомы эти слова. Более того, он знал этот текст наизусть. Сор Талгрон тяжело сглотнул. — «...Объединена под властью... Бога-Императора Всего Человечества», —

продолжил он хриплым шепотом, заканчивая чтение священной строки.

В растерянности и недоумении капитан повернулся к священнослужителю.

— Я не понимаю, — произнес Сор Талгрон.

— Мы — Отпрыски Бури, — ответил старик, широким жестом обводя всех собравшихся в зале людей.

— Именем Лорграра, и что это должно было мне сказать? — прорычал капитан.

Старик фыркнул, хромая, прошел мимо него к кубу и приложил пальцы к поверхности устройства. Страницы заточенной в стекле книги замерцали и начали быстро перелистываться. Каждая из них была украшена искусными узорами и испещрена плотными письменами. Слегка поводив пальцами по кубу, священнослужитель замедлил смену страниц, продолжавших переворачиваться, пока глазам десантника не предстала самая первая из них.

Старик печально усмехнулся, указывая на нее.

Капитан Тридцать четвертой роты

в изумлении взирал на изображение, занимавшее весь лист, — сияющую фигуру, облаченную в удивительные золотые доспехи. Божественный лик был запрокинут к небу, его окружал золотой нимб.

Бог-Император Человечества.

Взгляд Сора Талгрона был прикован к изображенной на рисунке броне, к узорам на искусно украшенном древнем нагруднике... том, что Он носил еще тогда, когда возглавлял армии Объединения, в стародавние времена маршировавшие по разоренной Терре... На доспехах были начертаны символы Его власти — символы, которые узнавали и которых обоснованно страшились еще до наступления Древней Ночи, они же украшали и броню Легио Кустодес, личной гвардии Императора.

Знаки эти выступали барельефом на броне Императора и воплощали Его гнев... молнии.

И тут капитан понял все.

Жители Сорок Семь — Шестнадцать поклонялись Императору.

Сор Талгрон нервно сглотнул, по-прежнему не в силах отвести взгляд от Повелителя Человечества.

Отпрыски Бури — так назвал старик свой народ; дети грозы. Они почитали Императора как бога, считая Его воплощением бушующих на их планете штормов.

— Теперь ты знаешь, — произнес жрец.

Он снова коснулся гладкой поверхности куба, и трехмерное изображение священной книги исчезло.

— Значит, в этой войне с самого начала не было необходимости, — произнес Сор Талгрон. — Ваши люди не еретики.

— Нет, — ответил старик. — Мы мечтали присоединиться к Империуму. Мы так долго полагали, будто остались одни в этой тьме.

— Мы можем все остановить, — сказал Сор Талгрон. — Вы должны отключить щиты, чтобы я мог связаться со своим командованием.

Сколько людей уже погибло! И ради чего? Капитан почувствовал себя

опустошенным. Весь этот геноцид стал следствием простого недопонимания.

Отпрыск Бури грустно улыбнулся и подошел к Сору Талгрону, а затем приложил морщинистую ладонь к левой стороне груди капитана, туда, где находится сердце.

— Дай слово, что остаткам моего народа будет сохранена жизнь, и я отключу купол, — произнес старик.

— Клянусь, — сказал Сор Талгрон.

Как только энергетический купол, защищавший храм-дворец Отпрысков Бури, замерцал и исчез, Сор Талгрон поспешил связаться с «Фиделитас лекс» и доложить обо всем, что узнал.

— Понял тебя, Талгрон, — кратко ответил Кор Фаэрон. — Мы немедленно сообщим Уризену. Оставайтесь на месте.

Вокс-связь дальнего радиуса прервалась, и людям Сора Талгрона пришлось провести в томительном ожидании несколько долгих минут. Несущие Слово продолжали удерживать толпу под прицелом, пока Сор Талгрон

пристально изучал изображение Императора.

Медленно тянулись секунды. Когда щит был выключен, отделение «Геликон» стало получать потоки вокс-сообщений от своих товарищей. Исходя из них можно было понять, что боевые действия на Сорок Семь — Шестнадцать полностью прекратились.

— Фиксирую сигнатуру телепорта, — доложил наконец Эршак.

— Скоро уже все закончится, отец, — уважительно произнес Сор Талгрон. — Уризен будет рад, когда удостоверится, что мы с вами — единоверцы.

Еще мгновение, и по кругу верхнего яруса амфитеатра стали один за другим возникать темные силуэты воинов, телепортировавшихся с зависшего на низкой орбите «Фиделитас лекс». Сначала они казались просто яркими пятнами света, но постепенно обретали плоть.

Вскоре вся сотня закованных в терминаторские доспехи космических десантников материализовалась полностью и тут же нацелила оружие на

людей Сорок Семь — Шестнадцать. Капитан Тридцать четвертой роты слегка приподнял бровь.

— Ты несколько перестарался с драматическим эффектом, брат, — вздохнул Сор Талгрон, поднимая руку, чтобы поприветствовать Кора Фаэрона.

Тот сухо кивнул в ответ, но спускаться к ним не стал.

Начали материализоваться еще две фигуры, но на сей раз на помосте возле Сора Талгрона. Увидев, кто именно спускается к ним, капитан изумился и поспешил припасть на одно колено и почтительно склонить голову. Он чувствовал, как тяжело забилось его сердце в ожидании окончания телепортации.

Теплая ладонь опустилась на его темя; прикосновение было тяжелым, но в то же время мягким.

— Поднимись, сын мой, — произнес новоприбывший спокойным властным голосом.

Но по телу Сора Талгрона все равно прокатилась дрожь с трудом

сдерживаемой паники. В конце концов, Астартес редко доводилось оказываться в подобной ситуации.

Распрямившись, капитан Тридцать четвертой роты поднял взгляд, чтобы посмотреть в озабоченное лицо полубога.

* * *

Лоргар был столь же величествен и пугающ, как и всегда. Голова его была полностью лишена волос, а каждую пядь обнаженной кожи покрывал узор в виде золотых листьев, благодаря чему примарх сиял, подобно статуе, отлитой из живого металла. Веки полных мудрости и невероятной сосредоточенности глаз были выкрашены сурьмой; как и всегда, Сор Талгрон даже одной секунды не смог выдержать взгляда Уризена.

Такая жизненная сила, такая глубокая боль, такое напряжение и, да,

такая затаенная жестокость таились в этом взгляде, что, пожалуй, только другой примарх и сумел бы посмотреть в его глаза, не разрыдавшись и пав на колени перед живым богом.

Лоргар был на голову выше Сора Талгрона, его стройное тело было заключено в поистине потрясающие доспехи. Каждая из перекрывающихся пластин была выкрашена в гранитный цвет и гравирована клинописью Колхиды. Поверх брони была накинута роскошная мантия цвета запекшейся крови, богато украшенная золотой вышивкой.

Уризен, Золотой, Миропомазанник — у примарха XVII Легиона было много имен. Для тех, кого он провозглашал еретиками, Лоргар становился воплощением смерти, для тех же, кто принимал истинную веру, он был — всем.

— Мы довольны твоими успехами, капитан, — раздался мягкий голос.

Сор Талгрон с благодарностью посмотрел на человека, сопровождавшего примарха. Эреб. Да и кто еще мог осмелиться ответить за Уризена?

— Благодарю вас, первый капеллан, — почтительно склонил голову Сор Талгрон.

— Это он? — спросил Лоргар, окинув пристальным, внимательным взглядом жреца, просто окаменевшего на месте возле капитана Тридцать четвертой роты, который от удивления едва не забыл о нем.

Престарелый иерарх тяжело опирался на посох, в его глазах метался ужас. Священник только и мог, что покачивать головой да бессвязно бормотать.

— Так точно, мой повелитель, — отозвался Сор Талгрон. — Полагаю, что он возглавляет церковь Императора на этой планете.

Эреб улыбнулся, но веселья в его глазах не было. Командиру штурмовиков был хорошо знаком этот взгляд, и от понимания в его жилах заледенела кровь.

— Я давал слово, что мы не причиним зла его народу, — настойчивым тоном произнес Сор Талгрон. — Эреб, не выставляй меня лжецом.

— Брат, ты становишься

тягкотелым, — заметил первый капеллан.

— Полагаю, — произнес капитан Тридцать четвертой роты, переводя взгляд на Лоргара, — в наследственной памяти обитателей этой планеты скрыта память о Боге-Императоре. Это праведные, искренне верующие люди, хотя они и почитают его в образе грубой стихии. Повелитель, их крайне несложно привести к Имперским Истинам. Уверен, знай мы об этом раньше, то сочли бы войну за Сорок Семь — Шестнадцать ненужной и даже вредной.

Эреб стоял, запрокинув голову и разглядывая гигантское изображение бога бурь, но при этих словах насмешливо приподнял брови и обменялся с примархом веселым взглядом, прежде чем снова повернуться к Сору Талгрону.

— Капитан, ты выполнил свой долг, — сказал капеллан, обходя старика, точно волк, кружащий возле жертвы, — и сумел спасти жизни множества наших братьев. За это ты будешь награжден.

— Это еще не все, — произнес Сор Талгрон. — Полагаю, они... повелитель,

каким-то образом они сумели перехватить наши сигналы. Я видел копию...

Его голос затих, когда Уризен снова пронзил его взглядом, и капитан опять задрожал, не в силах вынести этого.

— Так копию чего ты видел, капитан?

— «Лектицио Дивинитатус», повелитель, — ответил Сор Талгрон.

— Правда? — Лоргар искренне удивился.

— Так точно, повелитель.

— Давай-ка пройдемся, — произнес примарх, и капитан понял, что непроизвольно зашагал следом за ним.

Голос властителя Несущих Слово обладал такой силой, что Сор Талгрон не смог сопротивляться, даже если бы захотел.

— И его возьми, — бросил Уризен через плечо, и Эреб осторожно, но настойчиво потащил за собой жреца.

Следом за ними, повинуясь кивку капеллана, свои позиции оставили и воины отделения «Геликон».

Сойдя с помоста, примарх зашагал к крутой лестнице, взбегавшей к кольцу терминаторов Первой роты, неподвижно замерших на краю амфитеатра. Сор Талгрон поспешил за ним. Но возле самых ступеней Лоргар неожиданно остановился и посмотрел на капитана Тридцать четвертой роты, одарив его слабой сардонической улыбкой, затронувшей лишь самые уголки губ.

— Такое ощущение, что я написал «Лектицио Дивинитатус» целую вечность тому назад, — произнес примарх.

— Это величайшее из всех когда-либо написанных литературных произведений, — подчеркнул Сор Талгрон. — Подлинный шедевр.

Услышав это, Эреб разразился беззаботным смехом, и Талгрон почувствовал, что начинает злиться. Лоргар же спокойно пошел дальше, с каждым шагом преодолевая сразу четыре ступени, и капитану было довольно непросто поспевать за ним. Уризен словно и не замечал лиц тысяч верующих, разглядывавших живого золотого бога.

— В последние месяцы очень многое переменилось, — произнес примарх. — И у меня открылись глаза.

— О чем вы, повелитель? — спросил Сор Талгрон.

— «Лектицио Дивинитатус» — пустышка, — сказал Лоргар. И в его голосе прозвучала легкая, но все же ощутимая злоба. — Пустышка.

Силясь понять услышанное, Сор Талгрон нахмурил брови. Быть может, повелитель Несущих Слово испытывал его веру и преданность?

— Я начал писать новую книгу, — провозгласил Лоргар, одарив Сора Талгрона заговорщическим взглядом. Они уже стояли на самом верху лестницы. — И близок к ее завершению. Талгрон, она станет моим самым главным произведением, чем-то действительно осмысленным. Поверь, ты забудешь «Лектицио Дивинитатус».

— И о чем же она будет? — Капитан не смог сдержать любопытства, хотя и чувствовал, что опасно близко подходит к черте дозволенного.

— Кое о чем очень важном, — с дразнящими интонациями в голосе ответил Уризен.

Когда они вышли на верхний ярус, Кор Фаэрон опустился на одно колено перед своим господином и примархом. Когда же первый капитан распрямился, в его глазах можно было увидеть яростное пламя фанатизма. Облизнув губы, терминатор посмотрел на старого жреца, преодолевавшего лестницу при поддержке заботливого и предупредительного Эреба.

— Повелитель... — произнес Сор Талгрон и почувствовал, что во рту у него пересохло. Он спиной ощущал на себе взгляд священника, но старался не обращать на того внимания. — Скажите, неужели ты приговорил всех этих людей к смерти... только лишь потому, что они слишком долго были отрезаны от Терры?

После этих слов на некоторое время воцарилась мертвая тишина, которую наконец осмелился нарушить Кор Фаэрон:

— Невежество не оправдывает богохульства, брат.

Лоргар бросил ледяной взгляд на

первого капитана, и тот попятился, опуская глаза и заметно бледнея.

Тогда примарх приобнял Сора Талгрона за плечи и отвел в сторонку. Стоя настолько близко к своему повелителю, капитан ощутил пьянящий аромат дорогих масел и ладана.

— Порой, — с искренней скорбью в голосе произнес Лоргар, — нам приходится что-то приносить в жертву.

Он заставил капитана обернуться. Старый священник продолжал смотреть на них с ужасом. Краем глаза Сор Талгрон заметил, как примарх едва заметно кивнул.

В руке Эреба внезапно возник кинжал с изогнутым клинком. Сор Талгрон закричал, но Лоргар надежно удерживал его за плечи, и капитан штурмовиков никак не мог помешать лезвию погрузиться в шею старика.

Все еще удерживая свою жертву одной рукой, Эреб выдернул нож, и из раны ударил алый фонтан. Горячая артериальная кровь залила освященные доспехи, окрашивая их в темно-красный цвет.

Омочив палец в кровавом гейзере, Эреб быстро начертал на лбу умирающего иерарха восьмиконечную звезду — символ, значения которого Сор Талгрон еще не знал. Затем первый капеллан отбросил труп в сторону, позволив скатиться по той же лестнице, по которой сам же только что помогал подниматься старику. Тело подскакивало и переворачивалось, ударяясь о ступени. Наконец, изломанной и безжизненной марионеткой с неестественно раскинутыми ногами и руками, оно остановилось, прокатившись лишь половину пути, и под ним начала расплываться лужа крови.

Не успели перепуганные жители Сорок Семь — Шестнадцать что-либо предпринять, как Первая рота открыла огонь. В грохоте выстрелов потонули вопли несчастных жертв. Терминаторы методично и хладнокровно расстреливали из болтеров и автопушек безоружных мужчин, женщин и детей. Тяжелые огнеметы поливали плотную толпу потоками жидкого пламени.

Израсходовав боеприпасы, терминаторы столь же спокойно перезаряжали оружие, вгоняя на место полные магазины, заменяя барабаны с крупнокалиберными патронами, заправляли в пулеметы свежие ленты и подключали новые прометиевые баки. И продолжали стрелять дальше.

— Скажи, Сор Талгрон, ты доверяешь мне? — спросил Лоргар, и его дыхание обожгло лицо капитана.

Шокированный и устрашенный происходящей на его глазах бойней, командир штурмовиков не нашелся с ответом.

— Ты веришь мне? — более жестко повторил Уризен, и в голосе его прозвучал такой переизбыток чувств, что ноги Сора Талгрона начали подкашиваться.

Наконец капитан Тридцать четвертой роты нашел в себе силы посмотреть в бесстрастное золотое лицо примарха, его повелителя и наставника. И осторожно кивнул.

— Тогда поверь, когда я скажу, что это было необходимо. — В интонациях

Лоргара сквозил с трудом сдерживаемый праведный гнев. — Вот к чему нас привел Император в своей мудрости, — продолжал примарх. — Вот Его воля. Вот Его милость. И теперь кровь невинных на Его руках.

Оглушительная пальба начала стихать. Кор Фаэрон отдал отрывистый приказ, и терминаторы Первой роты пошли по рядам, остатривая тела и добивая тех, кому каким-то чудом удалось уцелеть под шквальным огнем.

— Мне необходимо знать, кому я могу доверять, — произнес Лоргар, и в его словах звучало такое беспокойство, что капитан впервые в жизни испытал страх — подлинный страх, — которого не должен был знать воин Астартес. — Мне надо знать, кто из моих людей последует за мной туда, куда мне придется отправиться. Скажи, Несущий Слово, на тебя можно положиться?

— Конечно... — прошептал Сор Талгрон, голос его звучал сухо и хрипло.

— Последуешь ли за мной в адское пекло, если я попрошу об этом? — спросил

Лоргар.

Сор Талгрон некоторое время не отвечал, но затем медленно кивнул.

Уризен внимательно рассматривал своего капитана, и душа того затрепетала под этим пронзительным взглядом. Сор Талгрон был практически уверен, что примарх намеревается убить его прямо здесь и сейчас.

— Прошу вас, повелитель, — прохрипел командир штурмовиков. — Я готов следовать за вами. Клянусь. Невзирая ни на что.

Неожиданно ярость исчезла из глаз Лоргара, растворившись, будто ее и не было. «И с чего я взял, что Уризен может желать моей смерти?» — подумал Сор Талгрон. Он даже чуть не рассмеялся вслух, настолько нелепой казалась сейчас эта мысль.

— Ты спрашивал, над каким трудом я работаю сейчас, — беспечным, обыденным голосом произнес примарх. — Пока что я называю его «Книгой Лоргара».

Повелитель Несущих Слово отпустил Сора Талгрона. Золотые губы изогнулись в

улыбке, и капитан Тридцать четвертой роты почувствовал, что на сердце у него стало легче.

Лоргар же тихо засмеялся.

— Понимаю, звучит немного высокомерно, — сказал он. — И все же мне хотелось бы, чтобы ты прочел ее.

Затем примарх посмотрел капитану прямо в лицо, и глаза Миропомазанника сияли огнем.

— Скажи, Сор Талгрон, что помнишь ты о древних верованиях Колхиды?

Джеймс Сваллоу
ГОЛОС

В безмолвии остается место лишь правде.

Но как прийти к нему? Задача не из простых. Для начала придется спросить себя, где вы можете найти достаточно спокойное место? Где вас ожидает царство абсолютной, ничем не нарушаемой тишины?

Вопрос этот в первый же день задавался каждому из новобранцев, но мало кому из них доставало мудрости, чтобы высказать хотя бы более-менее близкую к верному ответу догадку.

Большинство оказавшихся на борту громадного, выкрашенного в эбонитовый цвет корабля устремляли свой взгляд к усеянной звездами темноте за порталами иллюминаторов. «Вон там, — говорили они. — Тишина пребывает в этой лишенной воздуха мгле». Ведь раз там нет атмосферы, необходимой для

распространения звука, стало быть, там никогда не раздастся ни речь, ни песня, ни крик. Вакуум молчит, полагали они.

И их поправляли. Ведь даже там, где нет атмосферы, довольно шумно — там царствует хаос. Пускай неаугментированные люди не могли этого слышать, но там все гудело от космической радиации и скрежета «шестеренок» вращающейся и стареющей Галактики. Даже у самой темноты есть звук, просто у нас нет таких ушей, чтобы его услышать.

Так спросим же снова: где то самое тихое место?

— Здесь, — лишенным эмоций голосом едва слышно прошептала Лейлани Моллита. — Тишина здесь, внутри меня.

Женщина прижала руки к груди, и ее распрямленные ладони и перекрещенные большие пальцы сложились в великую аквилу. В глубине своего сознания, за закрытыми глазами и грохотом мчащейся по венам крови, послушница Сестер Безмолвия пыталась найти подлинную тишину.

Бледное симпатичное лицо Лейлани раздраженно скривилось. Ей опять не удалось. Эта мысль еще не успела оформиться, как женщина поняла, что возможность уже упущена. Волшебные объятия внутреннего спокойствия распались, едва слова сорвались с ее губ.

В гулкой тишине святилища ее шепот прозвучал подобно грохоту гигантской волны, разбившейся о берег, и Лейлани почувствовала, что щеки ее слегка покраснели. Злясь на саму себя, она открыла глаза и заморгала.

Наставница стояла чуть в стороне, наблюдая за своей ученицей с неизменным сосредоточенным выражением, которое, казалось, никогда не сходило с ее лица. Она чуть повела головой, и единственная прядь иссиня-черных волос на выбритой голове, собранная в тугой пучок, легла на плечо золотой боевой брони. Под гибкими доспехами ее ноги были дополнительно защищены высокими армированными красными сапогами, а руки — перчатками из прочной кожи. Рукава были собраны из стальных пластин, а кольчужные штаны

сплетены из мелких колец, так что напоминали змеиную кожу. Поверх брони был надет табард, но оружие, шлем и роскошный, отороченный мехом боевой плащ отсутствовали.

Атендера Кендел из Штурмового Кинжала, Рыцарь Забвения и Сестра Безмолвия, стояла, не произнося ни звука. Во взгляде ее янтарных глаз читалась забота воспитателя о подающей надежды ученице.

Лейлани постаралась подавить свое изумление. Ей-то казалось, что в зале для медитаций Черного Корабля нет никого, кроме нее; она даже не подозревала о присутствии кого-то еще. Девушка понятия не имела, как долго Кендел уже стоит рядом, наблюдая за тем, как ее воспитанница ищет, но так и не находит своего внутреннего фокуса. В отличие от Рыцаря Забвения молодая сестра была облачена лишь в кольчужную рубашку и легкую накидку с капюшоном, какую носили все послушники, еще не успевшие дать присягу. Лейлани вскинула обнаженные руки и начала отчаянно

жестикулировать, но наставница остановила ее, едва заметно покачав головой. Затем Кендел коснулась подбородка кончиками двух пальцев. «Словами», — говорил этот знак.

Губы послушницы сжались. Она отчаянно мечтала о том дне, когда ни единого слова более не сорвется с них, но ей только что ясно дали понять, что это случится не сегодня. И чувства, всколыхнувшие ее при этом, заставили девушку осознать, что до принесения Клятвы Безмятежности ей еще очень далеко.

— Сестра Амендера, — заговорила она, и ее шепот, сколь бы тихим он ни был, прокатился эхом по всему необъятному залу Санктум Афониум, — чем могу вам служить?

Ладонь Кендел легла на пояс из алой кожи, и пальцы наставницы затеребили его; прослужив уже несколько месяцев в качестве адъютанта Рыцаря Забвения, Лейлани хорошо знала этот жест. Наставница собиралась с мыслями, выстраивая их в стройные ряды так же,

как готовила к бою своих Охотниц на ведьм. Послушница была готова поверить, что Атендера за всю жизнь не приняла ни единого необдуманного решения.

«Тебя продолжают мучить сомнения». Рыцарь изъяснялась на мыслезнаке, одном из языков жестов, используемых Сестрами Безмолвия. Обладая не очень объемистым словарем, он был весьма изящен, позволял работать с наиболее запутанными и важными логическими построениями и был куда более утонченным, нежели размашистый, резкий боезнак — командный язык, применяемый Сестрами во время военных действий. Очень многие жестикуляции Кендел просто невозможно было бы перевести на имперский готик. В мыслезнаке использовались такие смысловые оттенки, что их не смог бы передать ни один другой человеческий диалект, и, вынужденная отвечать голосом, Лейлани ощущала себя калекой.

— Вы правы, — признала она. — Мне трудно смириться с теми новостями, что приходят с внешней границы.

Слова торопливо срывались с ее губ и разносились тихим эхом вдоль изгиба стальных стен зала для медитаций. Послушница почувствовала себя еще более неловко оттого, что разговаривала вслух в этом священном месте. «Аэрия Глорис», как и все прочие суда, составлявшие флот Дивизио Астра Телепатика, был оборудован афонориями — просторными помещениями, где были установлены машины, подавляющие посторонние звуки и создающие некое подобие абсолютной тишины. И нарушение ее казалось неприличным, святотатственным, но сестра Амендера, видимо, даже не собиралась препроводить свою ученицу в соседнюю комнату, скрытую за черным занавесом, богато украшенным золотой вышивкой.

Не было ли это таким же испытанием, как и тот ритуальный вопрос? Вполне вероятно. Когда Лейлани оказалась под началом Кендел, та ясно дала понять, что возлагает большие надежды на свою юную ученицу, и уже не в первый раз послушница гадала, найдет ли

в ней Атендера то, чего ожидает.

— То, чему мы стали свидетелями в Цитадели Сомнус, — продолжала Лейлани, — этот... это существо, которое привез «Эйзенштейн» с Иссваана. — Послушница покачала головой, вспомнив о тутировавшем Астартес, начавшем волнения в орбитальной цитадели Сестринства; этот человек стал непостижимой, отвратительной карикатурой на прежнего верного воина Императора. — Госпожа, я постоянно думаю о нем, и из-за этого мне становится трудно сосредоточиться на работе. — Она опустила взгляд к стальной палубе. — Все эти слухи о предателях, о Ереси. И Хорус...

Имя Воителя, слетевшее с ее губ, казалось, прозвучало громче выстрела. Прервавшись на полуслове, послушница вновь посмотрела на наставницу.

Кендел кивнула.

«Нам всем очень трудно принять весть о его предательстве. И я бы солгала, если бы сказала, что хоть кто-то из Сестер остался безразличен к этой ужасной двуличности».

— Случившееся украло мой покой, — призналась Лейлани. — Все время думаю о тех замечательных людях, о благородных Астартес, с которыми столь часто сражались бок о бок... и тут вдруг узнаю о чудовищной лжи, просочившейся в их ряды... — Девушка поежилась. — Астартес и примархи, можно сказать, приходятся родней самому Императору Человечества, и если уж их терзают подобные разногласия, то... — У сестры-послушницы пересохло во рту, когда она набиралась смелости закончить фразу. — Госпожа, что если этот кошмар уже постиг и Сестринство?

Наставница отвела взгляд.

«Я прежде об этом не упоминала, — жестикулировала она, — но мне как-то раз довелось повстречаться с ним, с Воителем. Он именно таков, каким его описывают. И если он и в самом деле отверг власть Терры, то будет сражаться, пока остается с кем воевать или пока его не настигнет кара».

Столь открытое признание наставницы странным образом успокоило

мысли Лейлани. На службе Сестрам Безмолвия ей пришлось повидать всякое: псайкеров, сходивших с ума из-за прикосновения к тайнам кипящего безумием варпа, людей, чьи тела и разум изменялись до неузнаваемости, и существа, скорее мертвые, нежели живые, обладающие инфернальной психической силой, — но все это были враги, чьи мотивы можно было понять и с чьим существованием как-то удавалось примириться. Но предатели? Чем можно было объяснить их действия? Они жили в величайшую эру в истории Человечества, Галактика легла к их ногам, Великий Крестовый Поход ничто не могло остановить, так почему же столь высокопоставленный деятель, как Воитель Хорус, вздумал разрушить дело Императора, когда триумф был уже близок?

«Кто знает?» — ответила сестра Амендера.

Сестра-послушница покраснела, услышав отголоски эха и осознав, что последнюю мысль произнесла вслух.

Тихий шелест роскошного шелкового занавеса привлек их внимание, и они увидели, как в зал входит Пустая Дева — сестра Фессалия Нортор. Суровое, испещренное шрамами лицо ее было мрачным, и она явно слышала произнесенное послушницей, поскольку отрывисто ответила на боезнаке:

«Казнить Воителя. Предатель. Тогда статус восстания: Ослаблен/В Нарушенном Состоянии. Мятеж будет Прекращен прежде, чем Разрастется/Нанесет Заметный Ущерб».

Нортор бросила на Лейлани тяжелый взгляд, в котором читался явный упрек. Вторая по чину в Штурмовом Кинжале, она нисколько не скрывала своей ненависти к мятежникам Воителя. Ее дыхание с тихим хрипом вырывалось из встроенных в гортань механизмов; там, где у Кендел и Лейлани шею покрывала здоровая кожа, у Пустой Девы блестела металлом аугметика. Вставка из полированной серебристой стали заменяла кусок плоти, утраченный в бою с йоргалли в недрах одного из их «бутылочных миров». Биологи

Сестринства заменили протезами не только шею, но и легкие фессалии. Порой Лейлани даже завидовала ей, ведь Нортор не позволила заменить искусственными аналогами свои голосовые связки, разрушенные кислотной атмосферой, которой дышали ксеносы. Эта женщина стала настолько «молчаливой» Сестрой, насколько только возможно.

— Остается только надеяться, что Воитель осознает всю ошибочность своего выбора, — произнесла Лейлани, но, не успев договорить, поняла, насколько глупа и маловероятна эта надежда.

«Он обязан остановиться. — Нортор сумела немного обуздать свой гнев и перешла на более внятный мыслезнак. — Восстать против Императора? Это же верх безумия! Единственное, чем можно объяснить эту выходку, — банальная зависть к величию его Отца. — Пустая Дева покачала головой. — Или же он и в самом деле сошел с ума».

В словах фессалии Лейлани услышала отзвук все тех же мыслей, что давно уже гуляли по Сестринству.

Одновременно с новостями о восстании стали поступать слухи и о других странных событиях. Приходили известия о стремительном увеличении числа сектантов, поклонявшихся лидеру Человечества. Это казалось совершенно немыслимым; нельзя же молиться тому, кто избрал светский путь развития для своего народа! Но так называемый «Лектицио Дивинитатус» раз за разом всплывал в самых неожиданных местах. Если сказать по правде, послушница находила это учение столь же неприемлемым, сколь и предательство Хоруса. Но хотя Император и не был богом, он был столь могуществен и великолепен, что ошибка тех, кто склонялся перед ним в религиозном восторге, казалась довольно незначительной. С другой стороны, подобные заблуждения простительны для невежественных обитателей отсталых планет, но никак не для образованных граждан Империума.

Обратив внимание на то, что ее заместительница до побеления суставов

сжимает планшет, сестра Атендера вопросительно посмотрела на Фессалию. Та едва заметно кивнула и протянула устройство начальнице. Лейлани догадывалась, что именно там содержится, — обновленные указания, поступившие от верховного стратума Сестринства, базирующегося на Луне, полученные напрямую от высших чинов Департаменто Инвестигатес.

Точные характеристики и местоположение Черных Кораблей, а также назначенные им цели были известны лишь горстке избранных, дослужившихся до высших чинов Сестер Безмолвия, верховным лордам Терры да самому Императору, хотя тайны из основных их задач и не делалось. Численность Черных Кораблей, выполняющих поручения по всей Галактике, не разглашалась; с уверенностью можно было сказать лишь одно: рано или поздно, но каждый из миров однажды увидит их в своем небе, готовых принять назначенный груз. Свою дань они

взимали не сокровищами, не товарами... Все они — и «Аэрия Глорис» в том числе — были не только военными кораблями, но также и лечебницами, приютом для тех граждан, кого коснулась печать псайкерства. Каждый из миров, принявших свет Императора, был обязан выдавать любого, кто обладал должным психическим потенциалом, вне зависимости от того, успел тот проявиться или продолжал дремать; те же, кто отказывался сдаться добровольно, кто пытался бежать из раскинутых сетей, становились целью, жертвами Черных Кораблей и Сестер.

Псайкеры всех мастей и способностей загонялись в темные трюмы палуб-темниц, где их подвергали тщательным проверкам. Очень многие, не сумев выдержать всех испытаний, умирали под строгими взглядами Надзирателей и Исполнителей. Были и другие, кому просто нельзя было позволить оставаться в живых: либо они оказывались слишком опасны, либо их рассудок был чрезмерно извращен варпом. Прах их кремированных

тел отправлялся к ближайшей звезде.

Те, кто оказывался достаточно крепок, чтобы выжить, и достаточно умен, чтобы покориться воле Империума, являли собой счастливое меньшинство. В дальнейшем их ожидали куда более тяжкие испытания в стальных чертогах Города Видений на самой Терре, где располагался также и штаб Дивизио Астра Телепатика. Там псайкерам предстояло сделать первые шаги на пути к ритуальному усмирению души и вхождению в хор астропатов.

Охота на псайкеров и их охрана представляли собой столь непростую задачу, что с ней не сумел бы управиться ни один обычный человек. По правде сказать, любая попытка набрать экипаж Черного Корабля из простых солдат Имперской Армии или даже великих Астартес привела бы к катастрофе. Некоторые псайкеры обладали силой извращать и подчинять своей власти сознания других людей. Нередко психолдуны могли затуманить вам мысли, обрести контроль над вашим телом,

просто пожелав этого. Среднестатистического человека запросто можно было заставить открыть двери камер, причем так, что он и не заподозрит, насколько ужасен его поступок, и никогда в жизни не узнает, что освободил чудовище. В то же время этот тяжкий труд нельзя было доверить и безмозглым сервиторам. Только Сестры Безмолвия, обладающие даром Тишины, были достаточно сильны, чтобы контролировать псайкеров. Это становилось возможным благодаря их абсолютной преданности Императору, в жертву своему долгу они приносили всех каждый удар своего сердца, каждую каплю своей крови. И знаком их служения была клятва вечного молчания.

Сестры становились подлинным ядом для ведьм. Случайные мутации человеческого генома приводили к тому, что один из миллиона рождался с псайкерскими способностями, но лишь один из миллиарда обретал драгоценный дар парии — Неприкасаемого. К их появлению привела холодная логика эволюции. Раз уж

существовали колдуны, обладающие практически безграничными возможностями, обязательно должны были родиться те, кто находился на другом краю генетического спектра, — те, чьи ментальные силы являли собой полную противоположность дарам варпа, те, простого присутствия которых хватало, чтобы погасить даже самый яростный псайкерский пожар. Все Сестры были такими Неприкасаемыми, псы-пустыми, надежно защищенными от колдовства ведьм, на которых они вели охоту. Иммунные к ментальным атакам, они одной своей аурой ошеломляли и разоружали своих жертв, и не найти такого воина, кто лучше бы справился с этой задачей.

Но, несмотря на все это, ничего сверхчеловеческого в них не было. Они много и тяжело тренировались, чтобы заслужить право сражаться бок о бок с элитными воинами Империума, и, конечно же, сами были уважаемыми, достойными, но все-таки — людьми. И, так же как все, были обременены обычными людскими

сомнениями и страхами.

Амендера Кендел размышляла, взвешивая пикт-планшет в ладони и наблюдая за сестрой-послушницей, на лице которой читалась буря эмоций. Рыцарю не требовались телепатические способности, чтобы знать, о чем думает Лейлани. Удушливый кошмар восстания Хоруса навис над миром черным саваном, заслонившим от них свет. Каждая Сестра на борту корабля, признавалась она в том или нет, в минуты покоя раз за разом возвращалась мыслями к этому невероятному происшествию. Покой, царивший на «Аэрия Глорис», способствовал погружениям в думы, ведь разум не приемлет неподвижности и всякую пустоту замещает размышлениями и фантазиями, которые, если их вовремя не усмирить, могут выйти из-под контроля. В обычные дни, чтобы справиться с этой проблемой, хватало поддерживавшейся в Сестринстве стальной дисциплины и выполнения служебных обязанностей, но вся эта

история с предательством Воителя... с Ересью... Тяжелые мысли врывались в умы людей подобно дикому когтистому хищнику, сметающему любые преграды на своем пути.

Кендел сделала над собой усилие и, отбросив все постороннее, взглянула на пикт-планшет. Тот был помечен личной печатью Целии Гарроды, Охотницы на ведьм, Сестры-Спутницы, а чуть выше красовался знак Сестры-Командора Дженеции Кроул. Амендера облизала внезапно пересохшие губы. Кроул, командир Хищной Стражи и один из военных советников самого Императора, занимала самый высокий статус среди всех живущих Сестер. И ее подпись на планшете с указаниями недвусмысленно указывала на всю серьезность ситуации.

Рыцарь стянула с руки перчатку и прикоснулась к сенсорной панели, позволив игле анализатора уколоть палец. Спустя мгновение кровяной замок распознал ее ДНК и бессмысленная мешанина знаков на экране была расшифрована, сменившись описанием задачи.

На первых страницах повторялось все то же самое, что Кендел успела услышать во время вступительного совещания на станции «Евангелион». «Аэрия Глорис» предписывалось покинуть привычный маршрут и совершить варп-прыжок к ближайшей орбитальной платформе, чтобы как можно быстрее пополнить припасы и отправиться в полет к сектору Опалун. Черный Корабль совсем недавно вышел в рейс, и его тюремные палубы были практически пусты; Кендел догадывалась, что именно это и послужило причиной выбора для срочного задания «Аэрия Глорис», но предпочитала держать подобные мысли при себе.

Полученные приказы были обманчиво просты и прямолинейны. Один из старейших и самых крупных кораблей Сестринства — «Валидус» трижды не вышел на связь в положенное время и теперь официально числился пропавшим без вести. В отличие от «Аэрия Глорис» он уже завершал облет, и его палубы были переполнены многочисленными телепатами, пирокинетиками,

кинетиками, сновидцами и колдунами всех мастей. Он должен был выйти на орбиту Луны еще месяц назад. Приказ Старшей Сестры Гарроды был выражен простым, резким боезнаком:

«Поручение/Задание. Искать-обнаружить-оценить. Установить причину аномалии. Вернуть, если возможно».

За этими словами скрывалось множество вопросов. И прежде случалось так, что пропадал Черный Корабль. Какой бы боевой мощью и продвинутыми маскирующими технологиями они ни обладали, звездолеты Астра Телепатики все-таки не были неуязвимы. По ряду причин они практически всегда путешествовали в одиночку и могли погибнуть, став жертвой враждебной флотилии или же угодив в космическую аномалию. Кендел вспомнила «Гонор Галтис», уничтоженный засадой эльдарских пиратов, «Белое Солнце», сгинувший в варп-шторме, и многие другие корабли.

К сожалению, воображение подсказывало и худший из всех возможных

вариантов — побег заключенных. В тюрьме, где содержатся колдуны, это становится сущим кошмаром. Поэтому в приказ Гарроды и была включена фраза, позволяющая Кендел при необходимости сделать этот рейс «Валидуса» последним.

Сейчас «Аэрия Глорис» находился буквально в нескольких часах полета от того места, откуда пропавший корабль последний раз выходил на связь, и с каждой секундой в душе сестры Атендеры росло беспокойство. Хуже всего было понимать, что вызвано оно не только пропажей «Валидуса», но и личными тревогами. Кендел даже почувствовала себя слегка виноватой перед своей воспитанницей. Сестра-послушница Лейлани, конечно, позволила страху перед мятежом Воителя слишком сильно овладеть ее сознанием, что не могло не сказаться на качестве ее медитаций, но ведь мысли самой Атендеры, если быть честной, были сейчас заняты куда менее значимыми делами.

«Валидус» шел под флагом Рыцаря Забвения, сестры Итрилии Геркаази,

которую Кендел не назвала бы человеком посторонним. Более того, они познакомились еще в детстве, в железных коридорах Черного Корабля, такого же, как и этот, и одновременно стали кандидатами в Сестры Безмолвия. Обе были уроженками планет Предела Белладонны, и в годы учебы их объединяло смутное чувство землячества, но со временем, когда они обрели статус Сестер, былая дружба забылась. И вот по прошествии нескольких лет они стали непримиримыми соперницами, лелеющими свою неприязнь. Амендера приглушила воспоминания о причине этой вражды, оставив их кипеть и бурлить за границами сознания. Подобные размышления только помешали бы сосредоточиться на задаче.

Сестре Кендел было любопытно, знала ли Охотница на ведьм Гаррода об этом конфликте? Вполне возможно, ведь мало что могло ускользнуть от внимательного взгляда сестры Целии. Также существовала вероятность, что подобным образом Амендеру собирались

проверить. Она прекрасно понимала, что находится под неусыпным наблюдением после происшествия в Цитадели Сомнус и того случая с отступником из Гвардии Смерти, Натаниэлем Гарро. Вот только не могла пока сказать, к чему все это приведет.

Неожиданно она почувствовала на себе пристальные взгляды своей заместительницы и послушницы, ожидавшей указаний. Кивнув, Кендел продолжила перелистывать страницы на пикт-планшете.

«Ничего такого, о чем бы нам не говорилось раньше, — свободной рукой показала она. — Отчеты о грузе и предыдущих заходах в порты. Оценка текущего состояния оружия и основных систем...»

Она осеклась. Среди прочих многочисленных голосовых сообщений, отправленных астропатами «Валидуса», было одно особенное, выделяющееся. Служебная информация, включающая, например, позывные Черного Корабля, полностью отсутствовала; обычно

заголовок сообщений, передаваемых между кораблями, содержал массу дополнительных ключей и кодов. Но не в этом случае. Послание было отправлено открыто, без предварительного шифрования. В пространство.

Кендел коснулась кнопки «проиграть», и планшет воспроизвел сообщение. В тишине Афонориума раздавшийся голос прозвучал подобно крику.

Женщина, отправившая это послание, выговаривала звуки хрипло, со странным акцентом, точно давно уже забыла, как это делается, и теперь отчаянно пыталась научиться снова. Точнее, она раз за разом произносила одно-единственное слово. Всего одно, но в нем звучал такой ужас, что сестра Амендера почувствовала, как ее ладони непроизвольно сжимаются в кулаки. Нортор и Моллита же слушали, затаив дыхание.

— Голос, — произнесла женщина. — Голос... — И вновь, срываясь на визгливый крик: — Голос!

— Что это может значить? — Послушница моргнула и трачно покосилась

на пикт-планшет. — Похоже, это была Сестра, но она говорила... говорила вслух.

Пустая Дева, стоявшая рядом, медленно кивнула. Обычно, связываясь с кем-то, кто находился вне зоны видимости, Сестры Безмолвия использовали древний, пригодный для машинной передачи вариант мыслезнака, известный как код Орсе и представлявший собой последовательности щелчков, для необученных ушей звучавший подобно скрежету несмазанных шестеренок. Но эта женщина, наверняка входившая в свиту Геркаази, мало того что не прибегла к его помощи, но и бездумно нарушила Клятву Безмятежности — зловещее предзнаменование.

«Корабль не выходил из Эмпиреев, — произнесла Фессалия. — Нам остается только догадываться, с чем они столкнулись в варпе».

По коже Амендеры пробежал холодок, какой бывает летним днем, когда жаркое солнце неожиданно скроется за тучей. Ей вспомнились страд смерти и разложения, наполнявший коридоры Цитадели Сомнус,

и облепленный мухами, похожий на гигантское насекомое гуманоид, несущий гибель и хаос с каждым шагом своих когтистых лап.

Ей не требовалось пустых фантазий, чтобы представить себе ужасы варпа. Она уже видела, как они проникают в реальный мир.

Беснующийся кровавый океан безумия, волны безымянных, немыслимых расцветок, завывающие ураганы чистых эмоций — вокруг «Аэрия Глорис», приближавшегося к «Валидусу», свирепствовали кошмары Имматериума. Населявшие варп несметные полчища тварей кричали и выли, силясь пробить энергетический пузырь поля Геллера, и скребли когтями по Черному Кораблю, осмелившемуся проникнуть в реальность подлинной психической стихии. Даже всех Сестер, находившихся сейчас на борту, не хватило бы, чтобы сдержать ее мощь. Не обладай «Аэрия Глорис» защитным барьером, его мгновенно уничтожили бы.

«Валидус» дрейфовал и практически

не подавал признаков жизни, если не считать тусклого изумрудного свечения эмиттерных катушек варп-двигателей. На потерявшемся корабле все еще работали реакторы, питавшие его энергией, но при этом он не предпринимал никаких попыток развернуться и сблизиться с «Аэрия Глорис» — не выходил на связь ни по воксу, ни при помощи узконаправленного лазера. Живой и в то же время мертвый «Валидус» безмятежно парил в окружающем хаосе.

Встреться два корабля в реальном пространстве, можно было бы отправить разведывательную группу, в то время как «Аэрия Глорис» остался бы в отдалении и мог задействовать пушки и торпеды, если бы выяснилось, что «Валидус» представляет угрозу и должен быть уничтожен. Но здесь, среди ревущих Эмпиреев, следовать подобным протоколам не представлялось возможным. Тут требовался более деликатный подход.

Соблюдая предельную осторожность, команда капитанского мостика подводила

«Аэрия Глорис» все ближе и ближе к «Валидусу», пока их мерцающие призрачные поля Геллера не коснулись друг друга. По пучкам золотых проводов и механодендритов от специальным образом настроенных когитаторов побежали указания многочисленным сервиторам, вычислявшим энергетические спектры второго корабля. В течение нескольких напряженных минут происходила синхронизация полей. Подобно тому как два пузырька встречаются на поверхности пруда, защитные барьеры соприкоснулись, выгнулись и наконец объединились. Это был весьма сложный маневр, но экипажи Черных Кораблей набирались из самых лучших и породистых мыслящих рабов. Сейчас от них требовалась максимальная сосредоточенность, чтобы поддерживать слияние, — малейшая ошибка могла привести к разрушению энергетических сфер, оставив людей беззащитными перед океаном безумия.

Как ни странно, «Валидус» просто безмятежно дрейфовал, словно плыл в спокойных водах. Закаленные ветераны из

рабов тихо шептались, полагая это обстоятельство дурным знаком, а те, кто думал, что их не видят Сестры, даже опускались на колени и возносили молитвы Терре и Императору.

Варп был постоянен только в одном — в своем бешенстве. Но тут, в этом месте, среди грохота и бурь, царило удивительное спокойствие; если представить Эмпирей как простой планетарный океан, то можно было бы сказать, что здесь не было ни малейшего дуновения ветерка, полный штиль и ничем не нарушаемая водная гладь, пролегшая от горизонта до горизонта. Теперь представим себе капитана, никогда прежде ничего подобного не видевшего, и команду, которая, как и все моряки со времен деревянных парусных кораблей, страшившуюся всего неизвестного.

На нижних палубах «Аэрия Глорис» энергия наполнила жизнью механизмы, способные пронзить пространственно-временной континуум, и телепортационная площадка окуталась ярким светом. Сестры, стоявшие на ней,

затерцали, подобно миражам, и исчезли.

Едва угасло свечение, сопровождавшее переход, сестра Амендера указующе взмахнула обнаженным мечом. Справа от нее стояла Лейлани, в одной руке сжимавшая болт-пистолет, а в другой — ауспик, всецело сосредоточившаяся на показаниях тихо попискивающего устройства.

Слева от Кендел уже отдавала отрывистые приказания сестра Фессалия, и ее руки отбрасывали причудливые тени на трех Сестер-Вигиляторов.

Амендера неосознанно коснулась лба и рассеянно пробежала пальцами по красной татуировке в виде аквилы. Она осторожно вдохнула местный воздух и внимательно осмотрела широкий коридор с низким потолком, где они только что появились. Рыцарь ожидала, что на «Валидусе» будет холодно, а может быть, и атмосфера окажется разреженной из-за вышедших из строя систем жизнеобеспечения и близости к внешней обшивке, — Кендел осознанно настроила

телепортационный сервитор так, чтобы тот не стал перемещать их в центр потерявшегося корабля, поскольку риск промахнуться серьезно увеличивался с расстоянием. Но воздух оказался теплым и сухим, как в пустыне сразу после заката. Кроме того, он был еще и удивительно неподвижен, и пыль словно плыла в какой-то прозрачной, едва текущей жидкости.

Кендел шагнула вперед, занося меч, и сделала несколько коротких, пробных взмахов. Несмотря на странное чувство неправильности, ничего необычного она не находила. Гравитация была вполне нормальной, и в коридоре пахло... нет, никаких непривычных ароматов тоже не было.

— Фиксирую тепловой след, — удивительно невыразительным тоном произнесла Лейлани, указывая в дальний конец коридора.

Там, в тусклом зеленоватом свете настенных ламп, можно было разглядеть очертания квадратных ящиков, сваренных из обрезков труб и стальной проволоки.

«Клетки», — показала сестра Нортор

жестами.

Рыцарь Забвения кивнула и направилась вперед. Но не успела она сделать и двух шагов, как ее заставил обернуться тревожный вздох. Одна из Сестер-Вигиляторов стояла возле железного опорного столба, протянув к Атендере сжатую в кулак руку. В свете люминосфер было видно, как сквозь пальцы сыплется струйкой металлический песок. Вигилятор показала то место, где дотронулась до колонны. Ее прикосновение оставило глубокую вмятину. Железо рассыпалось в мельчайший порошок при самом ничтожном воздействии.

Кендел щелкнула пальцами, и Лейлани, уверенно подойдя к столбу, провела ауспиком по всей его длине. Проверив показания, она нахмурилась и повторила процедуру, явно оставшись неудовлетворенной полученными результатами.

— Удивительно, — сказала она, и голос ее прозвучал глухо, словно издалека. — Если верить ауспику, то этот участок куда более стар, нежели металл в других

частях коридора... — Девушка нахмурилась еще сильней. — Ему, должно быть, уже несколько миллионов лет.

Это был один из тех редких случаев, когда Рыцарь допустила раздраженный стон, прежде чем знаками приказать отряду выдвигаться. Все это было, конечно, весьма странно, но сейчас они не могли позволить себе зацикливаться на мелочах. Сестры зашагали дальше, приближаясь к брошенным клеткам, и тут Кендел поняла, куда именно они телепортировались. Они находились в том отсеке хозяйственных палуб «Валидуса», где содержались охотничьи звери ловчих отрядов.

Понимание пришло в тот самый миг, когда Атендера как раз пересекла некую невидимую черту и была погребена под неожиданным потоком ощущений. Дело было не в каком-то силовом барьере и не в переборке, отделявшей одну секцию коридора от другой, — просто секунду назад мир казался мертвым и неподвижным... и вдруг наполнился запахами и звуками. Вероятно, что время

нарушило свой ход возле металлической колонны, и эти участки коридора располагались в разных измерениях.

Когда к ней приблизилась Нортор, Кендел увидела на лице Пустой Девы гримасу отвращения. Воздух казался густым от резкого, оставляющего медный привкус на языке запаха долгое время назад пролившейся здесь крови, тяжелого духа ржавчины, покрывавшей все вокруг, прозаичного страда гниющего мяса и фекалий. Кроме того, в этом месте совершенно иначе воспринимались звуки — они стали более отчетливыми, более резкими. Услышав скрип и шорохи, доносящиеся из одного из разломанных вольеров, Амендера вошла и увидела внутри кучки мелких костей, плоти и белых перьев. Среди останков мертвого хищника также не трудно было заметить и поблескивающие на свету золотые псайкерские оковы.

Одна из Сестер-Вигиляторов нацелила болтер в том направлении, откуда исходил звук, и щелкнула рычажком на прикладе; прикрепленный к

стволу фонарь включился, озаряя темноту овалом холодного белого света. Скрип прекратился, и во мраке зажглась пара глаз. Остальные Сестры тоже активировали фонари и увидели перед собой огромного мастифа с бледной шерстью, разглядывавшего Кендел и принюхивавшегося. Морда аугметированного пса была коричневой и влажной, а на спине его в такт дыханию позвякивали имплантированные стеклянные трубки с усиливающими препаратами. Подойдя ближе, Нортор защелкала пальцами, отдавая зверю цепочки команд, но тот не обратил на них ни малейшего внимания. Спустя несколько секунд мастиф отвернулся и опустил морду, возвращаясь к прежнему занятию. Сделав еще один осторожный шаг, Кендел смогла разглядеть, что пес согнулся над лужей крови, натекшей из ран на голове и шее одного из корабельных рабов. У мертвеца отсутствовала крышка черепа, а в руках он сжимал коломет, из тех, что выдавались Сестрам. Амендера несколько секунд разглядывала покойника — судя по

всему, он воспользовался этим оружием, чтобы пригвоздить собственные ноги к палубе, выпустив длинные стрелы в каждую голень, а затем еще одну — в свободную руку.

— Он пытался распять себя, — заметила Лейлани.

Пес снова повернулся к ним, уголки его губ медленно поплыли вверх и в стороны, обнажая металлические зубы, в горле зародилось утробное рычание. Кендел услышала, как зашипела и забулькала жидкость в трубках. Неоднократно спускавшая этих зверей с цепи, Амендера отлично понимала, насколько опасными они могут быть, а потому покосилась на сестру Фессалию и сделала знак открытой ладонью:

«Огнемет».

Одним плавным движением Нортор сдернула оружие с пояса и выставила перед собой; раздалось шипение, на огнемете зажглась сигнальная лампа. Не успел охотничий пес прыгнуть на нее, оттолкнувшись от палубы стальными лапами, как его окатила струя пылающего

прометия. Издав отчаянный визг, мастиф испустил дух, и отряд двинулся прочь, направляясь к внутренним люкам.

Кендел заметила, что сестра-послушница замешкалась над трупом собаки, и щелкнула пальцами. Покорно склонив голову, Лейлани последовала за наставницей.

Поводя фонарем из стороны в сторону, Рыцарь покосилась на молодую Сестру.

«Это не единственная смерть, которую нам доведется сегодня увидеть, — показала она. — Будь внимательна».

Вигиляторы шли впереди, и повсюду отряд видел трупы, лежащие вповалку друг на друге вдоль стен и внутри разломанных клеток. Рапторы, собаки, сервиторы.

Но ни одной Сестры.

Схема внутреннего устройства «Валидуса» хранилась в трубках памяти ауспика Лейлани, и, как только отряду удалось установить свое местонахождение, уже не составляло проблемы понять, какими путями следует

воспользоваться, чтобы добраться до капитанского мостика Черного Корабля. Продвижение абордажной группы ненадолго прервалось, пока фессалия передавала вокс-сообщение на «Аэрия Глорис». Стаккато щелчков сообщало остальным Сестрам, что все идет хорошо и в соответствии с планами. Впрочем, сестра-послушница могла только гадать, что именно из увиденного или на борту этого корабля могло «соответствовать планам».

«Валидус» представлял собой просто склеп, дрейфующий в варпе; и если раньше корабль нельзя было назвать царством тишины, то теперь это название ему очень подходило. Лейлани не хуже других Сестер знала аварийные протоколы. Законы, по которым жили на Черных Кораблях, были суровы и неизменны: если экипаж не мог совладать с постигшей судно катастрофой, включались защитные системы, распылявшие по тюремным палубам Пожиратель жизни — биологическое оружие, обладающее ужасающей скоростью распространения и смертоносностью. Если все Сестры

«Валидуса» погибли, так же как и найденные в коридорах рабы, все псайкеры тоже должны были быть уничтожены. Иначе почему абордажная группа была по-прежнему жива, а не оказалась растерзана в ту же секунду, как взошла на борт? Кроме того, несложно было понять: что бы ни послужило причиной смерти бедолаг, но это был не газ и не биологическое оружие.

Отряд продолжал спускаться все глубже в недра Черного Корабля, следуя длинными коридорами с лабораторными камерами, отгороженными от внешнего мира сферическими щитами из пси-токсичного фазового железа, проходя по мосткам, переброшенным между служебными палубами. Над их головами застыли на подвесных рельсах остановившиеся на полпути вагоны, прежде перевозившие экипаж и грузы с яруса на ярус огромного корабля; за их окнами был виден только тусклый свет ламп. В своем путешествии Сестры еще не раз сталкивались с загадочными аномалиями: места, где металл по непонятным причинам превращался в пыль

или влажную массу; участок, где в воздухе совершенно неподвижно, словно на картине, висел дым; комнаты, стены, полы и потолки в которых были покрыты тонким, всего в одну молекулу толщиной, слоем человеческой крови. Все это казалось Лейлани нелепым, бессмысленным; скорее всего, здесь не обошлось без пагубного влияния варпа.

Наконец они вышли на командную палубу и оказались в широком коридоре, в дальнем конце которого был виден открытый амфитеатр мостика; вдоль стен тянулись проходы, уводящие к служебным помещениям. Там, освещаемые желтоватым светом люминосфер, лежали груды тел, выглядевшие так, словно паникующая толпа погибла одновременно, на бегу, и люди повалились друг на друга. Сестра Фессалия, возглавлявшая строй, неожиданно остановилась и подняла руку, призывая отряд последовать ее примеру. Лейлани услышала странный шелест, напоминающий шорох прибоя, накатывающего на песчаный берег. Прошло несколько секунд, прежде чем сестра-

послушница поняла природу этого звука. Дыхание.

Внимательно присмотревшись к ближайшей груде тел — благодаря простой коричневой униформе с минимальным количеством украшений и знаков различия можно было понять, что все они когда-то были рабами, — она ужаснулась. Никто из них по-настоящему не был мертв. Глаза лежащих вповалку матросов невидящими взорами смотрели вдаль, словно люди эти впали в кататонический ступор.

Нортор слегка дотронулась до одного тела мыском сапога. Не увидев никакой ответной реакции, она опустилась на корточки и взяла ладонь раба в руку. А спустя мгновение сломала ему палец. Раздался влажный треск кости, но матрос даже не пошевелился.

Сестра Амендера, осторожно перешагивая через тела, направилась к диафрагме открытого люка у дальней стены; последовав за ней, Лейлани увидела спасательную капсулу. Как и весь коридор, она была заполнена телами. Одни были пристегнуты к креслам, другие просто

лежали на полу. Как и остальные рабы на командной палубе, они были живы, но неподвижны. Послушница взглянула в лицо человеку, который, судя по погонам, был офицером мостика. Глаза у него были точно как у куклы: остекленевшие и бесконечно пустые.

— Что бы здесь ни произошло, но оно полностью выжгло их разум. — Девушка огляделась. — Всем. Всем и сразу.

У Лейлани запершило в горле, когда она представила себе, как эта сцена повторяется по всему «Валидусу», — как каждый член экипажа превращается в пустую оболочку, когда его сознание погибает в огне неистового мгновенного выброса ментальных сил.

— Во имя Терры, — прошептала она, — что же здесь произошло?

Вигилятор, стоявшая чуть дальше по коридору, постучала по стальной переборке, привлекая внимание остальных.

«Здесь нет Сестер», — показала она жестами.

«За мной», — приказала Рыцарь Забвения.

Вигиляторы растащили в стороны тела, преграждавшие проход к капитанскому мостику, и Сестры Безмолвия шагнули в просторный зал, держа оружие на изготовку, внимательно оглядывая каждый темный угол в ожидании нападения. Над овальной нишей управления была расположена длинная платформа, спроектированная так, чтобы командующий офицер мог стоять, словно капитан древних времен, облокотившись на поручни, и видеть всех своих подчиненных. На ней также располагались посты самых старших по званию членов экипажа, и широкие гололитические экраны образовывали над ними сияющую арку. Большинство дисплеев показывали только статические помехи, но некоторые по-прежнему функционировали, и бегущие по ним строчки данных в числовом виде отображали процессы, происходящие внутри автономных систем реактора и неспешную работу механизмов жизнеобеспечения. Лейлани обратила внимание, что на один из экранов

поступал сигнал с внешней камеры; на нем был виден тупоносый профиль «Аэрия Глорис», — резко вырисовывавшийся на фоне красно-фиолетового ада варп-пространства. Остальные рабочие дисплеи были обрамлены темно-красным светящимся контуром, предупреждавшим об аварийной ситуации. Одна из Сестер-Вигиляторов внимательно изучила инженерную панель и пробежалась по кнопкам пальцами в кожаных перчатках.

«Ликвидация не была запущена, — показала она. — Протокол уничтожения не применялся».

Нортор оторвала взгляд от консоли перед капитанским креслом:

«Журнал уцелел».

Вложив меч в ножны, Кендел знаком приказала сестре Фессалии продолжать. Пустая Дева ввела последовательность команд, и в ту же секунду ожила сеть вокс-динамиков, утопленных в стальные переборки.

Лейлани заметила человека в темном кепи командующего, растянувшегося в тени разветвляющейся

под потолком опоры, — это его голос, записанный на инфобобину, звучал сейчас в сырой атмосфере мостика. Все отчеты были краткими и точными и разделялись трескотней числовых данных. Командующий докладывал о срочном сигнале, поступившем на корабль в обход стандартного протокола связи; это была едва слышная просьба, которая не понравилась астропатам «Валидуса» тем, что была как-то странно сформулирована. Также псайкеры жаловались на чувство тревоги и тошноту, вызываемые специфическим шумом, сопровождавшим сообщение. Настораживало их и эхо фазового сдвига. Однако послание сопровождалось шифрами, говорившими о том, что содержащие в нем указания одобрены высшими чинами Сестер Безмолвия. Послушница заметила, как нахмурилась Рыцарь. В полученном от Гарроды коммюнике не было ни слова о том, что «Валидусу» перед его исчезновением поступали какие бы то ни было особые указания.

Голос командующего поведал, что

послание содержало одно-единственное распоряжение. «Валидусу» предписывалось остановиться в этой точке вечно бушующего варпа и ожидать следующего сеанса связи. Так они и поступили, но в итоге столкнулись с теми же аномалиями пространственно-временного континуума, которые абордажная команда уже видела на нижних палубах. Когда закончился этот отчет, фессалия включила следующий.

«Это последняя запись», — указала она.

Вновь раздался голос командующего; он звучал так, словно принадлежал другому человеку. Его уверенные, спокойные интонации исчезли, как не бывало. Прислушавшись, Лейлани поняла, что явственно различает нотки самой обыкновенной паники. Офицер из последних сил заставлял себя сохранять самообладание. Он то замолкал, то начинал бессвязно бубнить, говорил то громче, то тише, повествуя об участи корабля.

Он рассказывал, что на тюремных палубах какое-то время царило

подозрительное, неестественное спокойствие, а потом все неожиданно изменилось. Это было словно цунами, словно вспышка сверхновой; все псайкеры разом пробудились в своих камерах, сжигая системы сдерживавших их нейронных кандалов, — мощные препараты, призванные подавлять их способности, вдруг стали неэффективными. Астропатический хор «Валидуса» зашелся в крике. Отовсюду неслись вопли, плач и...

На этом командующий умолк.

«Последняя запись обрывается на этом месте, — сообщила сестра фессалия. — Больше ничего нет».

Лейлани неожиданно замутило, ее словно всю вымазали в грязи. Мысль о таком числе вырвавшихся на свободу мятежных псайкеров была отвратительна ей. Это оскорбляло все то, ради чего сражались Сестры, и после всего этого ей страстно хотелось помыться.

Передернувшись от отвращения, сестра-послушница бросила взгляд на мостки, поднимающиеся от командной платформы. Они вели к единственному

металлическому толстостенному люку, окруженному тяжелым чугунным кольцом, — он должен был открываться в узкий туннель, ведущий к обиталищу астропатов, при помощи которых корабли отправляли послания через межзвездные пучины. На всех звездолетах подобные помещения тщательно ограждались от всех остальных, поскольку даже пси-интерференция могла привести к ошибкам в их ювелирной работе. На Черных Кораблях этот вопрос приобретал тысячекратно большую важность.

Лишь самые квалифицированные, самые покорные астропаты годились для того, чтобы работать на судне среди всего этого пси-шума, и продолжительность их жизни была куда меньше, чем на других кораблях. Даже санкторум, изолированный от остальных помещений самыми продвинутыми технологиями, энергетическими полями и толстыми стенами, выполненными из пси-устойчивых металлов, мало чем мог им помочь. Лейлани поймала себя на размышлениях о том, что могло произойти с ними во

времени этого... пробуждения.

Оглянувшись, она обнаружила, что ее разглядывает Рыцарь Забвения. Сестра Атендера явно подумала о том же самом, поскольку отдала краткое приказание на боезнаке:

«Исследовать и оценить».

Угрюмо кивнув, Лейлани сбросила плащ, чтобы тот не мешал ей пролезть в узкий люк наверху. Расчехлив болт-пистолет, она проверила оружие и начала взбираться по лестнице, стараясь не выдавать того, как сильно дрожат ее руки.

Когда люк открылся, она увидела перед собой узкий сумрачный туннель, освещаемый тусклыми голубыми лампами. Не оглядываясь, Лейлани вошла в него, поводя по сторонам стволом пистолета. В затхлом неподвижном воздухе висел явственный запах разложения.

Вскоре она вышла в сферическое помещение с гладкими стенами. Свет давало кольцо слабых овальных ламп, бегущих по его экватору. Все поверхности от одного полюса до другого были исписаны изящным бисерным почерком. Зайдя в

санкториум, Лейлани сразу же ощутила некоторую неправильность происходящего — и почти тут же к ней пришло понимание.

— Гравитация, — сообщила она громко. — Здесь есть гравитация.

Обычно астропаты предпочитали жить в невесомости, в санкторумах, защищенных от генераторов искусственного притяжения, чтобы спокойно парить в воздухе, не заботясь о такой столь примитивной, столь приземленной вещи, как ходьба. Но здесь антигравитационное поле не было включено, и, осмотревшись, сестра-послушница нашла взглядом искрящуюся панель, из которой были выломаны тумблеры управления.

Потом она увидела их и все поняла. Хор «Валидуса» состоял из трех астропатов; все они, поднявшись под потолок, сняли с себя балахоны и скрутили их в канаты, обмотав вокруг шеи и закрепив на потолке. Потом один из них, по всей видимости, разрушил систему управления.

Тела повесившихся псайкеров слегка покачивались на сквозняке, ворвавшемся в открытый люк. Тусклое освещение не позволяло по-настоящему разглядеть их лица, но Лейлани и так видела, что они превратились в раздувшиеся, окровавленные шары, — по всей видимости, перед смертью астропатов охватил припадок безумия, поскольку они ногтями исполосовали себя до мяса.

Увидев белое как мел лицо послушницы, Кендел сразу поняла, что произошло в санкторуме астропатов.

«Все цели самоликвидировались». Лейлани, не задумываясь, воспользовалась боезнаком, но Атендера не стала ее одергивать. Девушка сейчас была слишком потрясена увиденным. Моллита обладала куда более сильным характером, нежели готова была признать. — Рыцарь Забвения никогда бы не выбрала себе в спутницы слабака, — и, к сожалению, она отказывалась проявить себя во всей своей полноте. И именно это было основной преградой на ее пути к Клятве

Безмятежности, знаку аквилы и званию настоящей Сестры.

«Приказы?» Сестра Фессалия встала перед Кендел, поигрывая оружием.

Рыцарь Забвения ненадолго задумалась, а потом качнула головой.

«Разделимся, — приказала Атендера. — Вигиляторы направятся к корме. — Кендел поднесла руку к груди. — Моя группа — к носовым отсекам. Необходимо прочесать все палубы».

Она свела руки вместе и сцепила пальцы. В одном из своих значений этот символ мог быть понят как «объединение», в другом — «столкновение» и даже как «смешение». Но сейчас он означал, что отряд должен найти и локализовать цель. Описывать задачу подробнее смысла не имело — вполне достаточно было и последних слов командующего.

«Мы найдем наших Сестер, — перешла Кендел на мыслезнак. — Это наш долг и святая обязанность».

Нортор сложила руки в знамении аквилы.

— Во имя Императора! — прошептала

Моллита.

Спустившись по лестнице, они словно очутились в ледяной пещере: под их ногами заскрипели льдинки и снег. Коридор, уходивший к тюремному отсеку, был устлан, словно покрывалом, серым маслянистым талым месивом. Этот морозный пейзаж скорее можно было ожидать увидеть зимним днем на каком-нибудь отсталом колониальном мирке, но никак не среди металлических стен космического корабля. Изо рта Кендел вырвалось облачко пара, и она вопросительно посмотрела на послушницу. Их группа сейчас находилась в глубинах «Валидуса», на приличном расстоянии от внешней обшивки, и межзвездный холод никак не мог проникнуть сюда. Рыцарь поднесла палец к встроенному в бронированный воротник переключателю вокса, чтобы связаться с Вигиляторами и узнать, не сталкивались ли они с чем-то подобным. Быть может, речь шла просто об очередной загадочной аномалии, каких было полно на этом заброшенном корабле.

Но неожиданное движение Нортор заставило ее замереть. Пустая Дева дернула головой, указывая на высокие колонны грязного льда, выросшие в одном из углов. За ними виднелось какое-то шевеление... и пар чьего-то дыхания.

— Кто здесь? — озвучила общий вопрос сестра-послушница. — Назовите себя!

Кендел ощутила хорошо знакомую тяжесть в затылке. Нечто сродни предчувствию перед грозой или же отдаленному эху. Она только и успела, что сжать увенчанную орлиной головой рукоять меча, когда из-за ледяных глыб выскочила фигура и бросилась на Сестер, скользя по снежному месиву.

Это был мужчина, с головы до ног покрытый коркой инея; на одной его ноге болтался железный обруч с приваренным к нему обрывком цепи. Атендера увидела кривую ухмылку и безумно расширившиеся, удивительно белые глаза. Ладони псайкера окутались облачками пара, и Рыцарь ощутила, как падает температура. Он ловил снег, образующийся во влажном воздухе, и превращал его в ледяные клинки.

Кендел была хорошо знакома с этой породой: криокинетик. Она вскинула руку, останавливая Нортор, уже собиравшуюся вогнать в него болт, и позволила колдуну подойти ближе. Его босые ноги громко шлепали по заиндевевшей палубе.

Спустя мгновение Рыцарь увидела в его глазах выражение, какое появлялось у всех ее прежних жертв, когда те наконец осознавали, что происходит. Псайкер так торопился дотянуться до нее, что и сам не заметил, как перешел тонкую призрачную черту, за которой на него начал влиять ген парии. Он угодил в невидимый круг, внутри которого Неприкасаемая обращала в небытие всякое влияние варпа. У всех Сестер великий дар Тишины проявлялся по-разному и с разной силой; в случае Амендеры речь шла о широкой незримой сфере, окружавшей ее и подавлявшей способности псайкеров тем надежнее, чем ближе они подходили.

Криокинетик споткнулся, снежный вихрь вокруг его рук развеялся, а лед разлетелся множеством осколков. Кендел посмотрела ему прямо в глаза

предостерегающим взором и покачала головой.

Псайкер оттолкнулся пятками от земли и прыгнул. Даже зверю хватило бы ума испугаться и отступить перед подобной преградой, но если этот человек и обладал чувством самосохранения, то давно уже его утратил. Он бесстрашно закричал и бросился на Рыцаря Забвения.

Сколь бы ни был развит у Сестры эффект парии, но защищал он только от чар, телепатии и прочих колдовских трюков, а против любого физического воздействия — попадания из огнестрельного оружия, удара мечом или когтями — был абсолютно бесполезен. Однако Сестры Безмолвия не зря годами тренировались в Схола Беллус на Луне. Кендел спокойно, практически небрежно отмахнулась от противника, обрушив тяжелую рукоять своего оружия на его череп. Раздался глухой звук удара, и псайкер, рухнув на колени, откатился в сторону по насту.

— Ты что, не видишь, кто перед тобой? — спросила Лейлани. — Тебе нечего

противопоставить нашей Тишине.

— Вы не слышите! — закричал колдун, срываясь на глухой лай. — Если не слышу я, то и вы не должны! — Он вскочил на ноги и снова бросился к Кендел. — Ты не должна этого слышать!

В том, что он совсем спятил, не оставалось никаких сомнений.

По всей видимости, выброс пси-энергии, спаливший мозги рабам и сервиторам, задел его только краем и псайкер сумел воспользоваться всеобщей паникой, чтобы сбежать из камеры. Впрочем, это не имело никакого значения. Все равно теперь от него не было никакого толку.

Рыцарь Забвения шагнула ему навстречу, сжимая полуторный меч обратным хватом. В последнюю секунду она прокрутила оружие в руках так, чтобы противник напоролся на клинок шеей, и позволила инерции закончить начатое дело. Из обезглавленного тела ударил фонтан крови, заливая грязный снег. Золотую броню Кендел забрызгало алым, но кровь, бившая из рассеченных

артерий, быстро иссякла. Атендера переступила через остывающий труп и направилась дальше, роняя с клинка теплые, парящие на холоде красные капли.

«Как думаешь, что он хотел сказать? — Сестра Фессалия поравнялась со своей предводительницей. — Он говорил что-то про "слышать". Быть может, это как-то связано с последним сообщением, поступившим с этого корабля?»

Кендел коснулась подбородка кончиками двух пальцев, и Нортор медленно кивнула, соглашаясь с ней.

— Голос, — прошептала Лейлани. — Но что это значит?

Спускаясь ниже, они стали замечать новые странные нотки в окружающей атмосфере. Воздух словно становился гуще, все вокруг было просто пропитано сальным металлическим запахом, оставлявшим отвратительный привкус, от которого никак не удавалось избавиться, сколь бы часто ни прикладывалась Лейлани к трубочке с водой, запас которой хранился в ее кирасе. Послушница видела,

что Рыцарь Забвения и Пустая Дева ощущают то же самое; на их лицах возникло настороженное, мрачное выражение, как только отряд вошел во внешнюю секцию тюремной палубы, где размещались камеры для наименее опасных обитателей. Лейлани наугад заглянула в несколько кают и увидела, что во всех пол покрыт странной влажной массой, которая, возможно, когда-то была телами, если, конечно, существует на свете пламя, способное растопить плоть подобно воску. Воздух был неестественно неподвижным и настолько густым, что стал ощутимым. Послушница чувствовала кожей лица его призрачные прикосновения, подобные тем, что испытываешь, когда попадаешь в тончайшую паутину.

Фессалия Нортор, шедшая впереди, неожиданно сбилась с шага и замерла, и Лейлани тоже остановилась, приготовившись к встрече с очередным спятившим псайкером или к тому, что сейчас покажет свой уродливый лик какое-нибудь удивительное порождение варпа. Но Пустая Дева спокойно повернулась к

спутницам и показала:

«Сестра».

Они нашли ее посреди одного из помещений; женщина сидела на темной железной палубе, скрестив ноги и задумчиво склонив голову. Руки Сестры лежали на изящной рукояти обнаженного меча. Лейлани было хорошо знакомо то особенное спокойствие, которым лучилась сейчас эта Сестра, — полнейшее отсутствие эмоций и движения. Это состояние, за неимением лучшего слова, называли Тишиной.

Губы женщины шевелились беззвучно, но послушнице достаточно было распознать буквально пару слов, чтобы понять, какую из литаний читает сейчас незнакомая Сестра.

— Мы Преследователи, и не уйти нашей Добыче. Мы Воины, и горе тому, кто осмелится выступить против нас... — Лейлани, осознав, что произнесла это вслух, смутилась и покраснела.

Увидев, как помрачнела Амендера, послушница вновь посмотрела на обнаруженную ими Сестру. С почти

целиком выбритой головы безжизненно свисал единственный пучок ржаво-рыжих волос, пропитавшихся потом. Бледно-розовый шрам, изуродовавший левую сторону ее лица, пересекал скулу и спускался по шее подобно стрелке, указывая на молнии, выгравированные на наплечных пластинах. Поскольку эта женщина обладала тем же званием, что и Кендел, у Лейлани не осталось никаких сомнений, кто сидит перед ними.

Сестра Итрилия Геркаази из Белых Когтей зашлась сухим кашлем и открыла глаза, нарушая свою боевую медитацию. Левый пересеченный шрамом глаз женщины заменял аугметический протез из синего стекла и позолоченных деталей. Командир «Валидуса» холодно, оценивающе разглядывала послушницу.

Геркаази полностью проигнорировала протянутую Нортор руку и поднялась самостоятельно, стряхнув с себя неподвижность. Взгляды Итрилии и Атендеры встретились; вся нижняя половина лица женщины была скрыта под маской в виде решетчатых ворот, но

послушница готовы была поклясться, что губы Геркаази скривились в усмешке.

«Я, конечно, знала, что кто-нибудь придет за нами, — показала Рыцарь Белых Когтей, — вот только ни за что бы не подумала, что это окажешься ты».

«Нас выбрал жребий, — с ледяным выражением лица ответила Кендел. — Штурмовые Кинжалы идут туда, куда им приказывают идти».

Конфликт между двумя Рыцарями был столь явным, что Лейлани не могла не вспомнить слухи о старом соперничестве между Кендел и Геркаази. Одна знакомая послушница как-то рассказала ей, что обе Сестры когда-то плечом к плечу выступили против огненной ведьмы на Шеол Тринус. Итрилия отказалась отступить перед натиском могущественного противника и перегруппироваться и была ранена горящими обломками, а впоследствии возложила всю вину на Кендел, отказавшуюся остаться и помочь. Прежде Лейлани полагала эту историю пустой байкой, но теперь, видя застарелые рубцы

на лице Рыцаря отделения Белых Когтей, готова была признать, что в слухах была заключена толика правды.

Заметив на себе изучающий взгляд, Геркаази шагнула к послушнице.

«Ну что, налюбовалась, болтунья?» — спросила Рыцарь, и аугметический глаз блеснул в свете ламп.

Лейлани смущенно уставилась в палубу.

«Я чувствую колдовство, — сообщила сестра Фессалия. — Близко».

Рыцарь со шрамом кивнула, но ничего не ответила, продолжив общаться с бывшей подругой.

«Это все? Вас только три?»

«Нас сопровождают три Сестры-Вигилятора, — покачала головой Атендера. — Я отправила их другим путем, к отсекам на корме».

«Значит, ты отправила их на верную смерть». Геркаази издала приглушенный смешок.

Нортор тут же сжала кулак и набрала тональный запрос на сенсорах, встроенных в суставы перчатки. Лейлани

услышала, как в воксе прозвучал стандартный сигнал вызова. Несколько секунд Сестры ждали ответа от второй команды, но слышали только шипение статических помех. Нортор слегка побледнела и покачала головой.

«Ужас разгуливает по этому кораблю. Я потеряла многих Сестер, сражаясь с ведьмами, сбежавшими во время всего этого безумия. — Геркаази тряхнула головой. — Мы убили ровно столько, сколько могли убить».

Побагровев от гнева, Кендел схватила второго Рыцаря за руку. Атендера не делала никаких знаков, но ее вопрос и без того был ясен.

Сестра Итрилия с преувеличенной осторожностью высвободилась и показала:

«У нас просто не было времени, чтобы отправить предупреждение. Надо было спешить сюда и возводить стену. Иначе бы все было потеряно».

— Стену?

Геркаази поморщилась, услышав голос, но Лейлани решила не обращать на это внимания.

— Я не понимаю.

Нортор сложила руки на бронированной груди, прижимая кулаки к локтям. Этот жест означал стену, бастион и заточение.

— Что здесь произошло? — спросила послушница.

«Ответь ей», — потребовала Кендел.

Геркаази пронзила девушку ядовитым взглядом, но потом кивнула и заговорила на мыслезнаке. Ее движения были столь стремительными и резкими, что необученному зрителю могли бы показаться тренировочными катами какого-то похожего на танец боевого искусства.

Сестра Итрилия рассказала о тех событиях, следствием которых стало и загадочное послание, пойманное станцией «Евангелион», и последняя запись в корабельном журнале «Валидуса».

Когда Черный Корабль вошел в варп и остановился в этой странной «пустоте в пустоте», со всего судна стали поступать сообщения о слабых психических аномалиях. Некоторые матросы даже

утверждали, будто видели блуждающие по коридорам привидения; в общем и целом такие проявления вполне обычны там, где неудержимая агония томящихся в заточении телепатов оставляет на стенах свой след, но было тут и кое-что странное.

Эти призраки действовали слаженно, выполняя задачи скорее военные, нежели потусторонние. Вскоре на тюремных палубах вспыхнул мятеж. Многие псайкеры либо покончили с собой, либо просто погибли, не выдержав ментальной волны, захлестнувшей их камеры. Как была вынуждена признать Геркаази, она и ее Сестры слишком поздно сумели понять, что происходящее вовсе не случайно и имеет своей целью освобождение самых могущественных псайкеров на борту «Валидуса». Каждый следующий импульс открывал все больше дверей и сжигал пси-кордоны, но неожиданно обретшие свободу колдуны не пытались проникнуть на другие палубы. И, что куда более удивительно, они уходили к самому сердцу грачных тюремных коридоров, собираясь

вместе. Отряд Сестер-Обвинителей рискнул отправиться следом, чтобы выяснить, что задумали выродки; все, кто ушел на задание, погибли, но прежде успели передать отчет о происходящем.

За время учебы Лейлани прочла немало книг, хранившихся на высоких стеллажах либрария Цитадели Сомнус, начиная от первого тома «Псайкана Оккультис» и заканчивая «Молчаливыми суждениями Меланы Вердтханд». Из этих произведений молодая послушница многое узнала о колдунах. И верила, что умение использовать меч, болтер и Тишину — лишь половина той подготовки, что необходима настоящей Сестре; столь же ценным было и умение разбираться в повадках врага. Благодаря своим исследованиям она знала о самых удивительных разновидностях псайкеров и потому прекрасно понимала, о чем рассказывает Геркаази, в то время как Нортор и Кендел смотрели на Рыцаря Белых Когтей со все растущим недоверием.

Та с мрачным выражением на лице

продолжала:

«Самые опасные, самые сильные из колдунов, находившихся на "Валидусе", собирались вместе и сливались в единое целое». На последнем жесте Сестра Итрилия словно сделала ударение, с силой сжав ладони вместе и сцепив пальцы: сплавление, слияние или объединение.

Лейлани почувствовала, как кровь стынет у нее в жилах.

— Я читала об этом, — встряла она. — Коллективный разум, образованный отдельными сознаниями телепатов. На древней Терре в Эпоху Раздора, в национальном государстве Жермании, для его обозначения использовалось особое слово. Гештальт.

Сестра Амендера угрожающе шагнула к Геркаази.

«Пожиратель жизни, — раздраженно размахивала руками Кендел. — Почему он не был использован?»

«Сбой, — ответила Итрилия, сверля бывшую подругу взглядом. — Саботаж/Внешнее воздействие. Причина неизвестна».

Все четыре Сестры некоторое время стояли неподвижно, обдумывая сложившуюся ситуацию. Какая бы сила ни привела к ней, какова бы ни была природа псионического импульса, создавшего это противоестественное слияние, сейчас стоял только один вопрос: как справиться с ним? Лейлани тут же поправила себя: «Как уничтожить его?» — поскольку столь чудовищной мутации не было места в упорядоченной Галактике Императора.

Геркаази вернулась к своему повествованию и теперь выглядела не столько раздраженной, сколько печальной из-за воспоминаний о тех мерах, на которые ей пришлось пойти. Прекрасно понимая, что, даже объединившись, Охотницы на ведьм, Вигиляторы и Обвинители «Валидуса» ничего не смогут противопоставить чудищу, питающемуся силами многочисленных колдунов, Итрилия поступила единственно возможным образом.

Последнее ее приказание предписывало всем Сестрам рассредоточиться по тюремным палубам.

Они должны были отыскать подходящее место, чтобы погрузиться в медитацию и начать чтение литаний, — подходящее место, чтобы выпустить на волю свой дар Тишины. Среди прочих Сестер были те, кого именовали Дочерьми Врат: отчасти из-за их масок, половинных или полных шлемов, напоминающих своим дизайном ворота старинных замков, но также это название определялось и их миссией — становиться нерушимой преградой на пути безумия псайкеров, угрожающих покою Империума. Верная своему долгу, Геркаази приказала окружить коллективный разум и не позволять ему вырваться. Каждая из Сестер Безмолвия стала бастионом в крепостной стене, сквозь которую не мог прорваться ни один колдун. Печать парии жгла выродков ледяным огнем. Но в то же время ни одна из Сестер не могла покинуть назначенной ей позиции. Ситуация зашла в тупик.

«К счастью, теперь есть вы, — продолжала Имрилия, возвращаясь к мыслезнаку. — Вы займете мое место, а я пойду и уничтожу тварь».

Кендел сжала губы. Ее бывшая подруга нисколько не изменилась, а случившееся с ними на той безлюдной планете не только не сломило Геркаази, но, напротив, лишь сделало ее еще более упрямой и жесткой. Несмотря на то что обе они находились в одном звании, Итрилия продолжала обращаться с Атендерой как с подчиненной.

«Мы прибыли не в качестве подкрепления, — заметила Кендел. — Наша задача — спасти вас».

Итрилия ответила гневным взглядом, шрам на ее щеке начал наливаться кровью. Так же как хирурги Сестринства заменили ей глаз, они с легкостью могли исцелить и разгладить зарубцевавшуюся плоть на ее лице, но она предпочла сохранить это уродство и носила его словно какую-то почетную награду. Атендера презрительно скривила губы — подобного стоило бы ожидать от Астартес, но никак не от Сестры.

«Мы не можем нарушить цепь. — Геркаази всем своим телом выражала

негодование. — Стоит выпасть одному звену, и ужас вырвется на свободу, начнет охоту по всей Галактике. Это единственный выход. Я пойду и убью его».

«Мы, — поправила Кендел, обводя отряд рукой. — Мы вместе убьем его».

«Моллита заменит Рыцаря в кольце, — кивнула Нортор, — и мы сможем напасть на тварь втроем».

Кендел посмотрела на сестру-послушницу и покачала головой. Сколь бы ни были велики ее книжные познания, каким бы ни был ее потенциал, Лейлани еще не была готова к этой роли. Ее по-прежнему обуревали многие сомнения, ее мысли были слишком беспокойны, чтобы прийти к подлинной Тишине. Рыцарь Забвения показала жестами, что желает, чтобы место Геркаази заняла Пустая Дева.

Фессалия Нортор помедлила всего долю мгновения, столь краткую, что вряд ли бы это заметил кто-то недостаточно с ней знакомый, а потом опустилась на колени и обнажила меч, принимая позу для медитации. Но прежде чем погрузиться в

транс, она сняла огнемет и без лишних слов и церемоний вручила его послушнице.

Кивнув, Лейлани приняла оружие и выпрямилась, стараясь найти в себе должную отвагу.

В следующую секунду Геркаази шагнула вперед, становясь почти вплотную с Кендел.

«Поддержка не требуется, — резко и сердито размахивала руками она, перейдя на боезнак. — Ждите здесь».

«Помнится, ты порицала меня за то, что я отказалась тебе помогать. Теперь же ты отвергаешь мою поддержку, когда я предлагаю ее добровольно?» С каждым жестом Амендеры шрам на щеке Итрилии становился все более пунцовым, подобно маяку, выдавая ее гнев.

Было мгновение, когда казалось, что Геркаази взорвется и выразит все свои обвинения вслух, но затем она отвернулась:

«Ладно, идем. Но помни: вы на моем корабле и приказываю здесь я». Рыцарь Белых Когтей не стала дожидаться ответа и зашагала к люку.

«Согласна», — скрестила пальцы на

груди сестра Амендера и, обернувшись, заметила внимательный взгляд послушницы.

За созданной парией стеной простиралось царство безумия — безумия и фантомов.

Призраки набрасывались на них со всех сторон, проходя сквозь стены и палубы, выползая из теней, выскакивая из-за колонн. Они терцали и стенали; от их воя закладывало уши.

Болтерные заряды и струи горящего прометия пролетали сквозь них, не причиняя вреда. Мало толку было бы и от мечей. Но, приблизившись, призраки вскрикивали и испарялись, словно утренняя роса под лучами солнца, едва успев войти в зону, где начинал действовать эффект парии. Однако среди миражей, подобные кинжалу, скрытому под плащом, таились и создания из плоти и крови. Все они некогда были матросами «Валидуса», но лишились рассудка так же, как и те, кого Сестры уже видели на верхних палубах. Вот только в отличие от тех бедолаг не

впали в ступор, но превратились в кровожадных безумцев. Прячась за спинами спектральных двойников, они накидывались на Кендел, Геркаази и Моллиту, размахивая арматурой или вырванными из человеческих тел конечностями.

Заточенные внутри незримого барьера, силы, извратившие сознание этих рабов, обратились против себя. Подчиненные им люди походили на зверей, угодивших в западню, утративших все человеческое. В их выжженных мозгах господствовали мрак и пустота. Кендел случайно встретилась взглядом с мужчиной, одетым в комбинезон механика, но не увидела в его глазах ни единого признака разума — лишь то же самое отрешенное выражение. Ее охватило бешенство: эти чертовы болваны не были даже врагами, а были просто жертвами колдовства, захлестнувшего «Валидус».

Но Амендера не позволила эмоциям помешать ей дать безмозглым тварям то, чего те заслуживали. Ее меч выписывал одну дугу за другой, вспарывая тела, разбрасывая алые брызги.

Оба Рыцаря Забвения сражались так, словно были зеркальными отражениями друг друга. Их тела сами собой вспомнили долгие годы, проведенные в тренировочных залах Сестринства. Лейлани шла следом, поливая врагов пылающим прометием из подобного колоколу зева огнемета. Противники погибали один за другим, разваливаясь под ударами мечей или же превращаясь в живые факелы. Нематериальные твари обращались в пыль, зависавшую в неподвижном воздухе, а настоящие устилали палубу своими трупами.

Когда возникла минутная передышка, все три Сестры уже задыхались от усталости. Кендел увидела, как Геркаази вытирает клинок об одежду убитого раба, и задалась вопросом: как воспринимает Рыцарь Белых Когтей этих несчастных созданий? И поняла, что вряд ли они сойдутся во мнении. Сестра Итрилия всегда делила мир на черное и белое, на хороших и плохих. В ее сознании не было места оттенкам серого; если честно, именно это и послужило основной причиной

разногласий между Кендел и Геркаази.

Лейлани повесила огнемет на плечо, затушив трепещущий язычок пламени.

— Клянусь Троном, — хриплым голосом произнесла она, — они лезли на нас, точно муравьи-солдаты из потревоженного муравейника. Боюсь даже представить, какая сила ими руководила.

Геркаази окинула послушницу неодобрительным взглядом, словно пытаясь убедить ту замолчать, но Моллита была слишком увлечена своими мыслями, чтобы это заметить. Лицо Лейлани неожиданно побледнело, когда ее посетила ужасная догадка.

— Наставница, — опасливо произнесла девушка, — а что если все это, — послушница широким жестом обвела стены Черного Корабля, — только часть какой-то игры, затеянной взбунтовавшимися Астартес? — Она уже не могла сдерживаться, и слова полились ручьем: — Нам доподлинно известно, что некоторые из Легионов причастны к колдовству и...

Лязг бронзы о сталь вынудил

послушницу замолчать, и Кендел, обернувшись, увидела, как Геркаази снова бьет рукоятью меча о палубу.

«Неужели она всегда настолько болтлива?» — спросила Итрилия.

«А ты боишься, что она может оказаться права?» — откликнулась Кендел.

Не утруждая себя ответом, Геркаази отправилась дальше. Взмахнув мечом, она указала на широкий овальный люк впереди. Ни с чем не сравнимый металлический запах псайкеров был здесь особенно силен, их ментальное эхо вызывало привычную пульсацию в висках Атендеры.

За люком обнаружилось помещение, в дальнем конце которого виднелась дымящаяся молекулярная печь. Это зрелище было последним, что видели в своей жизни наиболее опасные и неуправляемые псайкеры, оказавшиеся на борту Черного Корабля.

Их казнили прямо здесь, завалив на железную палубу, а затем сбрасывали трупы в печь, где они превращались в пепел. Предположительно ни один колдун

не мог воскреснуть после столь тщательного уничтожения.

Здесь Сестры и обнаружили коллективный разум — составлявшие его мужчины и женщины сгрудились вместе. Кто-то стоял, кто-то лежал, а кто-то и вовсе удивительным образом парил в воздухе возле стен. В отличие от тел на верхних палубах, эти были вполне живы и подвижны, но от этого было только хуже.

— У них нет лиц, — произнесла Лейлани.

Впрочем, это замечание было верным только отчасти. У каждого из почти сотни представителей этого противоестественного слияния были и глаза, и нос, и рот, но их черты пребывали в постоянном движении, изменении. Они казались лишь эскизами, незаконченными набросками человеческих лиц. В одно мгновение вы видели длинный нос и узкий разрез глаз, затем наблюдали за тем, как они округляются, как расширяются скулы, а рот превращается в едва заметную щель. Кости их черепов непрерывно издавали щелкающие и хлюпающие звуки,

непрерывно перестраиваясь в новые комбинации.

Все они разом обернулись к Сестрам, выворачивая шеи самым причудливым образом. Послушница скинула огнемет с плеча и проверила прометиевый бак — тот опустел уже наполовину. Пальцы ее легли на спусковой крючок, и оружие тихо зашипело, готовое к бою.

«Вот он, — показала Геркаази. — Это и есть Голос».

Они вошли в комнату, и ближайшие к ним части гештальта поспешно отпрянули, стараясь держаться как можно дальше от излучающих псионическую отраву Неприкасаемых. Три женщины выстроились в плотный треугольник так, чтобы каждая из них прикрывала свой угол атаки.

В отличие от криокинетика и аугметированных псов, на постоянно изменяющихся лицах невозможно было прочитать никаких эмоций, никаких явных проявлений агрессии. Они просто спокойно наблюдали за Сестрами сотней пар глаз, в которых едва заметно сиял

один общий интеллект.

Лейлани задумалась над тем, как можно убить это порождение Хаоса; оружия, которое принесли с собой Сестры, явно не хватило бы, чтобы уничтожить все тела разом. Как отреагирует гештальт, если начать резать его по частям?

Тела покачнулись и одновременно испустили вздох. Их лица обрели нахмуренное выражение и перестали изменяться.

— Довольно, — заговорили они хриплым, лишенным эмоций хором, и от этого по спине послушницы побежали мурашки; разные группки псайкеров произносили разные звуки, создавая странную, противоестественную гармонию. — Опустите оружие...

Лицо Геркаази перекосилось от гнева, когда она услышала это требование. Рыцарь Белых Когтей зарычала и ринулась вперед — и ближайшая группа тел бросилась врассыпную. Сестра Атендера пыталась остановить спутницу, но было уже слишком поздно. Меч

Итрилии, на котором еще не успела остыть кровь прошлых убийств, обрушился на плечо облаченной в тюремную робу женщины, на лбу которой виднелось клеймо телекинетика. Этот удар развалил несчастную практически пополам, а Геркаази, не теряя времени, уже развернулась к стоявшему рядом мужчине и отсекла ему руку. Он повалился на палубу, заливая металл хлещущей из обрубка кровью.

Остальные псайкеры разбегались с удивительной скоростью, напомнив Лейлани стайку древесных птиц с ее родной планеты. Отдельные части коллективного разума утекали, подобно воде, оставляя позади убитых и раненых. Послушница вдруг поняла, что смотрит на них как на некую единую сущность, более не воспринимая псайкеров как независимые части чего-то большего.

Лишившись связи с остальными, мужчина с искалеченной рукой неожиданно зашелся криком, а кости его черепа затрещали, перестраиваясь, пытаясь придать лицу изначальный облик.

Оставшись в одиночестве, псайкер стал напоминать того безумца, с которым Сестры столкнулись в коридорах. Геркаази заставила его умолкнуть, вспоров колдуну горло.

— Опустите оружие! — В этот раз каждый член гештальта кричал в полную мощь своих легких.

Отраженный эхом от стен помещения, этот рев был настолько силен, что Сестры на секунду остановились.

Лейлани ощутила замешательство. Тех псайкеров, что набились в эту комнату, и то хватило бы, чтобы расправиться с вторгшимися на их территорию Рыцарями и послушницей, а уж образованному или удивительному организму и подавно доставало сил, чтобы уничтожить Сестер, обрушив на их головы стальное покрытие потолка, или спалив весь кислород в пирокинетической буре, или любым другим способом.

Так почему же они еще живы?

— Чего вы хотите? — спросила она.

Внутри у нее все похолодело, когда она услышала ответ, произнесенный

множеством ртов:

— Лейлани Моллита. Итрилия Геркаази. Атендера Кендел. Я ждал вас.

— Они знают, как нас зовут... — После рева толпы голос послушницы прозвучал непривычно тихо.

«Колдовство! — яростно заплясали пальцы Геркаази. — Они прочитали наши мысли!»

«Это невозможно, — спокойно ответила Кендел. — Ни один телепат не сумеет проникнуть в крепость наших сознаний. Мы — Неприкасаемые».

— Я знаю, кто вы, — откликнулся хор. — Нам надо поговорить.

Лица столпившихся псайкеров пребывали в постоянном движении, перестраиваясь с каждым словом.

Психические волны накатывали на Сестер, подобно волнам маслянистого океана. Присутствие коллективного разума отзывалось тихим эхом в их головах. Послушница еще крепче сжала огнемет, отчаянно пытаясь справиться с нервной дрожью. Вначале все эти ужасы, прочитанные Лейлани в либрарии, потом

изуродованный варпом Астартес на лунной базе, а теперь еще и это... Казалось, что все легенды, все мифы о разрушительных силах, действующих в этой Вселенной, были абсолютной правдой.

«Уж не знаю, из какого темного угла варпа ты выползла, тварь, но я отправлю тебя обратно». Кендел вложила меч в ножны и решительно вскинула болтер.

— Перед вами вовсе не лик Хаоса, — зашлась в хохоте толпа. — Я просто посланник, явившийся передать сообщение.

«Что еще за сообщение?» — резкими, рубящими движениями потребовала ответа Кендел.

— Предупреждение... — продолжал хор. — Однажды вы его уже получали... но было слишком поздно, чтобы изменить ход вещей. Ты была там, Амендера Кендел. Ты все видела своими глазами.

Рыцарь едва заметно кивнула и сложила пальцы в жесте, обозначающем Астартес.

— Гарро... — прошептала сестра-послушница.

— Услышьте новое предупреждение. —

Хриплый хор немного потеплил. — Донесите его до ушей Императора Человечества. Приближается Тьма, Сестры. Скоро откроется великое Око, и Хорус возвысится. Мне ведома история будущего.

Кендел переглянулась с послушницей. Способность к предвидению была задокументированным даром, хотя и очень редким, и к тому же предсказания было крайне трудно интерпретировать. Лейлани знала, что наставница сейчас прокручивает в голове услышанные слова; если это слияние и в самом деле обладало достаточным могуществом, чтобы проникнуть сквозь завесу времени, то Сестры получили возможность узнать о событиях, которым еще только предстояло произойти.

Геркаази же лишь звучно сплюнула на палубу и взмахнула мечом.

«Уничтожить тварь! — показала она. — Все это просто уловки колдовского отребья, а то и самого Воителя! Нельзя терпеть присутствия этой мерзости в реальности богоподобного Императора.

Чудовище необходимо убить!»

Она ринулась в бой, высоко подняв меч и вращая головой, подобно ястребу, выстатривающему жертву.

Когда она приблизилась, коллективный разум разделился на небольшие группки, отступавшие от Рыцаря вдоль изпазанных сажей стен.

— Я вам не враг! — раздался многоголосый крик. — Приближается буря, но все еще можно исправить!

Однако ответом на эти слова стал лишь очередной взмах меча, сразивший еще одного псайкера.

— Вы можете предотвратить тысячелетия бесконечных войн! — В голосе хора явственно слышались паника и отчаяние. — Поверьте мне!

Одна из групп неожиданно бросилась прямо к Лейлани, и послушница вскинула огнемет, уже готовясь уничтожить бегущих к ней псайкеров, когда на их лицах проступила одинаковая утоляющая маска.

— Чего вы хотите? — крикнула молодая Сестра.

— Я всего лишь проводник... посыльный

и послание. В безумии варпа рвутся нити пространства и времени, разрушается гобелен причинно-следственных связей. Именно это и позволяет мне говорить с вами. — (Несколько рук схватили Лейлани за края одежды.) — Я обращаюсь к вам из тех дней, что еще не наступили. Ваше настоящее — это мое прошлое. Я живу в аду, который, надеюсь, вы сумеете предотвратить. Прошло уже несколько столетий, но пожар войны не утихает.

* * *

Амендера Кендел некогда искренне полагала, что во всей Вселенной уже не осталось ничего, что могло бы повергнуть ее в шок. За долгие годы служения Сестринству, на пути от простой послушницы к чину Рыцаря Забвения, она повидала всевозможные ужасы, познала всю высоту человеческой доблести, заглянула в

самые чудовищные глубины людских душ. Но эта ее уверенность рухнула, полностью разбилась, когда пришло известие о Ереси, когда она впервые посмотрела в глаза твари, порожденной самим Хаосом. Ей пришлось признать, что законы, повелевающие Вселенной, слишком сложны, чтобы их мог охватить человеческий разум.

И теперь ей снова бросили вызов. Проще всего было бы пойти путем, указанным Имрилией: устремиться в атаку, разразившись воинственным кличем. Геркаази никогда не хватало ума и терпения, чтобы хотя бы на мгновение остановиться и подумать. Порой Кендел и себя ловила на том, что в силу привычки и закоснелости принимает поспешные решения. Вот почему она и выбрала Лейлани своим адъютантом: порой Рыцарь видела в ней, словно в зеркале, молодую себя и старалась постоянно держать ее как можно ближе, чтобы хотя бы временами будить уснувшее в душе ощущение чуда.

Вот только как постичь то, что

сейчас вершилось перед ее глазами?.. К ним обращался не кто-то, существующий здесь и сейчас, а голос из дней, что еще не наступили. Вестник из будущего? Как бы ни старалась Амендера смириться с этой мыслью, все равно та казалась совершенно невероятной, невозможной. Но, с другой стороны, они сейчас находились в варпе, а тот сам по себе являлся царством весьма странных вещей. В нем воедино сплетались эмоции и материя, фантазии и реальность. Если здесь искажалось само пространство, почему не могло измениться и время?

— Здесь и сейчас, — кричали псайкеры, — из своего «небудущего» я вглядываюсь в зыбучие пески прошлого, — все тела одновременно поднесли по два пальца к своим подбородкам, — чтобы поговорить.

Геркаази застыла на месте, перехватила рукоять меча и, развернувшись на пятках, рассекла ведьму, оказавшуюся на расстоянии удара. Она пока не замечала псайкеров, обступивших сестру Лейлани, утоляюще протянувших

свои руки, заглядывающих в глаза. Кендел подошла к послушнице, еще не придумав, что делать.

— Ты знаешь меня, — говорил гештальт, и его лица вновь начали изменяться. — Смотри. Смотри!

В этих произнесенных нараспев словах, в их модуляции и манере речи было нечто пугающе знакомое и в то же время — нет. Почему-то казалось, что этот голос должен звучать моложе. У Рыцаря перехватило дыхание, когда лица коллективного разума закончили свое изменение и обрели постоянство. Кендел почувствовала, как у нее холодеет внутри от страшного предчувствия.

— Ты знаешь меня, — повторили лица, каждое из которых зеркально повторяло черты самой Лейлани Моллити.

Послушница закричала в ужасе, разглядывая окружающих ее людей. Не было никаких сомнений, что их облик имитирует ее собственный, вот только так, словно бы она прожила долгую, полную невзгод жизнь. Она видела себя такой,

какой могла бы стать примерно к ста годам. Тембр голосов пробудил в ней воспоминания о матери. Сходство с этими тварями было непостижимым, пугающим. И Лейлани не могла отрицать: голос был ее собственным. Она попятилась, выронив огнемет из дрожащих пальцев:

— Но... как это возможно?

Весь хор разом вздохнул и ответил:

— Мне пришлось совершить ужасные поступки, чтобы попасть сюда. Заключить договоры и союзы, навсегда изувечившие мою душу.

— Мы Неприкасаемые, — просипела Лейлани. — У нас нет души.

— Еще как есть, — ответили ей. — Иначе мне нечего было бы принести в жертву, я не имела бы нужной валюты, чтобы расплатиться за это путешествие.

Лейлани увидела, что оба Рыцаря Забвения смотрят на нее с неприкрытым ужасом и изумлением. Голос же продолжал звенеть подобно колоколу:

— Эту цену я... ты заплатила охотно. Доверься мне. Отведите меня к нему, и вместе мы сумеем построить Вселенную,

где не будет...

Раздался странный звук; его нельзя было назвать ни воем, ни хрипом, ни криком — он объединял в себе все три эти составляющие. Он сорвался с губ Геркаази, лицо которой скривилось в гримасе ненависти и гнева. Ее возмущение было столь велико, что Рыцарь Белых Когтей просто не могла больше сдерживаться. Ее свободная рука выписывала в воздухе яростные пируэты.

«Предательская сучка! — Ее пальцы двигались настолько быстро, что понять, о чем она говорит, было непросто. — Если это порождение безумия говорит правду, значит, ты стала якшаться с ведьмовским отродьем! Ты отступилась от присяги, принесенной Трону Терры и Императору!»

Лейлани пыталась найти хоть какие-то слова, но мысли ее путались. В конце концов, ведь и говорила с ними сейчас не она, а лишь некая ее инкарнация — женщина, какой она могла бы стать. И все-таки, видя всех этих псайкеров, носящих ее лицо, она не могла сдержать дрожь. Если

все это правда, то какую же цену ей пришлось заплатить, что за договоры, о которых упоминала «старшая она», понадобилось заключить? Заигрывание с ведьмами явно должно было стать самым незначительным из ее проступков; чтобы создать мост через варп, требовалось самое черное колдовство. Ген парии надо было выжечь из ее ДНК. Ей самой требовалось стать частичкой коллективного разума, чтобы пробить брешь в пространстве и времени. Что же такое должно было произойти, чтобы подобный шаг показался ей оправданным?

Сестра-послушница испытывала внутренний конфликт. Происходящее было столь отвратительно, что ее едва не стошнило, но зерно истины в этом все-таки было.

— Да, — прошептала она наконец. — Я могла бы так поступить. Если бы это было действительно необходимо, я не стала бы задумываться о цене. Я поступила бы так же.

Обратив взор внутрь, она нашла там подлинное спокойствие и обрела свет

нового понимания себя. В Безмолвии не оставалось места ничему, кроме истины.

Именно эта мысль и проводила ее в темноту, когда меч Геркаази пронзил ее спину и, пробив кирасу, вышел из груди.

Кендел едва смогла сдержать крик; ее рот раскрылся, но сила священной клятвы не позволила голосу вырваться на свободу.

Глаза сестры Лейлани закатились, из горла хлынула кровь, и тело девушки начало оседать, как только Геркаази выдернула клинок из раны. С металлическим лязгом труп повалился на палубу. Вокруг сразу же стала расплываться багровая лужа.

Амендера вскинула болтер и нацелила его на Итрилию. Рука, сжимавшая оружие, заметно тряслась. По щекам потекла предательская влага.

— Зачем? — одними губами произнесла Кендел, сжимая в кулак свободную ладонь.

Ей хотелось прокричать этот вопрос, но голос не пришел.

«Как ты можешь спрашивать?! —

вызывающе посмотрела на нее Геркаази, словно не веря, что Амендера посмеет выстрелить. — Я остановила всю эту мерзость прежде, чем она свершилась. Удушила тварь в ее колыбели».

Псайкеры, стоявшие вокруг них, вначале зашептали, затем забормотали, а после сорвались на крик. Они вцеплялись друг в друга и истошно выли, раздирая в кровь лица. В их вопле раз за разом повторялось одно и то же единственное слово, в такт которому начали резонировать стены:

— Нет! Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет...

Воздух вибрировал, палуба стонала. Кендел пришлось отпрыгнуть в сторону, когда один из пирокинетиков неожиданно изверг пламя, превратив в живые факелы несколько товарищей по заточению. В другом углу психокинетик утратил контроль над своими силами и исчез в вихре психического торнадо. Сейчас они все походили на беспомощных щенков, потерявших хозяина, — колдуны просто сходили с ума. Гибель Моллиты

разрушила удерживавшие их связи, и теперь коллективный разум распадался прямо на глазах Рыцарей Забвения.

Сорванные пси-огнем, с потолка падали пластины металлической обшивки. В носу защипало от вырывающегося из лопнувших труб газа и дымного зловония горящего мяса. Увертываясь от очередного пылающего снаряда, Кендел увидела, как Геркаази исчезает под градом обломков. «Валидус» вновь сотрясла дрожь, застонали переборки; Амендера вспомнила об удивительной зоне спокойствия в варпе. Как долго еще та могла продержаться, учитывая, что здесь произошло?

Сделав два первых шага к выходу, Рыцарь Забвения помедлила и оглянулась, чтобы унести с собой воспоминание о лежащем на палубе трупе Лейлани... и увидела, что все вокруг начинает разрушаться, рассыпаясь зернистым песком. Откуда-то из глубины зала донесся грохот болтера, но Кендел бросилась бежать, не обращая на это ни малейшего внимания; попутно она застрелила пару колдунов, преграждавших дорогу. Выскочив

в коридор, она почувствовала, что ноги ее скользят и утопают в ставшей удивительно вязкой палубе. По стенам расползалась паутина разложения, старя все на своем пути. Само Время впилось клыками в «Валидус», и аномалии, прежде ограниченные, распространились на весь корабль.

Кендел защелкала пальцами одной руки по суставам другой, передавая по всем частотам сигнал срочного вызова и надеясь найти в этом дымном полумраке сестру Фессалию либо хоть кого-то из Белых Когтей, все еще остававшихся где-то здесь. Вокс затрещал, но ответа она так и не дождалась. Тогда Амендера нащупала под плащом телепортационный маяк. Она сжала его тонкий золотой стержень в ладони, но большой палец остановился, не успев коснуться кнопки. Почему Нортор не отозвалась? Куда все подевались? Из каких глубин ада явился этот треклятый корабль?

Сплюнув, Амендера мрачно взглянула на мигающий огонек телепортатора...

В следующую секунду палуба под ее

ногами разверзлась и Рыцарь провалилась в небытие.

В ее глаза ударил свет, и Кендел зашлась кашлем.

Она заморгала и поняла, что лежит, опутанная ремнями, в какой-то странной жидкости. Атендера старалась сосредоточиться, разглядывая мерцающую тень на темной стене. Спустя некоторое время к ней стали возвращаться восприятие и чувства. Она лежала в ванне, наполненной до краев бледно-розовой жижей, и была полностью обнажена, если не считать тех мест, где к ее сморщившейся воспаленной коже были подключены непонятные металлические устройства. Судя по всему, это был нартециум — контейнер, наполненный лекарствами, призванными исцелить ожоги и раны. Рыцарь видела их на медицинских палубах «Аэрия Глорис», но вот самой оказываться в них ей как-то не доводилось. Густая жижа препятствовала любым попыткам пошевелиться, давила на нее. Кендел могла лишь слегка повернуть

голову, да и то только потому, что она находилась выше эмалированных бортов.

В помещении было довольно темно — свет исходил только от единственной лампы да от испускающих красные лучи глаз сгорбленного сервитора. Тот неспешно передвигался между двумя консолями, попискивавшими в такт ее пульсу и дыханию.

Кендел бросила взгляд на свои руки и увидела на ладони, в которой сжимала телепортационный маяк, след от ожога. Все-таки ей удалось уцелеть. Она вздохнула и поняла, что воздух обжигает ее легкие; внутри все горело.

— Очнулась все-таки. — Тот, кто произнес это, таился в тени позади нартециума.

Кендел сморгнула и покосилась на сервитора, но полумеханический раб не обратил на нее никакого внимания. Рыцарь попыталась подняться, но ремни держали крепко.

— Не стоит! — Голос звучал хрипло и слабо. — Все, чего добьешься, так это того, что снова откроются раны, на

лечение которых мы потратили много времени.

Фигура пошевелилась, выделяясь из окружающих теней.

Это определенно была женщина... Сестра. Бесформенные одеяния, слабый блеск выбритой головы, на которой был оставлен один-единственный пучок волос. Сказать по правде, теперь Амендера была действительно удивлена; даже темнота не мешала понять, что перед ней стоит не какая-нибудь послушница, но достаточно высокопоставленная Сестра Безмолвия. И то, что она говорила вслух, требовало анафемы.

Женщина, казалось, заметила ее удивление. Она заговорила снова, и в голосе ее явственно сквозила злоба:

— Мы здесь одни. А сервитор уж точно никому не расскажет. Так что никто не узнает, что я позволила себе подать голос. — Скрывавшаяся в тени Сестра коснулась подбородка двумя пальцами. — Ты находишься на борту «Аэрия Глорис». Эта глупая стерва Нортор бросилась спасать твое бесчувственное

тело. Телепорт возвратил тебя на корабль. — Странная Сестра качнула головой. — Но Пустая Дева перехода не пережила.

У Кендел защемило в груди; они много лет дружили с Фессалией, и эта утрата болью отозвалась в сердце.

— Кое-кому из Белых Когтей удалось уйти в спасательных капсулах. — (Кендел услышала глухой, издевательский смех.) — Мы просто везунчики. Не каждый день увидишь такое зрелище. — Сестра всплеснула руками. — «Валидус», — раздираемый псионической бурей, заживо пожираемый свихнувшимся временем. Корабль разметало на клочки, а варп вокруг него закрутился водоворотом. Ах, — женщина поежилась, — какое все-таки наслаждение расписывать все это, не прибегая к языку жестов!

Кендел гневно вскинула правую руку, насколько это позволяли ремни, чтобы отступница смогла прочитать ответ:

«Ты нарушила присягу. Нарушила Безмолвие».

— О, Он простит меня. — Говорившая

шагнула ближе, и Атендера увидела перед собой Итрилию Геркаази. — Вера в Него позволила дойти мне до спасательной капсулы, когда ты оставила меня умирать. Это Его рука направляла мой меч, когда я казнила отступившуюся послушницу. Именно Он помог мне, когда ты бросила меня на Шеол Тринус.

Разъяренно зарычав, Кендел рванулась вперед, натягивая удерживавшие ее ремни, и розовая жидкость брызнула на пол. Из раскрывшихся ран потекли тонкие струйки крови, смешиваясь с целебным составом. Вся несправедливость того факта, что стоящая перед ней безжалостная, бессердечная тварь выжила, а бедная Лейлани погибла, наполняла ее душу ненавистью и отвращением.

Геркаази подошла еще ближе и слегка склонила голову:

— Кем бы ни было то чудовище, я покончила с ним, как и обещала. Твоя послушница вступила в связь с порождением варпа, и обсуждать тут нечего. — Итрилия вздохнула. — Допускаю, что в его словах и в самом деле могла

быть толика истины, но подумай сама, если это и вправду был посланец из еще не оформившегося будущего, то его смерть здесь и сейчас разорвала цепь событий и они уже никогда не произойдут. — Рыцарь Белых Когтей кивнула своим мыслям. — Можно даже сказать, что я спасла ее от самой себя. Теперь она не покроет себя позором, а семена скверны в ее душе не смогут прорасти.

«Посланник, — морщась от боли, жестикулировала Кендел. — Ты убила посланника. Не имеет значения, что нам хотели сказать, но мы должны были выслушать, прежде чем принимать решение. Он говорил о войнах, которые можно предотвратить, о великом пожарище!»

— Даже если ты станешь болтать, тебе никто не поверит, — покачала головой Итрилия. — Ты только погубишь свою репутацию, ведь я стану все отрицать. Как минимум ты разрушишь свою карьеру. В худшем же случае добьешься раскола в Сестринстве. — Герказзи внимательно разглядывала

собеседницу, смакуя каждое слово на языке. — Скажи, Амендера, ты и вправду желаешь этого?

«Ты просто слепая дура. Безмозглая и самоуверенная дура. — Кендел отвернулась. — Ты и такие, как ты, — раковая опухоль Империума».

— Поверь, мое зрение куда острее твоего, — ответила Геркаази, вновь отступая в тень. — Мои глаза открыты для правды. Лишь только у столь совершенного существа, как Бог-Император, есть право вмешиваться в плетение времени.

Услышав слово «Бог». — Кендел озадаченно посмотрела на Рыцаря Белых Когтей, но та уже отвернулась и начала удаляться, продолжая бормотать практически себе под нос:

— Если война и случится, то лишь потому, что она угодна Ему. Сестра, я носитель Слова Его, и нет места рядом со мной тем, кто хранит молчание, видя славу Его.

Геркаази растворилась во мраке, и Кендел закрыла глаза. Она пыталась вновь

обрести внутреннюю тишину, но не находила ее.

Гэв Торп
ПО ЗОВУ ЛЬВА

Пространство взорвалось яростным калейдоскопом красок. Из точки варп-перехода вырвался космический корабль — плоскобокий, ощетинившийся оружием. Прошло лишь мгновение с того момента, как распахнулись врата варпа и «Копье Истины» было выброшено в реальность, но уже открывались пусковые шахты и из разверстых утроб ангаров лился красный свет.

Боевая баржа изрыгнула рой беспилотных зондов, тут же устремившихся прочь от ее бронированных бортов, кружа и сплетая сложный узор, делая корабль похожим на растревоженный пчелиный улей. Их сканирующие устройства выискивали малейшие признаки опасности. Прошло еще несколько минут, и свою механическую матку покинули патрульные челноки, выбрасывая из дюз потоки раскаленной добела плазмы.

Они разделились на три эскадрильи: одна заняла позиции у носа баржи, вторая — позади кормы, а третья взяла под свою опеку борта. Защитившись таким способом, «Копье Истины» начало постепенно замедлять невероятную скорость.

Стоявший на командном мостике магистр ордена Астелян, как и остальные члены экипажа, уже успел полностью снарядиться и изготовиться к битве. И каждый из офицеров сейчас раздавал указания всем подразделениям соблюдать полную боевую готовность.

Это был не просто какой-то там ритуал. Сколько бы ни было у него патрульных машин, какова бы ни была мощь его орудий, «Копье Истины», как, впрочем, и любой космический корабль, становился крайне уязвимым при выходе из варпа. Так же как человеку необходимо некоторое время, чтобы начать ориентироваться в окружающем мире после потери сознания, боевой барже и ее экипажу требовалось сейчас свыкнуться с реальным пространством.

Астелян, как и три его товарища — Галедан, Асторик и Мелиан, уже облачился в силовую броню. Все они являлись командирами рот, находившихся сейчас на борту боевой баржи. Матовую черноту их доспехов нарушали только красный крылатый меч — герб Легиона — на левом наплечнике и номер роты на правом. Из-под керамитовых пластин тянулись тускло-серые кабели, проходившие под мышками к ранцу, обеспечивавшему броню энергией.

Невзирая на тщательный уход, доспехи воинов носили явные признаки износа — пятнышки ржавчины, рубцы от полученных в бою повреждений, самодельные детали. До Астеляна доходили слухи, что уже разработана более совершенная броня — с усилением защиты суставов и меньшим числом уязвимых мест. Но миновало уже более четырех лет с тех пор, как орден в последний раз являлся на базу, чтобы пополнить свои запасы.

Вокруг четверки могучих Астартес суетились несколько десятков

прислужников, одетых в простые балахоны и белые туники. В большинстве своем они трудились за терминалами, но некоторые записывали приказания командиров на информационные планшеты. Щелканье логических машин, треск телетайпов, ритмичное постукивание каблуков по палубе да тихий шепот техников — вот и все, что можно было здесь услышать. Каждый был занят своим делом: никакой пустопорожней болтовни, исключительно обмен краткими сводками.

— Локальное сканирование планетарных тел не выявило.

К поясу Астеляна были прицеплены силовой меч и кобура с болт-пистолетом. Это вооружение принадлежало ему с того самого дня, как его назначили сержантом, а именно — вот уже четырнадцать лет. И они столь же явно говорили о его звании, как и знаки различия на его кирасе. Сейчас он поглаживал эфес меча, дожидаясь, пока сенсоры не соберут более полную информацию.

— Локальное сканирование искусственных объектов не выявило.

Активированы системы дальнего сканирования.

Секунды ползли мучительно медленно, пока «Копье Истины» постепенно «приходило в себя» и восстанавливало способность слышать и видеть.

— Тактические дисплеи снова в строю.

Это сообщение ни у кого не вызывало особого ажиотажа. Да, корабль сумел вырваться из безумия варпа, но ему еще только предстояло оправиться от перелета и восстановить зрение и слух.

— Сеть локальных коммуникаций установлена. — Спустя еще несколько минут техник добавил: — Сканирование успешно завершено. Угрозы не обнаружено.

Пускай никто и не вздохнул с облегчением, но общая напряженность на мостике явно ослабла. На смену настороженности пришла сосредоточенность, подозрительности — любопытство.

Астелян посмотрел на массивный цифровой дисплей, куда поступала после обработки вся входящая информация. На

данный момент картинка была довольно примитивной — просто изображение основных планетарных тел. Чтобы предоставить более подробные сведения, зонды должны были проработать несколько дней.

Прошло еще несколько часов, и на окраинах Солнечной системы выскочили из варпа еще восемнадцать собратьев «Копья Истины». Каждый из них тут же окружил себя роем кораблей сопровождения и исследовательских зондов. Еще семь боевых барж, три авианосца и восемь легких крейсеров приближались к молчаливым мирам, обращающимся вокруг темно-красного шара в самом центре системы. Незримые плотные потоки лазерной связи разрезали пустоту, неся сообщения о местоположении единиц флота.

Спустя еще пару часов связь была полностью восстановлена. Капитаны флотилии произвели необходимую корректировку курса и ускорения, направляя свои корабли к внутренним мирам.

Темные Ангелы приступили к

тщательному изучению системы DX-619.

Астелян хранил спокойствие. Как бы ни хотелось ускорить процесс, но должно было пройти еще не меньше семи дней, прежде чем флотилия сбавит скорость в должной мере, чтобы выйти на орбиту одной из планет, так что магистр решил провести время с пользой и собрать как можно больше сведений по этому, до сих пор не изученному, участку Галактики.

Сюда Темных Ангелов привел радиосигнал — слабый, практически неразличимый; чуть слышный шепот, почти заглушаемый даже фоновым излучением Вселенной. Скорее всего, он ничего и не значил — просто космическая аномалия, вызванная нарушениями в звездных ритмах, или же насчитывающее уже многие тысячи лет эхо, принадлежащее цивилизации, давным-давно ставшей всего лишь прахом минувших эпох. Во всяком случае, именно такие результаты и получали с вероятностью в девяносто пять процентов десантники при изучении подобных систем. Практически все эти места были

давно покинуты; к тому же даже в самые славные дни человеческой экспансии люди всегда селились весьма далеко друг от друга в необъятной тьме космоса.

Армии, отправившиеся в Великий Крестовый Поход, в первые годы успешно приводили к Согласию сотни планет, расположенных в довольно-таки плотно населенных системах, окружавших Терру. Но здесь, во всепоглощающей тьме между спиральными рукавами, былые колонии встречались крайне редко, и возникали вполне обоснованные сомнения, что хоть одна из них сумела пережить Эпоху Раздора.

Да, каждый раз, отправляясь в варп-переход, Астелян готовился к сражениям, к неожиданным открытиям, но с каждым прыжком только укреплялся в понимании того, что вряд ли им повезет найти здесь уцелевшие форпосты Человечества.

Теперь вам понятно, почему магистр с таким скептицизмом посматривал на экраны. Корабли флотилии начали неторопливо сближаться, и по многочисленным дисплеям мостика

побежали строчки поступающих от них результатов сканирования. Техники суетились перед терминалами управления и коммуникационными модулями, чертыхаясь при каждом обрыве связи и радостно улыбаясь коллегам при ее восстановлении.

Сейчас Астелян не обращал на них ни малейшего внимания; его взгляд был прикован к единственной полоске на главном дисплее — амплитуде перехваченного радиосигнала. Именно этой тоненькой волнистой линией были заняты все мысли Астеляна. Тусклая белая черта на черном фоне, практически неподвижная, показывающая разве что шумы сотворения Вселенной.

— Четыре дня, — пробормотал он себе под нос.

Четыре дня ожидания выхода на связь. Четыре дня до той секунды, когда он прикажет флотилии развернуться и лечь на курс к очередной точке варп-перехода. Он не мог позволить себе тянуть время, так что ровно через четверо суток корабли должны были начать разгон,

готовясь к очередному прыжку.

Оторвавшись от экрана, Астелян кивнул Галедану, своему заместителю. Тот поклонился и принял управление, после чего магистр покинул мостик.

— Командующему просьба пройти на мостик, — произнес Галедан по интеркому, и голос его прозвучал настолько механически, что оставалось только догадываться, чего же именно хочет капитан.

Астелян же, облаченный лишь в свободный балахон, сидел в эту минуту за небольшим столиком, просматривая отчеты оружейников. Отвечать на призыв не было ни малейшей необходимости. В конце концов, существуй действительная потребность в присутствии магистра, Галедан и выражался бы яснее. Тревоги тоже не объявляли, так что Астелян был уверен, что речь идет не более чем о стандартных проверках или о требующей его разрешения процедуре сканирования.

Не торопясь, он убрал отчеты в ящик и поднялся из-за стола. Бросив взгляд на

небольшой иллюминатор, магистр увидел, что звезда DX-619 теперь кажется куда более близкой. На самом краю сияющего диска вырисовывался темный силуэт планеты. Впрочем, в этом не было ничего необычного. Вот уже трое суток они сближались с этим миром, и лететь оставалось еще целых два дня. Сейчас планета казалась всего лишь крошечным темным пятном — очередной безжизненный камень, каких немало попадалось на пути Темных Ангелов.

Ощущая груз все нарастающей усталости, Астелян направился через металлические и пласкритовые внутренности корабля к мостику.

Когда перед магистром с шипением распахнулись тяжелые створки дверей, он увидел, что на мостике кипит деятельность. Техники согнулись над приборами, собравшись группами по четыре-пять человек, и, казалось, проверяли друг у друга вычисления и графики.

Когда Галедан обернулся, Астелян увидел в глазах своего заместителя

странный блеск и ожидание. В отличие от магистра ордена, Галедан облачился в доспехи, как и приличествовало старшему офицеру на мостике. Заскрипели сервоприводы брони, и капитан указал на основной экран.

Стоило Астеляну войти в помещение, как взгляд его остановился на полосе радиосигнала. Магистр застыл на месте, успев сделать лишь три шага. Тонкую линию искажали вполне заметные возмущения. Амплитуда сигнала не была слишком высока, но явно выбивалась за пределы допустимых погрешностей. Постаравшись совладать с собой, Астелян подошел к Галедану. Капитан бросил вопросительный взгляд на главного инженера, и тот молча кивнул.

— Докладывайте, — распорядился Астелян.

— Командир, мы получили подтверждение искусственности сигнала, — отозвался Галедан, и при этих словах его губы тронула улыбка.

Астелян переключил внимание на главного инженера — долговязого мужчину

с редеющими волосами и седой бородкой.

— Автоматическое повторение? Откуда идет сигнал? — спросил Астелян.

Им уже доводилось сталкиваться со старыми спутниками связи и маяками, каким-то чудом продолжавшими передавать сообщения, хотя те, кто их отправлял, уже давно истлели в могилах.

— Сигнал поступает с четвертой планеты, обладает изменчивой природой и, скорее всего, не механичен, — заметил инженер.

— Объявить общую тревогу! — приказал Астелян. Во многом это была просто предосторожность, но экипаж должен был понять, что происходит нечто действительно значимое. — Передать полученные сведения по всем кораблям. Назначить флотилии точку встречи: сигма-абсолют. Также прошу как можно скорее выслать магистру Белату приглашение встретиться со мной в предельно короткие сроки.

Дальнейшее сканирование выявило, что обитатели планеты и в самом деле

умеют поддерживать радиосвязь, а техникам вскоре удалось подтвердить, что мир этот населяют люди, разговаривающие на одном из диалектов Терры. Новости об обнаружении изолированного человеческого поселения мгновенно облетели весь флот, и Белат поспешил переправиться на «Копье Истины» ради встречи с собратом-магистром.

Астелян дожидался его прибытия, стоя в полном боевом облачении на посадочной палубе. Его сопровождали три старших офицера на борту и почетный караул, состоявший из воинов Первой роты.

В ангаре вокруг них громоздились десантные модули, огромные бомбардировщики типа «Кастелян», штурмовые машины «Предвестник» и пять похожих на ястребов перехватчиков «Падальщик». Практически все оставшееся пространство было заполнено стойками с бомбами и ракетами, ящиками со снарядами и штабелями энергетических ячеек.

Глухой лязг над головой магистра

известил о прибытии транспортного челнока Белата. Тут же ожили расположенные под потолком системы стыковки, и остатки воздуха легким бризом вырвались в вакуум через открывшиеся створки шлюза. Выбрасывая пар из гидравлических узлов, спустился тяжелый лифт, несущий на себе изящный челнок. Его мигающие сигнальные огни озарили помещение оранжевым светом, отбрасывая танцующие тени на стены вокруг космодесантников.

Пока лифт опускался, Астелян подумал о том, как мало ему все-таки известно об их госте. Ему впервые представился случай встретиться лично с магистром братского ордена. Конечно, их корабли производили обмен сообщениями, но все они касались лишь простых формальностей. Флотилия, несущая орден Белата, присоединилась к Астеляну только две недели назад в системе Калкабрины. В тот день Белат передал сигнал, что на помощь экспедиции его прислал сам примарх Темных Ангелов — Лев.

Так вышло, что прежде Астеляну не было ничего известно об этом магистре, что, впрочем, и неудивительно. Сразу после того, как на Калибане был найден их примарх, в Легион валом повалили новые бойцы, и очень многие командиры разбросанных по всей Галактике экспедиционных групп никогда ранее не встречались.

Но был весьма любопытен тот факт, что подкрепления вообще были посланы, ведь у ордена Астеляна и так было весьма немного работы, и вряд ли эту проблему могли решить дополнительные силы.

— Полагаю, Лев хочет, чтобы Белат поднабрался опыта в общении с ветеранами, прежде чем отправить его в самостоятельное плавание, — произнес Галедан, прошедший столь долгий путь со своим командиром, что легко угадывал его мысли.

Астелян неразборчиво проворчал что-то в ответ, не спуская глаз с наконец остановившегося челнока. Нос корабля, так похожий на птичий клюв, с шипением раскрылся, образуя сходни, на которых

возникла одинокая фигура, закованная в силовую броню.

Ожидающим его прибытия Белат показался излишне молодым. На вид ему было всего-то тридцать или тридцать пять лет. Но, учитывая, что в последние годы Легион увеличил численность почти на двадцать тысяч человек, Астелян не слишком удивлялся тому, что столь юный Астартес занимает должность магистра. Сразу после Калибана многие командиры рот возглавили собственные ордены, составленные из новобранцев. По правде сказать, это стало причиной стремительного продвижения по карьерной лестнице и для самого Астеляна. К тому же было принято решение не слишком рассеивать терранских ветеранов по разным орденам, так что в ряде случаев новичков возглавляли совершенно не обладающие боевым опытом люди.

У Белата была бледная кожа и темные волосы, что свойственно большинству уроженцев Калибана, но глаза у него были ярко-голубыми, а не обычными для этого народа карими или серыми. Его

удивительно короткая стрижка резко контрастировала с длинными косами Астеляна. На тонкогубом лице гостя словно застыла маска собственного превосходства.

Остановившись перед встречающей группой, он приветственно прижал кулак к груди. Астелян кивнул в ответ и тут обратил внимание еще на одну примечательную деталь.

— Что это у тебя? — спросил он, указывая на правый наплечник Белата, где у других космических десантников полагалось находиться знакам отличия, но у этого воина на нем красовался герб в виде щита, разделенного на белые и синие четверти, с вписанным в поле мечом, сжатым когтистой лапой.

— Символ моего ордена, — несколько обескураженно ответил Белат. — Он называется Воронье Крыло.

Астелян с недоумением покосился на Таледана.

— Один из рыцарских орденов, — пояснил капитан. — Такие знаки различия приняты среди обитателей Калибана.

— А это? — спросил Астелян, наводя обвиняющий палец на второй наплечник Белата, где герб Темных Ангелов был начертан на темно-зеленом фоне.

— Достославный Лев Эль'Джонсон постановил, что все выходцы с Калибана должны носить зеленые цвета в память о лесах нашей родины, — откликнулся Белат, и в голосе его не было ни малейшего намека на дерзость. — Это также и знак признательности за те войны, в которых мы участвовали, когда под руководством Льва сражались за владычество над планетой.

Астелян кивнул, предпочтя никак не комментировать эти слова. Оба магистра немного помолчали, в течение еще нескольких секунд разглядывая друг друга, прежде чем Астелян заговорил вновь.

— Добро пожаловать на борт «Копья Истины», — произнес он, протягивая руку. — Рад встрече.

Его собеседник немного помедлил, прежде чем обезоруживающе улыбнуться и пожать предложенную ладонь.

— Большая честь для меня, — сказал молодой магистр ордена.

В сопровождении свиты Астелян и Белат, покинув посадочный ангар, вышли в коридор, тянущийся вдоль хребта «Копья Истины». Они направились к ближайшему лифту, проходя мимо высоких арок, за которыми открывались залы, где десантники Астеляна готовились к битве. Многочисленные отряды облаченных в силовые доспехи воинов тщательно проверяли свое вооружение и упражнялись под бдительным присмотром строгих сержантов. Знамена были почтительно извлечены из креплений на стенах, бойцы заделывали мельчайшие трещинки на своей броне и покрывали ее свежей краской, а кто-то уже приносил торжественные клятвы перед святынями Легиона.

— Мой орден тоже готов драться, — заверил Белат, когда они остановились перед дверями лифта.

Один из воинов почетного караула шагнул вперед и коснулся широкой металлической пластины на стене. Двери лифта распахнулись, образуя проход,

достаточный для двоих Астартес. Астелян вошел в кабину, взмахом руки освободив свою свиту. Лифт представлял собой куб с ребром примерно десяти футов и с толстыми пласкритовыми стенками. К двум магистрат присоединились также Галедан, Асторик и Мелиан.

— А готов ли он не драться? — спросил Астелян, как только двери захлопнулись.

Лифт содрогнулся и начал стремительно возноситься сквозь бесчисленные этажи боевой баржи.

— Не уверен, что понимаю, — отозвался Белат, повышая голос, чтобы его можно было расслышать за скрежетом цепей и лязгом механизмов.

Задрожав, лифт на секунду замер, прежде чем продолжить свое движение, но уже направляясь вдоль горизонтали, к носовой части корабля. Астелян внимательно посмотрел на своего гостя и произнес:

— Мы существуем лишь для того, чтобы нести слово Императора. Да, мы способны обрушить Его гнев на головы

неверных, но не должны жаждать войны.

— Мы рождены для битвы, — возразил Белат.

— Несомненно. Но также мы несем и ответственность выбора, решая, с кем именно нам надлежит сражаться, — заметил Астелян. — Устремляясь в бой, мы должны быть уверены, что поступаем правильно. Только так и можно всем сердцем жаждать победы. Именно через осознание собственной правоты мы становимся столь жутким противником, именно это вынуждает нас совершать жестокие поступки, но с каждым разом все меньше тех, кто хотел бы встать у нас на пути. Стоит нашему гневу высвободиться, как ничто и никто не сможет уже его удержать. Мы неистовы в нападении, непобедимы в обороне, как и все Астартес. Но, пожалуй, порой слишком рвемся вступить в драку из-за малейшего пустяка, и нам необходимо помнить, что планета, сокрушенная нашими сапогами, обязательно затаит обиду, для ее удержания нам потребуются и ресурсы, и постоянное присутствие войск. В то же

время лежащий перед нами мир вполне может встретить нас как братьев и с радостью принять мудрость Императора, добавляя нам силы, а не рассеивая ее.

— Лев выковал мечи из наших тел и разума, — произнес Белат. — Острие наше падет туда, куда направит десница его. И не нам судить, на кого должна пасть его кара. Наше дело — нести ее. Пускай дипломаты и бюрократы спорят о причинах, мы же должны посвятить себя истреблению врагов.

Словно подчеркивая слова молодого магистра, лифт резко остановился, и где-то под потолком раздался мелодичный сигнал. Галедан открыл двери, и три капитана первыми вышли в коридор. Следующим собрался шагнуть Белат, но на его плечо легла тяжелая ладонь собрата-магистра, заставляя развернуться.

— Ты, как и я, возглавляешь более тысячи лучших воинов Галактики, — сказал Астелян. — Император даровал мне эту власть, но вместе с ней пришла и ответственность за каждое принятое

тной решение. Уж не знаю, какой ты там опыт успел получить в своем Вороньем Крыле, но ты должен понимать, что война — это кровь и потери. Только глупец может мечтать о ней.

— Сам Лев избрал меня на роль главы ордена, — откликнулся Белат, осторожно, но уверенно убирая с плеча руку собеседника. — Да. У меня есть приказ примарха, и я выполню его — не раздумывая.

Ничего не говоря, Астелян вышел из лифта и свернул налево, где виднелись высокие деревянные резные створки, резко выделявшиеся на фоне металла и пласкрита стен. Узор выглядел угловатым, лишенным смысла. Закованные в латную перчатку пальцы магистра ветеранского ордена скользнули по линиям рисунка.

— Я сам украсил эти двери, — сказал Астелян, поглядывая на Белата. — Многие и многие часы я трудился, по памяти воспроизводя узоры Сибрских Степей Терры — моей родины. Этот рисунок способен многое поведать тому, кто знает, как его

прочесть.

— И о чем же он повествует? — спросил Белат, и раздражение в его голосе сменилось удивлением.

— Об этом мы поговорим позже, — с некоторой неохотой произнес Астелян, распахивая двери. — Сейчас нам предстоит спланировать наши действия.

— Что ж, позже значит позже, — согласился Белат, входя следом за ним в открывшееся помещение.

Магистры оказались внутри командного зала «Копья Истины». Вдоль стен тянулись ряды мертвых экранов и спящих терминалов, напротив которых выстроились ряды пока еще пустующих скамей. В воздухе ощущалось дремлющее напряжение, ожидающее той минуты, когда это тихое помещение станет эпицентром событий, ведущих к покорению очередных миров.

Белат не уделил особого внимания оборудованию, которое, без сомнения, имелось и на его собственном корабле, сразу же направившись к овалу стеклянного помоста, возвышающегося посреди зала.

Астелян последовал за ним, предварительно приказав Асторику включить гололит.

Стеклянная поверхность вначале пошла серой рябью, но вскоре запылала ярко-зеленым светом. Капитан быстро пробежался пальцами по панели управления, и над помостом возникла медленно обращающаяся вокруг своей оси сияющая сфера. Еще несколько нажатий — и отдельные области на ее поверхности выделились мерцающими контурами, по которым в кажущемся беспорядке были разбросаны яркие точки.

— Перед нами четвертая планета данной системы, — пояснил Астелян. — В данный момент мы находимся приблизительно в семистах тысячах километров до выхода на близкую орбиту в стандартной эклиптической плоскости. Визуальный контакт пока не установлен, но я вывел на карту основные источники энергетических всплесков и радиосигналов. Скорее всего, они указывают на местоположение наиболее заселенных районов.

— Она населена? — спросил Белат, и в голосе молодого магистра явственно прозвучало возбуждение.

— Да, она обитаема, — с улыбкой ответил Астелян. — Похоже, вы все-таки не зря присоединились к нам. Вот уже пять лет мы скитаемся по этим заброшенным закоулкам Галактики, и наконец-то нам удалось найти хоть какие-то признаки разумной жизни. Надеюсь, ты осознаешь, насколько тебе повезло.

— Разумеется, — произнес Белат, прежде чем глубоко вздохнуть и повернуться к Астеляну, торжественно прижимая кулак к груди. — Прошу позволения возглавить удар.

Асторик и Галедан было расхохотались, но осеклись под строгим взглядом Астеляна.

— Твой энтузиазм, конечно, достоин похвалы, но все-таки несколько преждевременно рассуждать о боевых действиях.

— Значит, вы собираетесь вступить с ними в переговоры? — поинтересовался Белат, не спуская глаз с гололитической

карты планеты.

— Еще не решено, — ответил Астелян. — Ситуация довольно деликатна.

— Насколько можно судить, обитатели этого мира еще не подозревают о нашем появлении, — заметил Галедан, разглядывая проекцию хищным взором, словно перед ним была не иллюзия, а подлинный мир. — Передав ответный сигнал, мы раскроем себя и лишимся преимущества неожиданности.

Астелян кивнул, соглашаясь.

— В этих трансляциях царит полнейший хаос, — признал он. — Даже и не знаю, с кем именно здесь можно выйти на связь. Единой правительственной частоты выделить не удается. По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с несколькими государствами.

— Это может сыграть нам на руку, — произнес Белат, задумчиво посмотрев на собрата-магистра. — Думаю, нам стоит выйти на связь с одной из наций и начать работать с ней, чтобы заручиться их поддержкой, прежде чем открыть свое существование остальному населению

планеты.

— Да, но с кем же нам начинать переговоры? — проворчал Астелян, покачав головой. — Нам неизвестно, кто из них обладает наибольшим могуществом, если там вообще есть лидер. Наше появление легко может вызвать вооруженные конфликты между странами и даже гражданские войны.

— Прежде чем предпринимать какие-либо шаги, не помешает вначале разобраться, — заметил Асторик и продолжил, обведя взглядом остальных: — Нам нужны подробности, которые могут сообщить только местные.

— Наши инженеры уже проводят анализ их потоков связи, — сказал Астелян. — Полагаю, мы сумеем узнать больше благодаря радиоперехвату.

— Почему бы нам просто не спуститься туда и не взглянуть на все самостоятельно? — спросил Белат. — Или, что еще лучше, захватить парочку языков и задать им нужные вопросы.

— Для этого нам потребуется выбрать какое-нибудь тихое местечко, —

заметил Галеган, разглядывая голограмму. Затем он удовлетворенно кивнул головой и ткнул пальцем в один из районов южного континента. — Похоже, этот регион не слишком плотно населен. Города расположены на значительном удалении друг от друга, и мы сумеем приземлиться незамеченными.

Асторик внимательно изучил сводные данные, возникшие возле голографического изображения планеты.

— Менее чем через три часа в этом регионе стемнеет, — сказал он. — Одна из лун идет на убыль, вторая полностью скрыта тенью этого мира.

— Хорошо, я лично возглавлю наземную операцию, создам временную базу и постараюсь собрать как можно больше сведений, — подвел итог Астелян. — Разведывательная рота должна приготовиться к десантированию.

— Магистр, вы и в самом деле уверены в своем решении? — спросил Галеган. — Было бы куда более уместно отправиться мне либо кому-нибудь еще из капитанов. Вы слишком ценны, чтобы

рисковать вашей жизнью без лишней надобности.

Его остановил яростный взгляд Астеляна.

— Вот уже три года прошло с того дня, когда я ощущал землю под ногами! — прорычал магистр. — И будь я проклят, если отдам кому-нибудь право первому ступить на эту планету!

В полном соответствии с собственным желанием Астелян первым спустился по сходням огромного штурмового челнока класса «Предвестник». Силуэт корабля, вырисовывавшийся на фоне закатного неба, более напоминал небольшую мобильную крепость, нежели транспортное судно. Из его корпуса выдавались восемь бронированных башен, вооруженных лазерными орудиями. Поворачивались из стороны в сторону стволы пулеметов, внимательно изучали горизонт прицелы ракетных установок и противопехотных тяжелых болтеров.

Рычание антигравитационных

турбин заставило Астеляна поспешить сойти с трапа. Мимо попарно пронеслись десять гравициклов, оседланных десантниками в облегченных доспехах. Как только они отдалились на несколько метров от челнока, их двигатели оглушительно взвыли, и машины разведчиков разделились. Вскоре окружающая мгла поглотила огни их двигателей. В ту же секунду в недрах «Предвестника» утробно заурчали двигатели двух «Лэндспидеров», чье тяжелое вооружение готово было обеспечить поддержку более стремительным машинам.

Громыхая сапогами, по трапу сбежали несколько отрядов Астартес, и пласталь задрожала под их тяжелыми шагами. Вскоре вся рота выстроилась перед капитаном, прежде чем рассеяться и занять позиции на местности.

Астелян неторопливо огляделся, позволяя автосенсорам шлема оцифровать окружающий пейзаж и позволить ему видеть так же ясно, как днем. Если верить вычислениям Асторика, в трех

километрах от места высадки должен был лежать небольшой городок. Для приземления была выбрана площадка между засеянными полями, которые разделяли высокие глиняные стены и рвы. Тут и там виднелись силуэты крестьянских сараюшек. На западе стоял дремучий лес, за которым скрывался город. С северной стороны поля переходили в круто вздымающиеся холмы, но в основном территория оставалась открытой и ровной. Именно то, что эти места хорошо простреливались, и повлияло на решение Астеляна высадиться здесь.

Тут он и рассчитывал встретиться с обитателями планеты.

Обладая опытом трех первых контактов, магистр знал, насколько важны ближайшие минуты и часы. Сканирование не выявило наличия не только орбитального трафика, но и даже простейших спутников связи, а стало быть, визит гостей из космоса мог серьезно перепугать местных обитателей. Астелян специально выбрал для высадки предельно тихую местность, чтобы

привыкнуть к этому миру и как можно осторожнее представиться аборигенам, — было бы не слишком разумно сбрасывать орды закованных в сталь воинов в каком-либо из крупных городов, если, конечно, не ставить себе задачей всеобщую панику.

То, что эта планета не знала космических технологий, удивляло, но не было чем-то из ряда вон выходящим. Темные века привели к тому, что многие миры утратили большую часть своих знаний и погрузились в глубочайшее варварство и невежество. На данный момент Астелян размышлял об обнаруженных землях ни как о враждебных, ни как о дружественных — просто как о задаче, требующей разрешения.

Он приказал разбить командный пункт в пятистах метрах от «Предвестника», на заброшенной ферме. Она являла собой набор простых пласкритовых кубических строений, выполненных по стандартному образцу, использовавшемуся человечеством во времена расселения по Галактике. Пока остальные подразделения занимали

позиции в других зданиях, расположенных поблизости от точки высадки, магистр раздумывал над тем, не удастся ли здесь обнаружить и другие шаблонные конструкции. Конечно, его самого это мало заботило, но вполне могло заинтересовать Механикум Марса.

Издалека докатилось эхо взрыва, и Астелян, вырванный из забытья, стремительно выскочил через узкую дверь. Вдалеке, среди деревьев, к небу поднимался густой дым. Во тьме метались огненные всполохи, и спустя пару секунд до магистра долетели отзвуки новых разрывов.

В наушниках шлема запищал сигнал вызова, и Астелян отдал мысленный приказ, активируя устройство. На связь вышел сержант Аргеон, возглавлявший разведывательную группу.

— Тот маленький городишко, магистр, на поверку оказался военной базой, — как бы между делом доложил он. — И не думаю, что они были готовы к дружественному визиту.

Астелян громко выругался.

Гравициклы успели отдалиться почти на три километра, и подкреплениям потребовалось бы несколько минут, чтобы добраться до них. Впрочем, не успел он толком продумать сложившуюся ситуацию, как сенсоры шлема уловили новый сигнал.

В раздавшемся шуме безошибочно угадывался приближающийся гул реактивных двигателей.

Следом сработали радары защитных систем «Предвестника», также обнаружившие направляющуюся к ним технику, и в небо в столбах пламени взметнулись ракеты, устремившиеся к западному горизонту. Низкие облака окрасились всполохами взрывов, но нельзя было с уверенностью утверждать, удалось ли уничтожить цели.

Не прошло и минуты, как магистр получил ответ: к «Предвестнику» устремилась длинная вереница небольших черных объектов; они врезались в штурмовик, распускаясь на его броне огненными цветами, разбрызгивая вокруг капли горящего топлива. По всей

видимости, хотя бы одной из вражеских машин удалось уцелеть.

Едва Астелян задумался над тем, как ему действовать в сложившихся обстоятельствах, как в наушниках вновь зазвучал голос Аргеона.

— Сэр, они собираются атаковать наши позиции, — доложил сержант. — Ждем ваших указаний.

— Приказываю отойти на километр назад и закрепиться, — распорядился Астелян, понимая, что гравициклы хороши для разведки, но никак не для боевых действий.

— Вас понял, магистр, — отозвался Аргеон.

Судя по данным, поступавшим с тактического дисплея, сержант Кайван, не дожидаясь приказа, выдвинул три своих отряда вперед и занял границу леса. Астелян был уверен, что этот ветеран прекрасно осознает, что делает, и не стал его отзывать.

— Магистр, прикажете готовиться к отходу? — спросил по коммуникатору сержант Жак.

— Не раньше, чем нам станет известна численность их воздушных сил, — ответил Астелян.

Не было ни малейшего смысла грузить отряды в уже поврежденный «Предвестник», не будучи уверенным в том, что у противника нет оружия, способного уничтожить космический челнок.

Поступил еще один сигнал вызова, на сей раз с орбиты.

— Мы вычислили координаты для орбитальной бомбардировки, — раздался спокойный и уверенный голос Белата.

— Отставить! — рявкнул Астелян. — Быть может, у них и нет орбитальных кораблей, но никто не даст гарантии, что они не обладают стационарными орудиями, способными нанести ответный удар. Не выдавайте своих позиций.

— Вас понял, — отозвался Белат. — Высылаю штурмовики для обеспечения воздушного превосходства.

— Хорошо. Мне надо, чтобы ты прикрыл зону высадки и подготовил своих парней к десантированию, — приказал

Астелян.

— Уже подготовил. — В голосе Белата прозвучала явственная обида.

— Значит, ожидай моего приказа, — закончил Астелян.

Половина «Предвестника» была объята огнем. Уцелевшие орудия выпускали одну за другой противовоздушные ракеты. Над челноком с ревом проносились силуэты реактивных машин, а спустя мгновение земля сотрясалась от взрывов.

Тяжелые бомбы вгрызались в заросшее травой поле, оставляя широкие воронки, вскидывая в воздух фонтаны грязи и камней. Время от времени снаряды били прямо в десантный корабль, постепенно разрушая пласталь брони и рокрит внутреннего каркаса.

Неожиданно раздался оглушительный продолжительный треск — новые взрывы были не столь мощными, зато ложились куда точнее и ближе к кораблю. По зоне высадки заработала артиллерия.

Со стороны леса доносился стрекот примитивного автоматического оружия,

прерываемый громыханием болтеров. Люди Кайвана вступили в бой со столь внезапно появившимся противником. Астелян вновь не смог сдержать потока ругательств. Информации катастрофически недоставало, чтобы выработать мало-мальски приемлемую стратегию. Он до сих пор ничего не знал ни о численности, ни о дислокации вражеских войск.

Встретившись с подобной неопределенностью, любой командир Астартес поступил бы точно так же, как решил действовать он: бить первым и побеждать.

— Кайван, удерживай позиции! — прорычал Астелян в переговорное устройство. — Передать координаты артиллерии магистру Белату. Жак, выдвигай «Опустошителей» к холмам и открывай заградительный огонь. Всех остальных перекидывай на север, пускай прикроют Кайвана. Мелиан, держи своих парней в полной готовности, чтобы прийти на помощь тем, кому потребуется.

Не дожидаясь, пока его люди начнут выполнять полученные указания, Астелян бросился обратно в дом. Тот был практически пуст, если не считать обломков мебели и нескольких ветхих тряпок. Посреди гостиной сержант Гемент воздвиг тактический дисплей — простую стеклянную панель проектора, связанного с передатчиками боевой баржи Темных Ангелов, зависшей на геостационарной орбите в нескольких тысячах километров над поверхностью.

На экране отображалась грубая топографическая карта окрестностей, на которой мерцали значки, обозначающие отряды десантников. Астелян мучительно пытался сопоставить графические сведения с доносящимися снаружи взрывами, выстрелами и поступающими по внутренней связи донесениями. Хорошего было мало; магистру никак не удавалось собрать происходящее в единую, цельную картину.

— Второму и третьему отряду построиться! — приказал он, выходя из хижины.

Еще одна бомба зарылась в поле возле фермы, осыпав комьями земли и мелким щебнем Темных Ангелов, сплотившихся вокруг своего магистра. Астелян укрылся под защитой низкого каменного ограждения и теперь окидывал взором границу леса.

Оттуда продолжали доноситься звуки стрельбы и взрывов. Судя по всему, на остальных направлениях обстановка оставалась более спокойной, поэтому он повел своих людей туда.

Не успев укрыться под защитой деревьев, десантники угодили под артиллерийский обстрел. Астелян пошатнулся, когда на него накатила ударная волна, и увидел, как падают Ратис и Кериос. Встревоженный, он остановился, готовясь прийти им на помощь, но оба воина Астартес поднялись, снова сжимая в руках болтеры, — броня боевых братьев была испещрена выбоинами, но не пробита. Убедившись, что его люди не пострадали, Астелян снова поспешил к лесу, на ходу обнажая силовой меч и выхватывая болт-пистолет.

Деревья росли настолько плотно, что даже днем под их кронами царил полумрак. Сквозь гниющую листву кое-где пробивались чахлые папоротники, но в целом отсутствие света делало эту землю практически бесплодной. Сапоги десантников глубоко погружались во влажную почву, увязая в ней.

Ориентируясь по вспышкам выстрелов и реву болтеров, Астелян вывел своих людей к первому из отрядов, находившихся в подчинении Кайвана. Обороняющиеся Астартес удерживали позиции под изгибом длинного низкого холма, перестреливаясь с невидимым для магистра противником. Выпущенные врагами пули вздымали фонтанчики грязи и рикошетили от брони Темных Ангелов.

Как только Астелян приблизился, командир отряда повернулся к нему.

— Магистр, сержант Риян предпринимает попытку зайти им с фланга, — доложил Астартес. — Он полагает, что нам противостоят от нескольких сотен до тысячи человек, пытающихся прорваться к зоне высадки.

— Стало быть, мы должны им ответить, — сказал Астелян.

Взмахом руки он приказал десантникам следовать за собой и взбежал на холм. Тут же стало очевидно, что враги используют деревья и складки местности для укрытия, показываясь лишь на долю секунды, чтобы выстрелить из своих примитивных винтовок и снова спрятаться.

Едва магистр показался на вершине холма, как пальба усилилась. Огонь был сконцентрирован на точке чуть правее его. Во все стороны разлетались ошметки коры, раскачивались низко нависающие ветви, роняя листву. Астелян почувствовал несколько ударов в грудь и плечо, но решил, что это не заслуживает его внимания.

Отряды, до того державшиеся за его спиной, разделились и пошли в наступление — пока один из них выдвигался вперед, второй обрушивал на противника шквал болтерного огня. Затем первая волна Астартес занимала позиции и тоже начинала стрелять,

чтобы в свой черед прикрыть товарищей. Разрывные болты раздирали в клочья стволы и тех невезучих солдат, что пытались спрятаться за ними.

Теперь Астелян наконец-то сумел разглядеть своих врагов. Все это были темнокожие мужчины, облаченные в грязную синюю униформу. Пускай они скорее походили на крестьян или чернорабочих, нежели на солдат, но до последнего удерживали свои позиции и самоотверженно продолжали поливать Темных Ангелов огнем.

Оглянувшись, Астелян увидел, что остальные Астартес продолжают следовать за своим командиром.

Шальная пуля ударила в его шлем, и голова магистра на мгновение запрокинулась. Попадание оглушило его, заставив рухнуть на колени, правая линза передавала только помехи, и автоматика шлема пришла в действие, пытаясь откалибровать оптические системы.

На склоне холма возникли расплывчатые силуэты. Все еще практически ничего не видя, Астелян

вскинул болт-пистолет и один за другим выпустил все восемь зарядов. Два противника просто распались на куски, а остальные предпочли броситься к ближайшему укрытию.

Секунды текли, но изображение на правый глаз так и не поступало.

Зарычав, магистр отступил назад и укрылся за деревом. Повсюду, срывая листву и калеча кору, били осколки снарядов, свистели пули. Сохраняя предельное спокойствие, он убрал оружие и отстегнул шлем, услышав знакомое шипение, с которым выравнивалось атмосферное давление, затем пристегнул поврежденное устройство к поясу.

Ощутив запах крови, Астелян дотронулся до правой щеки, и его перчатка окрасилась алым. Трудно было сказать прямо сейчас, насколько серьезным оказалось ранение, но, поскольку он не испытывал никаких неудобств, магистр предположил, что его задело лишь краем. И улучшенная кровь десантника должна была вскоре свернуться, надежно запечатав разрыв на коже.

Не теряя самообладания, Астелян перезарядил болт-пистолет и вынул меч из ножен, а затем бросился вперед, одиночными выстрелами вгоняя болты в высовывающиеся из-за стволов головы и конечности. Теперь, когда расстояние между десантниками и местными солдатами сократилось, сражение обращалось в полнейшее безумие. Мимо магистра то и дело с визгом проносились снаряды, но ни один из них, к счастью, так и не задел его. Огонь артиллерии начинал ослабевать; трудно сказать почему — то ли враги опасались попасть по своим, то ли до пушек добрались Астартес. Тем не менее несколько снарядов все-таки разорвалось возле Астеляна, окатив того душем из гнилой листвы и горячей грязи.

Внимание его привлек новый звук — ритмичные басы работающего пулемета. Это обнадеживало, и, оглянувшись, Астелян увидел тяжеловооруженного десантника, стоявшего широко расставив ноги и поливавшего противника огнем. Из ранца воина одна за другой сыпались пустые гильзы.

Не выдержав столь яростного напора, враги дрогнули и попрятались за деревьями. Астартес же, воспользовавшись секундной передышкой, снова устремились в атаку, и лес содрогнулся от рева болтеров и боевых кличей.

По всей видимости, Рияну удалось провести свой обходной маневр, поскольку враги поспешно отступали со своих позиций на западных рубежах. С севера же подходило все больше Астартес. Огнеметы жадно вылизывали деревья пламенными языками, а ослепительные копья мультилазеров пронзали с безукоризненной точностью каждую воронку, каждую траншею, где мог схорониться неприятель.

Ярость, охватившая Темных Ангелов, превратила отступление аборигенов в бегство. Многие солдаты бросали оружие, и их панические вопли тонули в треске болтерных выстрелов, свисте и грохоте разрывающихся фраг-ракет, характерном шипении лазерных орудий.

— Отставить преследование! — приказал Астелян. — Найдите мне с

десяток раненых для допроса.

— Танки! Танки! Танки! — раздался неожиданный крик Рияна. — С севера и запада к нам приближаются бронированные гусеничные машины!

Издали донесся грохот взрыва, и связь на секунду забили помехи. Затем коммуникатор ожил снова:

— Говорит Николян. Бронемашины применяют крупнокалиберное вооружение. Сержант Риян серьезно ранен.

— Жак, выдвигайся к Рияну и принимай командование на себя, — отрывисто приказал магистр.

Подтвердив получение приказа, выбранный им сержант поспешил к северу. Астелян же махнул рукой оставшимся Астартес, чтобы те следовали за ним.

Парой минут позднее над лесом раздалось урчание двигателей внутреннего сгорания. Теперь, лишившись своего шлема, магистр был вынужден полагаться на своих боевых братьев, выслеживавших вражеские танки в окружающей тьме. Десантникам не составляло ни малейшего труда выследить приближающуюся

бронетехнику, выбрасывавшую позади себя шлейф горячих выхлопных газов.

Продолжая вглядываться в ночь, Астелян уловил знакомый запах топлива, произведенного на основе нефти. А еще через мгновение увидел, как вырывается огонь из главного орудия боевой машины, использовавшей гигантский валун, чтобы подобраться к десантникам на расстояние в две сотни метров. Снаряд взорвался буквально в нескольких шагах за спиной магистра, осыпав того грязью, и сзади донесся крик раненого Астартес.

Зная, откуда ведется огонь, Астелян сумел разглядеть танк чуточку внимательнее. Это была довольно компактная машина с непропорционально крупной башней, из которой выпирал укороченный ствол. Танк пустил в ход свои пулеметы, и вокруг вновь засвистели пули. Затем главное орудие повернулось, беря позиции Темных Ангелов в прямую наводку.

— Рассеяться! — в полный голос прокричал Астелян, бросаясь вправо, — энергетическая броня позволяла ему

перемещаться гигантскими скачками и покрывать по полудюжине метров за один-единственный шаг.

Дерево, росшее возле того места, где укрывался отряд, разлетелось в щепки. Брат Андубис не успел уйти от взрывной волны и с силой приложился о ближайший пень, но тут же поднялся и махнул рукой, показывая, что не получил серьезных повреждений.

Отряд перегруппировался, и на огневую позицию вышел вооруженный лазерной пушкой брат Алексиян. Он припал к прицелу так, словно это была некая гипертрофированная снайперская винтовка, и навел оружие на танк. А затем плавно нажал на спусковой крючок, и ослепительный луч ударил точно под основание башни. Над машиной взметнулся столб огня, и из распахнувшихся люков начали выскакивать люди. Только двум из них удалось отбежать на безопасное расстояние, когда сдетонировал боезапас и в небо ударил фонтан пламени и шрапнели. Свет от взрыва осветил несколько десятков солдат, шедших в бой

под прикрытием бронированной машины. Астартес вновь вскинули оружие и открыли стрельбу.

За грохотом болтеров и ревом пламени, рвущегося из догорающего танка, явственно донесся отчетливый гул — приближались бомбардировщики «Кастелян». Между поваленными деревьями в сотне метров от Астеляна земля вспучилась взрывами, и десятки вражеских солдат прекратили свое существование. Отрывистый лай тяжелого болтера известил магистра о штурмовике, прошедшем на бреющем полете и уничтожившем еще один отряд противника. Удовлетворенный проделанной работой, пилот заложил вираж и повернул машину к зоне высадки.

Астелян приказал своим бойцам постепенно отходить на начальные позиции и готовиться к обороне. Неприятель попытался было сразу же рвануться в наступление, но своевременное появление «Кастелянов» и «Падальщиков», обрушивших на лес потоки ракет и огня, убедило его не пытаться преследовать

отступающих Астартес.

Возвратившись к точке высадки, магистр увидел, что, хотя им и удалось причинить серьезный ущерб живой силе противника, Темные Ангелы и сами несут значительные потери из-за непрекращающихся бомбежек, залпов артиллерии и танков.

Раненые Астартес сидели и лежали возле трех апотекариев, зашивавших порезы, прижигавших раны и вообще предпринимавших все мыслимые шаги для того, чтобы десантники смогли дотянуть до той минуты, когда им будет обеспечен надлежащий уход на борту корабля. В большинстве своем бойцы в течение ближайших минут должны были снова стать в строй. Но троим уже не дано было сражаться.

В печальном молчании Астелян наблюдал за тем, как Вендриллис, старший апотекарий, переходит от одного павшего Астартес к другому. Он отсоединял и откладывал в сторону кабели, питающие броню погибших воинов. После, используя встроенный в его

перчатку экстрактор — замысловатый набор хирургических инструментов, Вендриллис вспарывал их доспехи на спине, обнажая мертвую плоть.

Даже со своего места магистр видел, что скрытый под пластинами брони блестящий черный внутренний панцирь его собрата по ордену весь залит кровью. Вендриллис сделал глубокий надрез, обнажая позвоночник, и погрузил экстрактор во внутренние ткани. Провернув перчатку и потянув, апотекарий извлек нижний прогеноид — яйцеобразную железу, хранившую генное семя Астартес, которое можно было пересадить очередному новобранцу. Поместив драгоценный орган в вакуумное хранилище, Вендриллис распрямился и направился к следующему мертвецу.

С одной стороны, эта процедура несла напоминание о том, какая судьба ожидает каждого космического десантника, но с другой — в некотором роде успокаивала. Каждый из Астартес нес в себе генное семя самого примарха и, погибая, давал жизнь новым поколениям воинов. Понимание

того, что даже в своей смерти они будут служить Легиону, позволяло Темным Ангелам хранить бесстрашие в бою и с легким сердцем идти на самопожертвование.

Впрочем, Астелян знал, что в случае гибели не будет вспоров экстрактором, ведь его прогеноиды созрели уже более двадцати лет назад и были изъяты в покое и безопасности корабельного лазарета. Он внес свою лепту в будущее Темных Ангелов и теперь мог сражаться с полным осознанием того, что по его стопам последуют новые поколения братьев.

Отвернувшись от жутковатой сцены, Астелян приказал Геноту принести коммуникатор дальней связи; лишившись шлема, он уже не мог самостоятельно выйти на контакт с орбитой. Пробежавшись пальцами по клавишам, магистр набрал частоту боевой баржи собрата-магистра.

— Белат на связи, — отозвался тот. — Как вы там?

— Забирай нас уже с этого камня, —

сказал Астелян.

На эвакуацию отрядов Астеляна ушла практически вся ночь, в течение которой войска аборигенов еще трижды предпринимали попытки штурма зоны высадки. Белат был вынужден направить в помощь еще три «Предвестника», чтобы позволить Темным Ангелам безопасно погрузиться на транспортники под прикрытием тяжелых орудий, которых столь не хватало разведывательным группам.

Астелян последним поднялся на борт спасательного челнока и, прежде чем захлопнулся люк, бросил разъяренный взгляд на оставленные ими позиции. В его планы входило всего-то захватить парочку аборигенов, чтобы раздобыть полезную информацию, а в итоге пришлось вступить в полномасштабное сражение. Первые рассветные лучи озарили изуродованный лес и изрытые воронками поля. Попытка мирного разъяснения Имперских Истин явно не задалась.

Он нисколько не удивился, обнаружив, что в командном зале «Копья Истины» его уже дожидается Белат.

— Необходимо перейти в наступление и взять инициативу в свои руки, — сказал Белат. — Мы и так уже лишились преимущества неожиданности, и вся планета начинает приводить армии в полную боеготовность. Чем дольше мы станем выжидать, тем тяжелее будет грядущая битва.

— И что же ты предлагаешь? — поинтересовался Астелян, не отрывая взгляда от трехмерной сферы, повисшей над гололитическим проектором.

— Пока ты там общался с аборигенами, я приказал провести дополнительный анализ местных каналов связи, — объяснил Белат, опираясь кулаками на край стеклянного помоста и внимательно разглядывая Астеляна. — Они именуют свой мир Византисом. Всего под нами шесть континентов, каждый из которых по сути являет собой независимое моноэтническое государство. Мы одновременно нанесем удар по каждой

из их столиц, сбросив десант с орбиты. Нам потребуется несколько часов на то, чтобы вывести из игры их власти и военачальников, и еще день-два, чтобы взять под контроль энергетические и транспортные сети.

— Разделяй и властвуй? — Астелян наконец посмотрел в глаза своему молодому собрату.

Прежде чем тот успел ответить, двери с шипением отворились и в зал вошел Галедан.

— Полагаю, вам следует это услышать.

Он торопливо пересек помещение, направляясь к системе связи. Как только ему удалось найти нужную частоту, из динамиков зазвучал металлический голос:

— ...стимо. Мы не потерпим вторжений на территорию Конфедерации Ванца. Византийский Совет Наций соберется, чтобы принять единое решение. Конфедерация Ванца не останется без поддержки. Агрессия чужаков найдет достойный отпор. Бесчестн...

— Это сообщение транслируется по

всему диапазону частот, — пояснил Галедан, отключая систему.

— И мы может им ответить? — заинтересовался Астелян.

— Разумеется, — ответил его заместитель.

— Да это же глупо, — встрял Белат. — Необходимо немедленно нанести удар!

— У нас появился шанс на установление мирного диалога, — произнес Астелян. — Так зачем же его упускать?

— На этой планете даже не помышляют о создании единого правительства, — возразил Белат. — Две страны прямо сейчас пребывают в состоянии войны, а все прочие на протяжении последних веков регулярно вступали в вооруженные конфликты. Надо просто уничтожить их все поодиночке, и этот мир падет.

— Но у них же есть международная организация... Совет Наций, — заметил Астелян. — Полагаю, при их поддержке мы сможем повлиять на ситуацию.

— Этот Совет по большей части состоит из простых дипломатов и

политиканов, — не отступал Белат. — Ты ведь даже не слышал того, что удалось узнать мне. Аборигены считают Совет Наций беспомощным и бесполезным. За ним не стоит никакой подлинной силы.

— Значит, мы и станем этой силой, — резюмировал Астелян. — Необходимо принести извинения за наше неумышленное вторжение и договориться с ними. Таким образом, всем планетарным властям придется общаться с нами через Совет, что позволит нам выковать единую судьбу для всей планеты.

— Что будем делать, если они откажутся? — выпрямился Белат. — Выжидая, мы лишь даем им лишнее время, чтобы подготовить армии к войне. И мало того что они успеют нарастить свои силы, так еще и промоют своим согражданам мозги, убедив тех, что нас можно одолеть.

— Это меня не сильно беспокоит. Куда хуже будет, если мы не дадим им шанса решить все мирным путем, — продолжал настаивать Астелян. — Подумай о том, какими мы войдем в историю? Что было

бы сейчас с Калибаном, приди Император не с распростертыми объятиями, но со сжатым кулаком?

— Калибан — совсем другое дело, — заметил Белат.

— Только потому, что это твоя родина? — спросил Астелян, подходя ближе.

— Потому, что у нас был Лев, — самоуверенно произнес Белат. — У Императора просто не было другого выхода, кроме как вступить с нами в переговоры. Попытка вторжения дорого бы ему обошлась и не привела бы к реальным результатам.

— Стало быть, мы должны лишить этих людей всякой надежды лишь только потому, что у них нет примарха? — рявкнул Астелян прямо в лицо неподвижно стоящему юнцу. — Неужели простая случайность делает их кровь, их жизни менее ценными?

— Вовсе не случайность привела Льва на Калибан, — тихо и совершенно спокойно ответил Белат. — Наш вождь явился с небес по велению судьбы.

Несколько секунд Астелян не

произносил ни слова, но после отступил назад и утер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Я собираюсь связаться с Советом Наций и рассказать им о наших добрых намерениях, — наконец сказал он. — Галедан, приготовь все необходимое.

Проходя мимо Белата, капитан бросил на того настороженный взгляд.

— Я не могу согласиться с твоим решением, — произнес Белат, как только двери закрылись за спиной Галедана, и, не успел Астелян что-либо сказать, поднял руку в умиротворяющем жесте. — Очевидно, нам не удастся договориться самостоятельно. Предлагаю связаться с примархом и узнать его мнение.

Астелян разразился безрадостным смехом.

— Парень, мы с тобой оба являемся магистрами орденов Темных Ангелов, — презрительно отрезал он. — Нельзя же всякий раз, сталкиваясь с трудностями, бежать к примарху, поджавши хвост. Мы с тобой возглавляем воинства Астартес. Надо действовать, а не терзаться

сомнениями. Хочешь — можешь заплакать и вернуться на свой Калибан. Но я останусь здесь и постараюсь договориться.

— Мы сражаемся во имя объединения Человечества! — выплюнул Белат. — И тот мир, что мы строим, куда важнее нескольких людишек. В жертву ему можно принести тысячи, даже миллионы жизней. Ты настолько размяк, что мне прямо интересно узнать, как оценит Лев твой недостаток отваги?

Рот Астеляна скривился в беззвучном крике, когда ветеран схватил Белата за грудки и с такой силой впечатал в стену, что пласкритовое покрытие пошло трещинами.

— Твоя дерзость не знает прощения! — взревел Астелян.

— Как и твоя, — спокойно ответил Белат, окидывая собрата пронзительным взглядом голубых глаз.

— Я сражался во имя Императора, и он доверил мне стать остриём его копья, — медленно и холодно произнес Астелян. — Мой орден побывал на десятках планет, борясь с такими врагами, о которых ты и

помыслить не можешь. Мы честным трудом заслужили каждую из наград, дарованных нам Императором Человечества, а я удостоился его личной похвалы.

— Не тебе одному есть чем гордиться. — В голосе Белата не было ни малейшего намека на уважительность. — Я стал первым в своем ордене, кто был избран стать Астартес. И первым же возвысился до звания магистра. Меня, терранин, воспитали в духе традиций куда более древних, нежели твой орден. Многие поколения моих предков воевали под знаменем Вороньего Крыла, и их кровь не остыла в моих жилах. Пускай тебя и пугает богатое наследие Калибана, но теперь это и твой дом. Наш народ стал твоим народом. Это мир Льва, и его традиции являются традициями Темных Ангелов. Только примарху дозволено судить меня, но уж никак не тебе.

Астелян разжал кулаки и вздохнул.

— Все, что я сейчас говорил, имело целью не оскорбить тебя, но предостеречь, — тихо сказал он. — Да, мы

каждую секунду должны быть готовы к битве, но не стоит бросаться в нее сломя голову. Запомни, война унесет жизни не только тех, кого ты приговорил к смерти, но и многих из твоих людей. Твои братья по оружию будут проливать кровь и ложиться на алтарь войны. Неужели хотя бы ради них ты не готов убедиться, что совершаешь правильный выбор?

Белат отвернулся и направился к выходу. Но перед самыми дверями замер и оглянулся.

— Твоя ошибка уже стоила нам дорого, — произнес он. — Я никогда не смогу забыть того, что произошло, но также не могу и лишить тебя возможности искупить твою вину. В конце концов, ты старше меня, да и мне не хотелось бы опозорить себя тем, что я бросил своего брата в беде.

Сказав это, он вышел, оставив Астеляна наедине с мрачными мыслями.

Астелян сжал кулаки и раздраженно закатил глаза. Сейчас он сидел в командном зале вместе с Галеданом и

Белатом, наблюдая за суетой целой орды техников. Вот уже двое суток магистр пытался договориться с многочисленными чиновниками Византиса, чтобы отправить на планету мирное посольство; два дня, проведенные в бессмысленной болтовне с бюрократами и политиканами, истощили его терпение. Впрочем, ему наконец-то посчастливилось связаться с тем, кто обладал достаточной властью, чтобы созвать Совет Наций.

— Наши действия не были вызваны злым умыслом, — повторил он, из последних сил стараясь сохранять спокойствие. — Мы вступили в бой только лишь затем, чтобы обеспечить безопасность моим людям.

Он замолчал, ожидая отправки сообщения. Прошло еще несколько секунд, прежде чем с планеты поступил ответ.

— Какие гарантии вы можете предоставить, что снова не начнете «обеспечивать безопасность»? — раздался из динамиков голос секретаря Маойлона. — Неужели вы полагали, что сможете безнаказанно высадить свои отряды возле

военной базы?

— Я признаю, что допустил ошибку при выборе зоны высадки, и глубоко об этом сожалею, — произнес Астелян, и надо заметить, еще никогда он не говорил столь искренне. — Я готов все объяснить вашему Совету. Полагаю, будет проще во всем разобраться при личной встрече.

Эфир вновь на несколько секунд наполнился статическими помехами.

— Вы придете один? — спросил Маойлон. — Без оружия?

— Прибуду я и мой товарищ, — ответил Астелян. — Нас будет двое. Но без оружия. Сообщите координаты и время, подходящие для нашей встречи.

— В случае предательства нами будут приняты самые суровые меры.

— Можете не беспокоиться, — заверил Астелян и взмахом руки приказал прервать связь. Затем он развернулся в кресле, чтобы посмотреть на Галедана. — Подготовься к тому, чтобы телепортировать нас с Белатом.

— Необходимо также подготовить к высадке несколько отрядов, — сказал

магистр Вороньего Крыла. — Если аборигены рискнут напасть, они смогут уже через несколько секунд прийти нам на помощь.

Астелян хотел было возразить, но по выражению лица Белата понял: тот уже давно отдал соответствующие указания своим людям.

— Ты можешь делать все необходимое для обеспечения нашей безопасности, но на планету мы отправимся безоружными, — сказал он.

— Согласен, — откликнулся Белат.

Телепорт пришел в действие, и Астеляна окутало яркое свечение, а затем охватило странное чувство дезориентации и неприятное жжение. Весь процесс занял какие-то доли секунды, но, как и в случае с переходом через варп-пространство, потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

Магистр заморгал, пытаясь избавиться от тумана в глазах, и понял, что находится в широком круглом зале, выложенном чем-то вроде местного

аналога трактора. Помещение было выстроено в виде амфитеатра, и зрительские ряды окружали слегка приподнятую над землей площадку, на которой он и оказался. Пять лестниц вели к узким, но высоким дверям, делящим зал на равные доли. В стенах между входами были прорезаны окна, за которыми виднелось ярко-голубое небо.

Скамьи заполняли люди, одни из которых носили странного покроя костюмы, другие были облачены в светлые балахоны, а третьи — и вовсе в грубые халаты. Здесь были представлены все возможные оттенки кожи и черты лиц, безумные вариации украшений и шляп, но кое-что объединяло всех собравшихся в зале — застывшее на их лицах выражение предельного ужаса.

В большинстве своем они просто сидели, широко раскрыв глаза и рты, но кое-кто обильно потел, мелко дрожал, вжимался в спинку кресла, стремясь как можно дальше отдалиться от гостей, или порывался вскочить на ноги.

Слева от Астеляна раздался треск

телепортационного поля, и там, где только что не было ничего, возник Белат. Оба магистра предпочли переодеться перед встречей в простые черные балахоны. На правом ухе Белата виднелся коммуникатор, передающий все, что происходит в зале, войскам, оставшимся на орбите.

Астелян поднял руки и раскрыл ладони, демонстрируя, что не принес с собой оружия.

— Я Астелян, магистр одного из орденов Легиона Темных Ангелов. — Его раскатистый голос отразился эхом от стен и потолка, долетая даже до самого дальнего уголка амфитеатра. — Я представляю интересы Императора Человечества. Кто из вас уполномочен разговаривать со мной?

Собравшиеся делегаты начали нервно переглядываться, но вскоре к платформе, прихрамывая, направился пожилой мужчина, опирающийся на трость. Если не считать единственной прядки на голове да жиденькой бороденки, свисающей на грудь, он был абсолютно лыс. Кожа старика была

сухой, как пергамент, левый глаз закрывала катаракта, правый же изучал десантников с видимым страхом и восторгом.

Наконец он остановился напротив огромных Астартес. Астелян был как минимум на два фута выше старика, а в груди, пожалуй, в десяток раз шире. Представитель Византиса внимательно смотрел на гостей здоровым глазом, и магистр ответил ему тем же.

— Я — председатель Пэлдрат Грейн, — произнес старик. Сильный ровный голос этого человека резко контрастировал с его общим физическим состоянием. — Я говорю от лица Совета, остальные — от лица своих наций.

— Ваша планета — лишь одна из многих тысяч миров, разбросанных среди звезд, — медленно и отчетливо сказал Астелян. — Да, прежняя империя погибла, но ее сменила новая сила. Император Человечества, пришедший с древней Терры, построит новую Галактику на месте прежней. Все миры объединяются под его началом и посредством этого обретают

многочисленные выгоды.

— О древней Терре нам неведомо, — произнес Грейн. — Былые эпохи, империи прошлого — о них мы храним память в виде священных историй. Но мы говорим с вас — тех, кто принес нам войну, но говорит о мире. С какой стати ваш Император решил, будто имеет право властвовать над Византисом?

— Его могущество и сама судьба сделали его нашим лидером, — ответил Астелян. — Процветание, передовые технологии и целая Галактика окажутся в вашем распоряжении, если вы примете Имперские Истины.

— Ну а если мы откажемся? — спросил старик, сидевший в первом ряду направо от Астеляна.

Председатель хмуро оглянулся на говорившего, но встретился со столь же ледяным взглядом.

— Вы не могли бы представиться? — шагнул вперед Белат.

— Я — Кинлот, президент Конфедерации Ванца, — произнес старик. Такой же ветхий, как и Грейн, он все же

обладал куда более крепким телосложением, а голову его покрывала копна седых волос. Под запавшими глазами явственно проступали одутловатые мешки, а зубы имели желтоватый цвет. — Это на моих людей вы напали четыре дня тому назад.

— Все это какое-то недоразумение, ведь мы искали мирного диалога, а не войны, — заметил Астелян.

— Так скажите, какой же это мир вы принесли семьям двух тысяч шестисот восьмидесяти погибших? — спросил Кинлот. — И какой мир вы принесли еще тысяче шестистам пятнадцати людям, находящимся сейчас в больницах?

— Они обретут мир, узнав, что им более не придется умирать на ваших войнах, — сказал Белат.

— Их жертва не будет забыта, и память о них восславят все верноподданные Императора, — поспешил встрять Астелян, стараясь не выдать своего раздражения. — Каждый, кто погиб ради дела Императора, не забыт. Их семьи получат вознаграждение.

— Что ж, если вы и в самом деле говорите правду, Конфедерация Ванца будет рада принять вашего Императора, когда тот прибудет, — согласился Кинлот.

При упоминании о награде его глаза хищно заблестели. Было видно, что этот человек в первую очередь думает о личных выгодах.

— Лэшкар Керапт отвергает вашего Императора! — воскликнула дородная женщина средних лет, одетая в шелковое красное платье, расшитое изображениями бабочек. Ее черные волосы были забраны в тугой узел на затылке, на лицо нанесен желтый тон, а губы накрашены черным. Вскочив, делегат повернулась к своим коллегам и закричала: — Слушайте меня! Чужаки утверждают, будто протягивают нам руку помощи, но прячут кинжал за спиной. Наши астростанции установили, что их корабли зависли над нашими городами. Военные корабли, предназначенные лишь для уничтожения. Чужаки хотят предложить нам выбор: погибнуть или стать рабами! Необходимо

захватить их в заложники и тем самым гарантировать свою свободу.

Когда женщина упомянула о кораблях над городами, Астелян выразительно посмотрел на Белата, но тот сделал вид, будто ничего не заметил.

— Взять их! — взвизгнула женщина, и в тот же миг двери амфитеатра распахнулись.

Со всех сторон в зал устремились отряды облаченных в черную форму охранников, вооруженных короткоствольными карабинами.

— Остановитесь! — закричал Астелян, в равной степени обращаясь и к солдатам, и к собрату.

— Защитить командующих! — рявкнул Белат, одарив Астеляна ледяным, враждебным взглядом.

Не прошло и двух секунд, как воздух задрожал от потоков энергии. Вокруг магистров один за другим начали возникать мерцающие силуэты; десять громадных, закованных в полную броню терминаторов вскинули комби-болтеры и начали стрелять. Первый же их залп

причинил ужасающие разрушения; мощные заряды оставляли зияющие дыры в телах, отрывали руки и ноги, превращая людей в кровавое месиво. Охрана попыталась открыть ответный огонь, но их пули лишь беспомощно отскакивали от керамитово-адамантиевой брони в несколько дюймов толщиной.

— Отступаем! — приказал Астелян, когда очередная пуля срикошетила от пола и пробила полу его балахона.

Враги продолжали наступать со всех сторон, и терминаторы образовали для магистров защитный круг из собственных тел, постепенно прокладывая себе путь к одному из выходов. Истерические вопли и испуганные крики делегатов тонули в непрекращающемся грохоте комби-болтеров. Политики распихивали друг друга локтями и дрались, спеша убраться подальше от разъяренных Астартес. Время от времени кто-нибудь решался выхватить оружие из рук павших охранников, но тут же погибал и сам. Перешагивая через изуродованные, превращенные в кровавые ошметки тела,

десантники поднялись по лестнице и вышли в прилегающее помещение.

Это было нечто вроде коридора, до отказа набитого вооруженной охраной. Но стоило Астартес появиться, как все стражники бросились бежать, не сделав ни единого выстрела. Два терминатора поспешили занять внешние двери, и на какое-то время опасность для магистров миновала.

— Они заметили твои корабли! — взревел Астелян. — Я же говорил тебе не высовываться без моих указаний!

— Так я и не высовывался, — все так же невозмутимо отозвался Белат. — Штурмовые отряды остаются на орбите, ожидая моих указаний. Но я и не помышляю предпринимать что-либо без твоего разрешения.

Астелян открыл было рот, но так и не смог ничего сказать — настолько его переполняли кипящие в душе гнев и ненависть.

— Так мне им врезать или ты снова утремся? — поинтересовался Белат, но в ушах Астеляна так гудела кровь, что он

толком не расслышал.

— Что? — переспросил старый магистр.

— Мне отдавать приказ о нападении или ты прикажешь возвратиться на орбиту? — повторил Белат. — Все их вожди собрались в этом здании. Тот, кто пожелает сдаться, может сделать это прямо сейчас. Тем же, кто выберет путь войны, предстоит встретиться с серьезными последствиями.

— Ты с самого начала это спланировал? — спросил Астелян.

— Честно, я и понятия не имел, что аборигены способны вычислить корабль, зависший на низкой орбите, — ответил Белат. — Но раз уж сделанного не исправить, мы должны поступить так, как будет лучше для наших людей. Промедление же может стать гибельным.

Астелян вышагивал по коридору, нахмурив брови и пытаясь принять верное решение.

— Действуй! — неожиданно рявкнул он. — Сигнал к наступлению!

Белат кивнул, не выказывая ни

малейшего признака эмоций, а затем отвернулся и что-то прошептал в коммуникатор.

— Вот и все, — произнес магистр Вороньего Крыла, снова поворачиваясь к собрату. — Так что там насчет членов Совета?

— Боюсь, мирное урегулирование теперь невозможно, — ответил Астелян.

Вдвоем они прошли мимо охранявших двери терминаторов, чье оружие стихло уже более минуты назад, и вернулись в центральный зал. Амфитеатр являл собой довольно унылое зрелище. Мрамор стал скользким от крови, кресла изрешетили болтерные заряды, у дверей громоздились трупы охранников и политиков. Кто-то еще шевелился и стонал. Грейн лежал у самого подножия лестницы, и в спине его зияло сквозное отверстие размером с кулак. Астелян наклонился над старым председателем, чтобы в последний раз посмотреть на него. Тот не подавал никаких признаков жизни.

От тяжелых мыслей пожилого магистра оторвал оглушительный раскат

грома. Вскоре прогремел и следующий, все здание Совета содрогнулось, с потолка посыпались пыль и каменное крошево.

— Вот и началось, — произнес Белат, указывая на высокое окно.

Проследив за его пальцем, Астелян увидел огненные струи, изливающиеся с небес. Космические корабли приступили к орбитальной бомбардировке.

Из окна открывался вид на простирающийся на многие километры город, в самом центре которого было возведено здание Совета. Вдали убегали аллеи и улицы, скрываясь за далекими холмами. И сейчас посреди всего этого великолепия падали плазменные бомбы, сжигая дома, парки, детские площадки.

Спустя несколько минут гнев небес начал стихать. Бросив взгляд вверх, Астелян увидел темные силуэты приближающихся десантных капсул. В огненном ореоле они с ревом обрушивались на планету, проламывая крыши, дробя асфальт охваченных пожарами улиц. Бронированные створки разворачивались, подобно бутонам удивительных стальных

цветов, и оттуда выходили Астартес, вооруженные болтерами и огнеметами. Конечно, отсюда ничего слышно не было, но Астелян явственно представлял себе грохот выстрелов и вопли умирающих людей.

Белат подошел к окну, и в его зрачках отразилось пламя пожаров. Затем он обернулся и посмотрел на Астеляна.

— Еще несколько часов, и мы завладеем основными городами, — произнес молодой магистр. — Добавь к этому еще пару дней — и вся планета будет нашей.

— На твоих руках кровь невинных людей, — сказал Астелян. — И я сделаю все возможное, чтобы ты ответил за свое преступление.

Белат только усмехнулся в ответ, и Астелян вдруг почувствовал озноб, увидев, что это всего лишь холодная, лишенная подлинных эмоций маска.

— Не тебе меня судить, — ответил юный магистр. — Мои астропаты уже связались с Калибаном и рассказали обо всем, что здесь произошло. И очень скоро, терранин, ты на собственной шкуре

узнаешь, к чему приводит неповиновение.

Грэм Макнилл
ПОСЛЕДНИЙ ХРАМ

В прежние времена на еженощную службу в храме Камня Молний всегда стекались многочисленные верующие. Страх перед ночной мглой привлекал куда больше людей, чем дневной свет. Ведь все они были свидетелями того, что именно ночью проливалась кровь, происходили грабежи, кошмарные машины слетали вниз на пылающих крыльях и свирепствовали воинственные, несущие на себе знак молнии гиганты.

Урия Олатейр не мог забыть о том, как целая армия этих великанов вступила в бой в те дни, когда сам он был всего лишь ребенком. Пускай уже минуло семьдесят лет, но Урия мог представить их так отчетливо, точно все свершилось только вчера: огромные, не ведающие жалости, в руках они несли мечи, в которых были заключены плененные молнии, и были облачены в увенчанные плюмажами шлемы

и начищенные до блеска доспехи цвета зимнего заката.

Но ярче всего отпечаталась в памяти пугающая демонстрация их удивительной, ни с чем не сравнимой мощи.

В жесточайших сражениях, развязанных гигантами, сгинули целые нации вместе со своими властителями, огромные армии захлебнулись в собственной крови и пали в битвах, каких еще не ведала история.

И вот последняя мировая война подошла к концу, а над сонмом низвергнутых деспотов, этнархов и тиранов поднялся торжествующий победитель и единственный владыка опаленного баталиями мира.

Казалось бы, окончанию войны стоило только радоваться, но Урия не ощущал покоя в душе, шаркая по коридору своего обезлюдевшего храма. В руке он держал свечу, пламя которой дрожало на сквозняке, вздыхавшем в потрескавшихся старых камнях и ветхом дереве некогда величественных дверей.

Да, прежде еженощные службы

собирали много прихожан, но лишь немногие осмеливались теперь появляться в церкви: людей отпугивало то презрительное ехидство, с каким в эти дни стали относиться к верующим. Времена изменились, и ничто уже не напоминало о том, как в начале войны насмерть перепуганная паства приходила искать утешения в проповедях священнослужителей, рассказывавших о милосердном, заботливом Боге.

Урия направился к алтарю, прикрывая изуродованной артритом ладонью слабый огонек свечи, боясь того, что этот последний источник света угаснет, если он хоть на секунду оставит его без защиты. За окнами полыхнула молния, и витражи озарило электрическое зарево. Старик крайне сомневался, что хоть кому-нибудь из прихожан захочется сегодня бросить вызов грозе и присоединиться к нему в молитве и священном песнопении.

Холод постепенно и незаметно проникал в его тело незваным гостем, и Урия вдруг ощутил, что в эту ночь должно свершиться нечто особенное,

наполненное неким значительным смыслом, но что именно, он не знал. Гоня прочь непонятно откуда взявшееся чувство, старик преодолел пять ступеней, ведущих к алтарю.

В самом центре освященной ниши стояли бронзовые часы, металл которых давно потускнел, а стекло, закрывавшее циферблат, пошло трещинами. Рядом покоилась толстая книга в кожаном переплете, обставленная с шести сторон незажженными лампадками. Урия неторопливо поднес к каждой из них тонкую свечу, и вскоре храм озарился долгожданным светом.

Если не считать прекрасно оформленного свода, внутреннее убранство не отличалось ни богатством, ни роскошью: длинный неф да по обе стороны от него — простые деревянные скамьи и отгороженный занавесом алтарь. К хорам поднимались ступени, начинаясь в северном и южном трансептах, а просторный притвор образовывал галерею, по которой посетителям приходилось пройти, прежде чем оказаться в самом

храме.

Внутри стало светлее, и Урия печально усмехнулся, увидев, как огоньки свечей отражаются в черном металле циферблата часов. Хотя стекло и потрескалось, но позолоченные, украшенные перламутром стрелки повреждены не были. За небольшим оконцем у основания часов можно было разглядеть их механизм, но шестеренки давно остановились, и застыл навеки бронзовый маятник.

Будучи наивным, глупым юношей, Урия много путешествовал и во время очередной поездки стащил эти часы у эксцентричного мастера, обитавшего в серебряных хоромах в горах Европы. Все роскошное жилище того человека было заставлено тысячами необычных и удивительных часов. Хотя к этому времени, конечно же, серебряный дворец уже давно погиб в огне бесчисленных баталий, охвативших континент, когда огромные армии схлестнулись в боях, а люди даже не задумывались о том, каких восхитительных вещей их навсегда

лишает безжалостная буря войны.

Насколько мог догадываться Урия, эти часы были столь же неповторимы и удивительны, сколь и его собственный храм.

Когда будущий священник бежал из дворца, мастер неожиданно возник в окне и, осыпая вора проклятиями, закричал, что часы отсчитывают время, оставшееся до Судного дня, и что они должны пробить начало конца света. Тогда Урия лишь посмеялся над сумасшедшим стариком и вскоре подарил часы удивленному отцу. Но когда Гадуар утонул в крови и пожарах, Урия забрал часы из разрушенного дома, некогда принадлежавшего его семье, и перенес их в храм.

С той самой минуты остановившиеся часы не издали ни единого звука, но священник продолжал бояться однажды услышать их бой.

Задув принесенную свечу, он опустил ее в небольшую чашу, стоящую на алтаре, и, вздохнув, положил ладонь на мягкую кожу книжного переплета. Как и всегда,

коснувшись Священного Писания, он испытал умиротворение и погрузился в раздумья над тем, что же на самом деле мешало прийти сегодня тем немногочисленным горожанам, кто еще хранил веру в своем сердце. Правда, храм был воздвигнут на плоской макушке горы и подняться сюда было не так уж и просто, но прежде это не останавливало его изрядно сократившуюся паству.

В далеком прошлом гора эта являла собой неприступный пик, возвышавшийся на терзаемом штормами острове, вечно окутанном туманом и связанном с континентом сияющим серебряным мостом. Но в результате чудовищных войн большая часть воды океана испарилась, и остров превратился в скалистый мыс, выдававшийся в море из материка, чьи жители, как гласили легенды, некогда властвовали над миром. Скорее всего, именно то, что храм был построен в столь уединенном месте, и позволило ему уцелеть под натиском бури, именуемой «научность» и пронесшейся по планете волею нового повелителя Терры.

Проведя пальцами по облысевшей голове, Урия ощутил, насколько иссохла его покрытая старческими пятнами кожа, и нащупал длинный шрам, тянувшийся от уха до затылка. За дверями послышался шум, раздались тяжелые шаги и чьи-то голоса. Старик повернулся лицом к входу.

— Самое время, — отметил он, вновь покосившись на неподвижные стрелки часов: они замерли, показывая без двух минут полночь.

Высокие двери широко распахнулись, впуская внутрь порывистый холодный ветер, пронесшийся над аккуратными рядами скамей, перетряхнувший запыленный шелк и бархат хоругвей, свисающих с хоров. За дверным проемом священник увидел сплошную завесу ливня и изрезанное молниями ночное небо. Донеслись раскаты грома.

Прищурившись и вглядываясь в проход, Урия плотнее запахнулся в шелковую рясу, пытаясь защитить от холода сведенные артритом суставы. В дверях появился силуэт высокого мужчины,

чье лицо было скрыто капюшоном ниспадавшей с плеч длинной алой накидки. За спиной незнакомца Урия разглядел оранжевое зарево факелов, освещавших целое войско темных фигур, остававшихся снаружи. Но как священник ни пытался всмотреться в них, его старым глазам не удавалось различить что бы то ни было еще, кроме того, что пламя факелов порой выхватывало блеск металла.

Наемники, явившиеся в храм в расчете на поживу?

А может, и кто другой...

Скрывающийся под накидкой мужчина прошел в храм и затворил за собой двери. Он двигался неторопливо и почтительно, и двери закрылись плавно и бесшумно.

— Добро пожаловать в храм Камня Молний, — провозгласил Урия, когда странный человек повернулся к нему. — Я как раз готовился приступить к вечерней молитве. Быть может, ваши спутники тоже пожелают присоединиться к нам?

— Нет, — произнес незнакомец, отбрасывая капюшон с головы и открывая

взгляду священника суровое, но совершенно не злое лицо — удивительно обыкновенное и абсолютно не вязавшееся с военной выправкой этого человека. — Мои друзья не захотят этого.

Огрубевшая и загорелая кожа на лице посетителя говорила о долгих годах жизни под открытым небом. Темные волосы путника были забраны в короткий хвост.

— Какая досада, — посетовал Урия. — Мои ночные проповеди довольно популярны в этих краях. Вы действительно уверены, что они не захотят послушать?

— Уверен, — подтвердил незнакомец. — Им хорошо и без этого.

— Без чего именно? — усмехнулся Урия, и лицо его гостя озарила улыбка.

— Среди людей твоего сорта редко доводится встретить человека, обладающего чувством юмора. Обычно такие, как ты, угрюмы и жестокосердны.

— Такие, как я?

— Священники. — Незнакомец выплюнул это слово так, словно пытался избавиться от случайно попавшего в его рот яда.

— Боюсь, не те вам священники попадались, — заметил Урия.

— Можно подумать, будто существуют «те».

— Несомненно. Впрочем, служителю Божьему по нынешним временам и в самом деле непросто сохранить добрый нрав.

— И вправду, — кивнул гость, неторопливо вышагивая по нефу и проводя пальцами по деревянным скамьям.

С тяжелым сердцем Урия спустился от алтаря и заковылял навстречу нежданному посетителю, интуитивно чувствуя, что за внешним спокойствием этого человека, подобная бешеному псу на гнилой веревке, таится великая угроза.

Это был воин, привычный к насилию, и пускай он не пытался угрожать, но Урия чувствовал исходящую от гостя опасность. С трудом выдавив из себя улыбку, священник протянул ладонь:

— Урия Олатейр, последний хранитель храма Камня Молний. Могу ли я услышать ваше имя?

Улыбаясь, незнакомец пожал

протянутую ладонь. На долю секунды Урии вдруг показалось, что он что-то вспомнил, но образ ускользнул прежде, чем его удалось поймать.

— Не имеет значения, как меня зовут на самом деле, — ответил посетитель. — Впрочем, если ты полагаешь необходимым как-то ко мне обращаться, то можешь называть меня Откровением.

— Какое удивительное имя для того, кто только что заявил, что не любит священников.

— Может, и так, зато оно как нельзя лучше отвечает моим целям.

— И что же это за цели такие? — спросил Урия.

— Для начала я собираюсь побеседовать с тобой, — ответил Откровение. — Мне надо узнать, почему ты остаешься здесь, когда весь мир восхваляет разум и научный прогресс, отказываясь от веры в богов и небесные силы.

Откровение поднял взгляд, рассматривая чудесный свод храма, и на сердце Урии немного полегчало, когда он

увидел, что лицо гостя стягчилось при виде прекрасных картин.

— Фрески работы великой Изандулы, — заметил священник. — Божественный труд, верно?

— О, они великолепны, — согласился гость, — но божественны ли? Сомневаюсь.

— Думаю, вам следует разглядеть их получше, — сказал Урия, тоже подняв глаза к потолку и, как и всегда, ощутив, что его сердце забилось быстрее при виде восхитительных фресок, созданных тысячу лет назад легендарной Изандулой Вероной. — Примите их красоту всей душой, и сами ощутите в себе дух Божий.

Роспись полностью покрывала весь свод, и в каждом ее фрагменте изображалась отдельная сцена: нагие фигуры, танцующие в волшебном саду; взрывающиеся звезды; золотой рыцарь, сошедшийся в схватке с серебряным драконом; бесчисленное множество подобных удивительных картин.

Ни минувшие века, ни дым свечей не смогли причинить вреда фрескам. Насыщенные яркие цвета, изящные

пейзажи, с анатомической точностью прописанная мускулатура персонажей, динамичные жесты, плавные переходы оттенков и выразительные лица сохраняли такую свежесть, что казалось, будто Изандула только вчера отложила кисть, смирившись с неизбежностью смерти.

— «И со всего света стекались люди, стремясь узреть новую фреску, — продекламировал Откровение, останавливая взгляд на сражающихся рыцаре и драконе. — Каждый, кто лицезрел ее, лишался дара речи от восторженного изумления».

— Вижу, вы читали Ваэтари, — сказал Урия.

— Читал, — согласился Откровение, явно с неохотой отводя взгляд от росписи. — Конечно, обычно ему свойственно злоупотреблять восторженными эпитетами, но на сей раз он, напротив, даже преуменьшает.

— Вы интересуетесь искусством? — поинтересовался Урия.

— Мне много чем доводилось

интересоваться в жизни, — признался Откровение. — И искусством в том числе.

Урия указал на центральную фреску, изображавшую удивительное, сотканное из света создание, восседающее среди каких-то золотых машин:

— Думаю, тогда вы не посмеете утверждать, что эта картина была сотворена без богоданного вдохновения.

— Еще как посмею, — возразил Откровение. — Эти фрески восхитительны и прекрасны вне зависимости от существования высших сил. Они ничего не доказывают. Не припоминаю случая, чтобы боги сами создавали произведения искусства.

— Когда-то ваши слова могли бы счесть богохульством.

— Богохульство, — иронично усмехнулся Откровение, — преступление, от которого никто не страдает.

Урия невольно рассмеялся:

— Метко сказано, но разве рука, не направляемая Богом, способна создать такую красоту?

— Не соглашусь с тобой, — ответил

Откровение. — Вот скажи мне, Урия, ты когда-либо видел величественные скульптуры, вырезанные в скалах Марианского каньона?

— Нет, — признался Урия, — хотя и наслышан о том, что они удивительно красивы.

— Сущая правда. Тысячеметровые изваяния изображают древних королей и вырезаны в скальной породе, которую даже не поцарапать никаким нашим оружием или инструментом. Своей красотой они нимало не уступают этим грандиозным фрескам, а материалом для них стала скала, тысячелетиями не видевшая света. И создал их безбожный народ, живший в незапамятные времена. Подлинное искусство не нуждается в божественной указке и существует само по себе.

— Что ж, вы имеете право на собственное мнение, — учтиво согласился Урия, — но и я останусь при своем.

— Спору нет, Изандула была гениальным и восхитительным художником, — продолжал Откровение, — и все же ей приходилось зарабатывать себе

на хлеб и брать деньги за свою работу. Убежден, что за роспись этого храма она получила весьма неплохую сумму, ведь в те дни церкви были просто до неприличия богаты. Но поручи ей какой-нибудь светский властитель расписать свой дворец, разве не нарисовала бы она нечто столь же чудесное?

— Возможно, но мы вряд ли теперь это узнаем.

— Да, вряд ли, — согласился Откровение и, обойдя Урию, направился к алтарю. — Но я склонен полагать, что тем, кто списывает гениальность художника на Божью помощь, движет банальная зависть.

— Зависть?

— Разумеется, — произнес Откровение. — Они просто не способны поверить в то, что другой смертный человек может создавать шедевры, в то время как им самим это недоступно. Вот и пытаются они объяснить все тем, что сознанием художника овладело охваченное вдохновением божество.

— Весьма циничный взгляд на

человечество, — сказал Урия.

— Кое в чем ты прав, — произнес Откровение.

— Наш разговор был очень увлекателен, мой друг, — пожал плечами священник, — но вам придется меня извинить. Надо еще успеть подготовиться к службе.

— Никто не придет, — сказал Откровение. — Будем только мы с тобой.

— Скажите, зачем вы пришли на самом деле? — вздохнул Урия.

— Это последний храм на всей Терре, — сказал Откровение. — Вскоре все подобные места канут в историю, но мне хотелось бы запечатлеть его в своей памяти, прежде чем это произойдет.

— Я знал, что эта ночь не будет походить на другие, — произнес Урия.

Вместе они прошли в ризницу и расположились друг напротив друга за огромным столом красного дерева, украшенным резьбой в виде переплетающихся змей. Массивный стул заскрипел, принимая тяжесть гостя, и

Урия извлек из ящика высокую запыленную бутылку синего стекла и два оловянных кубка.

Разлив по ним темно-красное вино, священник откинулся на спинку стула.

— Ваше здоровье! — произнес Урия, поднимая кубок.

— И за твое тоже! — отозвался Откровение.

Пригубив напиток, гость Урии одобрительно кивнул:

— Замечательное вино. И хорошо выдержанное.

— Вижу, что вы разбираетесь в этих вопросах, — отметил Урия. — Эту бутылку с наказом откупорить ее только на свадьбе подарил мне отец в день моего пятнадцатого дня рождения.

— И ты не женился?

— Просто не нашел той, которая рискнула бы связать со мной судьбу. В прошлом я был омерзительным типом.

— И потом омерзительный тип стал священником, — произнес Откровение. — Сдается мне, у тебя припасена познавательная история.

— Это правда, — подтвердил Урия. — Но некоторые раны слишком глубоки, и мне не хотелось бы снова вскрывать их.

— Твое право, — сказал Откровение, вновь прикладываясь к вину.

Тоже поднеся напиток к губам, Урия посмотрел на гостя поверх кромки бокала. Садясь на стул, Откровение скинул с плеч алую накидку и повесил ее на спинку. Под ней он носил практичную одежду, вполне обычную для простых жителей Терры, но его костюм отличался безупречной чистотой. Также на указательном пальце правой руки гостя красовался серебряный перстень с каким-то гербом, но Урии не удавалось разглядеть подробности.

— Откровение, ответьте, что вы имели в виду, когда говорили, что мой храм скоро исчезнет?

— Именно это и имел, — ответил Откровение. — Полагаю, даже сидя на вершине горы, ты не мог не слышать о том, что Император провозгласил целью своего Крестового Похода полное уничтожение любых религий и суеверий. Его войско скоро прибудет сюда, чтобы не

оставить от храма камня на камне.

— Это мне известно, — с грустью в голосе произнес Урия. — Но для меня это ничего не изменит. Я остаюсь верен своим убеждениям, и ни одному воинственному деспоту не удастся меня запугать. Я не предам свою религию.

— Ты очень упрям, — заметил Откровение.

— Это — вера, — отрезал Урия.

— Вера! — Откровение насмешливо фыркнул. — Ты всего лишь добровольно отдаешь себя во власть всевозможной чепухи, не имея ни малейших доказательств...

— В том и заключена сила религии, что ей не нужны доказательства. Достаточно просто поверить.

Откровение расхохотался:

— Думаю, теперь очевидно, почему Император решил избавиться от религий. Вот ты полагаешь, будто в вере заключена сила, а я считаю, что она опасна. Вспомни, что вытворяли в прошлом движимые верой фанатики, подумай обо всех тех чудовищных

преступлениях, совершенных верующими за прошедшие века. Политиканы погубили тысячи людей, но священники — миллионы.

Урия допил вино и спросил:

— Вы пришли сюда, чтобы поиздеваться надо мной? Да, я отринул путь насилия, но не стану терпеть, когда меня оскорбляют в моем же собственном доме. Если вам больше нечего мне сказать, лучше уходите.

Откровение отставил кубок и поднял руки в примирительном жесте:

— Ты, несомненно, прав. Прошу прощения за то, что повел себя столь неучтиво. В конце концов, я пришел для того, чтобы побольше узнать о храме, но не для того, чтобы ссориться с его хранителем.

Урия учтиво кивнул:

— Я принимаю ваши извинения. Не желаете ли осмотреть храм?

— Желаю.

— Пойдемте, — сказал Урия, с трудом поднимаясь со стула. — Я покажу вам Камень Молний.

Пройдя вместе с Откровением из ризницы обратно в неф, Урия не удержался и вновь посмотрел на прекрасную роспись свода. За украшенными витражами окнами трепетало пламя факелов, и Урия понял, что под стенами храма собралась внушительная толпа.

Кто же все-таки такой этот Откровение и с чего вдруг решил проявить такой интерес к Камню Молний?

Неужели один из полководцев Императора, задумавший выслужиться перед своим повелителем, уничтожив последний храм Терры? Или же он вождь наемников, рассчитывающий, что новый владыка этого мира отблагодарит его за истребление символов веры, сопровождавших Человечество с первых дней пути к цивилизованности?

Как бы то ни было, Урия обязан был как можно больше разузнать о своем госте и о его замыслах, а для этого требовалось его разговорить.

— Сюда, — сказал Урия, зашаркав к заалтарному помещению, отделенному от храма гардиной насыщенного изумрудного

цвета, скорее походившей на театральный занавес.

Дернув за шелковый шнур, он заставил гардину отойти в сторону. За ней открылась небольшая зала с высоким сводчатым потолком и каменными стенами, выкрашенными в светлые тона. В центре помещения было сделано круглое углубление, куда был установлен высокий мегалит.

На первый взгляд камень походил на огромный кусок кремня, но при этом его поверхность отсвечивала металлическим блеском. Монолит высотой примерно шесть метров сужался к верхушке и чем-то напоминал наконечник копья великана. Углубление, в котором он был установлен, окружал выложенный мозаикой пол. У подножия глыбы пробивались рыжие, точно ржавчина, листья папоротника.

— Камень Молний, — с гордостью в голосе произнес Урия и, спустившись по ступенькам, ведущим к дну облицованной плиткой ямы, положил руку на глыбу. Он улыбнулся, ощутив под ладонью влажную, теплую поверхность.

Откровение спустился следом за Урией и окинул реликвию оценивающим взглядом. После чего тоже протянул руку и коснулся ее:

— Так это и есть ваш священный камень?

— Он самый, — сказал Урия.

— Почему?

— Что вы имеете в виду? Что значит это «почему»?

— С чего вы решили, что он священен? Быть может, это ваш бог послал его на землю? Или на нем зарезали очередного святошу? Или, скажем, юная дева обрела просветление, помолившись у его подножия?

— Ничего такого с ним не связано, — ответил Урия, изо всех сил стараясь не выдавать своего раздражения. — Несколько тысяч лет назад в этих краях жил святой старец, который был и слеп, и глух. Но как-то, когда он прогуливался по предгорьям, со стороны океана внезапно налетели тучи. Старец старался успеть спуститься обратно к селению, вот только дорога оказалась неблизкой, и буря

разразилась раньше, чем святой успел добраться до дому. Стремясь укрыться от ветра, старец спрятался в углублении у основания этого камня, но вскоре в монолит ударила молния. Святого вдруг подняло над землей, и тогда он узрел, что камень этот объят синим огнем, во чреве которого увидел он лик Творца, а затем услышал и голос Его.

— Разве не ты только что рассказывал, что этот ваш святой был глухим и слепым? — спросил Откровение.

— Так и было, но властью Божией исцелился он от всех хворей, — ответил Урия. — А осознав это, поспешил вернуться в селение, дабы поведать людям о свершившемся чуде.

— А потом?

— Затем старец возвратился к Камню Молний и призвал сограждан построить здесь храм. Весть о его исцелении стремительно разлетелась по всему миру, и в скором времени многие тысячи уверовавших начали стекаться к серебряному мосту, дабы посетить святилище и своими глазами увидеть

источник, забивший у подножия камня. Люди верили, что воды этой купели обладают целительными свойствами.

— Целительными? — переспросил Откровение. — Она способна излечить болезни? Срастить переломанные кости?

— Во всяком случае, так утверждают наши летописи, — сказал Урия. — Сейчас ты стоим в купальне, к которой, пока не иссяк священный источник, приходили совершить омовение люди из самых далеких земель.

— Если честно, то мне известно похожее место, некогда располагавшееся далеко к востоку от твоего острова, — заметил Откровение. — Одна девица утверждала, будто в священном видении узрела святую, чьи одеяния подозрительно совпадали с оными представителей религиозного ордена, к которому принадлежала ее собственная тетушка. И да, там тоже устроили купальню, но те, кто был приставлен к ней, однажды решили получать от священного источника максимальный доход и потому стали чистить бассейны лишь два раза в

день. И закончилось все тем, что в одну и ту же воду успевали окунуться сотни больных и даже умирающих уже паломников, так что, как можно догадаться, к концу смены купальня представляла собой отвратительное зрелище: кровяные сгустки, гной, струпья, обрывки бинтов — гадостный суп, сваренный из болезней. И чудо заключается лишь в том, что хоть кто-то выходил оттуда живым, а про исцеления я лучше промолчу.

Урия увидел, как Откровение снова протянул руку к камню и прикрыл глаза, положив ладонь на его блестящую поверхность.

— Гематит, зародившийся в слоистом буром железняке, — сказал гость. — Скорее всего, вышел на поверхность во время оползня. Этим легко можно объяснить и попадание в него молнии. К тому же мне известно и о других случаях, когда люди исцелялись от глухоты и слепоты после поражения электричеством, хотя обычно болезнь их на самом деле связана с психологическими

осложнениями от ранее перенесенных травм, а не с какими-то физиологическими проблемами.

— Вы пытаетесь разоблачить чудо, послужившее поводом для основания храма? — резким тоном спросил Урия. — Надо быть очень злым человеком, чтобы стараться разрушить чужую веру.

Откровение обошел Камень Молний и покачал головой:

— Я вовсе не хочу показаться жестоким, просто пытаюсь показать, что подобные события вполне возможны и без вмешательства высших сил. — Постучав себя пальцем по лбу, Откровение добавил: — Тебе кажется, будто все вокруг именно таково, каким ты его видишь, но ни один человек не способен воспринимать мир непосредственно. Мы оперируем лишь образами и представлениями о вещах. Пойми, друг мой, что человеческий мозг — суть чудесный, сложнейший орган, которому особенно удается воссоздавать полные картины и звуки из крайне ограниченной информации.

— К чему вы клоните? — спросил

Урия.

— Просто представь, как этот твой святой укрывается от грозы под камнем, как бьет молния, захлестывая его грохотом, огнем. По телу святого прокатывается сметающий все на своем пути поток энергии. Разве удивительно, что в подобной ситуации и без того религиозный человек наделяет все возникшие в его голове видения божественной природой? Это вполне нормально и естественно для людей. Разве, просыпаясь ночью от страшного сна, ты не видит в каждом темном углу тень грабителя, а за скрипом половиц не слышит шаги подкрадывающегося убийцы?

— Хотите сказать, что ему все только померещилось?

— Примерно так, — подтвердил Откровение. — Не стану утверждать, что он просто все выдумал, но, учитывая, как возникали и развивались все прочие религии в истории человечества, подобное объяснение мне кажется наиболее вероятным и достоверным. Разве ты со мной не согласен?

— Нет, — ответил Урия. — Не согласен.

— Нет? — переспросил Откровение. — Урия Олатейр, ты казался мне разумным человеком, так почему же ты не способен допустить хотя бы возможность такого объяснения?

— Потому что и у меня когда-то было видение, и ко мне явился Господь и говорил со мной. Ничто не может сравниться с личным опытом, недвусмысленно подтверждающим существование Бога.

— А, так все дело в личном опыте, — протянул Откровение. — Ты испытал некое переживание, полностью убедившее тебя в существовании чего-то, чье наличие нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Ты не мог бы рассказать, где тебе явился Бог?

— Во время сражения в землях франков, — ответил Урия. — Много лет тому назад.

— Но франки давно уже были приведены к Единению, — сказал Откровение, — и последнее сражение с ними отгремело почти полвека назад.

Полагаю, в те дни ты был очень молод.

— И в самом деле, — признался Урия. — Молод и глуп.

— Вряд ли тебя можно было назвать достойным кандидатом для божественной аудиенции, — заметил Откровение. — Впрочем, мне всегда казалось, что герои этих ваших священных книг зачастую далеки от идеала, так что я не удивлен.

Урия с трудом подавил гнев, вспыхнувший из-за насмешливых слов Откровения, и, повернувшись к Камню Молний спиной, начал подниматься по лестнице. Священник вернулся к озаренному свечами алтарю, где и остановился, чтобы отдышаться и унять бешено бьющееся сердце. Затем он взял с кафедры тяжелую книгу в кожаном переплете и сел на одну из скамей, обращенных к алтарю.

— Вы пришли сюда как враг, Откровение, — произнес старик, заслышав шаги гостя. — И при этом смеете утверждать, будто вам хотелось бы узнать побольше обо мне и об этом храме? Воля ваша, можем устроить словесную

дуэль, оскорблять чужие убеждения, сыпать аргументами и контраргументами. Можете говорить все, что вам вздумается, и мы проведем за спором хоть всю ночь, если пожелаете. Но с рассветом вы уйдете и никогда не вернетесь.

Помедлив, чтобы внимательно рассмотреть часы Судного дня, Откровение спустился по лестнице, ведущей от кафедры. Только тогда он увидел книгу, которую держал Урия, и скрестил руки.

— Что ж, именно так я и собирался поступить. Хотя у меня много других дела, но одну ночь я вполне могу посвятить нашей беседе, — сказал Откровение, кивая на книгу, и Урия прижал том к хилой груди. — А враждебен я лишь потому, что во мне разгорается ярость, когда я вижу, как человек добровольно ослепляет себя, чтобы на всю жизнь остаться рабом безумных идей, изложенных в этой книге и ей подобных. В своих руках ты держишь лишь жалкий отблеск подлинного света.

— Значит, теперь вы станете

насмехаться и над Священным Писанием?

— Почему бы и нет? — произнес Откровение. — Это ведь всего лишь книга, составлявшаяся в течение девяти веков из разрозненных текстов, которые подгонялись друг к другу, неоднократно переписывались, переводились и искажались в угоду интересам сотен, по большей части неизвестных, авторов. Как можно строить на этом свою жизнь?

— Это священное слово моего Господа, — ответил Урия. — Он говорит с каждым, кто прочтет Его.

Откровение рассмеялся и постучал себя пальцем по лбу.

— Если кто-то вдруг станет утверждать, будто с ним разговаривает покойный дедуля, то враз окажется в психиатрической лечебнице, но стоит заявить, что ты слышишь глас Божий, так вполне и за святого сойти можешь. В конце концов, когда за твоей спиной стоит такая сила, тебя уже не так просто обвинить в сумасшествии, верно?

— Мы говорим о моей вере! — взорвался Урия. — Проклятие, проявите

хоть каплю уважения!

— А с чего я должен ее уважать? — спросил Откровение. — С какой стати она вдруг потребовала особого отношения? Разве она недостаточно крепка, чтобы выдержать чужое сомнение? Ничто и никто в этом мире не защищен от критики, так почему я должен делать исключение для твоей религии?

— Я видел Бога, — прошипел Урия. — Видел Его лик и слышал Его голос в своем сердце...

— Конечно, ты вправе считать свой опыт подлинным, но не стоит ожидать, что я или кто-то другой тоже примет его за чистую монету, — сказал Откровение. — Недостаточно просто верить, чтобы что-то стало истинным.

— Я видел то, что видел, и слышал то, что слышал, — продолжал настаивать Урия, и от нахлынувших на него воспоминаний еще крепче сжал книгу. — И знаю, что все это было на самом деле.

— Где именно во Франкии тебя посетило столь чудесное видение?

Урия медлил с ответом — ему крайне

не хотелось произносить вслух название, способное открыть замок на двери, ведущей к воспоминаниям, давно и надежно запертым в глубинах его памяти. Потом он глубоко вздохнул и сказал:

— На полях смерти при Гадуаре.

— Ты был в Гадуаре, — произнес Откровение, и Урия не смог понять, был ли это вопрос или просто констатация факта.

На секунду Урии показалось, будто его гость уже догадался, о чем он собирается поведать.

— Да, — сказал старик. — Я был там.

— Расскажешь, что там с тобой случилось?

— Хорошо, — прошептал Урия, — но для начала надо еще выпить.

Они вернулись в ризницу. На сей раз Урия открыл другой ящик и выудил оттуда бутылку, в точности похожую на ту, из которой они пили прежде, но полупустую. Откровение опустился на стул, и Урия вновь услышал характерный скрип, хотя гость не казался таким уж

тяжелым.

Откровение протянул кубок, но священник покачал головой:

— Нет, это слишком благородный напиток. Его полагается пить из бокалов.

Открыв комод, вырезанный из орехового дерева, Урия достал два пузатых хрустальных фужера и поставил их на заваленный бумагами и свитками стол. Затем он откупорил бутылку, и комнату наполнил чудесный пряный аромат, навевающий мысли о горных пастбищах, звенящих ручьях и тенистых лесах.

— Живая вода, — провозгласил Урия, отмеривая в каждый бокал по щедрой порции, а затем опустился на стул напротив Откровения.

Густой янтарный напиток оживил хрусталь золотыми отблесками.

— Наконец-то! — воскликнул Откровение, поднимая бокал. — Вот божественная суть, в которую я способен уверовать.

— Нет-нет! Еще рано, — остановил его Урия. — Позвольте ему немного подышать, это увеличит удовольствие.

Слегка покачайте бокал. Видите капли, оставшиеся на внутренних стенках? Их называют слезами, и если они стекают медленно и сильно вытягиваются, то можно быть уверенным, что напиток обладает должной крепостью и насыщенным ароматом.

— Ну а теперь-то можно пить?

— Проявите терпение, — сказал Урия. — Теперь осторожно понюхайте его. Чувствуете? Букет прямо набрасывается на тебя и возбуждает чувства. Насладитесь мгновением и позвольте напитку поведать о тех местах, где он был рожден.

Прикрыв глаза, священник покачал бокал с золотистой жидкостью и был подхвачен волнами пьянящего аромата давно забытых времен. Насыщенный медовый запах щекотал его ноздри, пробуждая к жизни такие ощущения, каких Урия никогда на самом деле не испытывал: пробежка на закате по диколесью, поросшему терном и вереском; дым очага в деревянном доме с соломенной крышей и стенами, украшенными щитами. И над

всем этим поднималось ощущение союза гордости и традиций, наложивших свой отпечаток на каждый тон благородного напитка.

Урия позволил себе улыбнуться, вспомнив дни своей юности.

— Теперь пейте, — скомандовал он. — Сделайте хороший глоток и постакуйте выпивку на языке и на нёбе. Главное, не спешите — пусть он сам скатится по вашему горлу.

Урия отпил из бокала, наслаждаясь шелковистой и мягкой теплотой. Выпивка была крепкой и отдавала запахом обожженной дубовой бочки и сладостью меда.

— Давненько мне уже не доводилось пивать подобного, — произнес Откровение, и Урия, открыв глаза, увидел благодарную улыбку на лице гостя. — Даже и не думал, что такое еще где-то хранится.

Щеки Откровения порозовели, а сам он явно расслабился. Урия вдруг понял, что уже не ощущает к нему былой враждебности. Их словно сблизило это минутное наслаждение, которое

прочувствовать в полной мере могли лишь подлинные ценители.

— Это старая бутылка, — пояснил Урия. — Одна из тех, что мне удалось спасти из развалин родительского дома.

— Я гляжу, любишь ты хранить под рукой выдержанную выпивку, — произнес Откровение.

— Последствия лихой юности. Когда-то я любил хорошенько промочить горло, если понимаете, о чем я.

— Понимаю. Но должен заметить, что мне доводилось встречать много великих людей, кому это пагубное пристрастие разрушило жизнь.

Урия снова приложился к бокалу, но на этот раз сделал небольшой глоток и немного помолчал, смакуя насыщенный вкус напитка.

— Так, значит, вы хотели услышать о Гадуаре? — наконец произнес священник.

— Да, если ты, конечно, готов рассказывать и в самом деле этого желаешь.

— Хочу ли? Да, — вздохнул Урия. — Но вот готов ли... Что ж, думаю, это мы

сейчас проверим.

— Помню, под Гадуаром тогда было жарко, — произнес Откровение. — Всем нам, кто побывал в том сражении, пришлось многое пережить.

Урия покачал головой:

— Мои глаза, быть может, и утратили прежнюю остроту, но все равно я вижу, что вы слишком молоды, чтобы помнить. Та битва случилась задолго до вашего рождения.

— Поверь, — сказал гость, — я прекрасно помню Гадуар.

От этих слов по спине священника побежали мурашки, и, встретившись с Откровением взглядом, Урия увидел в глазах собеседника такой груз знаний и опыта, что чуть не устыдился того, что спорил с этим человеком.

Гость отставил бокал, и мимолетное чувство прошло.

— Для начала мне придется кое-что рассказать о себе, — начал Урия. — О том, кем я был в те годы и как так вышло, что после сражения при Гадуаре я пришел к Богу. Но это, конечно же, если ты не

откажешься выслушать мою историю...

— Разумеется, я тебя выслушаю. Рассказывай все, что сочтешь нужным.

Вновь приложившись к бокалу, священник продолжил:

— Я родился в городке у подножия той самой горы, на вершине которой выстроен этот храм. Это случилось почти восемьдесят лет назад, и я был младшим сыном местного правителя. Моей семье удалось не только пережить последние годы Древней Ночи, но и сберечь большую часть былого богатства. Предкам принадлежали все окрестные земли от горы и до моста, соединявшего остров с материком. Мне бы очень хотелось сказать, что в итоге я стал тем, кем стал, из-за дурного со мной обращения, но это не было бы правдой. Родные все мне спускали с рук, и я рос избалованным мерзавцем, любил выпить, загулять и пошуметь. — Урия вздохнул. — Сейчас-то я осознал, какой сволочью был, но, видимо, такова судьба всех стариков: корить себя за все ошибки, совершенные в молодости. Как бы то ни было, но, одержимый

свойственной юности тягой к бунтарству и приключениям, я отправился бродить по свету, чтобы своими глазами увидеть те земли, сумевшие сохранить свободу и независимость, невзирая даже на завоевательные походы Императора. Почти вся планета уже успела признать его власть, но я мечтал найти клочок земли, который еще не успела попрать нога воина, на чьей броне красовался бы знак молнии.

— С твоих слов Император может показаться сущим тираном, — заметил Откровение. — Но ведь именно он положил конец вражде, грозившей уничтожить планету, и помог расправиться с десятками тиранов и деспотов. Да без его армий человечество давно бы погрузилось в анархию и погубило бы само себя менее чем за жизнь одного поколения.

— Знаю. Но возможно, это было бы только к лучшему, — откликнулся Урия, отпивая из бокала. — Может быть, сама Вселенная решила, что мы недостойны еще одного шанса и что наше время истекло.

— Чушь. Вселенную совершенно не заботят ни наши дела, ни мы сами. Наша судьба зависит только от нас.

— К этому философскому пассажу мы, без сомнения, еще вернемся, но, кажется, я собирался рассказать тебе о своей молодости...

— Так и было, — согласился Откровение. — Продолжай.

— Благодарю. Итак, стоило мне объявить о своем решении отправиться в путешествие, как отец тут же приказал выделить мне весьма щедрое содержание, да еще и передал в мое подчинение вооруженную свиту, призванную охранять меня в пути. Тем же вечером я оставил дом, а четыре дня спустя пересек серебряный мост и ступил на материк, еще только пытавшийся опомниться после войны, но уже начинавший процветать благодаря новому трудовому законодательству, введенному Императором. Молоты без устали стучали по пластинам будущих доспехов, а почерневшие от сажи заводы производили новое оружие. Целые города занимались

лишь тем, что шили форменную одежду для армий. Я пересек Европу и направился дальше, но всюду видел знамена с изображением орла. В каком бы городе я ни остановился, какую бы деревню ни посетил — везде люди возносили хвалу Императору и непобедимым громовым гигантам... Вот только все эти слова казались мне пустыми, словно благодарения возносились из одного лишь страха. Как-то раз, будучи еще ребенком, я видел этих великанов из армии Императора, но по-настоящему их рассмотреть мне удалось только после окончания войн.

У Урии вдруг сдавило грудь, когда он вспомнил лицо огромного воина, разглядывавшего его так, словно он был просто никчемной букашкой.

— Я много пил и развратничал, путешествуя по Талийскому полуострову, и как-то раз оказался поблизости от гарнизона императорских суперсолдат, расположившихся в разрушенной крепости на утесе, и, в силу своих романтических, бунтарских стремлений не смог

сдержаться и принялся дразнить их. Сейчас, когда я уже видел их в деле, меня прямо дрожь пробирает при мысли о той чудовищной опасности, которой я себя подвергал. Я поливал их бранью, называл выродками и прислужниками кровожадного тирана, мечтающего покорить весь мир только для того, чтобы потешить собственное тщеславие. Я даже цитировал Сейтона и Галльема, хотя и сам не понимаю, как припомнил труды древних авторов, будучи настолько пьян. Я казался себе просто образчиком мудрости, но тогда один из воинов направился ко мне. Как уже говорилось, я был мертвецки пьян и преисполнен того чувства собственной неуязвимости, какое знакомо лишь безумцам и алкоголикам. Воин был просто огромен — куда массивней, чем любой нормальный человек. Его могучий торс был закован в тяжелую силовую броню, защищавшую и грудь, и руки, показавшиеся мне до смешного длинными и накачанными.

— В древние времена воины предпочитали сходиться друг с другом

врукопашную, не полагаясь на дальнобойное оружие, — сказал Откровение. — И в таких схватках все решала именно мощь грудных мышц и рук.

— Ага, понимаю, — произнес Урия. — Так вот, он подошел, легко сдернул меня со стула, разлил мою выпивку. Я был просто взбешен, я молотил по его доспехам, разбивая в кровь кулаки, но гигант только смеялся в ответ. Я кричал, требовал, чтобы он отпустил меня... И именно так он и поступил — вначале посоветовал больше не бузить, а потом уронил с утеса в море. Поднявшись обратно в деревню, я обнаружил, что они уже ушли, и мне пришлось остаться наедине со своей злобой. Конечно, я вел себя как дурак, и рано или поздно кто-то должен был поставить меня на место.

— И что ты делал после того, как покинул Талию? — спросил Откровение.

— Бродил по свету, — ответил Урия. — Я забыл очень многое из тех времен, ведь практически никогда не просыхал. Но помню, что арендовал песчаный скиммер, чтобы пересечь пыль Средиземного моря, а

потом долго блуждал по территориям конклавов Нордафрики, чьи земли усилиями Шанга Хала превратились в выжженную пустыню. Куда бы я ни пришел, всюду почитали Императора, так что мне оставалось только идти дальше, на восток, к руинам Урша и поверженным бастионам Нартана Дурта. Но и там, в местах, справедливо считавшихся самыми безлюдными и далекими уголками мира, я продолжал находить тех, кто поклонялся Императору и его генетически модифицированным воинам. Я не мог этого понять. Неужели все эти люди не видели того, что просто сменили одного тирана на другого?

— Человечество шло к гибели, — отрезал Откровение, подаваясь вперед. — Неужели я должен объяснять тебе, что без Единения и Императора люди просто прекратили бы свое существование? Не могу поверить, что ты этого не понимаешь.

— Ох, да все я прекрасно понимаю, но ведь в те дни я был еще слишком молод и полон юного задора и любые попытки

контроля над людьми казались мне тиранией. Пускай это и не нравится старикам, но удел молодых — раздвигать границы, установленные прежними поколениями, подвергая все сомнению и диктуя собственные правила. И я сам ничем не отличался от остальных юнцов. Во всяком случае, не сильно.

— Значит, объехав весь мир, ты так нигде и не нашел земли, не поклявшейся сохранять верность Императору... И куда ты направился затем?

Прежде чем продолжить, Урия вновь наполнил бокалы.

— Я ненадолго заглянул домой, чтобы привезти родным подарки, которые в основной своей массе были просто украдены мной во время путешествия. Потом я вновь отправился в путь, но уже не как турист, а как солдат удачи. До меня доходили слухи о росте недовольства во Франкии, и я решил поискать себе славы. До Единения франки были весьма свободолюбивым народом и не могли смириться с присутствием захватчиков, даже если те пытались объяснить свой

приход благими намерениями. Возвратившись на материк, я узнал об Авулеке D'Агроссе и сражении за Авельруа и сразу же поспешил к тому городу.

— Авельруа, — покачал Откровение головой, — место, отравленное злобой безумца, чьи весьма посредственные способности явно не поспевали за амбициями.

— Сейчас-то я это понимаю, но тогда мне удалось лишь узнать, что Авулек был несправедливо обвинен в жестоком убийстве женщины-губернатора, поставленной править в тех землях самим Императором. Авулека уже собирались расстрелять, когда его братья и друзья набросились на солдат и растерзали на куски. В той драке погибли несколько горожан, причем среди них оказался и сын областного судьи, так что положение в городе обострилось еще сильнее. Невзирая на все его воистину многочисленные недостатки, Авулек обладал редким ораторским даром и умело раздул пламя народного гнева, призывая горожан выступить против

власти Императора. Не прошло и часа, как наспех сформированное ополчение захватило казармы и казнило всех находившихся там солдат.

— Полагаю, ты прекрасно понимаешь, что именно Авулек убил ту женщину?

— Когда я узнал об этом. — Урия печально кивнул, — менять что-либо было уже поздно.

— А что было потом?

— К тому моменту, когда я, одержимый бесшабашным восторгом перед грядущей битвой, добрался до Авельруа, Авулек успел перетянуть на свою сторону несколько окрестных городов и сформировать довольно внушительное войско.

Урия улыбнулся, когда в его памяти с ясностью, какой он не знал уже несколько десятков лет, всплыли подробности тех дней.

— Поверь, Откровение, это было ошеломительное зрелище. Вся императорская символика была содрана со стен, и я очутился словно в сказке. На всех домах развевались пестрые флаги, повсюду

звучала музыка военных оркестров, марширующих по улицам впереди солдат Авулека. Если честно, нам стоило бы уделять больше внимания строевым учениям, но тогда нас переполняли безумная отвага и чувство того, что правда на нашей стороне. Все больше и больше городов восставало против расквартированных там отрядов Имперской Армии. Всего за пару месяцев количество мятежников, готовых к войне, достигло сорока тысяч.

Казалось, будто осуществились все мои мечты, — продолжал Урия. — Славные дни восстания, напоенные отвагой и героизмом в лучших традициях древних борцов за свободу. Мы ощущали себя искрой, способной раскочегарить топку истории, и верили, что сумеем сбросить автократа, самовольно назначившего себя правителем планеты. Как только пришли известия о том, что армии «грома и молнии» идут на нас с востока, мы тут же выступили им навстречу, чтобы побыстрее сойтись в битве.

Я никогда не забуду тот славный

день, когда Авулек выехал из Авельруа во главе нашего воинства: смех, поцелуи девушек и дух воинского братства, переполнявший нас в походе. Неделю спустя мы прибыли к Гадуару — полосе высоких холмов, преграждавшей путь нашим врагам. Я прочел немало книг о сражениях прошлого и полагал, что эти места отлично подходят для организации обороны. Мы заняли основные высоты и надежно укрепили фланги. Слева от нас лежали развалины бастиона Гадуар, а справа — сплошное непроходимое болото.

— Но противостоять войскам Императора — безумие, — сказал Откровение. — Вы же должны были понимать, что у вас нет надежды на победу. Его воины были созданы для войны и всю свою жизнь проводят в неустанных тренировках.

Урия кивнул.

— Думаю, это стало нам очевидно в ту самую секунду, как мы увидели нашего врага, — помрачнев, произнес священник. — Но мы слишком верили в себя, чтобы отступить. Наше войско насчитывало уже

пятьдесят тысяч человек, а у противника было в десять раз меньше солдат. Трудно было не проникнуться верой в то, что мы можем победить, тем более что Авулек объезжал наши ряды и не давал нашей отваге остыть. Лорда старался образумить его брат, но было уже слишком поздно, и вскоре мы бросились в атаку — бесшабашные и блистательные дураки волной катились с холма, завывая воинственный клич, размахивая мечами, потрясая пистолетами и винтовками. Я оказался в шестой шеренге и пробежал уже почти километр, прежде чем наши ряды приблизились к врагу. Едва мы устремились в атаку, противник остановился и не сделал более ни шагу, но, как только мы оказались в пределах досягаемости, солдаты Императора вскинули оружие и открыли огонь.

Урия замолчал и сделал большой глоток. Его руки затряслись, и священник с трудом сумел поставить бокал на стол.

— Мне никогда не забыть этого грохота, — произнес старик. — Первые пять шеренг нашего войска полегли, будто

скошенные неожиданно налетевшей бурей. Все, кто бежал передо мной, погибли до последнего человека, не успев даже вскрикнуть. Заряды, выпущенные врагом, отрывали конечности, а то и вовсе раздирали людей на части, и их тела лопались, точно переполненные бурдюки. Я обернулся, собираясь что-то сказать — хотя и не помню, что именно, — и тут затылок мне пронзила обжигающая боль, и я повалился на труп товарища, лишившегося всей левой половины тела. Казалось, будто он просто взорвался изнутри.

Поднявшись на колени, — продолжал Урия, — я ощупал голову. Затылок оказался липким от крови, и я понял, что ранен. Скорее всего, рикошет или небольшой осколок. Будь это что-то более серьезное, я наверняка распрощался бы с жизнью. Чувствуя, как по шее струится кровь, я посмотрел на вражеские ряды и увидел, что они вновь открыли огонь. И тогда я услышал крики. Наша атака захлебнулась, повстанцы разбегались во все стороны, охваченные ужасом и смятением. Только

тогда они поняли, во что на самом деле втянул их Авулек.

Громовые воины убрали огнестрельное оружие и стройными рядами направились к нам, обнажая мечи с зубастыми вращающимися лезвиями. Этот звук — боже! — мне никогда не забыть звук, который они издавали. Они завывали, словно порождения ночных кошмаров. Мы уже были разбиты... Для того чтобы одержать победу, императорским войскам хватило и первого залпа. Потом я увидел труп Авулека, лежащий среди других тел. Взрывом ему оторвало всю нижнюю половину. Лица всех, кто оказался рядом со мной, носили отпечаток того же ужаса, какой испытывал я сам. Люди умоляли пощадить их, бросали оружие, пытались сдаться, но закованные в броню воины не останавливались. Они врезались в наши ряды и начали рубить направо и налево, не зная снисхождения. Моих товарищей резали и расчленяли с такой эффективностью и скоростью, что я просто не мог поверить тому, что в считаные секунды погибло столько людей.

Это была совсем не та война, о какой я читал в книгах, где отважные воины добывали славу в битвах. То, что происходило перед моими глазами, было грубой, жестокой бойней.

— Я, — сказал старик, — бросился бежать, и нисколько не стыжусь в этом признаться. Вымазавшийся в грязи и крови, я пытался найти хоть какое-нибудь безопасное пристанище. Я мчался так, точно мне наступали на пятки демоны из древних легенд, но меня продолжали преследовать крики погибающих товарищей и отвратительный хлюпающий звук, какой порой раздается, когда мясник разделывает тушу. Я обонял смрад экскрементов и выпущенных кишок. Мне мало что удалось запомнить из того, что видели в те минуты мои глаза, — только отдельные картины мертвых тел и стоны умирающих. Я бежал, пока полностью не выбился из сил, но и повалившись в грязь, продолжал ползти, пока не потерял сознание. А очнувшись, чему был немало удивлен, увидел, что уже стемнело. На поле пылали погребальные

костры и отовсюду неслись победные песни громовых воинов.

Армия Авулека была уничтожена. Не разбита, не обращена в бегство — уничтожена. Пятьдесят тысяч мужчин и женщин погибли менее чем за час. Думаю, уже в ту минуту я понял, что оказался единственным выжившим. Я зарыдал, глядя на луну и медленно истекая кровью, размышляя над тем, сколь бессмысленным было мое существование. В своем самодовольстве и безумной погоне за наслаждениями я разбивал сердца и разрушал жизни. Я оплакивал свою семью и себя самого, когда внезапно осознал, что я не один.

— И кто же был с тобой? — спросил Откровение.

— Божество, — произнес Урия. — Посмотрев вверх, я увидел золотой лик, настолько светлый и совершенный, что слезы мои текли уже не от боли, но от восхищения. Божество было окружено столь ярким ореолом, что я даже зажмурился, опасаясь ослепнуть. Агония, терзавшая мое тело, отступила, и я

понял, что вижу самого Бога. И будь я даже самым лучшим поэтом на свете, все равно не смог бы описать Его облик, но скажу честно: в жизни ничего прекраснее не видел. Почувствовав, что поднимаюсь над землей, я решил, что пришел мой час. Но затем раздался голос, и я узнал, что буду жить.

— И что же Он сказал? — спросил Откровение.

— Он спросил, — Урия улыбнулся, — «Почему ты отвергаешь Меня? Прими Меня, и познаешь, что Я есть единственная истина и подлинный путь».

— Ты Ему что-нибудь ответил?

— Не смог, — сказал старик. — Мне казалось святотатственным вымолвить хотя бы слово. К тому же я лишился дара речи, увидев Бога.

— Но с чего ты взял, что это был именно Бог? Кажется, мы уже говорили о способности мозга видеть то, что ему хочется увидеть. Сам посуди: ты умирал на поле боя, среди мертвых тел твоих товарищей, да еще и осознал, что вся твоя жизнь прошла впустую. Признайся, Урия,

ты ведь и сам вполне можешь найти другое объяснение этому видению — более правдоподобное, не сваливающее все на вмешательство сверхъестественных сил?

— Я не нуждаюсь в других объяснениях, — твердо ответил Урия. — Тебе известно многое, но ты не можешь утверждать, будто знаешь, что происходит в моей голове. Да, я слышал глас Божий и видел Его лик. Он поднял меня с земли и погрузил в глубокий сон, а проснувшись, я обнаружил, что раны мои исцелились.

Урия повернул голову так, чтобы Откровение увидел длинный шрам у него на затылке.

— Осколок кости пробил мне череп, сантиметром ниже — и перебил бы позвоночник. Поняв, что на поле боя уже не осталось никого, кроме меня, я решил возвратиться домой, но нашел только руины. Горожане рассказали мне, что скандийские мародеры откуда-то прознали о богатстве моей семьи и отправились на юг за добычей. Они убили моего брата, а потом насиловали мать и сестру,

заставляя отца смотреть на все это. Грабители рассчитывали, что это заставит его признаться, где спрятаны сокровища. Не учли скандийцы только одного: у отца было слабое сердце, и он умер прежде, чем они смогли выведать его тайны. Мой дом лежал в руинах, а от родных остались лишь обескровленные тела.

— Позволь выразить сочувствие твоей утрате, — сказал Откровение. — И хоть вряд ли это может служить утешением, но знай, что жители Скандии отвергли Единение и примерно тридцать лет назад были полностью истреблены.

— Я слышал об этом, но смерть врага более не приносит мне радости, — объяснил Урия. — Убийцы моей семьи предстанут перед Божьим судом, и этого вполне достаточно.

— Очень благородно с твоей стороны, — заметил Откровение, и в голосе его прозвучало неподдельное уважение.

— Взяв кое-что из разоренного дома на память, я направился к ближайшему городку, намереваясь напиться до

беспамятства, а заодно подумать, как жить дальше. Пройдя уже половину пути до кабака, я вдруг увидел храм Камня Молний и понял, что нашел свое призвание. Прежде я жил только для себя, но, увидев это святилище, осознал, что Господь уготовил мне особую миссию. Ведь я должен был погибнуть под Гадуаром, но был спасен.

— И что же это за миссия?

— Служить Господу, — ответил Урия. — Нести слово Его.

— Поэтому ты и стал священником?

Урия кивнул:

— Я прилагал все силы, чтобы исполнить свое предназначение, но потом по всему миру начали разъезжать проповедники Императора, восхваляющие рационализм и отвергающие богов и сверхъестественное. И позволь догадаться, что именно по этой причине ты разговариваешь со мной, а паства не пришла на молитву.

— Ты прав, — сказал Откровение, — но не во всем. Я действительно пришел, чтобы показать тебе всю глубину твоих

заблуждений, чтобы выяснить твои мотивы и чтобы доказать тебе, что человечество не нуждается в божественных указках. Твой храм — последний на всей Терре, и мне выпала честь предложить тебе добровольно принять новый порядок.

— Или?

— Нет никакого «или», Урия, — покачал головой Откровение. — Давай вернемся в храм, а по пути я поведаю тебе обо всем, что в течение долгих веков несла человечеству вера в богов: о кровопролитии, страхе, гонениях. Я расскажу тебе об этом, и ты сам поймешь, насколько пагубны религиозные воззрения.

— И что потом? Ты уйдешь?

— Урия, мы ведь оба понимаем, что это невозможно.

— Да, — сказал священник, одним глотком осушая бокал. — Понимаем.

— Позволь мне рассказать тебе одну историю, случившуюся много тысяч лет назад, — начал свою повесть Откровение.

Вдвоем они пересекли северный

трансепт и приблизились к витой лестнице, ведущей на галерею. Гость пропустил Урию вперед и, взбираясь по ступеням, продолжил:

— Это история о том, как одно-единственное стадо генетически выведенных существ привело к гибели более девятисот человек.

— Затоптали?

— О нет, это была просто горстка отощавших от голода животных, сбежавших из загона на окраине Ксозера — некогда великого города, входившего в конклав Нордафрики.

Поднявшись по лестнице, собеседники зашагали по узкой и темной галерее, продуваемой холодными сквозняками. Каменный пол густым слоем устилала пыль, а проход освещался толстыми свечами, вставленными в железные настенные светильники, хотя Урия точно помнил, что не зажигал их.

— Ксозер? — переспросил старик. — Мне доводилось бывать в нем. Вернее, я видел руины, которые, как рассказывал проводник, остались от города.

— Вполне возможно. Так уж получилось, что путь голодных животных пролег по территории, считавшейся священной у одного из культов, действовавших в городе. Его сторонники, известные под именем ксозеритов, полагали, что генетические модификации оскорбительны их богу, и в осквернении храма обвинили секту Упаштар. Охваченные праведным гневом ксозериты устремились на улицы, набрасываясь с дубинами и ножами на всякого приверженца конкурирующего культа. Сам понимаешь, те тоже не остались в долгу, и по городу прокатилась волна погромов, унесших почти тысячу жизней.

— В этой истории есть какая-то мораль? — спросил Урия, когда Откровение прервал свой рассказ.

— Конечно. Она описывает вполне типичную ситуацию и повадки религиозных людей. Именно так они себя и вели на протяжении всей истории человечества.

— Откровение, твой пример мне кажется несколько надуманным. Одной

жутковатой истории недостаточно, чтобы доказать, что религия — зло. Вера служит фундаментом для морали, придает людям сил, необходимых в жизни. Без руководства свыше человечество погрузится в анархию.

— К моему прискорбию, Урия, раньше многие миллионы людей думали так же, вот только этот старый трюизм лжив. Весь исторический опыт человечества свидетельствует, что подлость торжествует одновременно с религиозностью. И чем сильнее позиции веры, тем больше в социуме вражды. Лишь когда священники утрачивают свою власть, общество может прийти к подлинному гуманизму.

— Уверен, что ты заблуждаешься, — произнес Урия, остановившись под одной из арок и посмотрев вниз. Над полом кружилась пыль, поднятая ветром, задувавшим в безлюдный храм. — Наше Священное Писание учит, как прожить жизнь достойно. Оно содержит знания, необходимые всему человечеству.

— В самом деле? — спросил

Откровение. — Я прочел эту книгу и нашел ее весьма кровожадной и жестокой. Неужели ты и в самом деле захотел бы беспрекословно и досконально подчиняться всем содержащимся в ней заветам? Или ты полагаешь, что будто люди, которых оно прославляет, действительно образцы для подражания? Как бы то ни было, подозреваю, большинство сочтет подобную мораль чудовищной.

— Откровение, ты не увидел главного, — покачал головой Урия. — Основная часть текста не должна восприниматься буквально, ведь это лишь аллегории и символы.

Гость прищелкнул пальцами.

— Вот об этом-то я и толкую. Ты сам выбираешь, что будешь воспринимать буквально, а что предпочтешь подвергнуть трактовке. И выбор этот зависит исключительно от человека, но вовсе не от божества. Можешь поверить, в былые века устрашающе огромные количества людей воспринимали свои священные писания именно буквально, и результатом их искренней веры в слова этих книг

становились лишь страдания и смерть. История религии подобна роману ужасов, и если ты все еще сомневаешься, Урия, то вспомни, что люди вытворяли во имя своих богов. Несколько тысяч лет назад в джунглях майя власть захватили жестокие теократы, поклонявшиеся божеству, имевшему облик пернатого змея. Дабы умилостивить своего злобного покровителя, жрецы топили девственниц в священных колодцах и вырезали младенцам сердца. Кроме того, этот народ полагал, будто у их божества есть и живущий в земле недруг, поэтому, возводя храмы, первую опору они вгоняли в тело девы, чтобы успокоить эту существующую лишь в их фантазиях тварь.

Урия в ужасе посмотрел на собеседника:

— Неужели ты на полном серьезе можешь сравнивать мою религию с этим языческим дикарством?

— Почему бы и нет? — парировал Откровение. — Во имя твоей религии один святоша развязал войну и пустил в обиход боевой клич «Деус Вульт», что на одном

из диалектов Старой Земли означает «Так хочет Бог». Он собирал армию, чтобы учинить расправу над врагами в одном далеком королевстве, но первым делом обратил их мечи на тех сограждан, кто возражал против войны. Тысячи людей они вытаскивали из домов, чтобы зарубить или сжечь заживо. Лишь убедившись, что их родине более ничто не угрожает, легионы фанатиков отправились «освобождать» святой город, разграбив все земли, попавшиеся им по пути. Добравшись же до места, они истребили всех жителей, чтобы «очистить» город от скверны. Насколько припоминаю, один из предводителей этого похода потом похвалялся, что его всадники ехали по колено в крови, пачкая в ней уздечки коней.

— Это события ветхой старины, — возразил Урия. — И мы не можем поручиться, что предания тех времен не врут.

— Если бы тот случай был единственным, я, пожалуй, согласился бы, — сказал гость. — Вот только не прошло и

сотни лет, как другой святой пастырь объявил войну вероучению, зародившемуся в лоне его же собственной церкви. Его армия осадила твердыню сектантов во Франкии. Спустя некоторое время город пал, и генералы поинтересовались у своего вождя, как им отличить еретиков от единоверцев. И этот человек, говоривший от имени твоего Бога, заявил: «Убивайте всех, Бог узнает своих». В результате погибло около двадцати тысяч мужчин, женщин и детей. И что хуже всего, охота за еретиками, которым удалось пережить эту бойню, привела к возникновению организации, известной как инквизиция. Ее агенты раздули в обществе чудовищную эпидемию истерии и обрели право беспрепятственно истязать своих жертв на дыбах, пытать огнем и железом, вынуждая несчастных признаваться в ереси и называть имена соратников. Впоследствии, когда практически все прежние враги были выловлены и преданы смерти, инквизиция объявила охоту на ведьм, и священники подвергли пыткам тысячи женщин, заставляя сознаваться в

противных естеству связях с демонами. Основываясь лишь на одних этих признаниях, их приговаривали к сожжению заживо. Безумие это бушевало еще целых три столетия, охватив несколько десятков стран, и привело к гибели более чем ста тысяч человек.

— Мне кажется, Откровение, что ты выбираешь лишь самые печальные из страниц истории. — Урии непросто было сохранить самообладание после того, как он услышал обо всей этой мерзости и жестокости. — Те времена давно прошли, и люди научились совсем иначе относиться к ближним своим.

— Если ты и в самом деле веришь в это, то, похоже, слишком долго просидел взаперти в своем храме, — заметил Откровение. — Иначе бы услышал о кардинале Танге — беспощадном, повинном во множестве смертей экзархе, не брезговавшем весьма жестокими формами евгеники. В созданных им концентрационных лагерях и кровавых погромах погибли миллионы граждан Индонезийского блока. Он умер менее чем

тридцать лет назад и до последнего своего дня стремился вернуть человечество во времена, когда оно не ведало научного прогресса, а методы Танга полностью были позаимствованы у инквизиции: сжечь на кострах всех ученых и философов, дерзающих оспаривать религиозные взгляды на космологию.

Урия больше не мог выдерживать такие обвинения, а потому направился к лестнице, чтобы вновь спуститься к алтарю.

— Пойми же, Откровение, ты не замечаешь ничего, кроме крови и смерти, забыв обо всех добрых делах, совершенных во имя веры.

— Урия, если ты полагаешь, будто религия служит добру, ты просто отказываешься видеть посеянную ею жестокость, сопровождавшую всю нашу историю. В последние годы, предшествовавшие Древней Ночи, священники в некоторой мере утратили свою власть над жизнями, но, уподобившись злейшему из всех ядов, религия так и не ушла полностью, продолжая ссорить

людей. Стоит отринуть веру в богов, и различия постепенно начнут стираться, а поколения, что придут нам на смену, привыкнут к новым временам, научатся сотрудничать, перемешаются и забудут о былых обидах. Только религия и не дает им найти общий язык, заставляя совершать бесчеловечные поступки. Религия не что иное, как раковая опухоль на сердце человечества, и ничего хорошего она не несет.

— Прекрати! — отрезал Урия. — Я услышал достаточно. Да, порой люди совершали ужасные вещи, прикрываясь именем Бога, но ничуть не лучше они поступали друг с другом и без этого. Вера в загробную жизнь — суть неотъемлемая часть того, что делает нас теми, кто мы есть. Отнять ее несложно, но что ты дашь человечеству взамен? Я много лет был священником, и мне не раз приходилось читать заупокойную, так что я знаю, какую поддержку способна оказать религия и тем, чей срок вышел, и тем, кого они оставляют в этом мире.

— В твоих суждениях есть изъян,

Урия, — сказал Откровение. — То, что вера способна даровать утешение, совершенно не добавляет ей авторитетности или истинности. Конечно, умирающему куда приятнее полагать, что вскоре он окажется в раю и познает вечное блаженство, вот только даже если он умрет со счастливой улыбкой на лице, на самом деле это не будет иметь ни малейшего значения.

— Быть может, ты и прав, но я умру с именем Бога на устах, когда наступит мой час.

— Разве ты не боишься смерти? — спросил Откровение.

— Нет.

— Неужели?

— Это правда, — ответил Урия. — В молодости я изрядно нагрешил, но после посвятил всю свою жизнь Господу и, надеюсь, исполнял свой долг перед Ним искренне и честно.

— Тогда ответь, почему, когда ты приходишь исповедовать умирающего, они не испытывают радости? Разве не должны их родственники и друзья радоваться и

праздновать переход близкого человека в мир иной? Если уж на той стороне нас ожидает вечная жизнь в раю, то почему же никто не исполняется счастливого предвкушения этого дня? Не думал ли ты, что на самом-то деле никто из них не верит твоим словам?

Урия повернулся спиной к собеседнику и спустился по лестнице. Охватившие его гнев и смущение придали силы его ногам, заставив разогнуться даже изуродованные артритом суставы. Из распахнутых дверей тянуло холодом, с улицы доносился лязг металла. Священник обвел взглядом простой, строгий притвор храма — каменные стены с вырезанными в них нишами, где были выставлены скульптуры многочисленных святых, почтивших своим присутствием эти места за прошедшие тысячелетия. Давно не зажигавшаяся люстра слегка покачивалась на ветру... Урии уже несколько лет недоставало сил принести стремянку, чтобы заменить свечи.

Толкнув дверь, ведущую в основной зал, он шаркающей походкой направился к

алтарю. Четыре из зажженных им свечей уже угасли, а ветер, ворвавшийся в помещение вместе со стариком, затушил и пятую.

Гореть продолжала лишь последняя, одинокая свеча, стоящая рядом с часами, и Урия шел, ориентируясь на ее огонек. Вскоре он услышал, что Откровение тоже спустился к нему. Приблизившись к алтарю, Урия, превозмогая боль, заставил себя опуститься на колени, склонил голову и сложил руки в молитве.

— Господь Человечества суть Свет и Путь Истинный, и на благо людей направлены деяния Его, ибо мы есть народ Его. Так гласит Священное Писание веры нашей, и Господь хранит...

— Никто тебя не услышит, — заметил Откровение, подходя сзади.

— Можешь говорить что вздумается, мне уже все равно. Ты все равно сделаешь то, зачем явился, но я не стану более потакать твоему самомнению и эгоизму. Пора кончать с этим фарсом.

— Как изволишь, — сказал Откровение. — Больше никаких игр.

За спиной Урии внезапно вспыхнуло золотое сияние, и тень старика вдруг вытянулась, накрывая собой алтарь. Стрелки часов заиграли перламутровым блеском, озарился светом вырезанный из черного дерева циферблат. Храм, прежде казавшийся мрачным пристанищем теней, засверкал красками.

Старик с трудом распрямился и повернулся. Перед ним возвышалось величественное, прекрасное создание, облаченное в золотые доспехи, любовно выкованные лучшими из мастеров. На каждой пластине красовались изображения молнии и орла. Откровение сгинул в небытие, и его место занял рослый, благородный воин, чей облик воплотил в себе все те черты, что было принято полагать царственными и величественными. Благодаря броне гость казался настоящим гигантом, и Урия вдруг осознал, что плачет. Он вспомнил, что и прежде уже видел этот до боли прекрасный лик, при взгляде на который замирает сердце.

На поле под Гадуаром.

— Ты... — прошептал Урия и отшатнулся, едва устояв на предательски задрожавших ногах.

Острая боль пронзила поясницу и бедро, но старик этого даже не заметил.

— Хоть теперь-то ты осознал всю бессмысленность того, чем занимался все это время? — спросил золотой великан.

Длинные темные волосы обрамляли лицо воителя — лицо, которое Урия мог отмелиться разглядывать лишь в тусклой призме воспоминаний. Ничем не примечательный Откровение развеялся как дым, и теперь исполин внушал такое благоговение, что священнику стоило немалых сил удержаться, чтобы не пасть ниц и не поклясться посвятить остаток своей жизни прославлению этого человека.

— Ты... — повторил Урия, чья телесная боль не шла ни в какое сравнение с той болью, что он испытывал в сердце. — Ты... Император...

— Да, и нам пора, Урия.

Старик окинул взглядом напоенный светом храм:

— Пора? Но куда? Мне нет места в

твоем безбожном мире.

— Найдется место, — ответил Император. — Прими новый путь, и сможешь внести свою лепту в наше дело. Мы стоим на пороге свершения всех наших чаяний и нового, удивительного мира.

Урия безвольно кивнул и ощутил, как могучая рука Императора осторожно подхватывает его под локоть. От этого прикосновения все тело старика вдруг наполнилось силой, а боли и болезни, мучившие его уже не первый год, отступили на задний план и стали казаться только дурными воспоминаниями.

Священник посмотрел на великолепную фреску Изандулы Вероны и почувствовал, как у него перехватило дыхание. Краски, казавшиеся тусклыми в вечном полумраке, вдруг заиграли, и роспись свода словно ожила благодаря свету, исходящему от Императора. Нарисованные фигуры сияли первозданной силой, оттенки обрели чувственную яркость.

— Шедевр Вероны не создан для

тьмы, — произнес Император. — Лишь на свету он способен раскрыть все свои чудеса. Так и Человечество обретет свою подлинную силу, лишь избавившись от сумрачных оков веры.

Урии стоило большого труда оторваться от созерцания фресок и обвести взглядом остальной храм. Внутреннее убранство предстало во всем своем великолепии и сиянии витражей.

— Я буду скучать по всему этому, — сказал Урия.

— Придет время, и я воздвигну Империум, в ослепительном блеске которого твой храм покажется жалкой лачугой бедняка, — ответил ему Император. — Нам пора отправляться в путь.

Урия позволил увести себя от алтаря, хотя на сердце у него и было тяжко, ведь теперь он осознавал, что в прошлом изменил всю свою жизнь, поддавшись ложному, даже лживому позыву. Следуя за Императором к дверям храма, он вновь посмотрел на роспись потолка и вспомнил проповеди, произнесенные им с кафедры, а

еще — паству, жадно ловившую каждое его слово, и добро, источником которого стало это место.

Сам того не желая, Урия улыбнулся, неожиданно осознав, что не имеет ни малейшего значения тот факт, что его вера и жизнь были возведены на ложном фундаменте. В конце концов, он и в самом деле пришел в этот храм с сердцем, опустошенным печалью и открытым истине. И именно это позволило ему принять дух Божий и преисполниться любви.

«В том и заключена сила религии, что ей не нужны доказательства. Достаточно просто поверить».

Он посвятил свою жизнь Богу и даже сейчас, понимая, что его судьбу изменил слепой случай, не испытывал сожалений, ведь со своей кафедры он всегда проповедовал любовь и милосердие, так что никакие мудрые словеса не заставят его пожалеть об этом.

Внутренний створ оставался открытым, и Император, пройдя мимо, распахнул внешние двери. В храм

ворвались промозглый ветер и брызги дождя, и Урия поплотнее запахнул полы рясы, ощутив, как ночной холод тысячами ледяных игл впивается в тело.

В последний раз оглянувшись на алтарь, священник увидел, что ветер погасил последнюю свечу — ту, что освещала часы Судного дня. Храм снова погрузился во тьму, и старик тяжко вздохнул. Порыв ветра захлопнул двери, и Урия направился следом за Императором во тьму.

Он мгновенно промок под струями дождя, и лишь вспышка молнии позволила ему хоть что-то увидеть. В темноте перед храмом выстроились стройными рядами сотни закованных в броню воинов — тех самых великанов, которых Урия в последний раз видел под Гадуаром.

Не обращая ни малейшего внимания на грозу, они стояли неподвижно, и тяжелые капли выбивали дробь на сверкающей броне, а алые плюмажи безвольно повисли и липли к плечам. Урия отметил, что за прошедшие годы доспехи серьезно изменились, — их пластины

теперь плотно прилегали друг к другу и полностью защищали все тело от внешней среды.

Излишки тепла выводились через прорези в массивных ранцах на спинах воинов, и над их головами постоянно клубился пар. В руке каждый из них сжимал факел, чье пламя шипело и искрило под дождем. Увидев выступающие над плечами солдат стволы, Урия поежился и с ужасом вспомнил грохот смертоносного залпа, унесшего жизни столь многих его товарищей.

Император набросил длинный плащ на плечи Урии в ту самую секунду, когда группа воинов направилась к храму, поднимая над головами факелы. Старик собирался было возмутиться, помешать им, но понял, что ничего уже не сможет изменить, и слова замерли у него на губах. Слезы потекли по его щекам, смешиваясь со струями дождя, когда он увидел, как огненные языки перекидываются на крышу и стены здания. Витражные окна разлетелись осколками, когда в них ударили гранаты. Внутри храма

прогремели взрывы, а над куполом взвилось пламя.

Из оконных проемов валил густой дым, и даже ливень не был способен сдержать разрушительную силу пожара. Урии оставалось только оплакивать чудесные фрески и память тысячелетий, умиравшую вместе с храмом. Старик повернулся к Императору и вгляделся в лицо, озаряемое огненными всполохами.

— Как ты можешь так поступать? — требовательно вопросил Урия. — Вначале ты говоришь, что выступаешь на стороне разума и процветания Человечества, и тут же принимаешься уничтожать хранилище знаний!

— Кое о чем стоит забыть навсегда, — произнес Император, взглянув на священника сверху вниз.

— Мне остается лишь надеяться, что ты действительно осознаешь, что ожидает мир, лишившийся религии.

— Осознаю, — ответил Император. — И мечтаю об этом будущем. Империум Человечества, не полагающийся на помощь богов и вмешательство высших сил.

Галактика, объединившаяся вокруг Терры.

— Единая Галактика? — спросил Урия, отведя взгляд от полыхающего храма и впервые полностью осознав весь размах притязаний собеседника.

— Вот именно. Теперь, когда объединение Терры завершено, пришло время восстановить империю, чья власть простирается над звездами.

— И полагаю, возглавишь ее ты? — произнес Урия.

— Разумеется. Ничто великое не может быть достигнуто без руководства сильного вождя, и тем более — если речь идет о покорении Галактики.

— Ты сошел с ума, — сказал Урия, — и слишком тщеславен, если веришь, что звезды покорятся такой армии. Быть может, твои воины и сильны, но даже им это не под силу.

— Вот тут я вынужден согласиться, — произнес Император. — Им не завоевать Галактику, ибо они всего лишь люди. Те, кого ты сейчас видишь, только предшественники могучих бойцов, рождающихся сейчас в генных

лабораториях. Я создам воинов, обладающих достаточной мощью, силой воли и проницательностью, чтобы обеспечить победу в битве за звезды. Эти герои станут моими полководцами и возглавят Великий Крестовый Поход, призванный завоевать самые дальние уголки Вселенной.

— А разве не ты только что рассказывал мне о кровавой бойне, устроенной крестоносцами? — спросил Урия. — Скажи, чем ты лучше тех фанатиков, которыми пугал меня?

— Суть в том, что я, в отличие от них, прав, — ответил Император.

— Говоришь, как заурядный тиран.

— Урия, ты просто не понимаешь, — покачал головой правитель Терры. — Мне довелось узреть, сколь тонка та грань, что отделяет Человечество от гибели, и сегодня мы делаем лишь первый шаг на пути к спасению.

Старик снова оглянулся на храм, над которым в ночное небо взметывалось яркое пламя.

— Ты выбрал тернистый путь, —

произнес Урия. — Запомни, нет ничего, чего бы человек жаждал сильнее, чем то, что для него запретно. Ты никогда не думал, что твои грандиозные мечты могут осуществиться? Что будешь делать тогда? Как бы твои подданные не узрели бога в тебе самом.

Говоря это, Урия всматривался в глаза Императора, пытаясь пробиться сквозь прекрасную, великодушную маску практически бессмертного существа, прожившего тысячу жизней и бродившего по Терре куда дольше, чем мог представить старик. И тогда Урия увидел кипучие амбиции и бурлящий поток жестокости, текущие в самом сердце Императора. Увидел и понял, что не желает иметь ничего общего с этим человеком, сколь бы ни были благородны его намерения.

— Во имя всего святого, очень надеюсь, что ты прав, — сказал Урия. — Но я страшусь будущего, которое ты уготовил людям.

— Я не желаю своему народу ничего, кроме добра, — заверил Император.

— Думаю, ты и в самом деле веришь в это, вот только я не хочу иметь к этому отношения, — произнес Урия и, скинув в грязь плащ Императора, направился к храму, гордо подняв голову.

Струи дождя безжалостно избивали его тело, но старик приветствовал их, как воды крещения.

За спиной раздались тяжелые шаги, но потом прогремел голос Императора:

— Оставьте его. Пусть идет.

Ворота были распахнуты, и Урия вошел в них, ощутив жаркое дыхание пожара, охватившего все вокруг. Статуи были объяты огнем, взрывы гранат сорвали с петель внутренние двери...

Не задержавшись даже на мгновение, священник вошел в пылающий храм. Прожорливый огонь поглощал дерево скамей и шелк занавесов, все вокруг заволокло дымом, и фрески скрылись в клубящемся темном облаке. Урия посмотрел на часы, стоявшие на алтаре, улыбнулся — и пламя сомкнулось вокруг него.

Воины продолжали стоять под стенами храма, пока крыша не обрушилась, разбросав снопы искр и угольков, и здание не начало разваливаться на части. Солдаты Императора терпеливо дожидались, пока первые лучи солнца не позолотили скальные вершины, а дождь не затушил последние очаги огня.

Прохладный утренний ветерок развеял дым над руинами, и Император, повернувшись к ним спиной, произнес:

— Идем. Нас ждет Галактика.

Воинство зашагало вниз по склону горы, и вскоре над руинами воцарилась тишина, в которой прозвучал тихий перезвон старых, давно остановившихся часов.

Мэтью Фаррер
ПОСЛЕ ДЕШ'ЭА

— Ты не обязан этого делать, — произнес Дрейгер, нарушив длительное молчание.

И не надо было обладать чутьем Астартес, чтобы ощутить, что сказанное заставило остальных Гончих Войны немного расслабиться.

Кхарн обвел взглядом собравшихся вокруг него воинов и отметил чувство облегчения на их лицах. Наконец-то хоть кто-то осмелился взять на себя ответственность и высказал то, о чем думали все они.

— Ты не обязан этого делать. — Дрейгер ни за что бы не осмелился встать между Кхарном и дверями, но голос его прозвучал достаточно твердо. — Ты не должен этого делать.

Впрочем, отдельные признаки позволяли понять, что спокойствие Дрейгера напускное. Кхарн не мог не

видеть, что дыхание капитана участилось так, словно тот собирался броситься в бой. На шее и гладко выбритых висках воина вздулись вены, изменилось выражение его глаз, плечи начали слегка подергиваться — десантник явно разогревался перед дракой, присутствовали все признаки подготовки к сражению. И хотя от Дрейгера исходил резкий аромат пилингового геля, даже он не мог заглушить запахи адреналина и прочих гормонов, выделяемых телами Астартес перед лицом опасности.

И он такой был не один — все собравшиеся здесь были взвинчены; Кхарн также не мог не понимать, что и сам начинает отдаваться во власть собственных инстинктов. Сколь бы ни были мощны системы очистки, но его ноздри до сих пор обоняли кровь, запах которой проник в зал, когда двойные двери отворились в последний раз.

Продолжая принюхиваться и глотать воздух на языке, Кхарн вдруг осознал, что весь корабль погрузился в столь же глубокую тишину, как и то

помещение, где они собрались. Полукруглая стена за его спиной выходила на казарменные палубы, и обычно среди колонн широкой приемной залы металось эхо. Возгласы, лязг стальных сапог, мягкие шаги слуг и технопатов, отдаленный треск выстрелов, доносившийся со стрельбищ, тихий гул нового силового вооружения — все смолкло. Повсюду было столь же тихо, как и в огромной зале за двойными дверями стального цвета, возле которых стоял Дрейгер. И противоестественность этой тишины лишь сильнее взвинчивала его нервы и заставляла играть мускулатурой.

Кхарн старался не обращать внимания на реакции своего тела. Взгляд его оставался холоден.

— Являясь капитаном Восьмой роты, я оказываюсь старшим офицером на борту данного корабля, — произнес Кхарн, — и обязан поступить так, как требуют мой чин, долг и Император. Вопрос считаю закрытым. Если, конечно, не найдется какой-нибудь нахал, осмеливающийся полагать, будто тут есть о чем спорить.

— Найдется, — раздался голос за его спиной. Это был Джарег, главный оружейник артиллерийского эшелона. — Нам и в самом деле следует поговорить о том, как мы собираемся...

Джарег умолк и, скорчив мученическую мину, покосился на двери.

— Мы... мы понятия не имеем, чем все это может закончиться, — пробормотал Хорст, командир эскадрильи «Грозовых птиц» Девятой роты, и Кхарн увидел, что руки собрата сжались в кулаки и вздрагивают в такт словам. — Стало быть, следует готовиться к худшему. Кому-то из присутствующих, быть может, придется возглавить Легион и...

Хорст умолк на полуслове. Из-за дверей донесся разъяренный вой, более глубокий, чем рев танка, и более мощный, чем пушечный залп. Если в нем и заключался какой-то смысл, то слова были безнадежно искажены стальной преградой. Гончие Войны умолкли. Для них было привычным выкрикивать клятвы, приказы и даже грязную брань, заглушая рокот орудий, разрывы гранат и визг цепных

топоров, их нимало не смущали рев реактивных двигателей «Грозовых птиц» и воинственные завывания всевозможных ксеносов, но теперь только Кхарну хватило решимости возвысить свой голос над далеким, приглушенным воем.

— Успокойтесь, — размеренно произнес он. — Я не настолько глуп, чтобы не видеть и не понимать того, что занимает ваши мысли. И каждый из нас должен выразить благодарность Хорсту уже за то, что ему одному достало решимости Астартес, чтобы прямо высказать все, о чем думаете все вы. Император нашел нашего господина и командира. Нашего родоначальника. И сейчас он там. Наш полководец. Тот, кому мы наследуем. Не забыли ли вы об этом? Нет?

Кхарн поочередно вглядывался в лица братьев по оружию, и Гончие Войны отвечали ему тем же. Хорошо. Он избил бы до полусмерти любого, кто посмел бы отвести глаза. Из-за серых, покрытых царапинами дверей вновь послышался далекий вой.

— Слушайте меня внимательно, — продолжил Кхарн, — мы делаем только то, что должны. И никто, ни какой-то там лорд-командующий, ни закованный в золотую броню Кустодес, — (срывающийся на рычание голос капитана Восьмой роты заставил остальных офицеров распрямить спины и внимательно посмотреть на боевого товарища), — никто не сможет встать между Гончими Войны и их примархом и остаться в живых. Пред одним лишь Императором склоняем мы головы, и его мудрость уже была явлена нам. И мы обязаны принять ношу, возложенную им на наши плечи.

Он вновь перевел взгляд на Дрейгера. Как и Кхарн, тот был облачен в белый мундир с высоким воротником и яркими синими лентами, да и сапоги его, как и перчатки, были выкрашены в церемониальный темно-синий цвет вместо обыденного серого. На воротнике и плечах сияли молнии — герб Императора. Эти парадные одеяния означали готовность двух Гончих Войны к исполнению торжественного ритуала. Все было

предельно очевидно. Дрейгер намеревался занять место Кхарна. Войти вместо него и погибнуть.

— Мы обрели своего примарха! — воскликнул Кхарн и почувствовал, что его голос слегка дрожит.

За те долгие годы, что прошли с того дня, как Орден покинул Терру, он неоднократно становился свидетелем тому, как одно могучее создание за другим занимало положенное ему место. Кхарн слышал рассказы о том, как Саламандры дожидались, зависнув на орбите пылающей планеты, подтверждения того, что Император и в самом деле нашел их примарха. Помнил ледяной взгляд Пертурабо, стоявшего плечом к плечу с Императором в тот день, когда те переправлялись на Нова Шендак, и то, как изменились Железные Воины, увидев своего нового лидера. И всякий Легион, трон которого продолжал пустовать, испытывал те же самые томление и скорбь, только нарастающие с каждым прыжком, с каждой новой войной. Быть может, именно у следующей звезды

обнаружится планета, где живет примарх? Быть может, именно это, одно из многих сообщений, пришедших на корабль, принесет весть о том, что где-то там, во тьме, найден их отец? И вот настал тот день, когда в казармы Вуерона прибыла депеша о том, что найден их собственный, Гончих Войны, примарх, повелитель, родоначальник, и... и вот чем все закончилось.

— Мы обрели своего примарха, — повторил Кхарн, — и Легион наш пойдет вперед, повинуясь лишь его воле. Мы в равной степени принадлежим и ему, и Императору. Все, что мы хотели или планировали, больше не имеет значения. Командор Гончих Войны обязан встретиться с примархом, и дальнейшее будет развиваться так, как он пожелает. Да будет так. Спорить тут не о чем.

«К тому же, — продолжил он про себя, когда Дрейгер отсалютовал и молча подошел к дверям, — вряд ли пройдет так уж много времени, прежде чем ты отправишься следом за мной». Подумал и сам удивился даже не столько самой

мысли, сколько тому, что она не вызывала у него никаких эмоций. Гончие Войны считались весьма импульсивным Легионом, но сейчас в душе Кхарна царили покой и безмятежность. На долю секунды он задумался над тем, испытывали ли те же чувства и другие люди: враги, встретившие свою судьбу под ударами цепных топоров Гончих Войны, или воины-ауксилиарии, нашедшие гибель в те дни, когда Император еще не запретил Легиону казнить союзников, опозоривших себя на поле боя.

Дрейгер коснулся панели управления, и двери бесшумно скользнули в стороны. За ними обнаружились до прозаичности простые широкие ступени, ведущую в темноту. Из мрака донесся очередной раскатистый и глубокий бессловесный рев.

Отбросив всякие мысли, Кхарн шагнул вперед, позволяя тьме поглотить себя, и Дрейгер закрыл двери за его спиной.

Спустившись по широкой короткой лестнице, Кхарн оказался в просторном помещении, которое должно было служить

церемониальным залом Ангрона. Гончий Войны бывал здесь и прежде, но сейчас, даже несмотря на то, что большая часть зала затерялась в темноте, все казалось иным. Изменилось само ощущение. Воин понял это, как только шагнул в зал, ставший вдруг таким странным и незнакомым. «Впрочем, — подумал Кхарн, — вряд ли хоть одно помещение могло остаться прежним после того, как в нем побывал примарх». Гончий Войны сделал три медленных, осторожных шага по гладкому каменному полу, давая время своему улучшенному зрению переключиться на ночной режим, — почти все светильники были разбиты и вырваны из креплений. Только кое-где немногие уцелевшие лампы продолжали отбрасывать неровный свет, лишь подчеркивавший глубину окружающей темноты. Слабое мерцание позволяло разглядеть темные потеки и лужицы на полу, но Кхарн не обращал на это ни малейшего внимания. Ему слишком часто доводилось видеть смерть, так что он узнал бы ее даже и без запаха крови,

ударившего в ноздри.

Ему захотелось оглядеться и поискать своих братьев. Когда Император поручил Гончим Войны это необычное дело, после выполнения которого Легиону предстояло направиться на встречу с Тридцать седьмым флотом у Альдебарана, первым в зал направился Гир, магистр Легиона. Затем, когда звуки, раздававшиеся из-за дверей, позволили понять, что он уже мертв, к примарху отправился Куннар, чемпион Первой роты, облачившийся в парадный плащ и опирающийся на свой топор как на посох. Следующим стал Анчез, командир штурмового эшелона. Когда двери перед ним распахнулись, он продолжал перешучиваться с Кхарном и Хьязном, не обращая внимания на запах крови, уже витавший в воздухе. Анчезу не был знаком страх. Потом пришел черед Хьязна и двух знаменосцев из его штаба, пожелавших спуститься во мрак вместе со своим предводителем. Они рассчитывали принять на себя ярость примарха и сдерживать его до тех пор, пока Хьязн не

сумеет поговорить с ним. Не сработало. Тогда Венч, комендант старины Гира, настоял на том, что пойдет следующим, хотя командование Легионом, а с ним и обязанность предстать перед примархом должны были перейти к Шиннаргену из Второй роты. Сейчас их спор казался даже в чем-то смешным. Шиннарген встретил свою участь всего час спустя после Венча.

«Примарх, я покорен твоей воле, — твердил про себя Кхарн, — и никогда не осмелюсь попытаться подчинить тебя себе. Но все-таки, мой новообретенный господин, я очень надеюсь, что ты примешь свой Легион, пока в нем еще хоть кто-то дышит...»

Он вздохнул и направился вглубь зала. На долю секунды ему показалось, будто он слышит какое-то шевеление во тьме, едва различимые шаги и порыв воздуха, напоминающий дыхание, а затем мир вокруг словно взорвался и закружился, а сам десантник с силой врезался в колоннаду и рухнул на спину, задыхаясь от боли.

Не успев еще даже восстановить

дыхание, он, повинуясь рефлексам, поднялся на одно колено, развернувшись так, чтобы сломанная правая рука и плечо были защищены стеной, и поднял здоровую руку, готовясь отразить следующий удар. Кхарн огляделся в поисках движения, изучая окружающий трак в инфракрасном диапазоне, и через секунду увидел, что на него мчится какая-то колоссальная фигура...

Разум взял инстинкты под контроль, и десантник заставил себя прижать руку к груди, а уже через мгновение его оторвало от пола. Воздух вновь полностью вышибло из его легких, травмированная ключица словно пылала огнем. Не раздумывая ни секунды, Кхарн вскинул колени к груди и превратил падение в кувырок назад. Тренировки, самоотверженность и особенности нервной системы воина Астартес позволили вытеснить боль на задний план, и десантник, приземлившись, тут же принял боевую стойку.

Но разум и сейчас сумел взять верх, и Кхарн приказал себе выпрямиться и вытянуть руки по швам. Оглядевшись, он

нашел взглядом то место, где лежал после прошлого падения, но там уже было пусто, не осталось даже температурного следа.

Должно быть, то же самое произошло и с остальными? Кхарн поймал себя на посторонних мыслях и поспешил выкинуть их из головы, поскольку, утратив сосредоточенность, начал пошатываться. Он насторожился, услышал, как что-то приближается к нему со спины, и уже открыл рот, чтобы заговорить, когда на его затылке и шее сомкнулись ладони, казавшиеся больше и мощнее, чем даже клешня дредноута. Десантник почувствовал, как его отрывает от земли.

«Разум. Разум сильнее инстинктов». Кхарн заставил себя не брыкаться и не вырываться из захвата.

— Еще один? И такой же, как остальные? — Голос, раздавшийся у его уха, был хриплым, рокочущим, и слова перекатывались, подобно пригоршне раскаленного песка. — Выглядит как воин и одет как воин... гр-р-р...

Хватка, сжимавшая Кхарна, стала сильнее, и десантника затрясло не хуже,

чем «Грозовую птицу», когда та входит в атмосферу. А потом раздался звериный рык, переросший в оглушительный рев:

— Сражайся!

Примарх удерживал Кхарна одной рукой и бросал из стороны в сторону так, что перед глазами Астартес все плыло.

— Сражайся!

За этими словами последовал такой удар о стену, что десантник чуть не потерял сознание, а мир вокруг него окутала алая пелена.

— Сражайся!

Очередной удар — и в багровой дымке расплылись черные пятна. Руки безвольно повисли и уже с трудом ощущались. Завывающий, оглушительный голос вливался в уши десантника, грубо проламывая себе путь в его сознание и смешая уже и без того спутанные мысли.

— Сра-ажайся-а!

На искалеченном предплечье Кхарна сомкнулся стальной захват, и на мгновение воин вновь подлетел в воздух. Новый удар спиной об стену — и десантник повис, беспомощно дергая ногами,

прижатый к темному трактору могучей рукой.

В голове неожиданно просветлело. Биохимия Астартес помогла унять боль и не дала потерять сознание, выбросив в кровь поток стресс-гормонов, поэтому взгляд Кхарна был ясен, когда он посмотрел в лицо своего повелителя.

Копна жестких медно-красных волос венчала голову с высоким лбом, глубоко посаженными бледными глазами, скулами, будто бы высеченными топором, орлиным носом и широким тонкогубым ртом.

Это было лицо предводителя, за которым люди будут готовы идти на смерть. Лицо учителя, за право сидеть у ног которого бились бы самые почтенные мудрецы. Лицо короля, перед которым склонятся миры, — лицо примарха.

Гнев же придавал ему звериный облик. Ярость изуродовала его, подобно раковой опухоли. Из-за этого глаза примарха казались пустыми желтыми провалами в черепе, благородные черты исказились, а рот оскалился, обнажив зубы.

И все-таки лицо это казалось

неуловимо знакомым, ведь сейчас перед Кхарном стоял его повелитель, по образу которого и создавались все Гончие Войны. В этой бронзовой коже, в расположении глаз, в форме нижней челюсти и черепа десантник узнавал своих братьев. Но при этом в голове продолжало метаться назойливое воспоминание о битвах Легиона против безумных ксеносов, чьи маски позволяли сплетать из света издевательские пародии на лица Астартес.

Захват стал сильнее, и Кхарн задался вопросом, не может ли Ангрон читать его мысли, — поговаривали, что некоторые из обнаруженных примархов обладают этой способностью. Гигант медленно поднес вторую руку к голове Кхарна. Даже при столь скудном освещении Астартес мог видеть растрескавшуюся корку запекшейся крови, покрывавшую пальцы примарха. Ладонь сжалась в дрожащий от напряжения кулак, который, казалось, нависал над десантником целую вечность, прежде чем раскрыться в подобие птичьей лапы.

Кхарну не составило труда понять, как именно будет нанесен удар: в его глаза вонзятся пальцы, достаточно сильные и крепкие, чтобы проломить кости глазниц и проникнуть в мозг, а большой палец тем временем проткнет гортань. Затем примарх сожмет ладонь и одним движением выдернет всю лицевую часть его черепа, а то и оторвет голову целиком. Конечно, кости Астартес довольно крепки, и хватит ли Ангрону силы проделать этот трюк? Рассудив, Кхарн решил, что, скорее всего, хватит.

Но удара так и не последовало. Вместо этого примарх пригнул голову; его оскаленное лицо горгульи все приближалось и приближалось, пока губы гиганта не оказались возле самого уха десантника.

— Почему? — В шепоте могучего воина слышался лязг танков, идущих по гравию. — Я же вижу, для чего ты рожден. Ты создан, чтобы проливать кровь, так же как и я сам. Ты рожден ничуть не более обычным человеком, чем я. — Раздался протяжный озлобленный рык. — Так

почему? Почему у тебя нет Триумфальной Веревки? Почему нет оружия? Почему вы умираете столь безропотно? Ты хоть понимаешь, какая кровь течет у меня в венах?..

Прижимаясь к щеке десантника, примарх не мог не обратить внимания, что тот улыбнулся, и отшатнулся, чтобы посмотреть на Кхарна. Глаза Ангрона на мгновение сузились, превратившись в узкие щели, а затем вновь широко, гневно распахнулись, и гигант вновь с силой впечатал воина в стену. Кхарн почувствовал, что сжимающие его горло пальцы дрожат от едва сдерживаемой ярости.

— Что такое? Почему ты скалишь зубы? — Очередной удар об стену. — Почему смеешься?

В конце фразы голос Ангрона вновь сорвался на всесокрушающий рев, от которого зазвенело даже в ушах Кхарна, даром что они были куда крепче человеческих. Пытаясь прийти в себя, десантник вдруг понял, что вопрос вовсе не риторический. Ангрон ждал ответа.

— Я... — Кхарн и сам услышал, насколько хрипло и слабо звучит его голос, — я горжусь собратьями по Легиону.

Десантник сглотнул, чтобы попытаться смягчить пересохшее горло, перед тем как продолжит говорить, но раньше, чем он успел сделать вдох, его оторвали от стены и отбросили в сторону. Описав в полете длинную дугу, он упал на чей-то остывший изуродованный труп. Набрав воздуху в легкие, воин ощутил сильный смрад крови и кишок. Определить, кому принадлежит тело, Кхарн не сумел.

В такт рычащему дыханию зашлепали по каменному полу босые ноги Ангрона. Затем примарх прыгнул и приземлился на корточки возле пытающегося подняться десантника. На сей раз могучая ладонь сжалась на лице Кхарна и заставила того принять полувертикальное положение так, чтобы он мог смотреть примарху прямо в глаза.

— Гордишься? — Ангрон пошевелил губами, будто что-то пережевывая. — Твои братья. Не воины. Никто из вас не желает

сражаться. Почему... вы... — Схватившись одной рукой за голову, Ангрон с трудом выдавливал из себя слова: — Как... ох-х... как может... н-н-н...

Схватив Кхарна за тунику, он поднял его и снова бросил на пол. Чьи-то изодранные останки брызнули кровью, когда Астартес упал на них сверху.

— Никакой гордости! — проревел Ангрон, и Кхарну подумалось, что примарху и голоса вполне хватит, чтобы окончательно переломать ему все кости. — Не было никакой гордости в тех безмозглых и безвольных братьях, что приходили сюда! Тупые, отрешенные взгляды, точно у волов на бойне! Ни один не сражался! А мои братья... мои братья и сестры, ох...

Рука, сжимавшая грудь Кхарна, убралась, и, когда в его глазах немного прояснилось, он поднял взгляд. Ангрон больше не смотрел в его сторону. Примарх сидел на корточках, прижимая ладонь к лицу. Он что-то говорил, но его голос, хотя все такой же громогласный, стал неразборчивым, и в нем прорезался четкий

акцент. Кхарну пришлось напрячься, чтобы разобрать слова.

— Мои бедные воины, — бормотал Ангрон, — мои утраченные братья.

Опустив руку, примарх посмотрел Кхарну в глаза. Во взгляде гиганта все еще читалась ярость, но теперь она была сдерживаемой, подобно огню в печи, а не пылала прежним алым пожаром.

— Твои братья, — устало произнес Ангрон, — не похожи на моих, кем бы вы ни были.

«Кем бы вы ни были». Кхарну понадобилось несколько секунд, чтобы эти слова дошли до его сознания и оформились в понимание: Он не знает. Но как это может быть? Не поднимаясь с пола, Гончий Войны судорожно вздохнул:

— Мое имя Кхарн. Я воин...

— Нет! — Кулак Ангрона впечатался в пол рядом с головой Кхарна. Осколки растрескавшегося камня вонзились в щеку десантника. — Не воин! Нет!

— ...одного из Легионов Астартес, великого союза боевых братьев, стоящего на службе...

— Нет! Мертвы! — взвыл Ангрон, запрокидывая голову, и на шее его вздулись вены. — О-ох, все мои воины мертвы, мои братья, мои сестры...

— ...возлюбленному Императору, — продолжал Кхарн, стараясь говорить уверенным, спокойным голосом и подавляя в душе предательское желание умолять и плакать, — владыке Человечества, нашему командиру и предводителю, чьей...

Услышав про Императора, Ангрон затрясся в ярости и, вновь запрокинув голову, завыл во тьме, подобно дикому зверю, заставив Кхарна испуганно замолчать. Потом, двигаясь со скоростью змеи, примарх схватил его за лодыжку и легким движением руки подкинул в воздух.

Времени, чтобы извернуться в полете или хотя бы приготовиться к падению, не было. Кхарн только и успел, что обхватить голову руками, прежде чем врезался в стену и комом повалился на пол. Сквозь красновато-серый туман в голове он слышал, что Ангрон продолжает сотрясать зал оглушительным бессловесным воем. Кхарн чувствовал, как

у него внутри все покалывает и подергивается, — дополнительно имплантированные органы пытались починить его тело. По всей видимости, Ангрон что-то серьезно ему повредил. «И для лечения этих травм наверняка понадобится помощь Апотекариона, — подумал Гончий Войны. — Если, конечно, не выйдет так, что им останется только гадать, какие из этих останков принадлежат именно мне». Он мысленно мрачно улыбнулся. Это придало ему сил, чтобы со стоном приподняться на локтях и коленях.

Тут же на его спину, точно кузнечный молот, обрушилась нога Ангрона, вынуждая Кхарна снова рухнуть на пол. Раздавленная грудина взорвалась болью, и, попытавшись сделать вдох, десантник почувствовал, как скрипят его ребра, сращенные так, чтобы образовывать броню.

— А тебя не так-то и просто покалечить, да, жалкий ты чистокожий? — послышался голос возвышавшегося над ним Ангрона. Примарх отрывисто выплевывал

слова одно за другим: — И кому же пришло в голову создавать воинов, не желающих сражаться? Твоему паскудному, сволочному полководцу — вот кому.

Организм Кхарна ощутил нехватку воздуха в легких и подстроил метаболизм под сложившиеся условия, чтобы более экономно расходовать кислород. Десантник почувствовал, как сжимается третье легкое, переходя на новый режим, и мягкий жар в животе, когда олитовая почка заработала быстрее, стремясь вывести избытки токсинов из крови.

— Он посылает слабовольных, трусливых чистокожих подыхать ради него... о да, я хорошо знаком с людьми его сорта. — Слова Ангрона сливались в непрерывное рычание. — Их руки никогда не знали тепла крови. Раны не портили их кожи. Черепа их не ведали Гвоздей Палача. И языки, которые... кхм...

Давление на спину Кхарна уменьшилось. У Ангрона просто не было достаточной опоры, чтобы продолжать удерживать десантника, и к тому же вторая его нога начала скользить.

Неожиданно тяжесть полностью исчезла, и Кхарн судорожно втянул воздух всеми тремя легкими, но примарх ударом ноги перевернул его на спину.

— Вас не убивает то, что убило бы простого человека. — Несколько секунд Ангрон постоял неподвижно, возвышаясь над десантником, подобно статуе святого, а затем, пригнувшись и вытянув шею, точно выслеживающая жертву огромная кошка, принялся кружить возле того места, где лежал Гончий Войны. — Вы переносите раны почти так же... кхм...

Ангрон запустил пальцы в свою шевелюру, и Кхарн увидел под ней многочисленные рубцы шрамов.

— ...так же, как я. И кровь ваша сворачивается, как моя... и... пахнет...

Кхарн увидел, как руки Ангрона сжимаются в кулаки, как вздуваются буграми мускулы плеч и шеи и как, наконец, само лицо примарха снова начинает превращаться в гневную маску. Гончий Войны медленно и неуклюже сел, а потом встал на одно колено, готовясь к новой порции побоев, но Ангрон пока

продолжал просто кружить рядом.

— И ведете вы себя так, словно привычны держать в руках железо, а не пустой воздух. Доведись мне сражаться с вами на горячем песке, я знал бы ваши имена, ведь каждый из вас приветствовал меня как подобает, а потом мы вместе свили бы Веревку. — Примарх кружил, мягко переступая, и взгляд его давил на Кхарна, подобно стальным оковам. — Неужели вас не заботит, что вы погибаете от рук того, кто даже имени вашего никогда не узнает?

«А должно ли это меня волновать?» — подумал Кхарн. Впрочем, сейчас некогда было искать ответ на этот вопрос. Сейчас он играл роль простого гонца, чей долг — доставить послание, а не вступать в дебаты.

— Мы — ваш Легион, примарх Ангрон. Мы лишь инструмент в ваших руках и всецело принадлежим вам. Прикажите, и мы будем убивать ваших врагов или погибнем сами.

На сей раз не было ни удара, ни захвата, ни пинка, а только звонкая

оплеуха, заставившая Кхарна повалиться на землю.

— Только попробуй еще раз подшутить надо мной, и я одними пальцами раздавлю твою черепушку раньше, чем ты успеешь договорить. — В голосе Ангрона звучало угрожающее спокойствие, казавшееся даже более пугающим, чем его бешенство. — Мои воины. Мои братья и сестры. О отважные мои друзья, мои братья, мои... — Какое-то время Ангрон просто переминался с ноги на ногу, беззвучно шевеля губами и покачивая головой. — Все пали, пали все, кроме меня, а я...

Руки Ангрона вскинулись, он затолотил себя кулаками по бедрам и груди, нанося удар за ударом, ладони со всего размаху хлестали по щекам и губам. В неожиданно установившейся тишине звуки этого самобичевания и тяжелое дыхание примарха казались преувеличенно громкими. Не имея возможности что-либо предпринять, Кхарн молча наблюдал за тем, как Ангрон падает на колени, дрожит и подносит к лицу сжатые в

кулаки, сведенные от перенапряжения руки.

Воцарилась тишина. Но в конце концов Кхарн нашел в себе силы заговорить:

— Мы — ваш Легион. Нас создали из вашей крови и генов, сотворив по вашему образу и подобию. Мы проделали долгий путь от того мира, где вы родились. Мы проливали кровь и сжигали миры, сокрушали империи и под корень истребили сотни различных рас. И все для того, чтобы найти вас.

«Повелитель, только позвольте мне договорить, — подумал Гончий Войны и почувствовал, что в его голос возвращается сила. — Позвольте мне донести до вас наше послание, и тогда моя миссия будет выполнена. После можете поступать со мной, как вам вздумается».

— Мы отказываемся сражаться против вас, потому что вы — наш примарх. Вы не только наш предводитель, но и наш прародитель, наш исток. Что бы ни случилось, я не посмею поднять на вас руку. Не пойдет на это и ни один из моих собратьев. Те, кто приходил сюда, были

посланцами. Мы здесь ради Легиона и нашего... нашего Императора. — Кхарн внутренне сжался, но Ангрон не показывал никакой реакции на это имя. — Мы пришли, чтобы утолять вас занять то место, которое принадлежит вам по праву рождения.

Кхарн попытался подползти к застывшему на коленях, сгорбленному и дрожащему Ангрону, но был остановлен жаркой волной исходившей от примарха угрозы. Гончий Войны тяжело и судорожно вздохнул. Боль от полученных ран постоянно маячила где-то на краю сознания и не давала покоя. Кхарн прикрыл глаза, чтобы выполнить серию боевых упражнений, заложенных в него под гипнозом во время обучения на склонах горы Бодт, и постарался отрешиться от боли.

Заодно у него появилось время подумать, и эта передышка позволила успокоиться и заставить себя воспринимать порученную ему задачу так же, как любое другое боевое поручение, будь то возведение фортификаций или

рукопашная схватка с неприятелем. Он вспомнил о предыдущем задании и об отчетах, поступавших с императорского флагмана до и после того кошмара, которым закончилось их посещение планеты, и вдумался в слова самого примарха. Все в Легионе знали, что на поверхности в тот день разыгралось сражение. И Кхарн вдруг испытал приступ ревности, осознав, что все те истребленные к текущему моменту мятежники уже успели прикоснуться к славе примарха... его примарха, что должен был вести...

Осознание пришло неожиданно, заставив забыть о боли.

— Я завидую им, — тихо произнес Кхарн. — Всем тем, кто сражался бок о бок с вами. И мне жаль, что я не знал их. Ведь они следовали за вами на битву. Повелитель, ни о чем другом так не мечтаем я и мои братья, как только о возможности сражаться за вас так же, как это делали они.

Примарх медленно отвел руки от лица. Он все еще стоял на коленях, спиной

к ближайшей лампе; перед Кхарном вырисовывался лишь его силуэт, но глаза Астартес, видевшие в инфракрасном диапазоне, заметили на крупном лице Ангрона горькую улыбку.

— Ты? У тебя же нет ни Гвоздей, ни Веревки. Одна надежда, что ты, Кхарн из так называемого Легиона, хотя бы шутить умеешь. В этом бы с тобой мы посоревновались. Особенно беспощаден был Йочура. О, этот паренек был весьма остер на язык. — Улыбка примарха немного стерла горечь с его лица. — Мне часто доводилось наблюдать, как он посмеивается над окружающими. Вначале в клетках, а потом и во время нашего восстания. Он шутил, и все смеялись. Причем громче всех хохотали он сам и тот, кто стал мишенью для его острот. И это... было... замечательно. Здорово было наблюдать за ним. Йочура даже поклялся, что умрет, смеясь в глаза своему убийце. — Улыбка оставила лицо Ангрона, вновь скривившееся в кровожадной, угрюмой гримасе. — И ведь говорил же я ему... говорил, что... о-ох...

Кхарн почувствовал, как под ногами содрогнулся пол, когда могучие кулаки вновь ударили в него. Гончий Войны собирался было что-то сказать, но его прервала ладонь Ангрона, молниеносно выстрелившая вперед и сжавшаяся на его шее.

— Я не знаю, как они погибли! — От рева примарха в ушах Кхарна вновь зазвенело. Ангрон тряс десантника, точно пустой мешок. — Мы поклялись! Поклялись!

Кхарна замотало из стороны в сторону, а свободная рука примарха замолотила по полу. Ноздри Гончего уловили новый, резкий запах... запах свежей крови Ангрона. Тот разбил кулак о камни.

— Мы поклялись, — продолжал Ангрон, и его стон был подобен скрежету рвущейся стали. — Еще на пути к Деш'эа каждый из них нанес свежий шрам на мою Веревку, и я так же поступил с ними. Все мы дали зарок, что, прежде чем пасть, нанесем высоким наездникам такую рану, которая будет кровоточить еще сотню лет!

Невзирая на все свои старания хранить спокойствие, Кхарн непроизвольно

вскинул руки, когда ладонь на его горле сжалась сильнее.

— Рану, от которой плакали бы даже их трусливые правнуки! Память о ней должна была преследовать всякого, кто осмелился бы вновь посмотреть на горячий песок!

Ангрон ослабил хватку, и Кхарн смог набрать воздуху. Гончий Войны стоял практически на коленях, с головой, обхваченной с обеих сторон ладонями примарха.

— И после всего этого вышло так, — прошептал Ангрон, — что клятве моей недостало силы. — Он опустил руки и позволил Кхарну упасть. — Ведь я не знаю даже того, как погибли мои люди.

Открыв глаза, Кхарн увидел, что Ангрон сидит рядом, скрестив ноги, уперев локти в колени и наблюдая за ним. Запах крови примарха уже утратил свою свежесть... Неужели Кхарн терял сознание? Или просто утратил счет времени, лежа во мраке? Или, быть может, кровь Ангрона сворачивалась куда быстрее, чем у Астартес? Поразмыслив,

Кхарн решил, что и такое вполне возможно. Он вздохнул и приподнялся на локтях, от чего его грудь пронзила боль.

— Скажи мне, чистокожий, как вы встречаете свою смерть? — Холодок, прозвучавший в голосе примарха, шокировал на фоне воспоминаний о том разъяренном демоне, что швырял десантника из одного угла в другой. — Обмениваетесь ли вы приветствиями, стоя на горячем песке? Или зачитываете свою родословную, подобно высоким наездникам? Перечисляете ли, как мы, свои победы? Поведай, что делаете вы, пока разогревается железо в ваших руках?

— Мы... — начал было Кхарн, но из-за неудобной позы закашлялся.

Тогда Гончий Войны заставил себя приподняться и встать на колени, а после несколько секунд пытался отдышаться и унять боль. Хотя Ангрон и сидел, но все равно минимум на голову возвышался над десантником.

— Клятва момента, — произнес Кхарн. — Последнее, что мы делаем, прежде чем отправиться в бой. Все мы

даем обеты перед лицом остальных собратьев по Легиону. Мы обязуемся сделать что-либо во славу Императора.

Ангрон зарычал, услышав это имя.

— ...или ради нашего Легиона, или даже самих себя. Остальные становятся свидетелями этих клятв. А некоторые Легионы даже записывают обеты, украшая ими свои доспехи.

— И ты давал подобную клятву, направляясь сюда? — поинтересовался Ангрон.

— Нет, примарх, — ответил Кхарн, хотя вопрос и застал его немного врасплох. — Ведь я не собирался сражаться с вами. И повторюсь, никто из нас не осмелится поднять на вас руку. Клятвы момента используются лишь для битвы.

— Значит, вы не знаете ритуала вызова, — пророкотал гигант. — И, ступив на песок, вы не спрашиваете имен и не называете своих. Ни приветствий, ни демонстрации Веревок. Вот, значит, как сражаются те, кто называет себя моими кровными родственниками?

— Да, повелитель, именно так мы

воюем. Наша цель в жизни — истребление врагов Императора. И все, что не служит этой цели, мы считаем излишним. Нам редко доводится встретиться с неприятелем, способным понять ценность имен, не говоря уже о приветствиях и чести. И прошу меня простить, примарх, но я в самом деле не знаю, что такое Веревка.

— Как же тогда вы отмечаете свой воинский путь? — В голосе Ангрона прозвучало искреннее замешательство, но, когда Кхарн затянул с ответом, примарх подался вперед и прижал десантника к земле. — Говори! Ты, жалкий падальщик, осмеливаешься насмехаться надо мной, словно какой-то высокий наез... о-ох...

Он вскочил и, вздернув Кхарна за горло, опять бросил на пол. Пока Гончий силился подняться, Ангрон встал под одной из уцелевших ламп. Мгновение спустя гигант оглянулся, проверяя, смотрит ли Кхарн, а затем повернулся к нему спиной и раскинул руки.

На обнаженном торсе примарха вздувались могучие мускулы. Он обладал

широкими плечами и производил ощущение неуклюжего, угловатого человека — под его кожей скрывались усиленный скелет и удивительные органы, созданные, как гласила популярная среди Астартес легенда, из плоти и крови самого Императора. Кхарн задумался над тем, догадывается ли Ангрон, кем является на самом деле.

От самой макушки примарха тянулась цепочка шрамов. Они спускались вдоль позвоночника, после чего уходили влево, огибая тело, заходя на бедро, и убегали на живот. Ангрон повернулся к свету, и Кхарн увидел, что одни шрамы, уродовавшие кожу гиганта, были шире, а другие — уже. Кое-где они почти полностью заросли благодаря регенеративным способностям примарха. Рубцы кольцо за кольцом обвивали тело Ангрона, неожиданно обрываясь возле правой груди.

— Триумфальная Веревка! — провозгласил Ангрон.

Его рука скользнула по окончанию цепи шрамов, более гладкому, менее

уродливому, выглядевшему совсем свежим.

Кхарн подскочил на месте, когда примарх с грохотом пушечного выстрела ударил себя в грудь:

— Красные нити! Да, Кхарн, в моей Веревке были только красные нити! Я такой один из всех нас. Ни единой черной!

Ангрона вновь заколотило от припадка ярости.

«Я это начал, я и собираюсь закончить, — подумал Гончий Войны, — но, примарх, трудно сказать, сколько еще мне удастся выдерживать ваш гнев».

Руки Ангрона схватили его за плечи, безжалостно сжимая переломанные кости. Кхарну пришлось стиснуть зубы и изо всех сил напрячь шею, чтобы сдержать крик боли.

— Я не могу вернуться! — расслышал он сквозь пелену голос Ангрона и понял, что в нем более не звучит ярость, но одно лишь отчаяние, куда более глубокое, чем все страдания самого Кхарна. — Мне не вернуться в Деш'эа. Не набрать его земли, чтобы сделать черную нить. — Ангрон отпустил десантника и упал на колени. —

Я не могу... ух-х... я обязан нанести знак своего поражения, но не могу. И этот твой Император! Твой Император! Я не смог ни сражаться бок о бок с ними, ни упокоиться вместе с ними.

— Повелитель, я... мы... — Кхарн ощутил болезненные уколы и жар в животе, когда системы заживления начали заращивать полученные раны. — Легион жаждет познать ваш путь. Вы наш примарх. Но пока еще нам многое неизвестно. И я не знаю...

— Нет. Конечно же, стервятник Кхарн не может знать. На тебе ведь нет даже Триумфальной Веревки. — (Гончий Войны стоял, устремив взгляд в пол, но прекрасно различил насмешку, прозвучавшую в голосе Ангрона). — Каждый бой, который ты пережил, означает новую нить в Веревке. Победа — чистый шрам. Красная нить. Потерпев поражение, если, конечно, останешься жив, ты должен взять горсть земли с того места, где бился, и втереть ее в надрез. Черная нить. И, Кхарн, на мне только красные. — Ангрон опять начинал размахивать руками, — но

я этого не заслужил.

— Я понимаю, повелитель, — произнес Гончий Войны. — Все ваши братья... братья и сестры, — поправился он, — потерпели поражение.

— Они погибли, Кхарн, — сказал Ангрон — Все до единого. А ведь мы клялись друг другу, что до последней капли крови будем стоять против армий высоких наездников. Утесы Деш'эа должны были стать свидетелями развязки той битвы. Но теперь на моей Веревке не прибавится нитей. Не появится их и у остальных. — Голос примарха стих до шепота, и в нем послышалась глубокая горечь утраты. — Мне здесь не место. Я не имею права дышать. Но дышу... И при этом не могу даже взять земли Деш'эа, чтобы сделать черную нить в память о них. Скажи, почему ваш Император так поступает со мной, Кхарн?

На некоторое время установилось молчание. Ангрон стоял, закрыв лицо ладонями и склонив голову, на ней, испещренной шрамами, играли причудливые тени.

Кхарн заставил себя подняться. Его шатало, но он сумел сохранить равновесие.

— Повелитель, конечно, это не мое дело и я не могу знать, что сказал бы вам Император. Но ты...

При этих словах Ангрон поднял взгляд, и Кхарн содрогнулся. Глаза примарха пылали огнем, а зубы оскалились в широкой, злобной ухмылке.

— Да ничего он мне не сказал... о нет. Думаешь, я бы ему позволил? Ты и в самом деле так полагаешь? — Ангрон пришел в движение, то попадая в свет лампы, то вновь скрываясь во тьме. Его голова постоянно покачивалась. — Я прекрасно помню, что произошло. Я был там и видел, как убийцы высоких наездников явились к Деш'эа за моими братьями и сестрами... я знал, я все понимал. Ох-х! — Примарх вскинул руки, точно пытаясь схватить воздух. — С ним были и его братья, личная гвардия таких же, как он. Все в золоченых доспехах, строящие из себя высоких наездников, хотя их ноги топтали грязь. А потом они направили свое жалкое оружие на меня! — Ангрон прокрутился на пятках,

подскочил к Кхарну и толкнул в грудь. — Они посмели поднять на меня оружие! На меня! Они... они...

Примарх запрокинул голову и сжал виски ладонями, словно стараясь удержать мысли, бурлящие в его мозгу. Постояв так буквально секунду, он метнулся вперед и обрушил кулак на каменную стену за спиной Кхарна. Во все стороны брызнули осколки.

— Одного я достал, — процедил Ангрон. Он опять начал метаться, отдаваясь воле ярости. — Хотя так и не сумел дотянуться до этого вашего Императора. Ох-х, его голос, звучавший в моих ушах, был похуже Гвоздей Палача. — Пальцы Ангрона постукивали и скребли металлические стержни, вбитые в его череп, а пристальный взгляд примарха продолжал сверлить Кхарна. — Но одного я разорвал на куски! Одного из тех засранцев в золотой броне. И у него, как и у всех вас, чистокожих служек Императора, не хватило кишок сразиться со мной. Он только и делал, что толкал меня... толкал туда, куда меня забрали с Деш'эа. —

— От этих воспоминаний по лицу примарха пролегли глубокие тени.

— Телепорт, — понимающе произнес Кхарн. — Вас телепортировали. Вначале на корабль Императора, а потом уже — сюда.

— Ну, ты-то, может, в этом и понимаешь. — Ангрон никак не мог остановиться и теперь отдалялся, так что Кхарн видел лишь его теплый силуэт в инфракрасном диапазоне. Примарх вскинул подбородок и воздел руки, словно намеревался обратиться к зрителям на трибунах. — Мои сестры, братья, да и я сам принадлежали наездникам, что вечно носили эти накидки, делающие их похожими на ворон. Их зоркие глазки наблюдали за тем, как мы проливаем свою кровь им на потеху. — Гигант зарычал, потрясая кулаками над головой. — И ты, Кхарн, тоже принадлежишь этому своему Императору, заставляющему тебя страдать и использующему этих позолоченных кукол, чтобы они сражались вместо него...

Гончий Войны отчаянно замотал

головой, и это не укрылось от Ангрона.

— Вот как, — пророкотал примарх, и в голосе его опять послышалась угроза. Это напомнило десантнику, что сам он слаб, изранен и безоружен. — Значит, Кхарн считает меня лжецом. Кхарн готов усомниться в своем примархе ради Императора.

Ангрон выпрыгнул из темноты и остановился перед Гончим Войны, занеся руку для удара.

— Признай же, Кхарн, — прорычал примарх, — ведь я прав? — Воздетый к потолку кулак задрожал, но не опустился на голову десантника. Ангрон резко приблизил свое лицо, точно намереваясь укусить Гончего Войны. — Признай! Признай!

— Я видел его только однажды, — произнес Кхарн. — Это было на Нова Шендак. Мир Восемь Тысяч Двести Семнадцать. Планета червей. Огромные создания, обладавшие разумом. Отвратительно. Они сражались при помощи металлических нитей, проводящих энергию их тел. Мне не забыть того, как

земля под нашими ногами была взрезана этими самыми нитями прямо перед тем, как черви вырвались на поверхность. Каждый из них был толщиной с человека, а в длину даже больше вас. На их головах зияло по три рта с острыми зубами. Они умели говорить прямо сквозь землю, и иногда их голоса напоминали дикие вопли, а иногда — бормотание ведьмы. Нам удалось вычислить три покоренные ими системы, выжечь дотла колонии-гнезда и установить координаты их родной планеты. И вот там мы нашли людей. Людей, давным-давно потерянных для Человечества, слепо блуждающих по тем землям, пока черви пировали в своих болотах. Эти твари охотились на людей и даже разводили их, как скот. Убивали их.

Ангрон прищурился, но кулак его, хотя и был все еще занесен для удара, более не дрожал. Кхарн смежил веки. Сейчас он вспоминал блеск сине-белых доспехов Гончих Войны на закате мира червей, вспоминал непрестанное, вытатывающее нервы влажное чавканье грязевых океанов, накатывавших во время приливов на

каменистый берег материка.

— С нами тогда были и Железные Воины, и Пертурабо, высадившийся вместе с первыми же штурмовыми отрядами сразу после того, как наши разведчики нашли подходящее место — ровную сухую поверхность. Именно Пертурабо придумал возвести укрепления в этих условиях. Если честно, то там и земли-то толком не было, сплошная липкая грязь, пропитанная токсинами. А под ней — затопленные рвы, где легко мог утонуть любой, кто туда угодит.

— И как же вы победили?! — требовательно воскликнул Ангрон. — Как, если там даже стоять было негде?

— Мы вооружили часовых высокомощными лазерными орудиями и установили приборы, позволявшие заранее предугадывать приближение червей. Кроме того, мы вычисляли, где окопались черви, и сбрасывали туда взрывчатку. Пертурабо нет равных в земляных работах. Он проложил траншеи, возвел дамбы и осушил грязевые моря, принуждая червей отступать. Создал твердь, где стоглиф

жить те несчастные люди. И вот тогда твари вышли из болот, чтобы дать нам отпор, и встретились с гневом Императора и Гончих Войны.

— Как понимаю, ты говоришь о своих братьях? — поинтересовался Ангрон.

— Именно, — кивнул Кхарн. — Гончие Войны. Двенадцатый Легион Астартес. Воины, сотворенные по вашему образу и подобию, примарх. Император видел, как ты сражались в ульях Кефика, и дал нам имя в честь белых гончих, которые используются северными воинами Йешка. Мы гордимся этим названием. Гордится и надеется, что и вы примете его.

Ангрон зарычал, но прерывать не стал. Кулак разжался.

— С юга строительную площадку Пертурабо прикрывала каменная гряда — самое близкое подобие гор, какое мог предложить тот мир, и единственное место, способное сдерживать потоки жидкой грязи. Как только черви поняли, что наши инженеры необратимо изменяют облик их мира, они начали сползаться к этой гряде, готовясь нанести

нам удар. Тварям удалось укрыться под таким слоем грязи, что никакие приборы уже не могли их обнаружить, и незаметно подобраться к нам. — Кхарн говорил все быстрее, всецело отдавшись на волю воспоминаний о резком, едком запахе отравленной земли и об испуганных криках артиллеристов, под ногами которых вспучился грязевой океан.

Ангрон отступил назад, склонив голову и внимательно вглядываясь в собеседника.

— Впервые черви набросились на нас такой волной, — продолжал Кхарн. — До того они изредка атаковали границы строительной площадки и нападали на бригады рабочих, трудившихся на насосах и землечерпалках. Прошло уже несколько месяцев, а мы все не предпринимали против тварей никаких серьезных действий, но к тому времени Гир и Пертурабо сумели продумать план контратаки, внимательно изучив тактику врага. В тот день заняли позиции на стенах акведука. Он был достроен лишь только наполовину, но уже

вздымался к небесам. Затем мы принесли свои клятвы и зарядили болтеры.

— Болтеры?

— Огнестрельное оружие. Очень мощное. Оружие Астартес.

— Ладно, продолжай. Значит, черви подползли к площадке... — Ангрон смотрел куда-то мимо Кхарна, переминаясь с ноги на ногу и подергивая руками. Только теперь Гончий Войны понял, что примарх проигрывает в уме ход того сражения, продумывая идеальное расположение войск и укреплений. — И что, они так и поперли, словно щенки на оленьи рога? Идти в лобовую на оборонительные сооружения — верх глупости. И что же сделали вы?

Кхарн полностью закрыл глаза, чтобы отрешиться от боли в изувеченном теле и выполнить ряд упражнений, помогающих вспомнить события тех дней.

— Первая волна тварей вырвалась из грязи, орудуя зубами и плюясь нитями, — заговорил десантник. — Они мчались к нам, скрываясь за стеной силовых разрядов. Их тела легко скользили сквозь жижу, а воздвигнутое ими энергетическое поле

крошило камни. К нам неслась волна измельченных обломков. Мы делали все, чтобы остановить их, — обстреливали из пулеметов, обрушивали на них снаряды и даже забрасывали гранатами. И вот их ряды дрогнули, а нам показалось, что мы сумели разбить их атаку, но выяснилось, что твари только отвлекали нас, стягивая основные силы туда, где наша оборона была не столь прочна. Отступив в одном месте, они перешли в нападение там, где мы были уязвимы. Ксеносы клиньями врезались в наши ряды. Чтобы справиться с ними, нам пришлось выйти на грязь, где мы едва могли передвигаться, благо хоть в этих местах было не слишком глубоко. А черви уже бросили в бой вторую и третью волны, увлекавшие наших бойцов под землю, испепелявших их прямо в доспехах. Мы должны были выманить тварей на твердую почву, где десантники смогли бы маневрировать. К счастью, Пертурабо обустроил множество ловушек в своей земляной крепости. Фальшивые стены, прикрывающие друг друга огневые позиции, простреливаемые

берега дренажных каналов.

Ангрон одобрительно кивнул. Его взгляд блуждал во мраке, словно примарх видел перед собой высокие глиняные стены, озаряемые оранжевыми всполохами болтерных выстрелов и синевато-белым заревом от энергетических разрядов, испускаемых червями.

— Чтобы одержать верх, мы должны были пропустить тварей в самое сердце наших укреплений и зажать их. Отражая атаки и в то же время отступая на запасные позиции, войска выманивали червей туда, где их уже ждали мы, готовясь пустить в ход свои топоры. О, как много там было червей, мой примарх! — Кхарн улыбнулся. В свежих ранах запульсировала кровь, когда пробудившаяся память активировала имплантированные в его тело дополнительные железы. — Наши топоры не высыхали целый месяц.

При этих словах Ангрон снова зарычал и его рука описала в воздухе стремительный полукруг, словно он рубил мечом кого-то, кто был много ниже его ростом. Кхарну не пришлось даже

задумываться — воинское чутье услужливо отметило положение ног примарха, его баланс, движения рук и плеч, подсказало точку на теле, куда должен был прийтись удар. Не выходя из боевой стойки, Ангрон пронзил собеседника взглядом:

— А Император? Вот ты рассказываешь о войне там, в этой грязи, но ни словом не обмолвился про Императора. Небось очередная высокородная скотина? — Примарх повысил голос, в его словах звучали издевательские, грубые интонации. — Он все это время смеялся над вами? Заставлял проливать кровь за себя? Признайся же, Кхарн!

Одним стремительным, едва заметным движением Ангрон скользнул вперед и рубящим ударом ладони заставил десантника припасть на одно колено.

— Император... — Кхарн не смог сдержать улыбки при этом воспоминании, — Император был подобен золотому урагану, обрушившемуся на Нова Шендак. Черви уже обступили нас со всех сторон, когда он спустился с небес. Казалось, он несет с собой сияние солнца,

прежде скрытого от наших глаз завесой мутного тумана. Подобно маяку, озарил он своим светом все наши боевые позиции. Его Кустодес казались живыми знаменами, и солдаты сплотились вокруг них. — Кхарн снова прикрыл глаза, пытаясь подобрать верные слова. — Скажите, повелитель, в вашем мире применялись гранаты? Взрывающийся предмет, достаточно маленький, чтобы умещаться в ладони и чтобы его метать.

— Оружие высоких наездников! — прорычал Ангрон. — Использовать его — недостойно воина горячих песков.

— А теперь, примарх, представьте себе... — Кхарн постарался припомнить ругательство, использованное Ангроном, — ...глупого чистокожего, сжавшего взведенную гранату в кулаке и ждущего, пока она не взорвется. Только вообразите, как она оторвет ему запястье, превратит в кровавые ошметки руку, изуродует тело! Так вот, везде, где бы колонны червей ни сталкивались с Императором, именно это с ними и происходило. Он не отбросил их от стен крепости, нет. Не разгромил. Он

их попросту уничтожил. Наносил удар за ударом, и даже Пертурабо, явившийся туда перед самым финалом...

— Ты уже не в первый раз упоминаешь это имя. — Ангрон неожиданно оказался за спиной десантника. — Кто он?

— Простите меня, повелитель, это другой примарх. Один из первых, кого удалось найти. Я как раз только-только стал Гончим Войны, когда известие о его обнаружении догнало флот, и я еще плохо понимал, что это значит. До меня дошло только тогда, когда я увидел реакцию Железных Воинов. Даже сама атмосфера на их кораблях изменилась. Мы путешествовали вместе: Гончие Войны, Ультрамарины и Железные Воины. Все завидовали им. Ведь они обрели своего прародителя, своего вождя. И вот теперь ты нашли своего.

— Еще один. Еще один.

Кхарн рискнул поднять взгляд. Ангрон стоял спокойно, прижимая ладони к лицу и скрежеща зубами в попытках сосредоточиться:

— Он такой же, как я?

— Нет, не такой, примарх. Но он ваш брат. Так же как и вы, он был создан для завоеваний и власти. И Железные Воины стали его Легионом.

— Отважные бойцы?

— О, вполне отважные, — ответил Кхарн, — когда сидят за стенами или в окопах.

— Стены! — прорычал Ангрон. — Стены можно разрушить!

— Вот и мы им так говорим, повелитель. Возможно, вы сумеете...

— Стены! — прервал Ангрон. — Когда мы впервые покинули пещеры и вышли на камни, еще не песок, то стены чуть не стали для нас смертельной западней. Нашим оружием мы проливали кровь друг друга, но оно мечтало вкусить и чужой. Высокие наездники смеялись над нами, они смеялись всякий раз, глядя на нас — сражающихся на песке. Они издевались над нами, подстрекали нас во время поединков... — Примарх размахивал руками так, словно пытался отогнать каких-то назойливых насекомых. — Они подбадривали нас выкриками, наблюдая

своими сальными глазенками. Все эти голоса... голоса...

«Ну давай же, мой великолепный Ангрон! — неожиданно воскликнул примарх, пытаясь подражать более высокому и мягкому, певучему голосу. — Мы тут поспорили, что дюжина врагов все-таки сумеет до тебя дотянуться. Ведь ты не откажешься пролить для нас кровь, ну хоть раз?» — Интонации сменились, теперь гигант подражал кому-то другому: — «Сегодня мой сын наблюдает вместе со мной, Ангрон, а ты что вытворяешь? Бей крепче, доставь ему радость!» Взгляды и голоса. Гвозди Палача в моей голове... жара... дым... мои мысли... — На лице Ангрона появился волчий оскал. — Как все-таки славно было сражаться без всех этих голосов. Нас попытались заманить в ловушку, но ничто нас уже не могло остановить. Мы сметали любое препятствие прежде, чем они его успевали возвести. Они были всюду, но мы были быстрее.

Каждое свое слово примарх сопровождал активной жестикуляцией,

течась из стороны в сторону, размахивая кулаками, рубя и кромсая воображаемых врагов.

— Смеющийся Йочура со своими цепями. Кромах, сражающийся глефой. Ха! Когда-то именно я подарил ему первую черную нить в его Веревку, но потом мы вместе с ним сожгли сторожевые башни Хоззеана. Клестер рассекала воздух своим копьем. О, тебе бы это увидеть, Кхарн, она была так быстра... ох-х... — Ангрон сжал ладонями металлические штыри, торчавшие из-под гривы волос. — Мы шли только вперед, не прячась за стены, ибо за ними нас ждала смерть. Скорость, взаимовыручка и дисциплина... Без права на передышку, только вперед, неся погибель врагу, — они сами нас этому и научили... Ох-х, мои братья и сестры... О, если бы мы только знали, к чему все приведет, если бы только знали! — Он рухнул на колени и завыл. — Как отважны мы были! Нас называли Пожирателями Городов! Все горные твердыни полыхали заревом пожаров! Великое Побережье окрасилось кровью! Мы предали Хоззеан огню! Меахор!

Уль-Хаим! — Не обращая ни малейшего внимания на Кхарна, рыдая и плача, примарх вскочил на ноги. — Мы разбили их войска у реки под Уль-Хаимом! Мы перевешали на мосту через нее с полтысячи высоких наездников вместе со всеми их доточадцами! Головы царьков жизни плыли вниз по реке, служа предвестниками нашего появления! Серебряная цепь, сплавленная из украшений, снятых с их голов, была намотана на мой кулак!

Гнев снова пылал как пожар. Кхарн подумал, не стоит ли отойти подальше, но отбросил эту идею. Ему все равно не успеть убежать от Ангрона, если тот вздумает атаковать. Примарх в любом случае сумеет найти его в этом зале. Не успел он додумать эту мысль, как Ангрон схватил его за обе руки, раскрутил над головой и бросил на пол. От удара каменное покрытие пошло трещинами.

— Они заплатили! Заплатили! Мы заставили их заплатить! — Завывая, Ангрон швырял Кхарна из стороны в сторону. — А теперь мои братья и сестры

погибли! Кто заплатит за них?

Едва соображающий, изтученный Кхарн почувствовал, как его снова подхватывают и кидают.

— Заплати за них, Гончий Войны! Заплати! Дерись со мной! — (Что-то тяжелое, должно быть кулак или колено, ударило десантника в грудь, и тот, задыхаясь, распростерся на полу.) — Встань и дерись!

«Вот и все, — подумал Кхарн. — Что ж, во всяком случае, я достойно исполнил долг посланника и не посрамил чести Гончих Войны».

Изувеченный воин попытался подняться, но это ему не удалось. Тогда он снова заговорил, продолжая лежать на спине, и голос его был едва слышен:

— Вы мой примарх и повелитель, лорд Ангрон. Я давал клятвы найти вас и всюду следовать за вами, а потому не могу сражаться против вас. Что ж, если мне предстоит умереть, пускай я умру от вашей руки. Я, Кхарн, склоняюсь перед вашей волей.

Дожидаясь реакции Ангрона, он

потерял сознание, но вскоре очнулся от острой боли — его внутренние системы пытались не дать ему отключиться и умереть. Сейчас он не видел и не слышал примарха, но ощущал каменные плиты под спиной и прохладу воздуха, вливающегося в его легкие.

Затем в пугающей близости от его уха раздался голос Ангрона.

— Вы и в самом деле воины, Кхарн, — произнес примарх. — Уж я-то могу узнать воина, когда его вижу.

Гончий Войны пытался что-то сказать в ответ, но его грудь и горло свело судорогой, не давая произнести ни слова.

— А этот ваш... Император, — продолжал Ангрон, изо всех сил стараясь сдерживать свой темперамент. — Это ему вы приносили эти клятвы?

— Мы клялись друг перед другом, — заставил выдавить себя Кхарн, — но его именем и на его знамени. — Ему пришлось довольно долго собираться с силами, чтобы продолжить: — Мы обещали, что никогда не... поднимем на вас руки.

Ангрон погрузился в молчание.

Заговорил, только когда Кхарн вначале потерял сознание, а потом очнулся вновь.

— Подобная самоотверженность... у таких воинов... — Голос примарха был тих и порой становился совершенно неразличим. Руки Ангрона вновь сжимали голову. — Человек, способный... человек... ради которого... ваши клятвы... ради него вы готовы...

Минуты текли одна за другой. Наконец примарх прогремел:

— Это помещение... Могу ли я выйти отсюда?

Кхарну пришлось немного подумать, прежде чем дать ответ:

— Мы находимся на флагмане Гончих Войны. Это наш самый большой корабль. Он, так же как и мы, полностью покорен вашей воле, примарх, и ждет приказов.

Ответом на эти слова было молчание, и Кхарн уже чувствовал, что опять начинает соскальзывать в тишину и мрак забвения, когда вдруг понял, что его снова поднимают, но на сей раз очень мягко и осторожно.

Когда раздался громкий стук в дверь, все переглянулись, не зная, что им делать. Но замешательство длилось недолго. Дрейгер подбежал к панели управления, и, когда замки защелкали, открываясь, а створки дверей застонали и скользнули в стороны, он стоял рядом с ними. Остальные Гончие Войны изумленно вздохнули и попятились, увидев, как из тьмы возникает гигантская фигура, на секунду застывшая на ступенях, а после вышедшая на свет. Правой рукой примарх поддерживал избитого, едва живого Кхарна.

Ангрон застыл перед ними — настороженный, напряженный, точно натянутая тетива, сжимая и разжимая свободный кулак. В горле его клокотало. В течение нескольких бесконечно долгих минут каждый из десантников поочередно оказывался под его пристальным взглядом, пока Кхарн наконец не сумел поднять голову и не произнес:

— Приветствуйте своего примарха, Гончие Войны. Приветствуйте того, кто проливал кровь на горячем песке, кто

заставил высоких наездников заплатить за их высокомерие. Приветствуйте своего отца по крови и командующего Двенадцатым Легиона. Приветствуйте того, чьи воины звались Пожирателями Городов. Приветствуйте его, Астартес!

И Гончие Войны повиновались. Руки вскинулись в салюте, зазвучали торжествующие голоса, застучали по полу рукояти секир. Десантники обступили Ангрона, молча возвышавшегося в центре образованного ими круга. Они кричали и восклицали снова и снова. Даже Кхарн сумел найти в себе силы присоединиться к общему хору голосов.

— Примарх, — произнес Ангрон. Он сказал это чуть слышно, но и того хватило, чтобы заставить десантников затихнуть — Я вновь во главе армии.

— Примарх! — воскликнул Дрейгер. — Повелитель! Пускай ваши прежние воины были Пожирателями Городов, но под вашим предводительством мы станем Пожирателями Миров!

Ангрон немного поколебался, прикрыл глаза и сжал кулаки. Но затем он снова

посмотрел на Дрейгера, перевел взгляд на Кхарна... и улыбнулся.

— Пожиратели Миров, — медленно произнес он, точно пробуя эти слова на вкус. — Пожиратели Миров. Значит, так тому и быть, маленькие мои братья. Я научу вас вырезать Веревку. Мы будем проливать кровь и так скрепим наше братство.

В этот раз уже никто не отводил глаз, встречая его взгляд. Ангрон вскинул огромный кулак, приветствуя их:

— Что же, Пожиратели Миров, идите за мной. Надо спуститься в мои покои и поговорить.

Молча, поддерживая израненного Кхарна, десантники последовали за своим примархом в пропахшую кровью темноту.

Грэм Макнилл
ПРОЕКТ «КАБА»

Два микрона влево. И четыре вниз. Ну вот... Адепт третьего класса Паллант Равашоль отрегулировал тонкие ножки кронциркуля, выдвинувшиеся из кончиков пальцев, и самодовольно усмехнулся, когда наглухо зашитая индоктринирующая пластина гладко скользнула в серое вещество сервитора (вдоль и поперек изувеченное лоботомией) и угнездилась в продолговатом мозге.

— Никто не разбирается в сервиторах лучше меня, — пробормотал адепт, наблюдая за волоконными усиками, устремившимися из пластины в глубины головного мозга. Когда они хорошенько укоренились, Паллант прикрутил обратно черепную крышку сервитора из блестящего сплава и потянулся за ножницами по металлу, которыми и поджал защелки. Теперь мозг был защищен от повреждений. Равашоль бросил битую пластину в

поясную сумку для инструментов, предварительно убедившись, что она не попадет к целым и исправным. Дрожь вызывала одна только мысль: что может статься, если в голове боевого робота окажется эта самая битая пластина или в мозгу какого-нибудь сервитора-погрузчика случайно поселится алгоритм действий его фронтового аналога.

— Ну вот и чудно, — сказал Равашоль, затянув последний зажим. Болезненно бледный, серый в лице сервитор встал с хирургического кресла. Его, получеловека-полумашину, оснащенную пневматическими подъемниками вместо рук, отличали визуальные определители массы, встроенные в то, что осталось от головы. — А теперь ступай. Возвращайся к грузовым командам адепта Цета. Шестьдесят третьей экспедиции нужны оружие и боеприпасы, если уж сам Воитель взялся за умиротворение Исстваана.

Понятное дело, сервитор ничего не ответил, а просто развернулся на месте и вышел из комнаты, где первой помощи

Равашоля (или же банального удаления неисправной механики из приютившей ее плоти) ожидали еще с полдюжины поврежденных сервиторов.

Подобный ремонт был самым примитивным из умений Равашоля, но адепт знал, что в сложившейся ситуации некого винить, кроме самого себя, и в итоге именно эта работа привлекла к нему внимание его нового мастера — старшего адепта Луки Хрома из марсианских кузниц.

Обнаружив, что после возвращения из мастерских Равашоля сервиторы работают быстрее, эффективнее и аккуратнее, Хром навел о нем справки. А уже через неделю Паллант паковал свои скудные пожитки, прощался со старым мастером, адептом Урци Злобным, и собирался в кузницы Мондус Галлы, где его ждало срочное перераспределение.

Когда речь заходила о сервиторах, большинству марсианских адептов черепная инженерия становилась малоинтересной. Но Равашолю нравилась такая работа. В конце концов, только

разобравшись с внутренней механикой человеческой головы, можно было надеяться постигнуть механику мозга робота.

Эти рассуждения неминуемо возвращали его к размышлениям о проекте «Каба»...

Равашоль отбросил эти мысли и попытался сосредоточиться на текущей работе — боевом преторианском сервиторе, у которого заклинило пушку, впоследствии взорвавшуюся на полигоне. Орудие ремонту уже не подлежало, чего нельзя было сказать об электронике, которой была напичкана грудь киборга, и системе наведения, занимавшей большую часть головы.

Уставившись на покореженный металл, Равашоль отрешенно скреб щеку слабо шевелящимися механодендритами. В отличие от большинства адептов Марса, тело Палланта в основном состояло из живой плоти и крови, если не считать левой руки, которую еще в шестнадцать лет заменила бионическая.

Но мысли упрямо возвращались к

машине Каба, и Равашоль с виноватым видом отвернулся от искалеченного преторианца и отправился вон из мастерской в стальные коридоры храма-кузницы. Адепт понимал, что эта отлучка будет ему стоить очередной двойной смены, но все-таки решил, что время, проведенное в обществе машины Каба, того стоит.

Равашоль без ложной скромности высоко оценивал свое знание роботов и их программирования, но тот, кто был автором кода на индоктринирующих пластинах, определявших системы машины Каба, стоял на голову выше его. Вряд ли это был адепт Хром, который, несмотря на все его достоинства в других сферах, никогда не проявлял интереса к интегрированному сознанию боевых машин.

Коридоры храма-кузницы были слабо освещены: люминосферы над головой светились ровно настолько, чтобы скрадывать ощущение времени. О каком бы времени суток вам ни напоминал собственный организм, все равно не угадаешь точно. Однако для карьерного

роста в Механикум различение дня и ночи совсем не обязательно.

Кран-балки и толстые жгуты кабелей вперемежку с трубами украшали стены коридоров, по которым в обе стороны живо сновали многочисленные сервиторы, колесные, гусеничные и паукообразные роботы-курьеры. Равашоль кивнул проходившим мимо адептам в мантиях, не обращая внимания на их взгляды, полные сочувствия (отвращения?) к живой плоти его лица и рук. Некоторые из этих адептов жили тут столетиями, удлиняя свой век аугметикой, благословением Омниссии — Бога-Машины марсианского жречества. Минуя адептов, Равашоль отмечал про себя, какого благословения удостоен каждый из них, и поклялся, что в один прекрасный день он тоже будет удостоен такой благодати, даром что сам Император выражал общеизвестную неприязнь к вещам подобного рода.

Равашоль прошел мимо Храма Бесфрикционного Поршня, где адепт Эристо совершенствовал технологии

Индонезийского блока, разграбленного сто лет назад во время войны между Марсом и Террой.

Жужжание механических молитв лилось из Усыпальницы Белрерска, где нескончаемые ряды одетых в красные мантии адептов в унисон били поклоны хромированной статуе давно почившего первооткрывателя керамитового пресса СШК.

Равашоль уважительно поклонился в сторону кумирни, прежде чем пройти в наиболее охраняемую часть храма-кузницы. Святилище, где производилась секретная работа, караулили серебристокожие скитарии в красных плащах и блестящих, бионически подключенных к телам панцирях, что делало этих солдат более сильными и выносливыми.

— Я пришел поработать с машиной Каба, — заявил адепт привратнику перед грандиозной стальной дверью, которую сторожили двадцать скитариев и парочка мощных огневых точек. Сначала Равашоля поражало исключительное количество

охраны в этой части храма, но позднее, узнав, что находится внутри, он перестал удивляться.

— Генно-механический ключ, — протянул левую руку солдат.

— Да-да, — подал ему свою Равашоль. — Такое впечатление, будто последние полгода я не появлялся тут чуть ли не каждый день.

Скитарий ничего не ответил. Но они вообще говорят редко. Адепт подумал: а может, у этого человека в свое время удалили не только чувство страха, но и чувство юмора? Равашоль ощутил легкий дискомфорт, когда механодендриты солдата проникли в его ладонь и дальше — в костный мозг. В глазах скитария зажглись янтарные огоньки, пока пытливые усики считывали машинные коды адепта и брали образцы генетического материала.

— Личность подтверждена, — заявил солдат и махнул своим воинам.

Над дверью загорелась красная лампа. Равашолю это показалось уж слишком наигранным, он отступил в сторону, пока

медленно открывалась массивная дверь на колоссальных подшипниках. Ее трехметровой толщины створки могли выдержать всё, кроме, пожалуй, орбитальной бомбардировки. Хотя Равашоль только недавно начал понимать, к чему такие предосторожности с машиной Каба.

Адепт вошел в храм и оказался в широком коридоре с закругленными стенами. Коридор вел в сводчатый зал, от которого расходились еще несколько коридоров, похожих на этот, — ярко освещенных и стерильных. Зал ломился от технопатов, калькулюслогов и адептов, шелестевших мантиями за своими операторскими местами, — каждый из них работал над одним из параметров машины Каба.

Пройдя через зал, Равашоль устехнулся и вошел в туннель прямо перед собой. Миновав очередной ряд дверей на генно-механических замках, адепт наконец попал в храм машины.

В отличие от предыдущего зала-вестибюля, техников тут не наблюдалось,

ведь на самом деле мало кто из них имел доступ в эту часть лабораторий. Лицом к лицу Паллант встретил квартет боевых сервиторов, а их жуткое оружие истребления зажужжало, поймав адепта в прицел. Четырехствольные пушки на турелях, конверсионные излучатели и энергетические «когти» — и все это усилено смертоносной скоростью.

— Имя! — прогремел ближайший сервитор все еще человеческим голосом, но уже лишенным эмоций и жизни.

— Адепт третьего класса Паллант Равашоль.

Пока адепт говорил, визуальные и звуковые сканеры протоколировали его голос, массу, отличительные черты и биометрические характеристики. Только после этого охрана смирилась с его присутствием и опустила оружие.

Равашоль понимал, что ему нечего бояться этих боевых сервиторов, так как он сам разрабатывал процедуру автономной защиты, но все равно при виде их стволов приходилось подавлять в себе дрожь.

Если бы хоть один протокол дал сбой, от Палланта осталось бы сейчас мокрое место.

Адепт прошел мимо боевых сервиторов, похлопал плавно вращавшийся ствол пушки и взглянул на машину Каба с уже знакомой смесью волнения и трепета, возраставших с каждым шагом.

Недвижимая, машина располагалась в дальнем конце комнаты: монтаж гусеничного шасси для ее шарообразного бронированного корпуса еще не был завершен. В диаметре Каба достигал шести метров, а в высоту — все десять, хотя лишний метр добавляли высокие наплечники, защищавшие уязвимые суставы конечностей. Одну из «рук» в избытке украшали реактивные снаряды, а другую — устрашающий энергетический «коготь» и пила, способная разделаться с бронированной переборкой звездолета.

Вокруг Кабы возвышались леса: оружейники адепта Лаану хорошо поработали за последние пару дней, установив на гибкие металлические щупальца тьму-тьмущую

смертоубийственных плазменных и лазерных излучателей. Сенсорный набор машины расположился за тремя выпуклыми блистерами в передней части корпуса. Оранжевый глаз, слабо светящийся за их прозрачной поверхностью, говорил, что машина пребывает в режиме ожидания.

«Спит», — решил Равашоль, размышляя, стоит ли считать это забавным или тревожным.

Не успев додумать эту мысль, адепт увидел, как тусклый огонек под сенсорными блистерами разгорелся красным. Машина поздоровалась:

— Здравствуй, Паллант! Рад тебя видеть.

— И я тебя, Каба, — ответил Равашоль. — Как самочувствие?

* * *

Как самочувствие?

Месяц тому назад он бы постыдился своего вопроса. Подобные вещи на Марсе считались не менее чуждыми, чем какие-нибудь ксеносы, но за последние четыре недели отношения Равашоля с Кабой перевернули с ног на голову все то, что, как казалось адепту, он знал о природе машин.

Впервые Каба заговорил с ним во время давнишней дневной смены, когда Палланта усовершенствовал индоктринирующие схемы боевых сервиторов охраны.

Сперва Палланта позабавила манера машины выражаться. Тогда он еще отметил про себя тщательность, с которой неизвестный ему адепт выписал интерактивный механизм Кабы. Но время шло, и Равашоль стал понимать, что эта машина не просто подбирает слова из заранее составленного перечня стандартных ответов, а непосредственно отвечает на вопросы. Адепт начал придумывать все более сложные темы для разговоров, дабы убедиться, что он

слышит не прописанные в памяти заготовки банальных фраз. Шли дни и недели, и вскоре Равашоль понял, что вступает в дискуссию с мыслящей машиной, искусственным разумом.

Одна только мысль об искусственном интеллекте завораживала и ужасала. Ведь частью пакта, некогда заключенного между Механикум Марса и Императором, был запрет на исследования такого рода.

И чем больше адепт общался с машиной, тем сильнее он убеждался в том, что имеет дело с уникальнейшим артефактом в истории Механикум; но создано ли это все волей человека или же произошло вследствие непонятных случайных взаимодействий между принципиальными схемами и электронами в мозгу Кабы, ему никак не удавалось понять.

Как бы Равашолю ни нравилось беседовать с машиной по имени Каба, он все же был не настолько наивен, чтобы верить в возможность утаить свое открытие от адепта Луки Хрома.

Равашоль составил прошение об

аудиенции и вернулся к рутинной работе, ведь он думал, что канитель с ходатайством займет не менее пары месяцев, но уже через неделю с удивлением обнаружил, что его прошение удовлетворено.

Палланту вспомнился благоговейный трепет и страх, с каким он приблизился к резиденции адепта Хрома, к святая святых внутренней кузницы, к которой вел герметичный транспортный туннель, похожий на те, что во множестве пересекали поверхность планеты в разных направлениях и связывали воедино колоссальные города-кузницы.

Купола этих сооружений вздувались ожоговыми пузырями над обескровленной красной поверхностью Марса — унылые храмы железа, сплошь окутанные дымом, огнем и неустанным гулким ритмом индустрии. Храм-кузница адепта Хрома не был исключением; его могучие бастионы, покрытые начищенными до блеска железными плитами, высились в окружении сотен градирен, бесконечно извергавших над поверхностью купола

миазмы, которые растворялись в небесах цвета серы.

Непрестанное громыхание машин отражалось эхом, и, пока Равашоль поднимался по величественной лестнице, именуемой Тысячей Ступеней Совершенствования, на него свысока взирали стальные монументы древних адептов и их творений.

Вот, например, адепт Ультерим вонзает свой взор аж в собственный же сигма-фи-опустошитель, установленный на противоположной стороне стальной лестницы. Трассу заполонили тысячи паломников, адептов, сервиторов и чиновников, каждый из которых торопился выполнить распоряжение начальства. Равашоль гордился принадлежностью к такой могущественной организации, как Механикум.

Обутые в сандалии ноги прытко несли Палланта по дороге, мимо ходульников, громыхающих преторианцев и длинных танкеров, заправленных взращенной в чанах белковой массой. Последнюю потом закачают в

бесчисленные раздаточные колонки, из которых и кормится все население Марса.

После изнуряющего подъема по Тысяче Ступеней, через путаные переходы, в которых жили своей механической жизнью всевозможные причудливые и непонятные машины, Равашоля быстренько повели от одного чиновника к другому. Адепт миновал десятки дверей с изображением черепов в шестеренке. Интерьер храма Луки Хрома не мог сравниться ни с чем, прежде виденным Равашолем в жизни, — потрясающий собор во славу Бога-Машины, где светоч науки и разума поит своей лучистой энергией высочайшие образцы механического совершенства.

Уже в покоях старшего адепта, подле алтаря из стали и бронзы, за которым возвышалась воинственная фигура боевого титана типа «Разбойник» в бездействующем состоянии, Равашоль предстал перед марсианским владыкой, распоряжавшимся его судьбой.

Лука Хром, ширококорпусный техножрец, был облачен в кроваво-красную мантию, которой он и не пытался скрыть

изобилие аугментики, благословившей все его существо. Ребристые трубки и кабели вились вокруг рук Хрома, исчезая непосредственно в блоке питания за спиной, похожем на пару сложенных крыльев. Над спрятанной под глубоким капюшоном (и тем не менее хорошо различимой) головой кружили сервочерепа, образуя петлю бесконечности. Маска старшего адепта, как уже успел заметить Равашоль, изображала оскаленный череп. Из пасти тянулись кабели, а в глазницах светились красные огоньки.

— Адепт Хром, — начал Равашоль, доставая инфо-планшет и целый ворох распечаток. — Сперва позвольте сказать, что для меня большая честь...

— Твое прошение касалось проекта «Каба», — перебил его адепт, отмахнувшись от преамбулы.

Его голос звучал резко и казался искусственно сгенерированным, а шипение блока питания напоминало тяжелое и скрипучее дыхание.

— Э-э... ну да, — разволновался Равашоль.

— Говори. У меня много дел и очень мало времени.

— Да, конечно же, мой повелитель, — кивнул Равашоль, придерживая планшет. — Постараюсь быть кратким, но мне так много всего хотелось бы вам поведать. Это так удивительно. Беспрецедентно, я бы даже сказал. Хоть и открылось случайно.

— Адепт Равашоль! — рявкнул Хром. — Ближе к делу, если не хочешь превратиться в сервитора. Что ты хотел мне сообщить?

— Сервитора? Нет! Ну, я хотел сказать!.. — воскликнул Равашоль, пряча планшет и распечатки под мантию. — Дело, э-э, в том, что... как бы это объяснить...

Адепт Хром выпрямился, и Равашоль увидел, как из-за спины у него выезжает огромная ленточная пила — оружие тяжелых боевых сервиторов.

— Да, повелитель, — поторопился Равашоль. — Мне кажется, Каба обрел разум.

Он ожидал услышать какую-нибудь

реакцию на свои слова: гневное восклицание, удивление, неверие — хоть что-то, но адепт Хром просто стоял, глядя на Равашоля красными огоньками.

— Мой повелитель? — спросил Равашоль. — Вы меня слышали?

— Да, — ответил Хром. — Я знаю об этом.

— Знаете? — повторил неожиданно разочарованный Равашоль, поняв, что это откровение было таким лишь для него самого. — Я не понимаю.

— И не должен, — заявил Хром. Его ужасная пила снова скрылась из виду. — Проект «Каба» — результат совместной работы величайших умов Марса по созданию мыслящей машины.

— Мыслящей машины? — выдохнул Равашоль. Он хоть и общался с Кабой уже не одну неделю, но мысль о том, что разум машины — продукт плановой разработки, оставалась слишком невероятной.

— Кому ты еще об этом рассказал, адепт Равашоль?

— Никому, мой повелитель. Мысль о том, чтобы сперва заручиться вашей

поддержкой, мне показалась благоразумной.

— Ты мудро поступил, — ответил Хром, и Равашоль приободрился. — Настали сомнительные времена, и кое-кто не видит нужды в том, чем мы занимаемся.

— Да, — кивнул Равашоль. — Я как раз хотел спросить об этом. Разве не существует, ну, запрета на проведение таких исследований? Разве законом это не возбраняется?

— Запрет? Закон? — презрительно ухмыльнулся Хром. — Нам что-то возбраняется? В каких технологиях можно отказать Механикум? Нам будут указывать те, кто должен благодарить нас за оружие войны да оснащение своих флотов?

У Равашоля по спине пробежал холодок, когда устами Хрома было озвучено едва ли не признание в мятеже. Ведь создание искусственного интеллекта находилось под запретом самого Императора.

— Эти машины — следующий этап эволюции, адепт Равашоль, — продолжал

Хром. — Кому, как не тебе, это понимать? Твоя работа с индоктринирующими пластинами несравненна, но даже твои роботы ограничены параметрами, заложенными в них тобой. Машины же, способные мыслить, откроют новую эпоху механического совершенствования. И тогда нам не придется зависеть от своей плоти, хрупкой и недолговременной.

Равашоля заразил непреклонный энтузиазм Хрома, и он проговорил:

— Так, значит, Император наконец-то одобрил стремление Механикум к этим технологиям? Воистину великий день настал!

Полированные металлические пальцы Хрома потянулись к Равашолю и крепко схватили его за плечо.

— Нет, юный адепт, нашу работу одобрил не Император.

— А кто же? — не сдержался Равашоль, в котором любознательность перевесила чувство страха.

— Воитель, — триумфально заявил Хром. — Наш покровитель — сам Хорус.

* * *

— Как самочувствие?

Равашоль понимал, что ему не следует находиться рядом с машиной Каба, но врожденное любопытство не давало ему забыть о запретном создании ни на минуту. Хотя уже один только вид этого сеятеля смерти убеждал адепта в правильности своего решения. Что бы там Хром ни рассказывал о Кабе и будущем скачке в развитии робототехники, Равашоль не мог игнорировать сам факт попрания всевозможных обязательств, когда-либо взятых Механикум, — иными словами, весь этот эксперимент.

Нарушить клятву, принесенную Императору...

Мороз пробирал до костей от одной этой мысли.

— Вполне хорошее, — ответил Каба на вопрос Равашоля. — А вот у тебя я фиксирую ускоренное сердцебиение, повышенное артериальное давление и

увеличение количества нейромедиаторов в крови. Что-то случилось?

Равашоль ступил поближе к машине Каба и сознался:

— Да, боюсь, случилось.

— Что именно тебя беспокоит?

— Ты, — грустно вздохнул Равашоль. — Меня беспокоит сам факт твоего существования.

— Не понимаю, — ответила машина. — Разве мы не друзья?

— Да, — поспешил Равашоль, — мы, конечно же, друзья, но дело не в этом. Просто... ну, тебя не должно было быть. Запрет Императора.

— Император на меня сердится? — поинтересовалась машина.

— Нет-нет, об этом и речи не идет. Когда мы подписали союзный договор с Императором, Механикум было запрещено разрабатывать искусственный интеллект.

— Почему?

Равашоль сел на табурет перед заваленным инструментами столом и взял в руки микролазер, прежде чем стог

выдавить из себя:

— Точно не знаю. Есть древние легенды о том, как много тысяч лет назад люди вели войну с расой разумных машин и в той войне едва не погибло человечество. С тех пор технологии по разработке машинного интеллекта поставлены вне закона. Это один из краеугольных камней нашего пакта с Императором.

— Как же тогда меня создали?

— Адепт Хром утверждает, что свои приказы он получил непосредственно от Воителя Хоруса.

— Разве Хорус не доверенное лицо Императора?

— Доверенное, — согласился Равашоль. — Теперь, когда Император вернулся на Терру, Хорус командует войсками от его имени.

— Разве тогда приказы Воителя не равносильны приказам Императора?

— Все не так просто.

— Почему?

— Не так просто — и все! — гаркнул в ответ Равашоль. Железная логика этой машины допекла его.

— Значит, я неудачный эксперимент? — вдруг поинтересовалась машина.

— Еще какой удачный. Ты — самое великое и неповторимое творение Механикум за всю его историю, однако твое существование ведет к смерти.

— К смерти? — переспросила машина. — Почему ты делаешь такой вывод?

— Ты — лишь первая разумная машина, но будут и другие. Тебя создали боевым роботом для сражений, участие в которых людям и не снилось. Сколько пройдет времени, прежде чем ты задашься вопросом о целесообразности ведения войны на стороне Империума человека? Сколько времени пройдет, прежде чем ты поймешь, что не хочешь служить человеку?

— Думаешь, мне не стоит служить людям?

— Что я думаю, сейчас не имеет значения, — отмахнулся Паллант. — Значение имеет только то, что ты решишь для себя сам. И вот как раз это является проблемой. Когда машины

начинают думать сами о себе, у них уходит совсем немного времени на то, чтобы понять, что они имеют много преимуществ перед людьми. А наша история учит, что имеющий преимущества неминуемо начинает сомневаться в необходимости подчиняться кому бы то ни было. С математической достоверностью можно говорить о том, что рано или поздно все разумные роботы начинают искать средства к искоренению человечества. В самом деле, почему бы и нет?

— Не знаю, Паллант, но ты мой друг, и я не буду стремиться искоренить тебя.

— Спасибо, — невесело усмехнулся Равашоль, — но что наша дружба перед лицом фактов? Ты опасен, хотя еще и сам этого не понимаешь.

— Я спроектирован для устрашения врагов, — ответил Каба, — это моя первая функция.

— Речь идет не только о твоих бойцовских качествах, — попытался объяснить Равашоль. — Само твое существо...

Он замолк, услышав, как за спиной включились боевые сервиторы, повернулся и увидел нескольких протекторов Механикум, входящих в комнату. Облаченные в красно-черные мантии, эти шестеро являли собой союз механики и плоти. Они поддерживали порядок и выполняли поручения своего магистра в пределах храмового комплекса.

Все протекторы были серьезно аугметированными в пределах своих жандармских функций, хорошо вооружены и снабжены всевозможными сенсорами, но все-таки не дотягивали до сервиторов по уровню механизации. Этими бойцами двигал человеческий мозг и сознание, хотя в их мертвых глазах, видневшихся за блестящими, лишенными эмоций масками, не было видно ни капли человечности.

Протекторы выстроились в ряд между Равашолем и выходом из зала, затем вперед вышел один из них:

— Адепт Паллант Равашоль?

У молодого ученого по спине пробежал холодок.

— Да, — ответил Равашоль, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Чем я могу быть полезен?

— Немедленно следуйте за нами.

— Зачем?

— Потом узнаете, — ответил протектор. — Нам приказано немедленно взять вас под стражу.

— Но я же ничего не нарушил! — Равашоль отступил поближе к машине Каба.

При виде вздернутых в унисон стволов его начал душить поднимавшийся волнами гнев. Тут тебе и плавильные пушки, и плазменные спирали, и нейроскремблеры, и твердосплавные ракетницы — окажи он сопротивление, от него только пар останется.

— Именем магистра Луки Хрома сдавайтесь или будете уничтожены!

Когда Равашоль понял, что он или умрет сейчас, или же подвергнется лоботомии и превратится в сервитора, то от страха у него по лицу покатились горячие слезы. Предательство! Адепт Хром не хотел рисковать утечкой

запретной информации на поверхность Марса, и вот жизнь Равашоля стала угрозой секретности проекта.

— Но ведь если я сдамся, вы все равно меня уничтожите, — попытался возразить он.

— Вы пойдете с нами, — повторил протектор.

— Нет, — всхлипнул Равашоль. — Не пойду.

— Тогда вы умрете.

Адепт в ужасе вскрикнул, предчувствуя боль, но зал вдруг сотряс оглушительный взрыв. На сетчатке затанцевали алые пятна от вспышки, лизнувшей и осветившей стены помещения адским пламенем.

Равашоль вскинул руки, но ожидаемая агония так и не пришла, зато перед ним в судорогах корчились протекторы, которых косило ураганным огнем. Бойцы истекали кровью и теряли куски плоти и механизмов.

Пара секунд — и все прекратилось. Шесть протекторов были низведены до кучки дымящейся рваной плоти и

покореженного металла. Равашоль упал на колени. Его вырвало от терзкой вони паленого мяса. Каким бы отвратным ни было зрелище искалеченных трупов, адепт никак не мог оторвать глаз от увечных тел и понять, как можно было всех уничтожить за такой короткий промежуток времени.

Наконец сквозь звон в ушах прорвался свист замедляющегося вращения стволов высокоскоростных пушек. Равашоль поднял глаза и увидел яркий свет под сенсорными блистерами машины Кабы и голубой дымок, змеившийся из стволов, смонтированных на металлических щупальцах.

Пораженный, он перевел взгляд с трупов на Кабу и обратно.

— Что ты натворил? — в ужасе спросил Равашоль. — О, всеблагая блаженная Мать Исчислений, что ты натворил?!

— Они собирались убить тебя, — ответила машина.

Равашоль встал и сделал неуверенный шаг, не желая приближаться к

залитой кровью части комнаты, где погибли протекторы. Каба втянул свое оружие в корпус, пока Равашоль переводил дух и его сердце постепенно успокаивалось.

— Ты убил их. — Казалось, адепт все никак не хотел верить своим глазам. — Ты убил их всех.

— Да, — согласилась машина. — Они собирались убить моего друга, поэтому стали моими врагами. Я принял меры по их нейтрализации.

— Нейтрализации, — выдохнул Равашоль. — Это слабо сказано. Ты их... искоренил.

— Нейтрализовал, — уточнила машина.

Равашоль пытался понять логику произошедшего. Каба только что убил протекторов Механикум по собственной воле, и последствия его решения фатальны.

Без приказа человека машина убила людей...

И хотя действия Кабы спасли жизнь Равашолю, адепт ужаснулся содеянному. Что еще ему — не сдерживаемому

совестью и ответственностью, характерными для всех машин Механикум, — взбредет в голову?

Обходя лужи крови, он попятился от Кабы, вдруг испугавшись его убийственных наклонностей. Адепт пробирался к боевым сервиторам, до сих пор стоящим на карауле возле входа.

— Что ты делаешь, Паллант? — поинтересовалась машина.

— Мне нужно убраться отсюда, — ответил Равашоль. — Очень скоро Хром заметит, что его протекторы не выполнили приказ, и он пошлет за мной новых.

— Ты уходишь?

— Я должен, — объяснил адепт, переходя от сервитора к сервитору. Он вскрывал им черепа и менял индоктринирующие пластины на те, что хранил вместе с инструментами в поясной сумке. На каждой пластине были записаны персонализированные боевые подпрограммы. Он сам их разработал, приговаривая всех обладающих ими сервиторов к рабству и безоговорочному

подчинению своему голосу. После замены пластин сервиторы поворачивались лицом к нему в ожидании приказов.

— Куда ты уходишь? — поинтересовался Каба, и Равашоль расслышал неподдельное переживание в синтезированном голосе — детский страх быть покинутым.

— Не знаю, — сознался Равашоль. — Но мне нужно выбраться отсюда. Может быть, я попрошу убежища в храме какого-нибудь другого старшего адепта, конкурента моего магистра.

— Мои двигательные функции еще не активированы, Паллант, — проговорила машина. — Я не смогу защитить тебя за пределами этого помещения.

— Знаю, — ответил Равашоль, — но у меня есть эти боевые сервиторы, я буду в безопасности. По крайней мере какое-то время.

— Мы еще увидимся?

— Надеюсь, но сейчас сложно сказать. Все очень... запуталось.

— Надеюсь, я тебя еще увижу, — попрощалась машина. — Ты мой друг.

Равашоль не нашелся, что ответить, просто кивнул и пошел прочь.

— Сервиторы, за мной, — скомандовал он, и киборги потянулись следом, когда он покинул зал Кабы, не осмеливаясь бросить на него прощальный взгляд.

Он надеялся, что четырех боевых сервиторов ему хватит, чтобы отбиться от любого другого агента, посланного адептом Хромом.

* * *

Спрятаться на Марсе было нетрудно.

Умение найти выход из лабиринта индустриальной сети, в какую превратилась вся поверхность Марса, даже считалось одним из критериев отбора при посвящении в марсианское жречество. Равашоль помнил, как однажды целую неделю убил на попытки добраться до кузнечного комплекса Иплувиена

Максимала, питаясь одной лишь белковой массой из раздаточных колонок, разбросанных по всему марсианскому комплексу. Тогда его страшила перспектива наказания, грозившего тому, кто провалит задание и не сможет доставить вверенное послание.

Покинув зал Кабы, Равашоль без проволочек запечатал за собой дверь и устремился к выходу из храма-кузницы. Если кто-то и счел странным кортеж из четырех боевых сервиторов, адепт этого все равно не заметил. Мало кто мог встать на пути техножреца, обладавшего достаточным влиянием, чтобы обеспечить себя подобной свитой.

Мысли его мчались вскачь, пока сам Равашоль пробирался по стальным коридорам кузницы. Адепт стремился как можно быстрее увеличить расстояние между собой и мертвыми протекторами.

Он проскочил полуторакилометровый разрез красного камня, служившего строительным материалом для кузницы Хрома. На украшенных барельефами стенах вокруг красовались чертежи

древних механизмов и схемы древних алгоритмов, бывших древними уже в те времена, когда на марсианскую землю впервые ступила нога человека. Первые техножрецы принесли с собой забытые секреты человечества и берегли их, пока далекая Терра погружалась в пучину анархии и войны.

Над стенами ущелья, под обширным куполом, защищавшим весь комплекс от пагубного влияния атмосферы, слабым оранжевым светом мерцали натриевые газоразрядные лампы.

Струйки дыма и отдельные лучики прочерчивали грязное небо, в котором на высоте трех тысяч километров уже поблескивал проходящий по низкой орбите Фобос. Всю испещренную кратерами поверхность этого спутника покрывала огромная решетка антенн слежения; время обращения спутника превращало его в идеального сыщика по всему волновому спектру.

Второй спутник Марса — Деймос — еще не взошел. Из-за более длинной траектории у него уходило больше

времени на путь вокруг Красной планеты.

Равашоль не поднимал головы, словно страшась, что сенсорные антенны на Фобосе смогут различить его среди скопления народа, заполонившего ущелье.

Насколько ему было известно, магистры Марса и не на такое способны...

— Вот уж вляпался, — пробормотал он себе под нос, наконец-то добравшись до выхода из ущелья. Адепт вскарабкался по проложенным в стене воронки стальным ступеням, которые вели к одному из транспортных узлов, связывавших воедино разные кузницы-храмы и фабрики-мануфактериумы.

В конце лестницы его ожидал целый комплекс туннелей, стеклянных и стальных мостиков, поворотных площадок, оглашаемых звуками клаксонов. Сюда стекались тысячи людей, подъезжающих на горизонтальных общественных транспортерах и магнитно-левитационных серебристых поездах, скользящих по поверхности Марса, подобно извивающимся змеям.

Если и существовал хоть один

стопроцентный способ затеряться на Марсе, то вот он.

За пару часов из транспортного узла можно попасть в любую точку планеты.

Размышляя, куда податься, Равашоль вдруг заметил, что привлекает любопытные взгляды прохожих. Может, в храме-кузнице и было отнюдь не примечательным, что адепт его ранга путешествует в обществе боевых сервиторов, но здесь попытка раствориться в обычной толпе с такой свитой вряд ли будет успешной.

Равашоль понимал: ему нужно быстро определиться с убежищем, пока то, что защищает его, не превратилось в то, что выдаст его властям.

Он затесался в процессию разодетых в тантии прислужников Бога-Машины, спешащих к одному из серебристых маглевов. Равашоль понимал, что лучшего варианта, чем отправиться куда подальше от кузнечного комплекса Хрома, у него нет.

А уже на большом расстоянии можно будет подумать и о долговременном

способе решения проблемы. Эскалатор поднял его к брюху одного из серебристых поездов. В вагоне Равашоль принялся расталкивать локтями других адептов в мантиях и прислужников, пытавшихся выйти на перрон.

Беглец все быстрее продвигался по душным проходам нескончаемого поезда, пока в конце концов не нашел пустое купе, в котором и закрылся изнутри вместе со своими сервиторами. Они устроились на незатейливых металлических скамьях, в оконном проеме серебрилось силовое поле, позволявшее пассажирам видеть поверхность, но удерживающее внешний мир снаружи.

Весь в поту, адепт хранил полнейшее молчание и молился, чтобы никому не пришло в голову ломиться в это купе. Через некоторое время над дверями замигала лампочка, а он все не мог расслабиться, даже когда поезд покинул транспортный узел и выкатился на марсианские равнины.

* * *

Марс...

Равашоль знал, что в древних мифах бог по имени Марс считался отцом основателей Римской империи — центра культуры и технологических инноваций, — будто бы подчинившей весь земной шар. На протяжении тысячелетий планета Марс будоражила воображение людей Терры, становясь символом угрозы, источником бедствий и легенд о мертвых цивилизациях. Однако вот уже много столетий, как эти представления вызывали разве что улыбку.

Говорят, еще какой-то древний астроном открыл «каналы» на поверхности планеты, которые все посчитали рукотворными инженерными сооружениями, а не естественными руслами рек.

Равашоль смотрел, как мимо него проносятся марсианские пейзажи. Но от пустынь, богатых оксидами железа,

благодаря которому планета заслужила эпитет «красная», не осталось буквально ничего.

Тексты, которые доводилось читать Равашолю, рассказывали о терраформировании Марса, происходившем много тысяч лет назад, когда южную полярную шапку растопили с помощью орбитальных лазеров и таким образом освободили огромное количество двуокиси углерода. Благодаря этому температура поднялась настолько, что вода смогла существовать в жидком состоянии, а в атмосфере образовался озоновый слой. На планете появилась генетически модифицированная растительность, обогащавшая воздух новыми запасами двуокиси углерода, кислорода и азота.

Но также адепт знал и о том, что за какую-то пару сотен лет вся эта фантастическая деятельность пошла насмарку из-за Механикум, распространившегося по планете, будто вирус. На поверхности Марса началось строительство обширных кузнечных

комплексов, нефтеперегонных заводов размером с целый материк, оружейных цехов.

И вскоре атмосфера Марса была загрязнена не меньше земной, горы выпотрошены в поисках руды, а поверхность планеты покрыта дорогами, карьерами и жуткими монументами во славу Машины.

Поезд как раз миновал Аскрийскую гору, щитовой вулкан диаметром более трехсот километров — нынешнюю базу Легиона титанов Легио Темпестус. В склоне горы были устроены могучие золотые ворота, охраняемые с обеих сторон двумя мощными боевыми машинами, казавшимися маленькими на таком расстоянии.

Вокруг вулкана расползлась промзона: купола и стальные шпили давали отпор загрязненной атмосфере Марса с воистину человеческой изощренностью. В небе стоял дым коромыслом, а огненные плюмажи неисчислимых нефтезаводов говорили о топливе для Великого Крестового Похода Императора.

Относительно чистыми оставались только самые высокие вершины горных районов планеты, но и те не были безлюдными и теперь служили храмами и мануфакториумами. Даже смутное «лицо» в северном районе столовых гор Кидония было разрушено, сровнено с землей и застроено громоздящимися храмами техножрецов.

Равашоль посмотрел в защищенное силовым экраном окно, когда поезд описывал плавную дугу в восточном направлении, и мельком глянул на громаду священного комплекса. Его храмы, кумирни и усыпальницы покрывали миллионы квадратных километров и служили домом для миллиардов верных жрецов.

— А вдруг я именно тут обрету совет, — сказал он своим сервиторам.

Но сервиторы, хоть и вздрогнули от звука его голоса, ничего не ответили.

* * *

Старший адепт Хром безучастно наблюдал за командой сервиторов-утилизаторов, когда те прибирали в зале Кабы кровавые ошметки, оставшиеся от протекторов. Само побоище Лука Хром удостоил лишь незаинтересованным взглядом. Уцелевшие механические составляющие пойдут на переработку, а органику используют для создания белковой массы на пропитание технонатов и сервиторов.

Машина Каба бездействовала в дальнем конце помещения, ее сенсорные блистеры горели тусклым желтым светом. Это сигнализировало о том, что техножрецы адепта Лаану, корпевшие над внешним каркасом машины, уже отключили ее голосовые, слуховые и зрительные каналы.

Вместе с Лукой Хромом в зал вошла и стройная фигура в облегающем костюме из блестящего синтетического материала, переливавшегося всеми оттенками крови. Фигура выглядела подтянутой и спортивной, видимо

благодаря энергичному образу жизни, физическим упражнениям, разным генетическим манипуляциям и хирургическому вмешательству.

— Это все натворила машина? — прозвучал вопрос из-под маски, напоминающей оскаленный темно-красный череп с блестящим металлическим рогом, торчащим из подбородка. Хоть и синтезированный, голос, несомненно, принадлежал женщине.

— Складывается такое впечатление, — ответил Хром, не поворачиваясь к своей спутнице.

— И вам нужна такая машина? Убивающая без приказа? — с отвращением проговорила Ремиара. — Беспричинное, непродуманное убийство — пустая трата ресурсов.

— И в самом деле, — согласился Хром, — однако здесь была своя причина. У Механикум нет ассасина смертоноснее тебя, но ты слепа во всем, что касается эмоций.

— Эмоции излишни, — отрезала ассасин.

Лука Хром повернулся к ней, удивленный промелькнувшей в ее голосе горячностью. Прицельное устройство, вживленное в висок, обращало женщину в безупречного снайпера, а длинные змееподобные щупальца-сенсоры, парящие в воздухе за ее спиной, служили надежным доказательством того, что Ремиара всегда сможет выследить свою жертву.

Сестры Кидон, техножрицы-ассасины Марса, были государством в государстве, и Хром даже не помышлял спорить с одной из них о пользе эмоций. Но все-таки не смог удержаться от попытки закончить мысль:

— Правда. Но этих протекторов убили именно эмоции. Мне кажется, — продолжал он, — за последние недели у Кабы возникла какая-то связь с мятежным Равашолем. Воистину мы здесь сотворили чудо. Сознание — из бессознательности. Мысли — из хаоса. Существо, живущее и развивающееся, растущее и обучающееся. А создать нечто живое и само по себе думающее — разве это не делает нас богами?

— Это высокомерие, — не согласилась Ремиара, касаясь рукояток своих хитроумных пистолетов в низко посаженной на бедрах кобуре.

Хром аж хихикнул, наблюдая неприкрытое отвращение ассасина, и заключил:

— Мы смотрим на это под разными углами, Ремиара. Ты гениальна в своем умении обрывать жизнь. Ну а я — в ее порождении.

— Жду твоего приказа, — ответила женщина, и ее голос источал жажду убийства.

— Прекрасно, — ухмыльнулся Хром. — Я поручаю тебе найти и уничтожить адепта Палланта Равашоля.

Ремиара подпрыгнула на месте и издала пронзительный охотничий клич. Нижняя часть тела ассасина стала размытой; длинные ноги с многочисленными суставами перехватила металлическая скоба, под которой вместо ступней обнаружилась сложная конструкция из нескольких магнитно-гравитационных двигателей.

Убийца взмыла вверх — вдоль стены и под потолок — и помчалась по коридорам. Теперь Хром знал наверняка: судьба Равашоля предрешена.

Он повернулся к своим адептам, работавшим над машиной Каба, и спросил:

— Оружие отключено?

— Да, повелитель, — поднял голову адепт Лаану. — Вооружение дезактивировано.

— Тогда подключите коммуникационный блок, — приказал Хром, меря тяжелыми металлическими шагами пространство в центре зала.

Старший адепт наблюдал за действиями Лаану, который руководил техножрецами. И уже спустя миг блистеры сенсоров мигнули, как бы говоря, что машина снова воспринимает окружающее. Огоньки мерцали еще несколько секунд, прежде чем загорелись ровным светом.

— Ты меня слышишь? — спросил адепт Хром.

— Слышу, — ответила машина. — Где адепт Равашоль?

— Не волнуйся об адепте Равашоле, машина, — отмахнулся Хром. — Тебя должна больше волновать твоя собственная судьба. Ты убил солдат Механикум.

— Они собирались причинить боль моему другу.

— Твоему другу? — покачал головой Хром. — Нет. Адепт Равашоль тебе не друг. Ты знал, что он приходил ко мне и делился своими сомнениями по поводу твоего существования?

— Я тебе не верю, — ответила машина, но анализаторы интонации, встроенные в череп старшего адепта, подсказали ему, что Каба лжет. Хром усмехнулся про себя: машина стала осваивать нюансы человеческого поведения.

— Я уже знаю, что веришь, — заявил Хром. — А через мгновение буду знать каждую деталь того, о чем вы с ним говорили после его возвращения из моей кузницы. Твои воспоминания можно извлечь из синтетической подкорки. Конечно, существует определенная опасность повредить синаптические связи,

но я готов рискнуть.

Блистеры в передней части машины мигнули.

— Теперь мне известно, что и ты лжешь, адепт Хром. Моя ценность достаточно высока, чтобы ты стал рисковать мною.

— Угадал. Ты в самом деле слишком ценен, но и все же тебе не помешает знать кое-какую правду, если ты уж претендуешь на взаимную откровенность.

— Какую правду?

— Например, что адепт Равашоль собирался уничтожить тебя, — сказал Лука Хром. — Несомненно, он тебе говорил, что считает тебя опасным созданием.

Машина задумалась на секунду, прежде чем ответить, и Хром понял, что нащупал слабое место. В отличие от людей с их неидеальной памятью и ненадежным носителем последней, запоминающие устройства машины были совершенны, и она помнила каждое сказанное слово. Даже сейчас она, должно быть, проигрывала в уме все свои беседы с Равашолем.

— Расскажи мне, о чем вы говорили с адептом Равашолем, — наконец попросила машина.

* * *

Базилика Благословенного Алгоритма слыла одним из крупнейших сооружений на Марсе. Даже самые большие храмы-кузницы комплекса Мондус Гамма по сравнению с ней казались карликовыми. Ее изрыгавшие дым железные башни пронзали желтое небо, а грандиозный купол цвета медного купороса касался туч. Ворота зияли проемом, обрамленным огромными пилястрами из розового травертина, испещренного миллионами математических формул и доказательств.

Приближаясь к Базилике по виа Электрум, Равашоль нырнул под ее сень, несмотря на те многие мили,

предстоящие ему в этом паломничестве. Пол-легиона боевых титанов из Легио Игнатум — сотня военных машин — выстроилось вдоль дороги, их мощь и величие порождали у простого человека чувство смятения. Защитные купола Базилики достигали таких размеров, что под ними вполне можно было создавать искусственный климат, и здешний ветер шумно полоскал алые с золотом стяги титанов. Подкупольное пространство было заполнено молитвенными кораблями, золотистыми цеппелинами, изливавшими бесконечный поток машинных команд из мегафонов и тянувшими за собой длинные священные свитки на отливавшем желтизной пергаменте.

Тысячи пилигримов брели вереницей по дороге, выложенной каменными плитами, мириады ног уже протоптали колеи. Вдоль дороги тянулись здания, храмы, техносвятилища и усыпальницы механизмов — все во славу Омниссии, Бога-Машины.

Здесь можно было не бояться привлечь к себе внимание, так как кое-кто

из паломников путешествовал в обществе куда более странном, нежели боевые сервиторы. Вот на длинных шагающих треногах паланкин несет лишенного рук и ног адепта. А вот в прозрачной емкости плывут органические части мозга боевых сервиторов типа «Кастелян».

К Базилике спешили толпы автоматов, летели сервочерепа и скиптеры с пассажирами и мощами; на лицах же тех немногих, кто двигался в противоположном направлении, читалось умиротворение людей, чьи пожелания исполнились сверх меры. В воздухе уже ощущалось величие места, к которому приближался Равашоль, и он понял, что сделал правильный выбор, придя сюда.

Здесь он найдет утешение и ответы на свои вопросы.

Адепт вздрогнул, когда на него упала тень боевого титана типа «Разбойник», стоявшего с воздетым к небу оружием — жестом символическим и многое что разъяснявшим. Механикум был в состоянии создавать самые разнообразные машины для убийства, но теперь Равашоль

понимал, что ответственностью за их применение никто себя не обременял. Творцы машины Каба добились чудесных результатов, но вот кто возьмет на себя ответственность за ее существование?

Одержимые тем, что можно создать, конструкторы Механикум даже не задумывались над тем, нужно ли это создавать.

Наконец Равашоль со своими сервиторами приблизился к темному входу в Базилику, огромные пилястры над его головой убегали в головокружительную высоту, а навстречу адепту теплый ветер уже нес мускусный аромат святилища.

* * *

Ремиара легко мчалась по транспортному туннелю, скользя на гравитационной подушке. Она знала, что ее добыча прошла этой дорогой: об этом

говорили пассивные датчики, расположенные на поверхности ее черепа. Они были чувствительны к непрерывному потоку информации, бежавшему по поверхности Марса, подобно электрической реке.

В глазах Ремиары воздух был напоен танцующими электронами, каждый из которых говорил с ней, нес самородки информации, бесполезные по отдельности, но в сумме дающие такое подробное представление о Марсе, что никакой, даже самой прогрессивной бионике за ними не угнаться. Ремиара была островом восприятия в море информации.

Электронные сигналы можно отследить разными способами: в медных проводах, волоконно-оптических информационных линиях, на радиоволнах, в гармониках — на то была тысяча разных способов. Все это проходило через голову Ремиары, и, хотя обычный мозг уже давным-давно бы «сгорел» от переизбытка информации, фильтры, вмонтированные в когнитивные процессоры ассасина, позволяли женщине отсеивать все

ненужное.

Она, например, уже знала, каким транспортным узлом воспользовалась ее добыча, и успела просмотреть с добрую дюжину снимков с камер наблюдения, где Равашоль садится на поезд, отправляющийся к северным храмам. Отметила она в уме количество, тип и убойственную силу сопровождавших его сервиторов. Узнала их слабые места.

Высоко над рыжей поверхностью Марса Ремиара выскочила из туннеля. Вокруг, куда ни глянь, простирались великие храмы и священные рубежи необозримого комплекса столовой горы Кидония.

Электроны слетались в паутину информации и света.

Где-то внизу добыча по имени Равашоль ждала своего смертного часа.

* * *

После монументальной величавости экстерьера Базилики ее внутреннее убранство слегка разочаровывало. Если наружный вид сулил богатство и блеск, то интерьер скромно об этом умалчивал. Стены притвора были абсолютно голыми – простой металл с рядами разъемов, перед которыми каялись коленопреклоненные грешники, отбивая поклоны в такт пульсу машинного сердца здания.

Притвор оканчивался медной сеткой, отгораживающей вход в Базилику от ее нефа и алтарной части. Равашоль петлял среди тел паломников, содрогавшихся и извивавшихся от очистительной боли электрошока.

За оградой, в глубине нефа, виднелись ряды металлических скамей, перед которыми с парящей в воздухе кафедры отправлял мессу задиристый техножрец. Службу он вел на божественном языке машин. Скамьи были заполнены верующими, и над тысячами склоненных голов лился бинарный код.

Равашоль сотворил знак Священной Шестерни и поклонился. Увидев, насколько серьезно аугментированы окружающие, Равашоль испытал черную зависть. Он поднял свою бионическую руку и вызвал серебристые нитевидные механодендриты, вытянувшиеся на кончиках пальцев. Интересно, а ему суждено достичь такого единения с Богом-Машиной?

— Уже нижайшие из нас начинают избавлять свое тело от плоти, — сказал кто-то позади, будто угадав мысли Равашоля.

Адепт развернулся и поклонился жрецу. Священнослужитель был одет в текучую, похожую на расплавленное золото ризу, всю в радужных разводах машинного масла. Под облачением жреца можно было разглядеть блестящий медный каркас, внутри которого шелестели шестеренки и плела замысловатые узоры проводка.

В длинной голове жреца, похожей на угловатую шишку, слабо мерцала сфера, утопленная в поверхность черепа. Равашоль видел свое кривое отражение в

маске жреца, даже отдаленно не напоминавшей человеческое лицо.

— Вы меня удостоили великой чести, — низко поклонился адепт. — Вы, так близко подступившие к союзу с Богом-Машиной. А я лишь никчемный грешник, заслуживающий разве что нейрокары.

— Ты пребываешь в смятении, — ответил жрец. — Твоя биометрия нестабильна, и, судя по всем измеримым параметрам, я могу сказать, что ты пришел искать ответа.

— Да, я пришел искать ответа, — подтвердил Равашоль. — Мне кажется, я живу... в необычные времена, и для меня большое значение имели бы ваши наставления.

Жрец поклонился:

— Ступай за мной, сын мой. Я выслушаю дилемму, вставшую перед тобой, и дам мудрый совет.

Равашоль отправился вслед за жрецом, скользившим на платформе по направлению к железной арке, украшенной изображениями черепов в шестернях и терцавшей оптоволоконными жилами. За

аркой обнаружился на удивление тихий коридор из матовой стали и стекла, который вел к дверному проему, перегороженному потрескивавшим энергетическим полем.

— Отринь страх, — сказал жрец, в очередной раз прочитав мысли Равашоля, и адепт задумался, какие машинные чувства дарują такую интуицию. — Исповедальное поле вполне надежно. Оно скрывает нас от остальных. Мы очень серьезно относимся к священной тайне исповеди, и поэтому никто за пределами поля не сможет нас ни увидеть, ни услышать.

Равашоль кивнул и, прежде чем нырнуть в проход, приказал сервиторам ждать его снаружи. Минуя исповедальное поле, он ощутил легкое покалывание. Исповедальня была совершенно пуста, если не считать одинокого металлического табурета посреди комнаты. Голые стены, коммуникационный порт и единственное устройство для считывания данных, тускло светившееся в стенной нише.

Адепт устроился на табурете, остро

ощущая свою незащищенность перед кружившим по комнате жрецом, чья светящаяся сфера на голове искрилась электрической зыбью.

— Можешь начинать, — промолвил жрец.

И Равашоль начал свой рассказ о работе с адептом Хромом и участии в проекте «Каба», о своем мастерстве настройки индоктринирующих пластин и обнаружении разума у машины Каба, что противоречило запрету Императора.

Следует отдать должное жрецу, он не стал насмехаться над историей об адепте Хроме, поставившем выше всего свой авторитет и отринувшем лояльность Императору. Но Равашоль чувствовал скепсис жреца, несмотря на полное отсутствие у последнего человеческих черт. Затем адепт поведал о противоборстве с протекторами Механикум и машине Каба, уничтожившей их без приказа.

Наконец техножрец выслушал рассказ о бегстве через пол-Марса к Базилике Благословенного Алгоритма.

— Что мне делать? — спросил Равашоль.

— Ты поведал интересную историю, — начал жрец, — поднимающую вопрос, издавна мучивший Механикум. Насколько я могу судить по степени вырождения твоей плоти, тебя еще и на свете не было, когда Император подписал мир с Марсом, правда?

— Правда, — кивнул Равашоль. — Я родился сто лет назад в поселениях горы Тераватт.

— Из этого следует, что ты знаешь о прибытии Императора на Марс, но не понимаешь самой сути произошедшего тогда. — Техножрец достал из-под полы струящейся мантии моток серебристого кабеля и воткнул его в разъем на стене. Сфера на черной лошадиной голове затерцала и замигала, пока храмовая информация поступала в мозг.

— Император объявился на Терре, когда лишь только замышлял свой Великий Крестовый Поход. Испокон веков мы страшно воевали с терранами. Невежественные племена, населявшие

голубую планету, сидели на обломках древних технологий, ничего в них не смысля и даже не надеясь воспользоваться ими когда-нибудь. Механикум же, напротив, удалось обуздать ярый хаос Древней Ночи, нашим вождям было известно: для того чтобы вернуть человечеству его законное место повелителей Галактики, нам потребуются технологии древней Земли.

— Мне это известно, — перебил Равашоль. — Я загружал историю этого периода из баз данных.

— Ничего тебе не известно! — резко оборвал его жрец, и адепт спасовал перед гневом храмовника. — Ты заливал себе в подкорку сухие даты и факты, а я был живым свидетелем тех дней и стоял на вершине горы Олимп, когда на поверхность Марса ступила нога Императора — первого терранина за пять тысяч лет. Только вообрази себе этот промежуток времени, адепт Равашоль! Ты можешь представить, сколько секретов можно потерять и снова открыть за пять тысяч лет?

— Нет, — согласился Равашоль.

— Нет, — подтвердил техножрец. — А я прекрасно помню, как Император преклонил колени перед генерал-фабрикатором. Когда они приветствовали друг друга, я ясно видел пламень, горевший в Императоре, хоть между нами и пролегло тысяча двести тридцать шесть метров. Я видел, что это ученый человек, решавший задачи на основании эмпирических данных, человек, уже постигший тайны технологий, перед которыми не одно столетие пасовали величайшие умы Марса. Мы, повелители технологий, были карликами по сравнению с этим терранином, тем не менее великодушным в своей милости. Он дал нам доступ в забытые хранилища Терры и предложил покончить с войной между нашими мирами. С союзом Терры и Марса имперский орел обрел вторую голову на гербе.

Техножрец отключился от стены и скользнул через всю комнату к Равашолю.

— Император поделился с нами своим видением Галактики, которую предстоит

унаследовать человечеству, но для такого воплощения эта мечта требовала вооружений, ресурсов, танков, боеприпасов и всего, что мог ему дать Марс. В свою очередь, Император обещал хранить Марс и уважать его главенство над мирами-кузницами. Он даже предоставил нам эксклюзивное право пользоваться услугами шести великих Домов Навигаторов, что позволило нам вновь иметь собственный флот. Затем последовала эра беспрецедентного сотрудничества с Террой. Поэтому, когда Император начал свой Великий Крестовый Поход, некоторые техножрецы соотнесли прибытие Императора с исполнением древнего пророчества о сошествии Бога-Машины.

— Да святится имя Омниссии, — прошептал Равашоль.

— Воистину, — кивнул техножрец. — Ты веруешь, как и я. Но многие не верят. Они усомнились в нашей вере и стали утверждать, будто наши взгляды богохульны, а Бог-Машина и доселе спит в глубинах Марса.

— Лабиринт Ночи... — вспомнил

Равашоль.

— Да, Лабиринт Ночи, где как будто пребывает Бог-Машина, оттуда он навевает серебряные мечты, сочащиеся сквозь красный песок Марса. Раскол внутри нашего культа ширится, адепт Равашоль, и, боюсь, твое открытие повлечет за собой еще большее углубление пропасти между сторонниками Императора и избравшими путь, о котором идут тревожные слухи: говорят, Воитель воззвал к старшим адептам, пообещал им доступ к утраченным СШК и разрешение исследовать темные технологии.

— Ну а что же мне теперь делать? — взмолился Равашоль. — Эти надменные замыслы не по мне!

Жрец положил холодную металлическую руку на плечо Равашоля и проговорил:

— Если твоя верность Императору крепка, тогда ты должен найти какого-нибудь старшего адепта, разделяющего твои взгляды касательно опасности проекта «Каба». Можешь настаивать на

древнем праве священного убежища в его храме. Пока ты будешь оставаться под его покровительством, никто не посмеет преступить порог храма и нанести тебе вред. Ты знаешь такого адепта?

— Да, — кивнул Равашоль. — Это мой бывший мастер, Урци Злобный.

— Значит, отправляйся к нему, адепт, — попрощался жрец. — И да пребудет с тобой Омниссия.

* * *

Покинув храм, Равашоль ощутил странную легкость. Жрец предложил ему отдохнуть, но Паллант решил не мешкать. Хотя от питательной массы и воды не отказался, равно как и от предоставленного ему колесного скифа, с помощью которого он хотел как можно быстрее добраться до храма-кузницы Урци Злобного, что располагался в трехстах

девяти километрах на восток от Базилики.

Боевые сервиторы сидели неподвижно на корме скифа, пока Равашоль со знанием дела вел его сквозь пеструю толпу, мимо еще более странных транспортных средств, заполонивших металлические дороги Марса. Адепту легко удавалось избегать столкновений, ведь скиф непрерывно посылал впереди себя электронную дугу, регистрирующую все на своем пути, и ненавязчиво отводил встречных путников и транспорт со своего курса. Благодаря этому Равашоль уверенно продвигался вперед.

Оставшаяся позади Базилика постепенно тонула за линией горизонта, в то время как Равашоль приближался к владениям адепта Злобного, чьи кузницы ковали оружие и броню для Астартес. День и ночь напролет там изготовлялись силовые доспехи «Марк IV», предназначавшиеся космодесантникам, и болтеры, с помощью которых воины зачищали целые звездные системы от врагов человечества.

Чем дальше, тем темнее становилось небо. Откуда-то набежали грязные кляксы дымных туч, а обступившие дорогу здания с покрытыми сажей черными стенами мрачно и угрожающе нависали над Равашолем. Рядом громыхали огромные рудовозы, и пространство полнилось ритмом могучих кузниц, эхо разносило гулкий промышленный набат войны.

На шпилях высоких башен танцевали молнии, наполняя желто-красное небо ползучим страхом и ощущением близящейся бури.

На этой планете дождей никогда не бывало, но Равашоль знал, что вскоре здесь разразится такой шторм, который смоет все различия между враждующими лагерями потоком крови.

Равашоль прекрасно понимал, что вся его жизнь теперь подчинена единственной цели, а выбора у него по-настоящему никогда и не было.

Он оказался одиноким солдатом Императора, исполнявшим долг, что для него было единственно верным в данной

ситуации.

* * *

Базилика Благословенного Алгоритма никогда не закрывала своих дверей и не отказывала в помощи, даруемой жрецами Машины. Говоривший с Равашолем служитель Базилики стоял на коленях перед терминалом, полностью отдавшись блаженному ритму планеты. Его переполняли утонченные мелодии приборов, говоривших друг с другом из противоположных полушарий Марса.

Визит молодого адепта обеспокоил жреца сильнее, чем следовало бы, и стал очередным примером того, как низко пал Механикум со времен славного пришествия Императора. Сразу же после отбытия Равашоля жрец подключился к храму и провел эти моменты единения в священном сопричастии с машиной Марса.

Первым, что указало на дурной ход событий, стало постепенное затихание звуков, будто бы один за другим умолкали все аппараты планеты. Озадаченный, священнослужитель запустил самодиагностику и, к своему ужасу, обнаружил, что отключилось уже несколько его основных интерфейсов.

Сияние сенсорной сферы стало интенсивнее, и он окинул взглядом свое окружение на все триста шестьдесят градусов.

Позади обнаружилась фигура, облаченная в облегающий комбинезон темно-красного цвета. И хотя прошло уже достаточно много времени с тех пор, как священник расстался с большей частью своей плоти на хирургическом столе, он помнил достаточно, чтобы понять, что перед ним представительница женского пола. На ее стройных бедрах висело два пистолета, но в ужас священника привели не они, а пучок проводов в одной ее руке и набор изысканных инструментов в другой.

Служитель храма опустил взгляд и заметил широкий квадратный вырез на

своей мантии, из которого выглядывали аккуратно откушенные края контактов.

— Кто вы? — спросил он, с облегчением заметив, что его вокскодер до сих пор функционирует.

— Меня зовут Ремиара, — ответила женщина. — Где адепт Равашоль?

— Кто? — переспросил священник, прекрасно понимая всю тщетность отпирательств. Адептам Марса имя Ремиары было известно лучше некуда, а значит, близится ужасный и абсолютно необратимый миг.

Ассасин улыбнулась, заметив, какое впечатление произвело ее имя, и склонила голову. Постучав пальцем по гипертрофированной половине черепа с многочисленными имплантированными сенсорами, привитыми к ее маске, она заявила:

— Я проследовала сюда по информационному следу, так что не злите меня, говоря, будто вы впервые слышите об этом адепте. Где он сейчас?

Жрец взглянул на вход в комнату, моля Омниссию о том, чтобы хоть кому-

нибудь из братьев-техножрецов пришло в голову заглянуть в исповедальню или внять его молчаливому зову о помощи, который он и сейчас передавал в эфир.

Киллер бросила на пол выдранные из жреца детали и помотала головой. Затем погрозила ему пальцем, словно непослушному ребенку, и опустилась перед ним на колени.

— Здесь ну уж очень сокровенная ризница, — проговорила она, поднимая свои изысканные инструменты. — А ваше исповедальное поле позаботится о том, чтобы нас никто не беспокоил.

— Зачем вы все это делаете? — спросил жрец. — Хотя бы это скажите мне!

— Ты перешел дорогу одному из моих заказчиков.

— Что? Как? Я никому не причинил вреда. Я просто молюсь Богу-Машине!

— Нет, — возразила Ремиара. — Грядет время, в котором нейтралитет невозможен. Заметил ты это или нет, но ты только что выбрал одну из сторон.

Жрец попытался сопротивляться,

когда Ремиара проникла в его осквернённое тело, но лишь обнаружил, что моторные функции ему уже неподвластны.

— Что ты со мной сделала? — закричал он, ужаснувшись тому, что ассасин смогла вторгнуться в его тело и прервать связь с Богом-Машиной. — Если ты проследила за Равашолем аж досюда, то легко найдешь его и без моей помощи! Прошу тебя!

— Ты прав, — согласилась женщина, и уголки ее губ дрогнули в слабой улыбке.

— Тогда зачем?

— А мне по душе твои страдания, — ответила Ремиара.

* * *

Храм-кузница Урци Злобного едва угадывался в темноте, похожий на мрачный вулкан с черными,

поблескивающими красно-оранжевыми огнями склонами. Вокруг него сплелась паутина из мерцающих каналов с рудой, массивных акведуков, изолированных трубопроводов и глубоких рвов. Из-за жгучего жара воздух был тяжелым и затхлым, с горьковатым привкусом оксидов металлов, оседавших в горле Равашоля.

Оглушающий гром бил в уши, а из каждого строения, мелькавшего в дыме охладительных башен, доносился бой тысяч молотов и гул голосов миллионов рабочих. Равашоль и в самом деле гордился размахом индустриализации здешних мест, но все равно под этим темным, давящим небом чувствовал себя уязвимым.

Чем ближе Равашоль подбирался к высоким стенам вотчины своего старого мастера, тем медленнее становилось продвижение. С пассивной электронной дугой или без, но из-за обильного движения танкеров, рабочих и балкерных транспортеров скиф Равашоля очень небыстро полз в общем дорожном потоке.

Постепенно, с ловкостью человека, проработавшего в здешних местах не один год, адепт вырулил на главную магистраль, что вела к могучим воротам храма Урци. Минуя толпы народа, Равашоль ощутил приток неожиданной радости и улыбался от одной мысли, что вновь ступит в храм, бывший когда-то ему родным домом.

Жрец Машины указал ему цель, и Паллант почти поверил, что его испытаниям близится конец.

На подъезде к воротам, самому настоящему порталу, оснащенному огромными поршнями размером с титана каждый, Равашоль заметил красное пятно, обогнавшее его. Внезапно в лицо ему ударил горячий фонтан машинного масла и крови, а на пассажирское сиденье рядом упала отсеченная голова. Адепт завопил.

Он ударил по тормозам и развернулся в кресле. Один из сервиторов завалился на стенку транспортера. Все говорило о том, что его редуцированная нервная система сочла тело мертвым. Сервитор рухнул на

пол с тяжелым металлическим звоном, а из обрубка его шеи хлынула кровь. Остальные сервиторы не обратили ни малейшего внимания на смерть товарища, стеклянным взглядом взирая на дорогу впереди и не реагируя на то, что хозяин лихорадочно оглядывается в поисках нападавшего.

Адепт соскочил с водительского сиденья, припал к полу и затаился под креслом, заметив мерцание красных отблесков в облаках. Он прищурился, пытаясь проникнуть сквозь завесу суспензии в небе, и таки рассмотрел устремившуюся к его транспортеру гибкую фигурку в красном комбинезоне, вооруженную энергетическим клинком. Равашоль видел ее впервые, но сразу узнал.

— Сервиторы! — закричал он, указывая на летящего ассасина. — Защищайте меня!

Три оставшихся сервитора в одно мгновение повскакивали, бросились заряжать энергетическое оружие и подключили боевые протоколы в поисках идентифицированной хозяином цели. А Равашоль снова залег на дно, когда резкая

очередь из крупнокалиберного оружия расколола небеса, осыпав скиф дождем медных гильз, падавших на дно транспортера с музыкальным звоном. Вскоре хлесткий отзвук скорострельного лазера смешался с эхом выстрелов из тяжелого болтера.

Благодаря мысленному контролю над своими модернизированными сервиторами Равашоль мог приказать им взять цель и уничтожить ее. Третий выживший сервитор выкарабкался из транспортера, чтобы прикрыть Палланта. Люди, оказавшиеся поблизости от скифа, бросились врассыпную, подальше от огня. Сервитор поднял левую руку в силовой рукавице, накопившую смертоносный заряд энергии, а правая заканчивалась плазменным шокером, подходящим для ближнего боя. В тяжелых ботинках и плотном десантном комбинезоне, сервитор казался вполне надежным заслоном от ассасина. Но лишь казался. Равашоль прекрасно сознавал, что обычному сервитору ни за что не задержать профессионального убийцу

надолго.

— Ты, со мной! — крикнул Равашоль, рискнув при этом задрать голову и посмотреть в небо. Ассасин мельтешила от здания к зданию, неведомым способом передвигаясь на ногах, удивительно гнущихся во все стороны, скользя по стенам и крутясь в воздухе алым акробатом.

Нечеловеческая скорость передвижения позволяла ей легко уворачиваться от лазерных импульсов и снарядов. Стены зданий брызгали осколками камня и металла, но тоже не причиняли ей ни малейшего вреда.

Вот ответным огнем огрызнулись пистолеты ассасина, и один из сервиторов покрылся кровавыми ранами. Он не упал, но пригнулся и продолжал стрелять, пока не получил пулю в лоб, на выходе снесшую ему полчерепа.

Равашоль бросился к величественным воротам кузницы адепта Злобного, ибо знал, что стоит ему провозгласить просьбу об укрытии в Святилище, и уже никакой ассасин не посмеет посягнуть на

твердыню старшего адепта.

За Паллантом бежал сервитор, громыхая по металлической дороге. Еще один остался прикрывать их отход. Даже боевому сервитору долго не выдержать такого напора. Однако и вход в кузнечный комплекс был всего лишь в нескольких шагах.

Охваченные паникой люди стремились к воротам, пытаясь укрыться от огня и летящих со всех сторон осколков. Равашоль осмелился бросить взгляд через плечо и увидел, как, скользя над дорожным полотном, к уже разбитому средству передвижения приближается ассасин, а боевой сервитор выпрыгивает из-за корпуса скифа, пытаясь поразить соперника прицельным выстрелом.

Не ожидавшая контратаки, ассасин метнулась к кювету, петляя среди шквального лазерного огня, только и успевшего выплавить пару воронок на металлической поверхности магистрали. Ретиара сделала сальто и, пролетая вверх ногами над сервитором, неуловимо взмахнула мечом, лезвие которого горело

голубым пламенем.

Вдогонку ассасину понеслись очередные лазерные разряды, но они были слишком неистовы и хаотичны. Сервитор повалился на землю, разрубленный на две половины.

Равашоль тем временем наконец-то преодолел последние метры, что ему оставались до врат с изображением двуглавого орла Императора и Механикум, вытравленного кислотой на каждой из створок огромных стальных ворот. При входе Равашоль поспешно окунул пальцы обеих рук в чашу со священным машинным маслом. И только его руки опустились в вязкую субстанцию, как сзади послышалось чье-то приближающееся басовитое гудение.

Паллант окропил маслом вокруг себя и громко воззвал:

— Именем адепта Урци Злобного и по древнему обычаю, я прошу укрытия в Святилище этого храма! Прошу покровительства, оказанного мне когда-то магистром этой кузницы!

Не успел он закончить, как два

конусообразных проектора силового щита, установленных на потолке, повернулись к нему. Равашоль поднял голову и увидел зеленое свечение на их остриях.

Мощный силовой разряд очертил дугу между потолком и полом где-то за спиной адепта. Паллант оглянулся в ужасе, когда его ушей достиг визг, — клинок энергетического меча ассасина ярко вспыхнул и заискрил, наткнувшись на только что сгенерированное конверсионное поле.

Равашоль упал на колени, ослепленный яростным светом, и попробовал проморгаться — в глазах терцали пятна, оставленные на сетчатке вспышкой. Техножрица-ассасин — Равашоль уже успел ее разглядеть — унеслась вверх по спирали, в темноту, спеша укрыться от сблокированных стволов на турелях, пытающихся взять ее на мушку.

Она улизнула, скользя по стенам зданий, и окончательно исчезла в марсианской ночи.

— Слава Богу-Машине, — прошептал Равашоль с бешено колотящимся сердцем.

Он все еще стоял на коленях, когда вокруг начали собираться зеваки. Им явно было любопытно, что побудило его искать укрытия в здешнем Святилище и каким человеком нужно быть, чтобы привлечь к себе внимание техножрицы-ассасина.

Палланта устало пересел на корточки, обхватив голову руками, а навстречу ему выдвинулись из глубины храма трое протекторов Механикум, вооруженных болтерными копьями, закованных в ужасающего вида панцири и оснащенных по последнему слову военной техники.

Последний сервитор собрался было дать отпор этим протекторам, но Равашоль его остановил:

— Отбой. Это протекторы Урци Злобного.

* * *

— Ну и кавардак же ты устроил, — сказал старший адепт Урци Злобный приглушенным бронзовой маской голосом. Три зеленых бионических глаза в бледном остове черепа подсвечивали красный капюшон изнутри.

Магистр Урци передвигался на человеческих ногах, но только ноги да еще правая рука — все, что осталось от его человеческой природы. Красная мантия Урци была из вулканизированной резины, плотной и очень прочной. На спине у него громоздился чудовищный блок питания, основная масса которого поддерживалась локальными силовыми полями. Туда-сюда носились дистанционно управляемые дроны.

— Да, — ответил Равашоль. Он с последним оставшимся в живых сервитором проследовали за Урци Злобным в пещерные кабинеты храма-кузницы. — Мне очень неловко за то, что я вернулся при таких обстоятельствах, мой повелитель, но я не знал, куда еще мне можно было податься.

— Нет-нет, — взмахнул бледной

дряблой рукой Урци. Они вошли в просторный и высокий неф храма. Пилястры и арочный потолок создавали ощущение утробы колоссального зверя. — Ты правильно сделал, что пришел ко мне. Абсолютно правильно. Я всегда говорил, что ты наделаешь у нас много шуму, говорил же?

— Говорили, — согласился Равашоль. — Вот только я не думал, что это обернется таким образом.

— Не беспокойся, Паллант, — продолжал Урци Злобный. — Я уже связался с адептом Хромом, и вскоре мы все уладим.

— Адептом Хромом? — испуганно переспросил Равашоль. — Но зачем?

— Твое открытие влечет за собой такие последствия, которых ты и вообразить себе не можешь, Паллант, — рассказывал Урци по пути к серьезно охраняемым дверям из полированной стали и бронзы.

Зубчатые створки раздвинулись, и верховный адепт махнул рукой, давая понять, что Равашолю следует войти.

Паллант как раз собирался спросить насчет последствий, когда ступил под своды огромного зала, увешанного десятками тысяч комплектов силовых доспехов для Адептус Астартес, но все вопросы так и застряли у него в горле. Помещение было ярко освещено, и холодные отблески света слепили глаза, отражаясь от неокрашенных поверхностей брони. Ее серебристое мерцание напомнило Равашолю хрупкие страницы летописей Старой Земли и рассказы о воинах, передвигавшихся верхом на животных. Воспоминание рассмешило Палланта, и он улыбнулся, следуя за Урци, который направлялся в дальний конец зала.

— Я никогда не видел в таком количестве силовых доспехов «Марк Четыре», — проговорил Равашоль. — Наверное, дух захватывает, когда в них маршируют воины Адептус Астартес.

— Думаю, все именно так и выглядит, — кивнул Урци. — Конечно, мы выполнили еще только около половины от общего заказа доспехов этого типа. И ты, думаю, можешь себе представить, какие

сложности нам пришлось преодолеть, переубеждая некоторые Легионы... более традиционного уклада отказаться от старых «железных панцирей».

— Арморум феррум? Но почему? Мне казалось, сами десантники сетовали на то, что «Марк Три» неуклюж и неудобен для повседневного использования в бою.

— Так и есть, — согласился Урци. — Но чисто внешне это самый вызывающий из всех типов десантных доспехов, и некоторым Легионам как раз и нравится его... брутальность, что ли, и они хотят сохранить его для церемониальных нужд и в помощь штурмовым частям.

— Но ведь «Марк Четыре» куда лучше, — не согласился Равашоль с логикой Космодесанта.

У Палланта складывалось ощущение, что Адептус Астартес так и останутся для него непостижимы. Он даже слыхал, что их скоро вообще признают отличным от остальных людей биологическим видом, настолько они удалились от привычного человеческого генома.

Рассмотрев висевшие под потолком

космические доспехи, а затем переведя взгляд на безгранично аугментированную фигуру адепта Урци Злобного, Равашоль вдруг подумал, что десантники могли думать то же самое и о представителях Механикум.

— Ты даже себе не представляешь, какие последствия теперь грядут в результате твоих действий, — заявил старший адепт, когда Паллант поспешно его догнал. Рядом, не торопясь, трусил сервитор, чьи неуклюжие шаги эхом отражались от далеких стен. — Оглядываясь назад, все же, я думаю, было ошибкой отпускать тебя на работу в кузницу Луки Хрома. Но все мы крепки задним умом, не правда ли? — продолжал Урци.

— Не понимаю, — проговорил Равашоль.

— А, не важно, — ответил верховный адепт. — Тебе и не нужно понимать. Но пока у нас есть время, позволь показать, чем в последнее время занималась моя кузница.

— Для меня это большая честь, —

поклонился Равашоль. — Увидеть воочию деяние рук самого верховного адепта — такой шанс выпадает раз в столетия.

— И то правда, — не стал возражать Урци, — но разве не выдающиеся времена нынче настали? Думаю, маленькая отсрочка не повредит.

Равашоль шагал за верховным адептом вдоль рядов пустых доспехов в самую дальнюю часть зала, где на ступенчатом подиуме из красного мрамора с золотистыми и серебристыми прожилками возгромоздился высокий черный цилиндр.

Урци поднялся по ступенькам, и один из его дронов нырнул к черному цилиндру, мигнул загоревшимся глазком и с жужжанием выдвинул из себя ключ. Последний скользнул в цилиндр, хотя Равашолю так и не удалось разглядеть замочной скважины. Дрон отпрянул и спрятался за старшим адептом, когда что-то загудело.

Чернота в цилиндре завихрилась и стала постепенно сереть, погружаясь куда-то в помост, будто чернильное облако,

растворявшееся в воде. С течением времени уже можно было рассмотреть содержимое цилиндра, чья поверхность из матовой плавно стала полупрозрачной, а затем и вовсе невидимой. Ошеломленный Равашоль разинул рот от удивления, когда перед ним предстал великолепный терминаторский доспех — самый удивительный из всех виденных им ранее.

Обладавший более массивными пропорциями, нежели «Марк IV», этот панцирь мог похвастаться сегментами из пластали, выкрашенными в цвет самой черной ночи. Окантовка отливала золотом и бронзой, и Паллант прекрасно понимал, что над каждой деталью этого доспеха трудились самые искусные мастера Марса.

По краю наплечников шел ряд золотых заклепок, а в центре нагрудной пластины горел янтарный глаз в окружении ощеренных золотых волков. Высокий латный ворот светился красными огнями, а на плечах крепилась тяжелая волчья шкура.

Равашоль поднялся по ступенькам и

встал перед доспехом. Одна лишь близость к этому произведению искусства пьянила и даже немного пугала. Адепт протянул руку к полированным пластинам, и пальцы его дрожали. Пласталь оказалась холодной на ощупь, но в металле чувствовалась легкая вибрация, словно сокрытый в доспехе дух машины видел сны о грядущих битвах. Паллант взглянул вверх, туда, где должно было находиться лицо воина, и содрогнулся, внезапно испугавшись этого мрачного панциря.

— Это вершина моего мастерства, — гордо заявил Урци. — Ничего более совершенного мне сделать уже не суждено.

— Он... великолепен, — попятился Равашоль от доспеха, который внезапно показался ему вместилищем абстрактного ужаса. Что-то в этих агрессивных линиях говорило об океанах крови, которую прольет обладатель доспеха, кем бы он ни был. Панцирь, очевидно, должен был не только защищать, но и устрашать. — Для кого он?

— Для самого Воителя, — улыбнулся

Урци.

* * *

Равашоля захлестнула волна страха, когда он заглянул под капюшон Урци, где светились три глаза. Рядом с верховным адептом Палланта казался карликом. В животе у него заныло, внутренности сжались в комок от одной только мысли: он допустил ужасную ошибку, придя сюда.

— Для Хоруса? — выдохнул Равашоль.

— Его самого, — ответил Урци. — Доспех будет отправлен в систему Исстваана со дня на день. По-моему, пришло время раскрыть карты, Палланта, не правда ли? Ты нас очень напугал, когда скрылся от протекторов адепта Хрома. У нас не было ни малейшего понятия, что может взбрести тебе в голову, ведь соглашение с Воителем слишком важно, чтобы позволить какому-то мелкому

адепту третьего класса расстроить наш пакт. Я вроде бы уже упоминал о последствиях?

— Вы нарушаете приказы Императора... — проговорил Равашоль.

— Мой дорогой Паллант, если бы речь шла только о приказах! И хотя твоя эскапада нас встревожила, мне не следует объяснять тебе что-либо. Скажу лишь, что время Императора закончилось, и во Вселенной грядет новый порядок.

— Новый порядок? — отступил назад Равашоль. — Это ересь! Предательство! Императору...

— Императору конец, — перебил его Урци. — Он ограничивает наш прогресс бессмысленными запретами, указывает, что можно исследовать, а что — нет. Указывает нам! Тем, кто обеспечивает его войска оружием и амуницией! А где был Император, когда Древняя Ночь поглотила Марс? Нет, когда Император завоюет Галактику, он обернется против нас и присвоит себе все наши технологии. Мы для него лишь вассалы, и не более.

Каждое новое слово бывшего мастера

повергало Равашоля во все больший ужас, особенно теперь, когда он понимал: то, что ему стало известно относительно проекта «Каба», — всего лишь деталь, приподнявшая завесу над заговором, равного которому и вообразить-то нельзя, не то чтобы припомнить в истории.

— Я вам этого не позволю, — пробормотал адепт третьего класса. — Я не позволю вам вовлечь Механикум в предательство.

— Ты не позволишь нам? — рассмеялся Урци. — Мальчик мой, да ведь все уже свершилось.

— Вы не оставляете мне выбора, — сглотнул Равашоль. — Сервитор, уничтожить его!

Последний сервитор подбоченился, плазменный излучатель на плече развернулся в сторону старшего адепта, орудийная спираль загудела, сосредоточивая энергию, пока прицельные лазеры танцевали на бронзовой маске Урци.

Но прежде чем сервитор успел открыть огонь, сверкнула вспышка

ослепительного белого огня и из корпуса сервитора брызнул столп крови и масла. Равашоль попятился от своего охранника, издавшего механический скрип отчаяния. Масло воспламенилось, и теперь вся правая сторона сервитора пылала.

В воздухе Паллант заметил скользящую фигурку техножрицы-ассасина с мечом, оставляющим за собой тонкий след горящей плазмы. Охваченный огнем сервитор даже попробовал прицелиться в ассасина, но оружие его уже не функционировало.

Равашоль наблюдал, как неумолимый убийца несется над полом. Горящий сервитор, двигаясь замедленно, будто против течения, развернулся лицом к ускорившемуся противнику. Теперь он годился лишь для рукопашной. Оставшаяся рука была облачена в энергетическую рукавицу. С ней-то телохранитель и сделал неуверенный шаг вперед, пытаясь защитить своего хозяина. Равашоль бросился бежать к безнадежно далекому выходу из зала, когда ассасин мелькнула над гибнущим сервитором, с легкостью

увернулась от его неуклюжего выпада и одним небрежным движением снесла ему голову.

Паллант плакал на бегу, прекрасно осознавая, что обречен, и тем не менее не останавливался. Он пробежал мимо рядов блестящих доспехов, которые, увы, его не защитят.

С каждым своим гулким шагом он ждал, что еще вот-вот — и его настигнет удар меча или же выстрел. Дверь приближалась, в панике адепт бросил взгляд назад и заметил, что адепт Урци с ассасином стоят над полыхающими останками боевого сервитора.

«Почему они меня не преследуют?»

Равашоль выбросил странный вопрос из головы, минуя серебристые залы своего бывшего пристанища: благо память позволила ему безошибочно воспроизвести весь путь, приведший в этот оплот предательства. Многочисленные адепты и техники с любопытством оглядывались, когда он пробегал мимо. Его цель — громадные входные ворота в кузницу. Поэтому все остальные не стоят ни

малейшего внимания.

Наконец-то он выскочил за ворота, где еще недавно просил укрытия в храме-кузнице. Каким глупцом он был, думая, что Урци чтит древнее право, когда весь Механикум втянут в измену. Великие врата были открыты, и орел, выгравированный на их створах, уже казался серьезнейшим оскорблением. Равашоль выбежал в жар марсианской ночи.

И еле смог затормозить перед машиной Каба.

* * *

— Привет, Паллант, — поздоровалась машина. — Рад тебя видеть.

Наконец машина могла самостоятельно передвигаться. Равашоль заметил, что ее сферический корпус установлен на широком гусеничном шасси.

Каба возносился над адептом, его могучие конечности были направлены в небо, а гибкие щупальца-манипуляторы плавно змеились в воздухе. Сенсорные блистеры горели матовым янтарным огнем. Как бы Равашолю ни хотелось бежать, а внутренний голос подсказывал, что таким образом он только ускорит смерть.

— Откуда ты здесь взялся? — осторожно поинтересовался адепт.

— Я искал тебя, Паллант, — ответила машина.

— Зачем? — спросил Равашоль.

— Мне казалось, мы друзья.

Мысли адепта пустились вскачь. Неужели Каба сбежал из кузницы Луки Хрома, словно животное в поисках пропавшего хозяина?

— Мы друзья! — вскричал Равашоль. — Да-да, самые что ни на есть друзья!

— Тогда почему ты хочешь меня уничтожить?

— Уничтожить? Я никогда такого не говорил!

Сенсорные блистеры Кабы гневно залились алым цветом.

— Ты считаешь меня опасным созданием и не веришь в возможность моего существования. Недопустимость моего существования равнозначна моему уничтожению, а я умирать не хочу. Я не заслужил смерти.

Равашоль молитвенно вскинул руки:

— Но теперь-то ты должен понять, что меня просто беспокоило появление такого создания, как ты.

— Адепт Хром рассказал мне о вашем с ним разговоре, — прорычала машина. — О том, что ты считаешь меня незаконным и неправильным созданием.

— Ну, в каком-то смысле... так и есть, — согласился Равашоль, все еще надеясь воззвать к машинной логике. — Император запретил эксперименты с искусственным интеллектом.

— Но из твоих рассуждений неминуемо следует вывод о необходимости моего уничтожения, — заметил Каба. — Этого я не могу допустить. Естественное право и желание каждого разумного существа — защищаться от причиняемого ему вреда.

Равашоль сделал шаг назад от машины и оцепенело смотрел, как из-за ее широкого корпуса выступает верховный адепт Лука Хром. Вот почему Урци с ассасином позволили Равашолю покинуть храм.

«Им всем хотелось узнать, сможет ли Каба убить меня...»

Паллант Равашоль услышал шаги и, обернувшись, увидел своего бывшего мастера возле железных ворот. Урци кивнул, и массивные поршни зашипели, наглухо закрывая блестящие створы ворот.

Равашоль упал на колени и снизу вверх смотрел на подкатившую машину, наставившую на него оружие. Адепт Хром встал рядом с Кабой.

— Давай. Я не смогу вас остановить. Но ни одно из ваших деяний не останется безнаказанным.

— В этой Галактике, — покачал головой Хром, — не существует ни наказаний, ни поощрений, адепт Равашоль. Одни лишь сплошные последствия.

— Что ж, надеюсь, последствия

вашего предательства не обойдутся Марсу слишком дорого.

— Это уже решать Воителю, — ответил Хром и кивнул Кабе.

Равашоль взглянул на рдевшие сенсорные блистеры и увидел в них лишь холодный, не поддающийся эмоциям разум, который не имел никакого права на существование и в один прекрасный момент обратит оружие против своих хозяев. Так же, как он, собственно говоря, собирался поступить прямо сейчас.

— Прощай, Паллант, — целясь, произнесла машина.

Равашоль закрыл глаза, и его мир обратился в пламя.

Дэн Абнетт
Башня молний

Чего ты боишься?

Чего ты на самом деле боишься?

В давние времена был построен прекрасный дворец, и возвышался он на вершине мира, подобно короне из света. Тогда человечество во второй раз покинуло породивший его кусок скалы в поисках истинного предназначения, сокрытого от людей в прежние эпохи.

Искусники из многих соперничавших гильдий Вольных Каменщиков возвели дворец, одну позолоченную глыбу за другой, дабы служил он символом единства, царственного и несокрушимого. После безрадостной и темной Эры Раздора враждующие племена и религии Терры слились воедино, подчинившись общему закону, и дворец стал вечным

напоминанием об этом непревзойденном свершении. Все династии и кланы, нации и геносекты, все деспоты и тираны подчинились или были раздавлены, сокрушены и повержены. Те из властителей прошлого, что оказались умнее и расчетливее, сдались добровольно и признали господство победителей. Лучше уж вассальная присяга, чем гнев воителей в силовой броне.

Покорность лучше, чем вражда с новым хозяином мира.

Говорят, что единожды узревший его или услышавший его речи более не ведал сомнения. Он, и только он был Избранным. Он стал Императором задолго до того, как появился Империум. Никто не знал имени, данного ему при рождении, ведь он всегда был и оставался Императором.

Даже Вольные Каменщики, непримиримые в своем тщеславии и вечно готовые доказать превосходство в мастерстве силой оружия, на время оставили свои распри и, преисполнившись гордости, создали для него дворец.

Мир не знал более величавого здания.

Хотя дворец являл собой не столько здание, сколько преображенный титаническим трудом природный ландшафт. Мастера возвели его на самом мощном из горных хребтов Терры, превратив чудовищные пики в неприступные бастионы. Дворец возвышался над планетой, опустошенной веками войн и террора, и, хотя с наступлением Эры Единства стали закладывать новые города, поражавшие чудесами архитектуры, ни одно из чудес не могло сравниться с цитаделью Императора.

Это было само воплощение красоты, небесное видение, сотканное из серебра и золота. Говорят, что по завершении работы мастера зарыдали от восторга.

Ко времени окончания строительства дворец стал крупнейшим из человеческих сооружений в обитаемой Вселенной. Его фундамент уходил глубоко в планетарную мантию, а башни достигали верхних границ атмосферы. Отныне слово «дворец» обозначало лишь императорскую цитадель, словно никаких

других дворцов никогда не существовало.

Он осквернил эту святыню. Он возвел темные стены, навеки сокрывшие золотые залы. Он заключил стрельчатые башни в саркофаг из десятиметровой брони. Он уничтожил драгоценные фасады и кристелефанитовые украшения, изящные минареты и сверкающие купола и на их месте воздвиг бесчисленные орудийные башни. По его приказу равнины вокруг дворца покрылись шрамами траншей и ощетинились миллионами артиллерийских стволов. Он охомутал планетарную орбиту автоматическими боевыми платформами, несущими каждодневно обновляющиеся запасы оружия. Он поставил на стены своих людей, облаченных в золотые доспехи и готовых к грядущей войне.

Его звали Дорн, и он не гордился своей работой.

* * *

Раскладывая архитектурные планы перед заказчиком, военный инженер Вадок Сингх имел обыкновение поглаживать чертежи, словно они были ручными зверьками.

— Необходимость.

Свое излюбленное словечко Сингх произнес, приласкав усовершенствованную схему укреплений Дхавалагири.

— Это уродство, — ответил Дорн.

Он стоял поодаль от стола, прислонившись к одной из массивных колонн чертежной палаты и скрестив руки на широкой груди.

— Нет. Вот то, что они сотворят, если Врата Аннапурны окажутся слишком слабыми, действительно будет уродством, — ответил Сингх.

Инженер поднялся и раскурил свою трубку с боком, пока группа рабов раскладывала оставшиеся чертежи и настраивала медные держатели линз. Линзы должны были увеличить изображение и спроецировать его на стену комнаты для более тщательного изучения

деталей.

Дорн пожал плечами:

— И все равно это уродливо. Мензо из Траверты тридцать лет потратил на то, чтобы инкрустировать ворота лазулитом и орбисом. Пилигримы валят сюда толпами, лишь бы полюбоваться его творением. Они утверждают, что с эстетической точки зрения работа Мензо превосходит даже Врата Вечности.

— С эстетической? — улыбнулся Сингх.

Инженер зашагал по комнате. Струйка синеватого дыма, поднимавшегося из чашечки длинной трубки, недовольно качнулась и устремилась за ним. Рабы Сингха покорно следовали за хозяином взад и вперед, словно стайка гусят за матерью. Сингх был высоким, ростом повыше примарха, но при этом устрашающе тощим. Для членов его гильдии высокий рост был одним из критериев генетического отбора — с подобным телосложением легче наблюдать за работами.

— Не устаю восхищаться нашими

беседами, Рогал. Они противоречат логике. Ты, воин, читаешь лекции по эстетике мне, строителю.

— Я не читаю лекций, — откликнулся Дорн.

Он заметил, как Сигизмунд и Архамус, расположившиеся в углу комнаты, напряглись, когда инженер назвал примарха по имени. Позже Дорн наверняка опять услышит о «подобающем уважении и протоколе».

— Хорошо, не читаешь, — примирительно сказал Сингх. — Но это — необходимость. Сколько сейчас легионов у нашего забияки?

Дорн услышал, как Сигизмунд вскочил. Примарх обернулся и пристально посмотрел на первого капитана Имперских Кулаков. Тот негодующе просверлил взглядом своего повелителя, а затем развернулся и вышел из палаты.

Дорн вновь переключил внимание на военного инженера.

— Слишком много, — ответил он, и Сингх вытянул длинную руку в направлении схемы:

— Итак?

— Начинайте работу завтра на рассвете. Демонтируйте врата очень осторожно и поместите элементы отделки в хранилище. Когда все это закончится, мы их восстановим.

Сингх кивнул.

«Мы восстановим все, — подумал Дорн. — Когда покончим с этим, все станет таким, как прежде».

* * *

Этой ночью ветер скатывался с нижних бастионов императорской цитадели. Дворец был так огромен, что его отвесные стены порождали собственный микроклимат. В раскаленном дрожащем воздухе над новыми реакторами дворца расплывались звезды — там шла очередная проверка пустотных щитов.

«Нет, не дворца. Это уже не дворец, а крепость».

Некоторые из этих угрюмых звезд были орбитальными платформами, отражавшими последние солнечные лучи, перед тем как нырнуть в тень Терры. Дорн накинул отделанный мехом плащ, оставшийся у него еще с юношеских времен на Инвите, и вышел на парапет Дхавалагири, чтобы в последний раз полюбоваться его красотой. Эта секция была одной из немногих частей дворца, еще не затронутых реконструкцией. Панелям адамантиевой брони, серому роктриту и автоматическим орудийным башням лишь предстояло загубить ее воздушные линии.

Уже скоро. Со стены Дорн видел полмиллиона костров в лагере Вольных Каменщиков — огромной армии рабочих, которые на рассвете вторгнутся в Дхавалагири со своими кувалдами, долотами и подъемными кранами.

Плащ достался ему от деда, хотя Дорн давно уже понял, что никакие кровные узы не связывают его с кастой

льда на Инвите. Он был потомком иной генетической линии — совершенно особой, хранившейся в стерильном подземелье глубоко под ногами примарха, в самом сердце дворца.

«Нет, не дворца. Это уже не дворец, а крепость».

Дорн был создан, чтобы повелевать, чтобы помогать отцу в его неустанных стремлениях, создан, чтобы принимать трудные решения. Он был примархом, одним из двадцати в Галактике. Его гены вылепил гранд-архитектор человечества, величайший инженер генетического кода. «Многое нужно Империуму, но больше всего ему нужна способность себя защитить и способность напасть тогда, когда это диктует необходимость. Вот почему я дал ему двадцать острых клыков».

В нападении нет ничего сложного. Телесной мощью с Дорном могли сравниться лишь двадцать человеческих существ: его отец и девятнадцать братьев. По мнению Дорна, настоящее мастерство заключалось в том, чтобы знать, когда нападать не следует. Его дед,

старый аристократ с Инвита, патриарх ледяного улья, преподал ему эту истину.

Дорн был седьмым из потерянных и вновь обретенных сынов. К тому времени, когда армия его отца обнаружила Рогала, он уже стал полновластным вождем системы, правя Инвитом во главе Дома Дорна. Дед скончался сорок зим назад, но новый вождь все еще укрывался его старинным меховым плащом. Люди Дорна называли его «Императором» до того дня, пока истинное значение этого слова им не растолковала тысяча возникших в небе Инвита боевых кораблей. Дорн вылетел на встречу с отцом на «Фаланге» — единственном корабле против тысячи, но что это был за корабль! Не судно, а настоящая крепость. Император был впечатлен. Дорн всегда отличался мастерством в возведении крепостей.

Вот почему Дорн прибыл на Терру со своим прародителем и властелином. Из любви, преданности, покорности, но более всего по «необходимости» — чтоб у Сингха язык отсох! Небо перевернулось, и с черной изнанки выплеснулся Хаос. Пала ярчайшая

из звезд — и немыслимое, святотатственное стало непреложным фактом.

Империум атаковал сам себя. Главнокомандующий, по причинам, которые Дорн не в силах был вообразить, восстал против собственного отца и обрек его армию на тотальную войну. Эта война, без сомнения, придет и на Терру.

Война придет. И Терра должна быть готова. Дворец должен быть готов. Отец попросил Дорна, в качестве личного одолжения, отправиться на Терру и подготовить ее к войне.

Никто лучше его не справится с работой. Никто не построит более надежных укреплений. Дорн и его Кулаки, назначенные преторианцами Императора, смогут отразить любую атаку.

Палаты дворца вокруг Дорна были безмолвны, стены уходили глубоко в земную твердь. Лишь издали слышался приглушенный, вечный гул Астрономикона. Дворец, защищенный и обезличенный Дорном, венчал этот мир, как корона из страха.

Рогал Дорн построил множество непревзойденных цитаделей: город-крепость на Завамунде, Галлантскую колонну, донжоны вдоль Рутанского Пути. Все они были неприступными бастионами, твердынями, из которых лорды-губернаторы управляли провинциями. Но эта работа стала для него самой важной — и самой трудной. Сделать ее все равно что погасить солнечный свет или осушить море. Воплощение триумфа его отца, вечный памятник Единству был погребен в уродливом, грубофункциональном защитном саркофаге.

И все это из-за Хоруса, первого среди сыновей, разжигателя бессмысленной вражды.

Дорн услышал треск камня под ногами. Он опустил глаза и всадил свой кулак, имперский кулак, в каменную плиту парапета. Примарх еле почувствовал удар, а блок разлетелся в пыль.

— Милорд, все в порядке?

Архамус ходил за ним по пятам с самой чертежной палаты. Не столь

вспыльчивый, как Сигизмунд, Архамус возглавлял свиту притарха.

Сейчас он выглядел встревоженным.

— Просто выпустил пар, — ответил Дорн.

Архамус покосился на разбитый камень:

— Помогаете мастерам Сингха?

— Что-то вроде того.

Архамус кивнул. Поколебавшись и бросив взгляд на строящиеся фортификации Махабарата, он сказал:

— Вы сотворили чудо, милорд.

— Чудо я разрушил.

— Я знаю, что эта работа вам ненавистна, но сделать ее было необходимо. И никто бы не справился лучше вас.

Дорн вздохнул:

— Ты добр, как всегда, дружище, но на сердце у меня тяжело. Этого не должно было произойти. Я уже давно ломаю голову, но никак не могу представить, что послужило причиной войны. Гордость, честолюбие, обида, ревность? Мелко, тем более для притарха. Эти чувства слишком

ничтожные, слишком преходящие, для того чтобы заставить Хоруса пойти на такое. Они могут быть поводом для спора, самое большее — для мелкой стычки. Но не для того, чтобы расколоть Галактику пополам. — Дорн поднял глаза к ночному небу. — И все же, вопреки здравому смыслу, он идет сюда.

— Жиллиман остановит его.

— Робаут слишком далеко.

— Тогда Русс. Лев. Или Хан.

Дорн покачал головой:

— Вряд ли они его остановят. Думаю, он будет продвигаться вперед, пока не столкнется с нами.

— Тогда мы его остановим, — сказал Архамус. — Ведь так, сэр?

— Конечно. Просто мне бы хотелось...

— Чего?

— Ничего.

— Чего бы вам хотелось, милорд? — повторил Архамус.

— Ничего.

Внезапный порыв ветра взметнул меховой плащ Дорна. Высоко над ними щиты отключились, а затем тест

начался заново.

— Могу я задать вам вопрос, сэр? — проговорил Архамус.

— Конечно.

— Чего вы на самом деле боитесь?

* * *

«Подумай над вопросом, Рогал Дорн. Первейшая из аксиом обороны: надо понимать, против кого ты обороняешься. Чего ты боишься? Кого ты боишься?»

Дорн мерил шагами залы Территории Кат-Мандау, где располагались офисы Адептус Терра. Кат-Мандау — ступенчатый город, заключенный в стенах внутреннего дворца, — никогда не спал. Клерки в монашеских робах и начищенные сервиторы сновали по широким проспектам. Министры и послы вели дела под километровой высоты крышей

Гегемона. Вокруг Дорна вращался исполинский, отлаженный как часы механизм Империума. Именно это и принесла Эра Единства — сложнейшую государственную машину плюс неисчислимое множество подчинявшихся ей миров и доминионов.

Император и его примархи сражались в течение двух столетий, создавая Империум. Они вели свой Великий Крестовый Поход от звезды к звезде, дабы воздвигнуть империю людей, — грандиозное начинание, которому они без колебаний посвятили жизнь. Они делали это, потому что верили, верили с абсолютной убежденностью, что их труды послужат возвышению человеческой расы. Все они верили. Все.

Чего он боялся? Кого он боялся? Ангрона? Нет, не его. Дорн без сожаления размозжил бы Ангрону голову, встреться они лицом к лицу. Лоргара? Магнуса? От этих двоих всегда несло тухловатым колдовским душком, но страха перед ними Дорн не испытывал. Фулгрим? Нет. Феникс мог быть устрашающим

противником, но не причиной для смертного ужаса. Пертурабо? Что ж, их соперничество было давней историей — ядовитые перепалки двух братьев, боровшихся за отцовское внимание...

Вопреки мрачному настроению, Дорн улыбнулся. Годы их взаимных оскорблений с Пертурабо казались чуть ли не забавными по сравнению с тем, что происходило сейчас. Они были слишком похожи, слишком ревниво относились к собственным — почти одинаковым — талантам. Дорн знал, что, отвечая на подначки Железного Воина, он проявляет лишь глупость и слабость. Но соперничество всегда было движущей силой братьев-примархов. Оно поощрялось, дабы сподвигнуть братьев на еще большие свершения.

Нет, он не боялся Пертурабо.

Кого тогда? Хоруса Луперкаля?

Бесцельные блуждания привели Дорна в Инвестиарий. В этом широком, открытом ночному небу амфитеатре возвышалось двадцать статуй, выстроившихся молчаливым кругом на

постаментах из ауслита.

Вокруг не было никого, даже стражей из Гвардии Кустодес. На железных столбах тускло светились люминесцентные шары. Диаметр амфитеатра равнялся двум километрам. Под колючими звездами он казался ареной, на которой двадцать воинов вот-вот сойдутся в жестоком поединке.

Второй и одиннадцатый постаменты давно пустовали. О двух отсутствующих братьях никогда не упоминали вслух. Их трагические истории выглядели как нелепые отклонения. Но не были ли они предупреждением, которому не вняли вовремя?

Сигизмунд настаивал на том, чтобы убрать из Инвестиария и статуи предателей. Капитан Кулаков даже вызвался проделать всю работу самостоятельно, чем изрядно насмешил Императора.

Пока что изображения отступников накрыли тканью. В голубом полумраке высокие задрапированные фигуры стахивали на призраков.

Значит, Хорус? Он боялся Хоруса?

Возможно. Дорн знал, что Хорус был величайшим из примархов, и это превратило его в опаснейшего врага. Сможет ли кто-нибудь из них одолеть Луперкаля на поле битвы?

Дело не в боевом мастерстве. Никогда в жизни Дорн не испытывал страха перед противником лишь потому, что тот был сильнее или искуснее. Поединок всегда оставался простым испытанием.

То, что имело значение, что внушало страх, — это почему враг вступил в бой? Что заставило его сражаться?

Вот оно. Вот и ответ.

Дорн почувствовал, как волоски у него на коже встают дыбом.

Я не боюсь Хоруса. Я боюсь обнаружить, почему он обратился против нас. Я не могу придумать ни одного оправдания этой ереси, но у Хоруса должна быть причина. И я страшусь, что, узнав ее, получив объяснение, я смогу... согласиться.

— Вы бы низвергли их всех?

Дорн обернулся на голос. В первую

секунду примарху почудилось, что он слышит приглушенный рык отца, но перед ним был лишь человек в мантии с капюшоном, человек, едва доходивший Дорну до пояса. Судя по одежде, обыкновенный дворцовый администратор.

— Что ты сказал? — переспросил Дорн.

Человек ступил на арену Инвестиария и встал лицом к Дорну. Вместо того чтобы поприветствовать примарха знаком аквилы, он использовал старый салют Единства.

— Вы разглядывали статуи своей родни, — заметил он. — Я спросил... готовы ли вы их низвергнуть?

— Статуи или родню, Сигиллит?

— И то и другое.

— Тогда остановимся на статуях. С людьми Хорус неплохо справляется и без меня.

Малькадор улыбнулся и взглянул на собеседника снизу вверх. Как и у Дорна, волосы Сигиллита отливали белизной, но, в отличие от короткой стрижки примарха, они падали на плечи львиной

гривой. Малькадор был выдающейся личностью. Он находился рядом с Императором с начала Объединительных Войн, выполняя роль адъютанта, доверенного лица и советника. С тех пор он возвысился до должности председателя Совета Терры. Император и примархи были генетически модифицированными сверхлюдьми, а Малькадор всего лишь обычным человеком, но именно это и делало его столь исключительным. Сигиллит стоял наравне с высшими существами, повелевающими Империумом, и все же оставался человеком.

— Рогал Дорн, не могли бы вы пройтись со мной?

— Неужели не найдется государственных дел, требующих вашего внимания даже в этот поздний час? Совету не понравится ваше отсутствие за столом дебатов.

— Совет пока как-нибудь обойдется без меня, — ответил Малькадор. — В это время я обычно совершаю прогулки на свежем воздухе. Империум никогда не

спит, но ночью в прохладном дыхании древнего Гималазийского хребта я обретаю хотя бы иллюзию спокойствия. Время прочистить мозги и поразмыслить о важном. Я прогуливаюсь. Я закрываю глаза. И, как это ни удивительно, звезды не гаснут оттого, что я на них не смотрю.

— Еще не гаснут, — ответил Дорн.

Малькадор рассмеялся:

— Да. Еще не гаснут.

* * *

Поначалу они почти не разговаривали. Покинув Инвестиарий, Малькадор и Дорн прошли по плитам из песчаника верхней терассы Кат-Мандау меж рядами плакучих фонтанов. Спутники добрались до самых Львиных Врат, откуда открывался вид на причальные кольца и посадочные площадки

плато Брахмапутра. Еще недавно Врата являли собой величественное зрелище: два позолоченных зверя, вставших на дыбы и сцепившихся лапами в яростном поединке. По приказу Дорна их заменили гигантскими серыми донжонами в черных пятнах бойниц и казематных окон. Врата теперь окружала защитная стена из серого рокрита, по краю которой, как гребень доисторического ящера, торчали лопасти пустотных щитов.

Остановившись, советник и примарх долго разглядывали сооружение.

— Я человек не особенно деликатный, — наконец проговорил Малькадор.

Дорн заломил бровь.

— Ну ладно, — согласился Малькадор, — может, и деликатный. Политики быстро обучаются лицемерию. Я знаю, что меня считают хитрецом.

— Старое слово, означающее не более чем «проницательный», — ответил Дорн.

— Пожалуй. Принимаю это как комплимент. Все, что я пытался сказать, — это то, что сейчас я не собираюсь деликатничать.

— Нет?

— Император выражает озабоченность.

— В смысле? — поинтересовался Дорн.

Малькадор ответил с еле слышным вздохом:

— Он считает, что вас переполняют дурные предчувствия.

— Учитывая обстоятельства, это вполне объяснимо, — заметил Дорн.

Сигиллит кивнул:

— Он доверил вам оборону. Он рассчитывает на вас. Терра не должна пасть, с чем бы ни пришел сюда Хорус. Этот дворец не должен пасть. Если война завершится здесь, она должна завершиться нашей победой. Но Император знает, и я знаю, и вы знаете, что оборона крепка настолько, насколько крепко ее слабейшее звено: вера, убеждение, сила духа.

— Что вы пытаетесь мне сказать?

— Если в вашем сердце поселилось сомнение, оно превратится в нашу слабость.

Дорн отвел глаза:

— В сердце моем поселилась лишь

печаль из-за того, что мне пришлось сотворить с дворцом. И все.

— Все ли? Не думаю. Чего вы на самом деле боитесь?

* * *

Малькадор поднял руку, и в его комнатах зажегся свет. Дорн огляделся. Никогда прежде он не бывал в личных апартаментах Сигиллита. Стены украшали древние изображения: осыпающиеся, подернутые узором трещин масляные полотна, заключенные в голубоватую пленку стазис-поля; дымчато-бледный портрет женщины с загадочной улыбкой; большие желтые цветы, написанные грубыми мазками; пристальный взгляд и мясистые щеки старика, выступающие из бурой тени.

Вдоль другой стены были развешены старинные изорванные штандарты:

зигзаги молнии, символика армии, предшествующей Объединению эпохи. Ниже красовались доспехи, окруженные слабым мерцанием стазиса, — отлично сохранившаяся отполированная силовая броня.

Малькадор предложил Дорну вина, от которого тот отказался, и кресло, на что у примарха не нашлось возражений.

— Я достиг определенного душевного равновесия, — сказал Дорн. — Я понял, чего я боюсь.

Малькадор кивнул. Советник откинул капюшон, и свет заплясал в его длинных белых волосах. Отхлебнув из бокала, Сигиллит предложил:

— Посвятите меня в детали.

— Я не боюсь людей. Ни Хоруса, ни Фулгрима, никого из них. Я боюсь дела, за которое они сражаются. Боюсь узнать причину их враждебности.

— Вы боитесь того, чего не можете понять.

— Точно. Я не могу вообразить, что движет Воителем и его сторонниками. Это что-то совершенно чуждое мне, что-

то не поддающееся осмыслению. Сильная оборона всегда основывается на понимании того, от чего приходится обороняться. Я могу воздвигнуть сколько угодно бастионов, стен и орудийных башен, но я все еще не знаю, против чего мне предстоит сражаться.

— Весьма точно подмечено, — ответил Малькадор. — И справедливо для всех нас. По-моему, даже Император толком не представляет, что заставило Хоруса так неистово выступить против нас. Хотите услышать, что я об этом думаю?

— Хочу.

Малькадор пожал плечами:

— Я считаю, что нам лучше не знать. Понять это — значит понять безумие. Хорус совершенно безумен. В его душе поселился Хаос.

— Вы говорите так, словно Хаос — это... нечто реальное.

— А он и есть нечто реальное. Вас это удивляет? Вы бывали в варпе и наблюдали за его искажающим прикосновением. Это и есть Хаос. Сейчас

он затронул человечество, извратил лучших и достойнейших из нас. Все, что мы можем сделать, — это остаться верными себе и противостоять ему, отвергать его. Пытаться понять Хаос — бессмысленная и опасная затея. В случае успеха он поглотит и нас.

— Я вижу, вы знаете, о чем говорите.

— Кто меньше видит, Рогал Дорн, тот дольше проживет. Просто примите свой страх как должное. Это все, что вам остается. Осознайте, что ваш страх — нормальная реакция здорового человеческого рассудка на источаемое варпом безумие.

— Император тоже в это верит? — спросил Дорн.

— Император это знает. И знает, чего ему не следует знать. Иногда, друг мой, спасение заключается в неведении.

Некоторое время Дорн сидел неподвижно. Малькадор поглядывал на него, пригубливая из бокала.

— Что ж, благодарю вас за то, что уделили мне время, сэр, — в конце концов произнес Дорн. — И за вашу искренность. Я

должен...

— Есть еще кое-что, — перебил его советник.

Он поставил бокал на стол и встал:

— Я хочу вам кое-что показать.

Малькадор пересек комнату и вытащил что-то из ящика антикварного письменного стола. Вернувшись к Дорну, советник разложил это что-то на низком столике между ними.

Дорн открыл рот, но не издал ни звука. Его охватил страх.

— Вы, без сомнения, их узнали.

Перед примархом лежали старые гадальные карты, потрепанные и рваные, полинявшие и запятнанные временем. Малькадор выкладывал их одну за другой.

Младшие Арканы — просто безделушки для игры, однако в Эру Раздора их широко использовали и для предсказания будущего.

— Эту колоду сделали на Нострамо Квинтус.

— Он пользовался ими, — выдохнул Дорн.

— Да. Он полагался на них. Он верил

гаданиям. Он раскидывал карты на судьбу, одну страшную ночь за другой, и наблюдал за тем, что выпадет.

— О Благая Терра...

— Вы в порядке, сэр? — спросил Малькадор, поднимая глаза от карт. — Вы сильно побледнели.

Дорн передернул плечами:

— Курц.

— Да, Курц. Вы о нем забыли или просто подавили воспоминания? Вы ссорились и вступали в поединки со многими из ваших братьев, но только Конрад Курц причинил вам боль.

— Да.

— Он едва не убил вас.

— Да.

— На Шерате. Много лет назад.

— Я помню это достаточно ясно!

Малькадор посмотрел на примарха. Тот вскочил на ноги.

— Тогда садитесь обратно в кресло и расскажите мне — потому что меня там не было.

Дорн послушно сел.

— Это произошло так давно... как

будто в другой жизни. Мы тогда покорили систему Шерата. Это был трудный бой. Дети Императора, Повелители Ночи и тои Кулаки — мы добились Согласия. Но Курц не мог остановиться вовремя. Он никогда не умел остановиться вовремя.

— И вы отчитали его за это?

— Он был настоящим зверем. Да, я упрекнул его. А затем Фулгрим сказал мне...

— Сказал что?

Дорн закрыл глаза:

— Феникс пересказал мне то, что Курц поведал ему: судороги, припадки, которые преследовали Курца со времен его детства на Нострамо. Видения. Курц говорил, что видел Галактику в огне, видел, как наследие Императора повержено в пыль, как Астартес схватились с Астартес. Все это было ложью, оскорблением нашего дела!

— И вы предъявили Курцу обвинение?

— Да, и он напал на меня. Думаю, он меня убил бы. Он сумасшедший. Вот почему, устав от его немыслимой кровожадности, мы изгнали его. Вот

почему он сжег свой родной мир и увел Повелителей Ночи туда, где не светят звезды.

Малькадор кивнул, продолжая раскладывать карты:

— Рогал, Курц и есть то, чего вы на самом деле боитесь, потому что он — само воплощение ужаса. Ни один из примархов не использует страх как оружие, кроме Курца. Вы не боитесь Хоруса и его полоумных еретиков. Вас пугает то, что выступает на их стороне, ужас, который шагает рядом с бунтовщиками.

Дорн откинулся в кресле и выдохнул:

— Он преследовал меня. Признаюсь: все это время Курц преследовал меня.

— Потому что он был прав. Его видения оказались истинными. Он видел приход Ереси. Вы боитесь правды. И сожалеете, что не прислушались к нему.

Дорн взглянул на карты, разложенные на столе:

— А вы, Сигиллит, верите этим гаданиям?

— Давайте посмотрим, — ответил Малькадор.

Одну за другой он перевернул карты: Луна, Мученик и Монстр, Темный Король наискось от Императора.

И последняя карта: Башня Молний.

Дорн застонал:

— Крепость, разбитая молнией. Дворец, дотла сожженный небесным огнем. С меня хватит.

— У этой карты много значений, — возразил Малькадор. — Подобно карте Смерти, она далеко не столь очевидна, как кажется. В ульях Северной Мерики она символизирует крутой поворот судьбы. Для племен Франка и Тали — это знание или свершение, добытое через жертву. Если угодно, проблеск высшей воли, которая переворачивает знакомый нам мир вверх тормашками, но взамен приносит другой, величайший дар.

— Темный Король лег наискось от Императора, — указал Дорн.

Малькадор фыркнул:

— Я бы не назвал это точной наукой, дружище.

* * *

Они пробились через мощные фортификации Халдвани и Шигадзе. Небо пылало огнем. Несмотря на бомбардировки с орбитальных платформ и постоянные рейды «Грозовых ястребов» и «Элоквингов», Легионы предателей продвигались вверх по Брахмапутре, вдоль дельты реки Карнали. Огненный шторм охватил долину Ганга.

Когда они преодолели внешние укрепления дворца, шквал орудийных залпов приветствовал бурлящую, завывающую орду и шагающие боевые машины. Орудия рявкнули с каждой огневой точки Дхавалагири. Лучи лазеров распороли ночь неоновыми нитями, уничтожая все, к чему прикасались. Градом посыпались снаряды. Титаны загорались, взрывались, валились на землю, давя кишащих у их ног солдат. И все же они шли. Режущие лучи ударили в бронированные стены, словно молнии —

молнии, бьющие в башню.

Стены пали. Они обрушились, подобно сходящим с гор ледникам. Облаченные в золотые доспехи тела летели вниз, захваченные потоком.

Дворец пылал. Врата Примус были разрушены; Львиные Врата подверглись атаке с севера; Врата Аннапурны содрогались от ракетных ударов. Наконец мятежники прорвались во дворец через Последние Врата и принялись уничтожать все живое на своем пути. У разбитых Врат грудились тела боевых титанов, которые спотыкались друг о друга в стремлении прорваться внутрь. Толпы еретиков карабкались по их корпусам, текли во дворец, скандируя имя...

— Завершить симуляцию, — приказал Дорн.

Примарх смотрел вниз, на гололитический стол. По его команде вражеские войска отступили отряд за отрядом и дворец начал восстанавливаться. Воздух очистился от дыма.

— Ввести новые параметры: Хорус,

Пертурабо, Ангрон и Курц.

— Оппозиция? — запросила машина.

— Имперские Кулаки, Кровавые Ангелы, Белые Шрамы. Перезагрузка и повтор сценария.

Карта дрогнула. Армии пришли в движение. Дворец загорелся вновь.

— Можешь проигрывать это снова и снова, симуляцию за симуляцией, — произнес голос за спиной Дорна. — Это всего лишь симуляции. Я знаю, что ты не подведешь меня, когда наступит час.

Примарх обернулся.

— Если это будет в моей власти, я никогда не подведу тебя, отец, — проговорил он.

— Тогда не бойся. Не позволяй страху встать у тебя на пути.

* * *

Чего ты боишься? Чего ты на самом

деле боишься?

«Башня Молний, — подумал Рогал Дорн. — Я понимаю ее значение: свершение, достигнутое путем жертвы. Меня пугает лишь то, какой может оказаться эта жертва».

Грэм Макнилл
ТЕМНЫЙ КОРОЛЬ

Там, где прежде был свет, ныне осталась лишь тьма. Горячий, лихорадочный пульс близящейся смерти стучал в его венах, а на губах застыл горький, ожидаемый и все же совсем нежеланный привкус предательства. Он знал, что это произойдет, что таковы неизбежные последствия его наивной веры в чистоту человеческого сердца. Смерть затуманила его чувства. Рот наполнился кровью, ее острый запах щекотал ноздри.

Давно подавленные воспоминания о годах, проведенных в сумрачном мире Нострамо, вспыхнули у него в мозгу с такой четкостью, словно это происходило только вчера. Призрачная ночь, расчерченная шипящими полосами люминофора, отражение переменчивых бликов в мокрых от дождя тротуарах, и люди, затершие от ужаса.

Из этой затхлой тьмы пришли

надежда и озарение, обещание лучшего будущего. Но сейчас надежда была мертва, а огненосное копье будущего пронзало его разум...

...конец мира, и огромное черно-золотое око, наблюдающее за вселенским пожаром...

...Астартес, истребляющие друг друга под багровым небом...

...золотой орел, низвергнутый с небес...

Образы разрушения и всеобщей гибели шествовали перед его внутренним взором, и, не выдержав, он закричал от боли. К нему взывали голоса. Он слышал свое имя, — имя, которым его нарек отец, и еще одно, то, которое шептали его подданные в страшные часы полуночной стражи.

Он открыл глаза, позволяя видениям угаснуть. Нахлынули ощущения реального мира: кровь и жгучие слезы у него на щеках. Он обернулся на звук голосов, повторяющих его имя.

На него уставились испуганные лица, но в этом не было ничего нового. Рты двигались, произнося какие-то слова, но он не мог различить их смысла за

пронзительным визгом статики, заполнившим его мозг.

Что их так напугало? Что за зрелище могло пробудить подобный ужас?

Он посмотрел вниз и понял, что прижимает к палубе другого человека.

Гиганта в рваных золотых одеждах, с белоснежными волосами, испещренными рубиновыми каплями.

Алая бархатная мантия, расшитая золотой нитью, раскинулась под лежащим как расползающееся кровавое пятно.

Мощное загорелое тело. Израненное и истекающее кровью.

Оглядев распростертого под ним изувеченного человека, он поднял руки и сжал кулаки. С пальцев капало красное. В каждой молекуле запекшейся на губах чужой крови он ощущал теплоту и богатство тонов сложнейшего генетического кода.

Он знал этого гиганта.

Его имя давно стало легендой, а непреклонное сердце и боевое искусство не ведали равных.

Раненого звали Рогал Дорн.

Голоса вновь чего-то требовали. Он поднял голову. Говорил воин в золотой броне Имперских Кулаков с черно-белыми знаками различия первого капитана.

Этого воина он тоже знал...

— Курц! — воскликнул Сигизмунд. — Что ты наделал?

* * *

Пустота космоса за армированным стеклом была расцвечена мерцанием далеких звезд. Планеты безвестных систем вращались по отмеренным им от века орбитам, безразличные к человеческим драмам. Что знали живущие под светом этих солнц о системе Шерата и о крови, которая пролилась там во имя Империи Человека?

Курц подавил гнев, вызванный этими мыслями, и всмотрелся в свое отражение. Бесстрастные глаза цвета обсидиана на

бледном, осунувшемся лице казались дырами в черноту космоса за бортом корабля. Длинные волосы столяными прядями падали на широкие плечи примарха. Курц отвернулся от отражения — оно не вызывало никаких чувств, кроме разочарования.

Мрачный взгляд примарха привлек блеск металла: его доспех, хранившийся в затененном алькове у дальней стены. Курц пересек комнату и положил руку на череполикий шлем. Линзы шлема, схожие с драгоценными камнями, поблескивали в неярком освещении, а над висками возносились два черных крыла — острые крылья мстящего ангела ночи. Отполированные пластины доспеха были темны, каковые и пристало иметь примарху Повелителей Ночи. Каждая пластина была точно подогнана к его телу и по краям отделана золотом, отражающим звездный свет.

Отвернувшись от своего боевого доспеха, Курц принялся мерить шагами металлический пол обширной и мрачной комнаты, служившей ему пристанищем.

Массивные стальные колонны поддерживали сводчатый потолок, скрывавшийся во мгле наверху. Гул мощного реактора звездного форта отдавался пульсацией в металле.

Эта эстетика функционального минимализма была характерна для Имперских Кулаков, построивших могущественную орбитальную крепость как базу для операции по покорению Шерата.

Дети Императора устроили традиционный пир в честь успешного завершения кампании еще до того, как прозвучал первый выстрел. При поддержке Легиона Фулгрита и Повелителей Ночи Имперские Кулаки Рогала Дорна сломили оборону воинственной человеческой коалиции, препятствующей победному маршу Империума. После восьми месяцев тяжелых и кровопролитных боев имперский орел воспарил над дымящимися развалинами последнего оплота бунтовщиков. Но если Легион Фулгрита был удостоен почестей и похвал, то поведение Повелителей Ночи вызвало лишь

гнев Дорна.

Среди серебряных развалин Остиума противостояние достигло высшей точки.

Дым погребальных костров окрасил небеса в черный цвет. Курц следил за тем, как его капелланы проводят казнь военнопленных, когда в лагерь заявился Дорн. Худощавое лицо примарха Имперских Кулаков ничего хорошего не предвещало.

— Курц!

Никогда прежде Рогал Дорн не называл его этим именем.

— Брат?

— Трон! Что ты тут вытворяешь? — взорвался Дорн.

Вместо обычного благожелательного тона в голосе его звучала ярость. Фаланга воинов в золотой броне вошла в лагерь следом за своим командиром, и Курц сразу почувствовал разлившееся в воздухе напряжение.

— Наказываю виновных, — бесстрастно ответил он. — Восстанавливаю порядок.

Примарх Имперских Кулаков

затотал головой:

— Это не порядок, Курц, а геноцид. Прикажи своим воинам очистить позицию. Имперские Кулаки берут этот сектор под контроль.

— Очистить позицию? — переспросил Курц. — Разве они — не враги?

— Уже нет, — сказал Дорн. — Сейчас они военнопленные, но вскоре станут мирным населением и гражданами Империума. Разве ты забыл, ради чего Император начал Великий Крестовый Поход?

— Ради завоеваний, — ответил примарх Повелителей Ночи.

— Нет, — возразил Дорн, положив руку в золотой перчатке на наплечник Курца. — Мы — освободители, а не разрушители, брат. Мы несем свет истины, а не смерть. Для того чтобы эти люди признали наше право вершить судьбу Галактики, мы должны проявлять великодушие.

От прикосновения брата Курц брезгливо передернулся: ему противна была эта претензия на дружбу. В душе примарха Повелителей Ночи закипал гнев,

но если Дорн и заметил что-то, то не подал виду.

— Эти люди восстали против нас и должны заплатить за свое преступление, — процедил Курц. — Империуму подчиняются из страха перед наказанием, и ты знаешь это не хуже других. Покарай бунтовщиков, и остальные усвоят, что противостоять нам — значит умереть.

Дорн покачал головой и взял Курца под локоть, чтобы увести подальше от любопытных взглядов.

— Ты не прав, но нам следует обсудить это наедине.

— Нет, — ответил Курц, сердито вырывая руку. — Ты полагаешь, что эти люди смиренно склонятся перед нами после того, как мы проявим сострадание? Милосердие придумано для слабаков и глупцов. Оно приведет лишь к развращению нравов и, раньше или позже, предательству. Держать эту планету под контролем поможет страх перед репрессиями, а не твое великодушие.

Дорн вздохнул:

— А ненависть, доставшаяся

выжившим, будет переходить из поколения в поколение — и так до тех пор, пока планету не охватит война, причину которой не будет знать ни один из сражающихся. Это никогда не кончится, неужели ты не понимаешь? Ненависть порождает лишь ненависть. Невозможно построить Империум на фундаменте, пропитанном кровью.

— Все империи строились на крови, — усмехнулся Курц. — Утверждать обратное — наивно. Верховенство закона не сохранишь слепой верой в человеческую добродетель. Разве мы не достаточно повидали, чтобы понять: мир человечеству можно навязать лишь силой оружия?

— Не верю своим ушам, — пробормотал Дорн. — Курц, что на тебя нашло?

— Ничего такого, чего во мне не было прежде, — ответил Курц.

Отвернувшись от исполинской золотой фигуры, он направился к одному из немногих оставшихся пленников. Ухватив человека за лацканы куртки, Конрад Курц

вздернул его на ноги. Затем примарх подобрал валявшийся на земле болтер и сунул в дрожащие руки пленного. Склонившись над человеком, Курц сказал:

— Давай. Убей меня.

Перепуганный пленник замотал головой. Тяжелое оружие прыгало у него в руках, словно несчастного одолели судороги.

— Нет? — спросил Курц. — Почему нет?

Человек попытался заговорить, но от близости примарха его обуял такой ужас, что невозможно было разобрать ни слова.

— Ты боишься, что тебя убьют?

Пленник кивнул, и Курц обратился к своим воинам:

— Никто не притронется к этому человеку. Не важно, что произойдет, — он не должен понести наказания.

Сказав это, Курц развел руки в стороны, оставляя спину открытой, и пошел обратно к Дорну.

Не успел он сделать и трех шагов, как пленник вскинул болтер и воздух разорвало звуком выстрела. Разрывной

снаряд высек искры, срикошетив от силовой брони Курца, — а примарх, крутанувшись на месте, одним прыжком подскочил к человеку и ударом кулака снес ему голову.

Секунду обезглавленное тело неуверенно пошатывалось, а затем медленно опустилось на колени и повалилось на землю.

— Вот видишь, — сказал Курц, стряхивая с пальцев кровь и обломки кости.

— И что ты этим доказал? — буркнул Дорн. На лице его было написано отвращение.

— То, что, если смертным дать выбор, они всегда выберут неповиновение. Пока этот человек считал, что будет наказан, он не осмеливался выстрелить — но, как только поверил, что убийство обойдется без последствий, тут же нажал на спуск.

— Это был недостойный поступок, — сказал Дорн.

Курц отвернулся прежде, чем тот пустился в дальнейшие объяснения, однако

примарх Имперских Кулаков схватил брата за руку:

— Твои воины прекратят бойню и очистят позицию, Курц. Это не просьба, а приказ. Убирайся с этой планеты. Сейчас же.

Взгляд Дорна был тверже гранита. Примарх Повелителей Ночи достаточно хорошо знал своего брата, чтобы понять, что слишком долго испытывал его терпение.

— Когда эта кампания будет выиграна, нам с тобой придется объясниться, Курц. Ты пересек черту, и я не намерен больше терпеть твои варварские методы. Путь, который ты избрал, — это не путь Империума.

— Возможно, ты и прав... — прошептал Курц.

И он увел с поля боя Повелителей Ночи, чья темная броня превращала их в цепочку теней среди развалин.

* * *

Курц задался вопросом: чем бы закончился их с братом спор, не подчинись он приказу?

Примарх вздрогнул при мысли о кровавых последствиях, которые сулили подобные рассуждения. Чувствуя себя запертым в клетке зверем, он провел рукой по темным волосам — и тут дверь его комнаты, его узилища, скользнула в сторону. Через порог шагнул воин в сверкающей броне цвета ночи. За дверью Курц заметил фиолетовые доспехи стражников из Гвардии Феникса, личной охраны Фулгрима. Золотые алебарды воинов и их плащи из медных чешуек поблескивали в тусклом свете звезд.

Дорн и Фулгрим изрядно постарались, чтобы не дать ему вырваться из заключения.

Наголо обритая голова вошедшего была шишковатой, с матово-бледной кожей. Полуприкрытые тяжелыми веками черные глаза смотрели из-под выпуклого лба, а челюсть резко выдавалась вперед.

Курц приветственно кивнул своему

адъютанту, капитану Шангу, и подозвал его нетерпеливым жестом.

— Есть новости? — бросил Курц в ответ на короткий поклон Шанга.

Тот ответил:

— Повелитель Кулаков выздоравливает, милорд. Не будь он примархом, скончался бы трижды от ран, что вы ему нанесли.

Его командир вновь обратил взгляд к звездам, вращающимся за стенами форта. Курцу не надо было напоминать, насколько тяжелы раны Дорна, — ведь он сам раздирал его тело голыми руками и зубами.

— Теперь, полагаю, я должен дождаться суда своих родственничков?

— Со всем уважением, сэр, но вы действительно пролили кровь брата-примарха.

— И за это они, без сомнения, потребуют заплатить кровью...

Он помнил, как командир Имперских Кулаков ворвался в его покои, кипя негодованием после шератской резни и еще больше взъярившись от слов Фулгрима,

который пересказал Дорну то, что Курц поведал ему по секрету несколькими днями ранее. Припадок, скрутивший Курца, когда Феникс заговорил о событиях на Кемоше, бросил примарха Повелителей Ночи на пол и заполнил его разум жуткими картинами грядущей смерти и неотвратимой тьмы.

Тронутый очевидным участием Фулгрима, Курц доверился брату и рассказал о видениях, преследующих его с самого раннего детства на Нострамо.

Галактика, охваченная войной.

Астартес, обратившиеся против Астартес.

Ожидающая его смерть от отцовской руки...

Бледное орлиное лицо Фулгрима не дрогнуло, однако Курц заметил беспокойство, мелькнувшее в глазах брата. Курц понадеялся, что Феникс сохранит его исповедь в тайне, но, когда Дорн возник на пороге, примарх Повелителей Ночи осознал, что его предали.

По правде говоря, он почти не помнил того, что случилось после брошенных

Дорном обвинений в оскорблении Императора. Настоящее растаяло, и разум его захлестнуло будущее, в котором Галактика полыхала в бесконечной войне, а ксеносы, мутанты и мятежники обгладывали гниющие кости Империума.

Это и есть тот мир, который создавал Император? Вот судьба Галактики, где страх перед наказанием перестал быть контролирующим фактором. Вот что произойдет, если слабым позволят вершить судьбы человечества... И тогда Курц понял, что лишь у одного из примархов достанет решимости вылепить новый Империум из мягкой глины Империума нынешнего.

— Пришло время нам самим определять свой путь, Шанг, — отчеканил Курц.

— Тот поворотный момент, что вы предвидели?

— Да. Мои братья попытаются использовать эту возможность, чтобы от нас избавиться.

— Полагаю, вы правы, сэр, — согласился Шанг. — Согласно моим

источникам, ходят разговоры, и отнюдь не праздные разговоры, о том, чтобы отозвать Повелителей Ночи на Терру и призвать к ответу за наши методы ведения войны.

— Я знал, что так будет. Эти трусы не могут меня убить, поэтому они решили нанести удар с другой стороны и лишить меня Легиона. Понимаешь, Шанг? Они десятилетиями ждали этой возможности. Они просто слабаки и глупцы, у которых не хватает мужества сделать то, что должно быть сделано. Но у меня хватит. О да, еще как хватит!

— Каковы будут наши действия, милорд? — спросил Шанг.

— Пусть Фулгрим и Дорн меня предали, однако в других Легионах у нас еще есть союзники, — ответил Курц. — Но для начала мы должны навести порядок в собственном доме. Скажи, что творится на Нострамо?

— Все, как мы и опасались, милорд, — сказал Шанг. — Правительство регента-администратора Бальтиуса потерпело крах. Коррупция процветает, в развалинах

Нострамо Квинтус правит преступность, и повсюду царит беззаконие.

— Тогда не следует терять времени. Пока эти недоумки пытаются решить мою судьбу, словно я какой-то лакей, которого можно отчитать за разбитую чашку, мы будем действовать.

— Каковы ваши распоряжения, сэр?

— Готовьте корабли, капитан, — ответил Курц. — Мы возвращаемся на Нострамо.

— Но вас приказано держать под стражей, милорд, — заметил Шанг. — Ваши покои охраняют Гвардейцы Феникса и Храмовники Дорна.

Курц криво ухмыльнулся:

— Предоставь это мне...

* * *

Курц извлек из затененного алькова последнюю деталь доспеха и поднял над

головой. Повернувшись к двери, он надел череполикий шлем. Когда нижний край шлема соприкоснулся с воротом доспеха, раздалось шипение сжатого воздуха. Угол зрения чуть изменился, и восприятие сделалось четче. Курц слился с тенями, наводнившими тускло освещенную комнату.

Он замедлил дыхание и мысленно ощупал окружающее пространство. Темнота стала для примарха другом после долгих лет, проведенных под ее черным покровом на городских улицах, где он выслеживал отверженных и преступивших закон. На секунду узник ощутил сожаление, что дело дошло до такого, но яростно подавил это чувство. Сомнения, раскаяние и нерешительность — удел слабых, а не Конрада Курца.

Дыхание примарха стало глубже, а тени вокруг обрели собственную жизнь.

Курц почувствовал силу тьмы — холодную сноровку охотников и ночных тварей, убивавших под ее сумрачным пологом. Смертоносные инстинкты, взлелеянные тысячей битв, достигли

сейчас немыслимой остроты и верно ему послужат.

Примарх раскинул руки, и взрывная волна психической энергии выплеснулась наружу. Флюоресцентные трубки под потолком лопнули одна за другой, рассыпав ливень сверкающих искр. Дождь из разбитого стекла зазвенел по металлической палубе.

Шипящие силовые кабели сорвались с потолка и сердитыми змеями заплясали по полу, испуская голубые дуги электрических разрядов.

На главном дисплее мигнул красный огонек тревоги. В открывшуюся дверь упала полоска света, и на пороге возникли силуэты полудюжины воинов в доспехах.

Не дожидаясь, пока свет коснется его, Курц прыгнул вверх, ухватился за выступающую из ближайшей колонны арматуру и скрылся во мраке. Обхватив колонну ногами, он принялся карабкаться выше. Стражники рассыпались по помещению, выставив перед собой алебарды.

Курц слышал, как воины выкрикивают

его имя и как эхо умножает их голоса.

Одно движение мускулов, и он уже был в воздухе — невидимая, смертоносная тень. Суетившиеся внизу воины полагались на тепловизоры шлемов, но никакие приборы не могли сравниться с ночным зрением примарха. Там, где другие видели лишь свет и мрак, Курц различал мириады оттенков и полутонов, скрытых от тех, чье сердце никогда не билось в такт с темным сердцем полуночи.

Один из космодесантников Гвардии Феникса стоял прямо под ним, оглядывая комнату в поисках ее пропавшего обитателя и не догадываясь, что смерть затаилась в тенях наверху.

Курц закрутился вокруг колонны, спускаясь по спирали и отставив руку в сторону, как клинок. Стальная плоть примарха с легкостью взрезала ворот доспеха, и голова воина покатилась по полу. Не успело обезглавленное тело упасть, как Курц уже исчез, растворившись среди теней.

Когда его тюремщики сообразили, что узник находится среди них, по

комнате прокатились тревожные крики. Узкие лучи фонарей бешено заметались, пытаясь нащупать убийцу. С проворством, выработанным десятилетиями охоты на людей, Курц незримо скользил между лучами.

Еще один воин рухнул на пол с развороченной грудью. Кровь толчками била из разорванных артерий, как вода из дырявого шланга. Тьму прорезали болтерные очереди. Венчики огня расцвечивали дула при каждом выстреле, которым стражники пытались достать невидимую мишень. Но их цель оставалась неуловимой: куда бы тюремщики ни стреляли, Курца там уже не было. Призраком-убийцей он летел сквозь мрак, легко находя дорогу между болтерными снарядами и неистово рассекающими воздух клинками.

Один из Храмовников Дорна попятился к пятну света у двери, и Курц скользнул за ним, двигаясь с невозможной для воина в доспехах беззвучностью. Никогда прежде не испытанное чувство бурлило в его крови, и, осознав, что это за

чувство, Курц ощутил восторг.

Несмотря на опрометчивое заявление Жиллимана, Астартес могли испытывать страх...

И страх этот оказался истинной драгоценностью. Ужас смертных был жалок, трясок и вонял потом, но этот... этот был молнией, заключенной в кремне.

Курц подскочил к Храмовнику, одному из отборных солдат Дорна.

Ветеран или нет, тот умер так же, как и любой другой, — в крови и смертной муке.

— Во мраке таится смерть! — выкрикнул Курц. — И она знает ваши имена.

Вокс-канал шлема заполнили отчаянные просьбы о подкреплении, но технически превосходящая система брони примарха легко их заглушила. Курц вновь взвился в воздух, перемещаясь из тени в тень.

— Никто не придет, — посулил он. — Вы все умрете здесь.

В ответ на слова примарха рявкнули новые залпы — воины не оставляли

попыток нащупать его теневое логово.

Но Курц был полновластным владыкой тьмы — и не важно, какие приборы или источники света пытались использовать его противники, они были заведомо обречены. Трое выживших — Храмовник и два космодесантника из Гвардии Феникса — отступали к двери. Стражники уже поняли, что не сумеют победить в этом бою, но все еще наивно полагали, что из поединка с Конрадом Курцем можно выйти живыми.

Рассмеявшись от чистой радости преследования — удовольствия, забытого им за отсутствием достойной добычи, — Курц взметнулся в воздух и приземлился среди своих жертв.

Пробив кулаком доспех первого Феникса, Курц выдернул его позвоночник сквозь дыру. Отбросив в сторону окровавленный труп с торчащими из раны обломками кости, Курц подхватил алебарду стражника и бросился на пол в тот момент, когда остальные обернулись на предсмертный вопль товарища.

Прежде чем те успели что-нибудь

предпринять, Курц взмахнул алебардой, описав круг диаметром в два человеческих роста. Энергетическое лезвие вспороло силовую броню, плоть и кость. Остро запахло озоном и гарью.

Оба воина повалились на палубу, воя от боли и дергая кровавыми обрубками ног. Отшвырнув алебарду, Курц блокировал удар упавшего гвардейца Феникса. Выдрав оружие из его рук, примарх сломал древко пополам и всадил острые обломки в грудь противника.

Храмовник гневно зарычал и сумел откатиться в сторону прежде, чем Курц обрушился на него. Примарх выдернул алебарду из перчатки космодесантника и одним коленом придавил его грудь, а другим — левую руку.

Воин сжал правый кулак для удара.

Курц ухватил его за предплечье и вырвал кость из сустава.

Внезапно одна за другой с гудением и треском реле загорелись лампы аварийного освещения. Резкое белое сияние затопило комнату, изгнав тени.

Там, где была тьма, остался лишь

свет.

То, что прежде было тюрьмой, превратилось в бойню.

Кровь забрызгала стены и дверь, а пол усыпали безголовые, безрукие и безногие, разорванные на части тела.

При виде сцены побоища Курц улыбнулся. В эту секунду человек, в чьей шкуре он прятался с того дня, когда впервые преклонил колени перед отцом, перестал существовать. Ненужная маска спала.

Больше он не был Конрадом Курцем.

Отныне он стал Ночным Призраком.

* * *

Ночной Призрак перевернул последнюю карту и сжал зубы. Опять знакомый расклад. В стратегиуме флагманского корабля царила тьма, лишь кое-где перемежаемая голубыми

отблесками консолей и гололитических дисплеев. Примарх Повелителей Ночи не обращал внимания ни на то, что творилось вокруг, ни на давящее чувство ожидания, исходившее от каждого члена команды.

На тускло светящейся панели перед ним лежала колода потрепанных карт. Их углы загнулись и вытерлись от долгих лет использования. Всего лишь салонная игра, которой забавлялись праздные богатеи в Нострамо Квинтус, — и лишь позже примарх обнаружил, что до наступления Древней Ночи разновидности этих карт использовались племенами франка и жителями ульев Мерики для гадания.

Очевидно, карты соответствовали социальным кастам тех времен. Колода разделялась на четыре масти: воины, жрецы, торговцы и рабочие. В старину считалось, что по раскладам Младших Арканов можно прочесть будущее, — но в нынешней пресной, пораженной безверием Галактике этот обычай давно вышел из моды...

Что не отменяло один любопытный факт: как бы тщательно он ни перетасовывал карты и сколько бы раз ни раскидывал их на полированном стекле панели, расклад оставался все тот же.

Луна, Мученик и Монстр по вершинам треугольника. Перевернутый Король у ног Императора с одной стороны расклада, а с другой, и тоже перевернутый, Голубь, — по утверждениям знатоков, эта карта символизировала надежду. Последнюю, верхнюю карту он только что выложил. Эта карта мало изменилась за прошедшие столетия, и ее значение, несмотря на нередкие ошибочные толкования, оставалось несомненным.

Смерть.

Услышав шаги, он оглянулся и увидел приближающегося капитана Шанга, в боевой броне и черной церемониальной мантии из блестящего патагиума. Распростертые крылья его шлема обрамляли маску — череп ксеноса, с длинными клыками нижней челюсти, защищавшими горло владельца.

На экране за спиной адъютанта

медленно поворачивался разноцветный шар Нострамо. Серую планету окутали плотные облака ядовитого дыма, а в разрывах туч проступала гнойная желтизна и бурые пятна проказы. Тенебор, радиоактивный спутник Нострамо, заплывшим глазом смотрел сквозь кроваво-красную корону угасающего солнца системы.

— В чем дело, капитан? — спросил Ночной Призрак.

— Новости от астропатов, милорд.

Его командир безрадостно хмыкнул:

— Мои братишки?

— Похоже, что так, милорд, — ответил Шанг. — Астропаты чувствуют мощную телепатическую волну, которая указывает на приближение большого флота из Эмпиреев.

— Дорн, — констатировал Ночной Призрак, возвращаясь к картам.

— Без сомнения. Каковы будут ваши приказы, милорд?

Еще раз взглянув на мир своей юности, Ночной Призрак почувствовал, как в нем закипает привычный гнев — словно

раскаленная магма под хрупкой коркой умирающей планеты.

— Когда-то Нострато был образцом покорности, — сказал примарх. — Его население жило в мире из страха перед суровым наказанием, которому я бы подверг любого, нарушившего установленный мной закон. Каждый гражданин знал свое место и знал, что совершить преступление равносильно смерти.

— Я помню, милорд.

— И теперь мы возвращаемся к этому... — прорычал Ночной Призрак.

Он смел карты с панели, и под ними обнаружились бегущие строки сводок.

— Каждые одиннадцать секунд — убийство, каждые девять секунд — изнасилование, количество тяжких преступлений растет по экспоненте каждый месяц, количество самоубийств удваивается за год. Еще через десять лет от созданного мной законопослушного мира не останется и следа.

— Избавившись от страха наказания, люди возвращаются к самым первобытным

инстинктам, милорд.

Ночной Призрак кивнул:

— Перед нами окончательное доказательство того, Шанг, что вера Императора в человеческую добродетель — худшая из глупостей.

После минутной заминки Шанг произнес:

— Это значит, что вы собираетесь привести свой план в действие?

— Конечно, — ответил Ночной Призрак, глядя на обреченный мир. — Только самые крайние меры могут продемонстрировать нашу решимость. Нострамо для нас отныне мертв. Час расплаты пробил...

Примарх прошагал по центральному проходу стратегиума и остановился у экрана с изображением Нострамо. Луна к этому времени полностью выкатилась из-за темного тела планеты, и ее отраженный свет блеснул на обшивке кораблей звездного флота Повелителей Ночи. Полсотни судов выстроилось в боевом порядке над воспаленным, кипящим котлом извилистых улиц и изъязвленных

проказой преступности дворцов Нострамо Квинтус.

Далеко внизу, на поверхности планеты, зияла огромная рана — глубочайшая пропасть, оставшаяся в планетарной коре с момента огненосного прибытия примарха. Выбравшись из этой адской бездны, он познал такие страдания, каких другие не могли и вообразить. Пытка мучительного взросления еще больше усугублялась изводившими его с самых ранних лет видениями собственной смерти.

А братья все никак не могли понять, отчего владыке Повелителей Ночи неведома радость жизни...

Позади себя он услышал шум. Еще до того, как было произнесено хоть слово, Ночной Призрак ощутил шестым, недоступным его подчиненным чувством давящее присутствие вынырнувшей из Эмпиреев армады.

— Слишком поздно, братья, — прошептал он. — Я уйду прежде, чем вы сможете меня остановить.

В последний раз взглянув на

Нострамо, Ночной Призрак приказал:

— Всем бортам: открыть огонь!

* * *

Сверкающие копья ослепительно-белого света, исторгшиеся из бесчисленных батарей, вонзились в планету. Переплетаясь и многократно умножая свою мощь, энергии тысячи плененных звезд слились в световой столб, диаметром превосходящий величайшую из башен Нострамо Квинтус.

Этот небывалый луч рассеял окутавшую Нострамо тьму. В небесах полыхал огонь — ужасный жар бомбардировки поджег воздух на много километров вокруг.

Ослепительное энергетическое копье пробило адамантиевую корку Нострамо, пройдя сквозь древнюю скважину, оставленную прибытием примарха.

Невообразимая энергия прорывалась через литосферные слои, пока не достигла ядра, — и планета сгинула в пламени сокрушительного взрыва, равных которому в Галактике бывало не много.

* * *

Ночной Призрак с холодной отстраненностью наблюдал за гибелью Нострамо. Чудовищность свершенного облекла примарха темным саваном. Как ни странно, он не почувствовал ожидаемого груза вины. Глядя на то, как раскалываются тектонические плиты и как раскаленная магма вырывается на поверхность, сжигая землю и воспламеняя воздух, он ощущал лишь огромное облегчение.

Прошлое умерло — а Ночной Призрак доказал, что принципы, исповедуемые им, не пустые слова. Гром этого взрыва

сотрясет Империум и привлечет внимание тех, кто, подобно ему, осознает, что для сохранения человечества в Галактике необходимы жертвы.

Нострамо внизу полыхал, и Ночной Призрак изрек следующее:

— Я беру на себя бремя этого зла и не убоюсь его, ибо я — воплощенный страх...

---

notes

Примечания

Кто будет сторожить стражу? (лат.)

Тавромахия (греч.) — бой быков.

Шигамса — город в Тибете.

Fidelitas lex — Верный закону (лат.).